

**РОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
NATIONAL LIBRARY OF RUSSIA**

**ОТДЕЛ ВНЕШНЕГО ОБСЛУЖИВАНИЯ
DEPARTMENT OF EXTERNAL SERVICE**

**191069, РОССИЯ, С.-Петербург, Садовая ул., 18
18, Sadovaya st., St.Petersburg, 191069, RUSSIA**

**начало
start**

Заказ № 876/10 Дата 23.03.05

Микропленка 1 экз. ПОЗИТИВ экз.

Фотопечать по экз. формат

Снимать стр.

Все

Наименование или Смернова С.И.
шифр издания

У пристани. СПб., 1880

Исполнитель

БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ НЕ ВОСПРОИЗВОДИТЬ

Not to be reproduced without permission

У ПРИСТАНИ

У ПРИСТАНИ

РОМАНЪ

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

С. И. Смирновой

Жизнь есть комедія для человека
мыслящаго и трагедія для того, кто
живетъ чувствомъ.

Горасъ Вальполь

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ИЗДАНИЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

1880

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

— А у васъ славно тутъ! настоящая деревня! говорилъ господинъ въ сѣрой лѣтней парѣ, въ лаковыхъ ботинкахъ и съ пледомъ на рукѣ, остановившись передъ простой крестьянской избой, которую за сто рублей въ лѣто нанимали его знакомые.—Славный уголокъ! Это не роскошно, но очень мило.

Онъ посмотрѣлъ на придѣланный сбоку и обтянутый парусиной балконъ, на маленькую клумбочку передъ окнами, въ которой видно было много стараній, но пока еще ни одного цвѣтка, и опять похвалилъ дачу.

— Отличный уголокъ! какъ-то чувствуешь, что тутъ хорошо живется.

Онъ толкнулъ калитку палисадника, чуть не раздавилъ кинувшихся ему подъ ноги цыплятъ, съ пискомъ бѣжавшихъ за своей матерью, и крѣпко пожалъ руку

вышедшей ему навстрѣчу блондинѣ въ бѣломъ накрахмаленномъ платьѣ и въ черныхъ митенкахъ на открытыхъ по локоть рукахъ.

— Какая вы парадная! замѣтилъ онъ, окидывая ее быстрымъ взглядомъ, тѣмъ самымъ зоркимъ, скользящимъ взглядомъ, которымъ онъ въ одинъ моментъ успѣлъ осмотрѣть всю дачу, отъ узенькой дерновой скамеечки подъ окнами и до бѣлой заплаты на крышѣ, гдѣ по самой серединѣ была вложена совсѣмъ новая, блестящая на солнцѣ доска. Отъ него не ускользнуло ни разбитое стекло въ верхнемъ окнѣ, гдѣ у хозяевъ былъ, вѣроятно, чердакъ, а дачники сдѣлали себѣ комнату, ни протянутая отъ балкона черезъ дворъ веревочка съ сушившимися на ней мокрыми простынями, ни чья-то вдругъ бросившаяся подъ навѣсъ не совсѣмъ, кажется, одѣтая фигура. Онъ видѣлъ все это очень хорошо, хотя и имѣлъ такой видъ, какъ будто смотрѣлъ только на фасадъ дачи и на блондинку въ бѣломъ платьѣ.

— Славный уголокъ! я вамъ просто завидую! повторилъ онъ.—Скажите мнѣ, однако, отчего вы такая нарядная? У васъ, можетъ быть, гости? спросилъ онъ вдругъ испуганно...

— Ахъ, нѣтъ! что вы! Какіе у насъ гости...

Онъ недовѣрчиво посмотрѣлъ на нее.

— Я не желалъ бы новыхъ знакомствъ. Я такъ усталъ отъ нихъ, что шелъ къ вамъ именно отдохнуть. Я шелъ побесѣдовать съ вами и съ вашей сестрой. Какъ здоровье вашей сестры? О вашемъ я не спрашиваю—я вижу, что вы цвѣтете.

— Нина здорова, мерси. Она, кажется, гуляетъ. Хотите пойти къ ней на встрѣчу?

— Нѣтъ! посидимте лучше здѣсь. У васъ здѣсь такъ хорошо.

И, не дожидаясь ея согласія, онъ сѣлъ на дерновую скамью, положилъ около себя свой плащъ и снялъ шляпу, открывая темную шапку остриженныхъ подъ гребенку волосъ, низкій лобъ съ сильно развитой костью и съ острой морщиной, перерѣзывавшей его поперекъ. Небольшие глаза сидѣли такъ глубоко, что трудно было опредѣлить ихъ цвѣтъ, и только по ихъ беспокойному блеску можно было угадать, какая работа кипѣла внутри. Всѣ черты его были крупныя, даже тупыя, выточенные не рѣзцомъ художника, а простымъ русскимъ косаремъ. Его широкій, чисто русскій носъ имѣлъ только одну особенность: почти постоянно раздувающимися ноздри; эти ноздри и тонкія, ироническія губы, которымъ онъ умѣлъ придавать иногда сантиментальное выраженіе, заставляли какъ-то забывать общую грубоватость лица. Въ его сложеніи было также что-то топорное: низкій, широкій костью, онъ умѣлъ, однако, хорошо одѣваться, отъ чего казался и выше, и лучше сложенъ.

— Ну, что, мой другъ, довольны ли вы своей судьбой? спросилъ онъ, оборачиваясь къ блондинкѣ, которая сидѣла какъ на угольяхъ, не зная, чѣмъ его занять. Она его просто боялась; боялась его взглядовъ, его морщины на лбу, его ироніи и свободныхъ манеръ. Тѣ минуты, которыя ей приходилось проводить съ нимъ съ глазу на глазъ, были для нея мученіемъ. Она не умѣла занимать его, какъ ея сестра, которая въ

разговорахъ съ нимъ проводила цѣлыя часы. Ея не ободрялъ даже и шутливый, слегка покровительственный тонъ его, когда онъ говорилъ ей: „мой другъ!“ или: „дитя мое!“ Такое обращеніе казалось ей даже страннымъ: ей было двадцати семи лѣтъ, и вдругъ онъ называетъ ее: „дитя мое!“

— Вы не можете себя представить, какъ здѣсь хорошо! продолжалъ онъ, вынимая изъ кармана портсигаръ и доставая оттуда папиросу.

— Вамъ спички? спросила она стремительно, радуясь случаю уйти хоть на минутку.

— Нѣтъ, мой другъ, нѣтъ! сидите! спички со мной. Чувствуете ли вы, какъ здѣсь легко дышется!

— Да, здѣсь хорошій воздухъ, сказала она тоскливо.

— Еслибы мнѣ дали возможность одинъ мѣсяцъ подышать такимъ воздухомъ, я бы набрался силы на цѣлый годъ.

— Развѣ вы не будете жить на дачѣ?

Онъ вздохнулъ.

— Къ сожалѣнію, нѣтъ. Дѣла такъ сложились, что я не могу выѣхать изъ города. У меня слишкомъ много работы. Я долженъ буду все лѣто дышать петербургской пылью.

— Но вѣдь это ужасно! сказала она, чтобы только что-нибудь сказать.

— Что дѣлать! Жизнь не балуетъ меня. Я почти къ этому привыкъ. Но довольно обо мнѣ. (Онъ смѣнилъ печальное выраженіе на радостное). Будемъ говорить объ васъ. Я радуюсь за васъ, что вы такъ мило устроились.

„Очень мило!“ подумала она, глядя на разбитое стекло

въ окнѣ и на чердакъ, гдѣ онѣ спали съ сестрой. „Очень мило, вонъ даже и бѣлье забыли снять съ веревки. Что это онъ намъ точно милостыню подаетъ своими похвалами? Самъ ѣздитъ къ разнымъ князьямъ на дачи, а потомъ, чтобы не обидѣть насъ, хвалитъ нашу избу... Слава Богу, кажется, сестра идетъ“.

— Нина идетъ! сказала она вслухъ и поднялась со скамейки.

Гость тоже поднялся и поднесъ къ глазамъ висѣвшее у него на черномъ шнуркѣ пенсне. По деревнѣ шла высокая, бѣлокурая дѣвушка съ распущеннымъ зонтикомъ, закрывавшимъ ея лицо. Она очень неловко подобрала свои юбки, изъ-подъ которыхъ видны были ея ноги въ кожаныхъ, узкихъ сапогахъ. Рядомъ съ ней шелъ господинъ неопредѣленныхъ лѣтъ, длинный и худой, въ фуражкѣ и съ березовымъ сукомъ, вмѣсто трости, въ рукѣ. При видѣ его, какое-то облако спустилось на лицо петербургскаго гостя, смотрѣвшаго въ лорнетъ.

— Другъ мой! обернулся онъ къ блондинкѣ. — Зачѣмъ же вы мнѣ сказали, что у васъ никого нѣтъ?

— Ахъ, это—Платонъ Николаичъ! Я не знала, что онъ будетъ. Его, вѣрно, Нина дорогой встрѣтила.

Гость остановился въ нерѣшительности.

— Я лучше зайду къ вамъ другой разъ, сказалъ онъ.

— Нѣтъ! нѣтъ! перебила она стремительно. — Нина будетъ очень жалѣть... Нѣтъ, пожалуйста!

Онъ все съ той же нерѣшительностью глядѣлъ на дорогу, какъ бы соображая, есть ли еще время уйти. Но, должно быть, сообразилъ, что уйти незамѣченнымъ нельзя, и покорно остался.

— Я могу еще пробыть у васъ четверть часа, замѣтилъ онъ, вынимая часы.—Мнѣ нужно еще непремѣнно быть въ одномъ мѣстѣ и съ послѣднимъ поѣздомъ вернуться въ городъ. Четверть часа! никакъ не больше, повторилъ онъ, направляясь къ калиткѣ, на встрѣчу возвращавшейся хозяйкѣ.

II.

Нина Огнева была суровая блондинка, съ маленькой точкой румянца на выдающихся скулахъ и съ большими сѣрыми, непривѣтливыми глазами, какъ будто ожидавшими какого-то невидимаго врага. У ней были характерныя, крупныя губы съ выраженіемъ непреклонной рѣшимости, большія, почти мужскія руки и толстыя косы, издали казавшіяся сѣдыми. Корсета она не носила, но казалась хорошо сложенной. Подъ ея грубымъ синимъ бумажнымъ платьемъ чувствовалось крѣпкое, здоровое сложеніе. Она была такъ же высока и бѣлокура, какъ сестра, но въ лицѣ сестры было что-то болѣзненное, изможденное, съ ея впалыхъ щекъ давно сбѣжали краски, у нея каждый мѣсяцъ бывали флюсы и головныя боли, она всю жизнь свою возилась съ утюгами и съ французскими учебниками, составляя какое-то руководство, которое не хотѣли принять ни въ одномъ учебномъ заведеніи. Сестра Лиза считала себя отжившей и удивлялась, когда кто-нибудь говорилъ ей о замужествѣ. Нина только еще собиралась жить, въ ея глазахъ горѣлъ сжигавшій ее внутренній огонь; она была сосредоточена, молчалива, сурова въ обращеніи;

она любила и искала уединенія, но, конечно, ужъ не отъ усталости жизнью и не отъ того, чтобы хотѣла покоя. Лиза была застѣнчива, всегда боялась сдѣлать какую-нибудь неловкость и въ двадцать семь лѣтъ краснѣла, какъ макъ. Нина не краснѣла, а только блѣднѣла отъ волненія и никого не конфузилась, хотя и не любила новыхъ лицъ. Общаго у сестеръ было только одно—что обѣ онѣ дурно и безвкусно одѣвались; но при этомъ Лиза была аккуратна до педантичности, съ утра надѣвала корсетъ и не могла приняться ни за какое дѣло, если видѣла, что отпоролась пуговица у платья, а Нина кое-какъ чесалась и не замѣчала, что на ней надѣто.

При видѣ гостя, съ которымъ такъ томилась ея сестра, Нина Огнева остановилась, опустила зонтикъ и молча, улыбаясь, кивнула ему. Павелъ Левицкій былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, съ которыми она не скучала и которыхъ ждала съ тайнымъ удовольствіемъ. Она считала его самымъ умнымъ и образованнымъ изъ всѣхъ своихъ знакомыхъ и была о немъ такого высокаго мнѣнія, что Лиза, внутренно его не любившая, никогда не рѣшалась говорить объ этомъ, зная, что сестра твердо держится своихъ мнѣній и что противорѣчить ей было бы бесполезно. Притомъ, что же она могла сказать ей? Она почти его не знала: слышала только смутно, что онъ занимаетъ хорошее мѣсто гдѣ-то въ министерствѣ, что онъ принятъ въ аристократическихъ домахъ и по горло заваленъ работой. Два или три раза она встрѣтила его въ коляскѣ съ какими-то незнакомыми ей дамами; разъ она видѣла его въ театрѣ, почтительно разговаривающимъ съ однимъ очень высоко-

поставленнымъ лицомъ. Но этимъ и ограничивались почти всѣ ея свѣдѣнія. Узнать о немъ что-нибудь стороною отъ знакомыхъ—Лиза не могла. Они жили очень замкнуто и знакомствъ почти не имѣли. Къ отцу ходили разные старые литераторы, но всѣ они были высохшіе, желтые, недовольные, и ничѣмъ, кромѣ своихъ сочиненій, не интересовавшіеся; приходили всегда по дѣлу, сидѣли недолго и, уходя, сердито озирались. У брата рѣдко кто-нибудь бывалъ, потому что его самого по цѣлымъ днямъ не было дома.

Съ Левицкимъ они познакомились на дачѣ, годъ тому назадъ. Съ перваго же свиданія онъ поразилъ сестеръ своимъ умѣньемъ обо всемъ красиво и умно говорить и завоевалъ сердце отца, пустившись съ нимъ въ разсужденія объ его сочиненіяхъ, которыя онъ, оказалось, всѣ читалъ и очень высоко цѣнилъ. Онъ былъ нѣсколько холоднѣе съ братомъ ихъ, говорившимъ обо всемъ съ апломбомъ ранней молодости, но и того онъ внимательно выслушивалъ, лишь слегка оспаривая какую-нибудь сказанную имъ большую глупость. Онъ, человекъ извѣстный своими трудами въ разныхъ законодательныхъ комиссіяхъ, такъ снисходительно вступалъ въ споръ съ начинающимъ студентомъ и такъ просто доказывалъ ему, что онъ въ этомъ дѣлѣ ничего не смыслитъ и ни одного сочиненія по этому предмету не читалъ, что всѣмъ присутствующимъ становилось какъ-то неловко, и самъ студентъ, наконецъ, начиналъ чувствовать всю глупость своего положенія.

Но никого не стѣснялъ такъ Левицкій, какъ Лизу. При немъ она никогда не чувствовала себя свободной: ей вдругъ и платье становилось узко, и башмаки тѣсны,

и сидѣть было неловко. Она все боялась сказать что-нибудь невпопадъ. Особенно смущалъ ее тотъ пытливый взглядъ, которымъ онъ осматривалъ ея туалетъ. Она знала, что онъ бываетъ въ домахъ, гдѣ женщины одѣваются хорошо, знала, что онъ любитъ хорошій туалетъ, и ей всегда казалось, что онъ смотритъ на ея кожанныя туфли, которыя она купила въ гостиномъ дворѣ за два рубля.

Ея величайшимъ счастьемъ были тѣ дни, когда Левицкій вдругъ пропадалъ. Онъ то ходилъ къ нимъ каждый день, а то по мѣсицу не показывалъ глазъ, присылая только коротенькія записочки о томъ, что онъ чрезмерно или жестоко занятъ. Записки эти адресовались всегда къ Нинѣ, и Лиза узнавала о нихъ только потому, что въ концѣ стояла приписка: „Какъ здоровье нашего милаго друга?“

Разъ она съ большими усиліями написала ему двѣ строчки, которыя, впрочемъ, тутъ же и разорвала, находя, что онѣ не то выражаютъ, что она хотѣла сказать. Сочинить письмо къ нему казалось ей дѣломъ нелегкимъ. Она никакъ не могла понять, какъ это сестра умѣла писать къ нему на цѣлыхъ листахъ. О чемъ? думала она съ удивленіемъ.

— Вы насъ совсѣмъ забыли! говорила Нина, отвѣчая на крѣпкое пожатіе Левицкаго, который не безъ удовольствія смотрѣлъ на ея загорѣлое, молодое лицо.

— Другъ мой! я былъ ужасно занятъ. Я едва могъ выбрать минутку, чтобы посмотреть, какъ вы устроились. Я и теперь не надолго, прибавилъ онъ поспѣшно.

На поклонъ высокаго господина въ фуражкѣ онъ отвѣчалъ молча.

— Вы знакомы? спросила Нина. — Мужъ моей сестры—Платонъ Николаичъ Козловъ.

— Я имѣлъ удовольствіе встрѣчаться, сказалъ Левицкій вѣжливо, но сухо, и тотчасъ же обратился къ дамамъ.

— Что же это, господа! замѣтила Нина.—Пойдемте чай пить. Что же мы тутъ стоимъ!

— Не сюда! шепнула ей Лиза, видя, что она направляется къ балкону, гдѣ висѣли мокрыя простыни. Она сама пошла впередъ и повела за собой Козлова, показывая ему, гдѣ она посадила огурцы. Она нарочно говорила громко и прибавила шагу; сестра ея шла позади съ Левицкимъ.

— И вы могли думать, что я васъ забылъ? говорилъ онъ тихо.

— Я не видала васъ цѣлый мѣсяцъ!

— Ни одного дня не проходило, чтобы я не вспомнилъ объ васъ. Сколько разъ, сядя за работу, я говорилъ себѣ: что-то подѣлываютъ мои дѣвочки? Мысленно я былъ здѣсь съ вами. Мнѣ было ужасно тяжело это время. Работа просто одолеваетъ меня. Я дѣлаюсь, наконецъ, какимъ-то ремесленникомъ. Я работаю на заказъ и на срокъ. Я теперь обозная лошадь, на которую навалили столько, сколько она въ силахъ свезти, и погнали вскачь по шоссе. Такая скачка долго продолжаться не можетъ... Ахъ, да еслибы только это! Работать еще можно, когда другія условія жизни сносны, а когда при этомъ еще отвратительная обстановка, неприятности со всѣхъ сторонъ...

— У васъ! неприятности? повторила Нина.

— Сотни! не помню дня, когда бы я былъ спокоенъ. Вы знаете, что, кромѣ васъ, у меня нѣтъ въ настоящую минуту никого, съ кѣмъ бы я могъ подѣлиться своими мыслями. У меня, есть, пожалуй, друзья, или, по крайней мѣрѣ, называющіе себя моими друзьями.... У меня есть мать, наконецъ, но... не будемъ говорить объ этомъ.

Она вопросительно взглянула на него.

— Я люблю свою мать, продолжалъ онъ мрачно:— я, къ несчастію, люблю ее, но она за мою любовь платитъ мнѣ только равнодушіемъ. Она старается показать мнѣ, что любитъ меня... Она, должна это дѣлать, по многимъ соображеніямъ, но у нея есть сынъ, котораго она любитъ: это—мой братъ.

Нина часто слыхала отъ него объ этомъ братѣ, какъ о существѣ безсердечномъ и легкомысленномъ, о которомъ нельзя говорить безъ сожалѣнія и безъ нѣкотораго тайнаго раздраженія. Но первый разъ она слышала отъ него такой отзывъ о матери.

— Это, конечно, между нами! прибавилъ онъ поспѣшно.—Хотя вы и лучший мой другъ, но все-таки... я не долженъ бы говорить объ этомъ... Да, что дѣлать! Это слишкомъ накипѣло на душѣ. Я столько вижу несправедливости, что, право, иногда становится не подъ силу. Еслибъ не сознаніе, что жизнь есть печальный долгъ...

Онъ остановился.

— Что же тогда? спросила она тихо.

— Конечно, я не сталъ бы ломать эту комедію.

У пристани.

Чѣмъ ждать глупаго конца, не лучше ли остановиться на первомъ актѣ?

— Такъ ли? остановила она его. — Не вы ли мнѣ сами говорили, что искать такого конца—малодушіе?

— Я и теперь то же говорю. Да, это—малодушіе... Но развѣ я не могу быть малодушнымъ? Развѣ вы думаете, что я такой сильный человѣкъ?

Нина тихо пожала ему руку.

— Что вы дѣлаете? вы топчете огурцы вашей сестры! крикнулъ ей вдругъ Козловъ.

Она въ одно мгновеніе спустилась съ облаковъ. Тутъ только она замѣтила, что они идутъ по грядамъ и что Лиза съ ужасомъ смотритъ на нихъ.

— Что это вы? встрѣтилъ ихъ старикъ, сидѣвшій съ книгой подъ березками.—Въ огурцы попали?

Онъ снялъ очки, положилъ ихъ на книгу и всталъ, расправляя свою сгорбленную спину. Его потухшіе глаза смотрѣли какъ-то тускло, но въ сухихъ, впалыхъ щекахъ и въ широкихъ, какъ бы вырванныхъ ноздряхъ чувствовалась сила дикаго упрямства. Вертикальная складка между глазъ стояла, какъ восклицательный знакъ, на его морщинистомъ, старческомъ лбу. Не одинъ день нужды и лишенія положилъ свою печать на этомъ увядшемъ лицѣ, не одна буря пронеслась надъ этой сѣдѣющей головой, но года не сгладили, а только усилили шероховатую жесткость выраженія. При взглядѣ на него, понятно становилось то выраженіе упрямой настойчивости, которое такъ характерно было въ лицѣ его дочери.

Одѣтъ онъ былъ болѣе чѣмъ небрежно, почти нищенски: старое рыжее пальто, во многихъ мѣстахъ

прожженное папиросами, засыпанное спереди пепломъ, съ протертыми рукавами и абшлагами, и смятая ночная рубашка составляли его обыкновенный домашній костюмъ. При видѣ гостя, онъ не изобразилъ на своемъ лицѣ обычной въ этихъ случаяхъ улыбки, а только выпустилъ слегка свои морщины.

— Что это вы читаете? спросилъ Левицкій, заглядывая въ раскрытую на скамейкѣ книгу. — А, мой молодой другъ! И вы здѣсь. Давно у васъ кончились экзамены?

Вопросъ этотъ относился къ молодому человѣку съ красивымъ и нѣсколько фатоватымъ лицомъ, въ палевомъ сюртукѣ, немножко для него короткомъ и въ отложныхъ цвѣтныхъ воротничкахъ. Это былъ сынъ Огнева, Николай. Молодой человѣкъ поклонился, сказалъ небрежно, что экзамены у него кончились, молча стиснулъ руку Козлову и сѣлъ на скамью, но не такъ, какъ всѣ садятся, а какъ-то бокомъ, и заложилъ ногу на ногу. Онъ видимо старался быть развязнымъ.

Нина разставляла чашки на кругломъ садовомъ столѣ подъ березками. Тутъ же рядомъ, на выкрашенныхъ въ зеленую краску скамейкахъ, сѣлъ ея отецъ съ гостемъ.

Козловъ сидѣлъ сгорбившись и держалъ на ладони какую-то букашку, которую внимательно разсматривалъ. Онъ казался совершенно равнодушнымъ, но на губахъ его играла чуть замѣтная улыбка. Высокій, узкій въ плечахъ, онъ весь состоялъ изъ однихъ угловъ, только маленькіе, зоркіе, свѣтившіеся, какъ угли, глаза и оживляли его узкое, изрытое худобой лицо. Несмотря на эту худобу, онъ пользовался желѣзнымъ здоровьемъ,

ходилъ каждый день верстъ по пятнадцати, могъ переплыть всякую рѣку и не спать нѣсколько ночей сряду. Въ разговорѣ онъ былъ грубоватъ, лакониченъ и терпѣть не могъ сентиментальности. Двѣ или три встрѣчи съ Левицкимъ сдѣлали то, что они другъ друга возненавидѣли. Они такъ разъ поспорили о значеніи римскаго права въ современной жизни, что наговорили одинъ другому самыхъ непріятныхъ вещей и, встрѣчаясь послѣ того, едва узнавали другъ друга.

Теперь Козловъ внутренно хохоталъ, видя, что его противникъ сидитъ, какъ на угляхъ и не говоритъ ни о доблестяхъ (Козловъ увѣрялъ, что онъ каждый день говоритъ о доблестяхъ), ни объ идеалахъ. Его поразило только одно: слишкомъ замѣтное вниманіе, съ какимъ Нина слушала этого человѣка. Въ первый разъ онъ видѣлъ ее съ нимъ. Она и глядѣла, и говорила не такъ, какъ обыкновенно. Въ ея глазахъ сверкала какая-то затаенная и страстная дума. Онъ искоса сталъ наблюдать за ними.

Левицкій въ разговорѣ обращался больше къ старику и только изрѣдка одной улыбкой благодарилъ барышень за поданный ему стаканъ чаю или за предложенный лимонъ. Онъ едва замѣчалъ ихъ. То грустное, слегка сентиментальное выраженіе, съ какимъ онъ говорилъ недавно съ Ниной, исчезло теперь безъ слѣда: онъ былъ серьезенъ и даже немножко сухъ. На лбу у него появилась та дѣловая складка, съ какой онъ ходилъ обыкновенно въ министерство. Положивши на столъ свои красивыя бѣлыя руки съ узкимъ золотымъ *porte-bonheur* омъ, видѣвшимся изъ подъ широкой, слегка открытой маншетки, онъ рѣзко рассказывалъ о послѣд-

нихъ спекуляціяхъ на биржѣ съ билетами внутренняго займа, прибавивъ, что не одобряетъ этихъ лотерейныхъ займовъ, какъ разжигающихъ въ обществѣ и безъ того уже сильно развитую страсть къ легкой наживѣ.

— Вы вотъ говорите: страсть къ легкой наживѣ? сказалъ Козловъ.—Эта подлая страстишка дѣйствительно въ насъ есть. Да вѣдь проявляется-то она различно. Одинъ пойдетъ въ рулетку играть, другой на биржу, а третій нигдѣ не играетъ — и, глядишь, въ большомъ выигрышѣ. Онъ вотъ честный человѣкъ, а я, положимъ, воръ и подлецъ. У него пять блюдъ за обѣдомъ, у меня ни одного; онъ одинъ въ восьми комнатахъ живетъ, а насъ восемь человѣкъ въ одной. Да еще законъ на его сторонѣ, а меня законъ гонитъ и преслѣдуетъ. А я вѣдь собственно къ тому же стремился, къ чему и онъ, т. е. имѣть пять блюдъ и квартиру въ три тысячи. Дайте мнѣ обѣдъ и квартиру, и я буду честнымъ человѣкомъ. Съ какой стати мнѣ быть подлецомъ? Мнѣ тогда подлецомъ невыгодно быть.

— Ну, это какая-то совсѣмъ особенная честность, сказалъ Левицкій, доставая перчатку и надѣвая ее на свои красивые пальцы. Я очень жалѣю, что время не позволяетъ мнѣ продолжать этотъ интересный разговоръ. Мы его возобновимъ когда-нибудь въ другой разъ. Вы тогда укажете мнѣ, гдѣ это тѣ подлецы, которые, переѣхавши на трехтысячную квартиру, сдѣлались вдругъ честными людьми. Я, признаюсь, до сихъ поръ не думалъ, чтобы честность опредѣлялась какой-нибудь цифрой. Выходитъ, что это просто дѣло ариеметики.

Эта маленькая стычка видимо была неприятна всему семейству Огневыхъ. Старикъ, нахмутивъ брови, молчалъ; сестры не поднимали глазъ. Только Никола. слушалъ съ любопытствомъ и даже, кажется, съ удой вольствиемъ.

Когда Левицкій всталъ, Нина встала тоже. Она не просила его остаться — ей казалось это неловкимъ — но рѣшила проводить его хоть до угла улицы, чтобы сказать, какъ неприятна была ей эта сцена. Когда она взяла со скамейки свой зонтикъ, отецъ взглянулъ на нее черезъ плечо.

— Ты развѣ идешь куда-нибудь?

— Да, я не далеко. Я скоро вернусь.

Отецъ промолчалъ, и всё какъ-то неловко молчали. Уходя, Левицкій забылъ поклониться Козлову. Тотъ проводилъ его глазами и сказалъ, ни къ кому въ особенности не обращаясь:

— Честный человекъ! проживаетъ содержаніе, по крайней мѣрѣ, десяти семействъ да объ честности говорить!

— Онъ вѣдь свое проживаетъ, замѣтилъ старикъ Огневъ, который, по уходѣ гостя, взялся опять за книгу.

— Я знаю, что свое.

— Такъ вамъ-то что до этого?

— Чиновники! администраторы! продолжалъ Козловъ озлобленно. — На грошъ наработаютъ, да на десять тысячъ жалованья наберутъ. Сидятъ тамъ, толкутъ воду въ своихъ департаментахъ, а поди-ка думаютъ, что безъ нихъ свѣтъ пропадетъ.

Онъ долго еще ворчалъ, потомъ взялъ свою палку и, ни съ кѣмъ не простившись, ушелъ.

III.

Нина и Левицкій нѣсколько времени шли молча. Красныя точки на щекахъ Нины стали еще краснѣе; въ ней видимо кипѣла какая-то внутренняя работа. Ея взглядъ, сосредоточенный и въ то же время разсѣянный, ни на чемъ особенно не останавливался. Она глядѣла на сверкающія стекла церковнаго окна, горѣвшаго какъ огонь въ лучахъ вечерняго заката; на корову, которая шла имъ на встрѣчу, глупо на нихъ уставившись, на дачницу, возвращавшуюся съ купанья съ мокрымъ полотенцемъ на головѣ, на воробья, скакавшего черезъ дорогу съ такимъ дѣловымъ видомъ, какъ будто онъ спѣшилъ куда-нибудь на службу, на дорогу, круто повернувшую въ поле, мимо крестьянскихъ огородовъ и коноплей, прямо къ болоту съ мелкимъ кустарникомъ, гдѣ въ эту пору стонъ стоялъ отъ всякой мошкеры и комаровъ. Но не этой дорогой они пошли. Повернувши за уголъ мимо церковнаго колодца, съ тоненькой струйкой воды, сочившейся, какъ нитка, внизъ по косогору и пропадавшей потомъ въ травѣ, они вышли на липовую аллею, на одну изъ тѣхъ длинныхъ, прямыхъ, какъ струна, дачныхъ аллей, которыя выходятъ непременно куда-нибудь на пыльный проспектъ, гдѣ носятся цѣлый день экипажи и стоятъ дачи съ павильонами и бельведерами. Деревенскій характеръ мѣстности тотчасъ же пропалъ. Запахло паркомъ, садовниками, подрѣзан-

ными акаціями и краснымъ пескомъ дорожекъ. Проскакала какая-то амазонка въ сѣрой вуали и за ней высокій кавалеристъ. Провезли въ коляскѣ дѣтей съ мамкой въ голубомъ кокошникѣ.

На половинѣ аллеи ихъ обогналъ плетеный лѣтній шарабанъ, которымъ правилъ плотный, цвѣтущій блондинъ съ длинными, красиво расчесанными бакенбардами. Въ рукахъ у него былъ трехъ-аршинный, поднятый надъ головою бичъ, на головѣ англійская шапочка съ лентами.

— Вы знаете, кто это? сказалъ Левицкій, когда шарабанъ пролетѣлъ мимо.—Это—мой братъ.

Нина быстро обернулась, чтобы взглянуть еще разъ на этого господина, но сѣрый рысакъ помчалъ его дальше, широко забирая ногами, и летѣлъ, какъ птица, по гладкой, крѣпко укатанной дорогѣ. Господинъ даже не оглянулся. Онъ, очевидно, не узналъ своего брата.

— Каковъ! продолжалъ Левицкій.—Вотъ, что называется пускать пыль въ глаза! (Онъ отряхнулъ мелкую бѣлую пыль, которая дѣйствительно летѣла ему на платье). Вы, можете быть, думаете, что это миллионеръ какой-нибудь! что это землевладѣлецъ или биржевикъ, или пивной заводчикъ?.. Это—такой же пролетарій, какъ и вашъ покорнѣйшій слуга. Съ той разницей, что у вашего покорнѣйшаго слуги есть мѣсто, на которомъ, худо ли, хорошо ли, онъ зарабатываетъ свой хлѣбъ, а у этого господина и того даже нѣтъ.

— Онъ совсѣмъ не похожъ на васъ, замѣтила Нина, видѣвшая мелькомъ цвѣтущее лицо блондина.

— Онъ красивъ, не правда ли? Въ его лицѣ есть что-то мужественное, чего нѣтъ совсѣмъ въ его характерѣ.

Онъ нравится женщинамъ... Il est très galant. Имѣть какой-нибудь романъ и, встрѣчаясь потомъ съ предметомъ своей любви, не узнавать его на улицѣ или даже забыть, какъ его зовутъ—это все въ порядкѣ вещей. Онъ добрый малый, но добрый потому, что ему лѣнь дѣлать зло. Онъ увѣренъ, что любитъ меня, хотя я еще больше его увѣренъ, что онъ ничего ровно ко мнѣ не чувствуетъ. Любить онъ никого не можетъ, но вы можете его растрогать, заставить его плакать, упасть передъ вами на колѣни. Всѣ внѣшніе признаки любви онъ усвоилъ себѣ превосходно. Его мать, которая, казалось бы, должна знать его хорошо, вполне увѣрена, что онъ ее боготворитъ. А онъ такъ же ее любитъ, какъ мы любимъ лошадь, на которой ѣдимъ, или собаку, которая насъ сторожитъ. Вы не можете себѣ представить, что такое наша мать для него. Она ходитъ за нимъ, какъ за ребенкомъ, она отдала ему свою жизнь! Меня, напримѣръ, она можетъ не видѣть цѣлыми мѣсяцами, но если Дмитрій одну ночь не ночевалъ дома, она сама пойдетъ отыскивать его по городу.

— Это отъ того, мнѣ кажется, что вы не живете съ вашей матерью.

— Нѣтъ, отъ того, что меня считаютъ такимъ сухимъ эгоистомъ, которому женская привязанность не нужна. Вы знаете, таковъ ли я... Но въ глазахъ моей матери и моего брата, и многихъ другихъ еще, я—чиновникъ, я человѣкъ, дѣлающій себѣ карьеру—и больше ничего. Я—черствый, сухой эгоистъ, который скрипитъ себѣ перомъ, получаетъ за это чины, награды, отличія, имѣетъ казенную квартиру... Вы слышали, что вашъ родственникъ говорилъ сейчасъ.

— Мнѣ очень досадно, начала Нина, хватаясь за первый предлогъ, чтобы, наконецъ, высказаться:—мнѣ досадно, что это такъ случилось. Я знаю Козлова... Онъ ужасно грубъ въ спорѣ. Къ нему надо привыкнуть.

— Другъ мой, я такъ примирился съ мыслью, что у меня есть враги, которые ненавидятъ меня и тѣмъ больше ненавидятъ, чѣмъ меньше меня знаютъ, что, право, не ищу примиренія съ ними. Я не ищу популярности, хотя знаю, вамъ сто человѣкъ скажутъ, что я только за ней и гоняюсь. Я—честолюбецъ! честолюбіе грызетъ меня! Все, что я ни дѣлаю, я дѣлаю только изъ честолюбія. Я знаю, что это обо мнѣ всѣ говорятъ. Хорошо еще, если только это, если не говорятъ чего-нибудь хуже... что я, напримѣръ, таскаю платки изъ кармановъ.

— Вы очень недовѣрчивы, возразила Нина, ускоряя шагъ.

— Я слишкомъ часто и слишкомъ горько былъ обманутъ, чтобы вѣрить еще чему-нибудь. Я не вѣрю даже въ васъ, сказалъ онъ рѣзко.

Она нѣсколько шаговъ сдѣлала молча.

— Вы правы! вымолвила она, наконецъ.—Не надо вѣрить никому. Это—первое условіе счастья.

Она выпустила его руку и пошла твердымъ, скорымъ шагомъ, сбивая зонтикомъ бѣлыя головки клевера. Она казалась очень возбужденной, но шла гордо, не опуская головы, и глядѣла прямо передъ собой въ пространство.

— Вы сердитесь? спросилъ онъ, догоняя ее и вдругъ мѣняя тонъ.—Но за что? Подумайте только, чрезъ какія горькія испытанія я прошелъ въ своей жизни. Я

былъ обманутъ не разъ и жестоко обманутъ. Годъ тому назадъ, не больше, одна женщина увѣряла меня, что она—мой лучший другъ. Недавно я узналъ, каковъ этотъ другъ. Другъ рассказываетъ про меня, что я обитаю пороги у нашей знати, желая втереться въ ея кругъ, что я два часа сидѣлъ въ передней у княгини Казариной, дожидаясь, чтобы меня приняли, и цѣлую недѣлю потомъ исполнялъ комиссіи ея сіятельства, въ благодарность за то, что она меня приняла. Вотъ каковъ мой лучший другъ.

При одномъ этомъ воспоминаніи глаза у него загорѣлись и лицо приняло злое выраженіе.

— Я втираюсь въ знатъ! продолжалъ онъ, весь отдаваясь силѣ собственныхъ воспоминаній.—Оттого, что служебныя отношенія заставляютъ меня бывать у разнаго надутаго барства, у невѣжества, которое гордится своимъ происхожденіемъ, у какого-нибудь глупца, который кичится тѣмъ, что его глупости триста лѣтъ отъ роду и что его предки были глупы еще при Годуновѣ, что его прапрадѣда вытащили за бороду изъ царскихъ палатъ, гдѣ онъ занялъ мѣсто не по чину, а его прадѣда великій государь Петръ Алексѣевичъ изволилъ изъ собственныхъ рукъ нещадно дубинкою колотить, глупца, котораго я, при другихъ условіяхъ, не пустилъ бы къ себѣ на порогъ, а теперь къ нему ѣду, потому что онъ председательствуетъ въ томъ комитетѣ, гдѣ я скромно сижу въ уголкѣ, потому что онъ получаетъ звѣзды за тѣ бумаги, которыя я для него писалъ, потому, наконецъ, что я нахожусь въ его хвостѣ, а всякое животное можетъ съ своимъ хвостомъ дѣлать, что ему угодно: по всему этому выводятъ заключеніе, что

я лѣзу въ знать. Лѣзетъ въ знать! Какое пошлое слово! Можете вы себѣ представить меня въ передней у какой-нибудь Казариной, которая не проститъ мнѣ до самаго гроба, что ея сынокъ служить подѣ моимъ начальствомъ, что я могу сдѣлать ему замѣчаніе, ему, который ѣздитъ не иначе, какъ въ коляскахъ и обладаетъ грязью меня, идущаго пѣшкомъ! Конечно, она приметъ меня не въ передней, но пойду ли я къ ней, зная, что она все-таки считаетъ меня плебеемъ — и, приглашая меня бывать у ней, въ душѣ думаетъ: дуракъ ты будешь, если придешь!

— Я никогда не слыхала, перебила его Нина, — чтобы объ васъ говорили, что вы втираетесь въ знать.

— Погодите! вы еще не то услышите.

— На что она вамъ? продолжала она. — Вы чело-вѣкъ труда, ваше мѣсто совсѣмъ не съ ними. Мы и они — это два разные лагеря. Еслибы вы захотѣли принадлежать обоимъ, вы не принадлежали бы ни одному. А самое ужасное (она остановила на немъ серьезный взглядъ), самое ужасное, это — остаться между двумя лагерями. Ни тотъ, ни другой не простятъ вамъ этого.

— Я служу не лагерямъ, а дѣлу. Если дѣло бросить меня въ другой, не въ тотъ, который считаетъ меня своимъ, я пойду и туда.

— Да? повторила она тихо.

— Вы этого не раздѣляете?

— Нѣтъ. Я люблю знать, гдѣ мои друзья и гдѣ враги.

— А если вашъ другъ пойдетъ по ложному пути?.. Вы не думаете, что иногда печальная необходимость заставляетъ васъ порвать прежнія связи. А вы знаете,

что разставшіеся друзья — это самые злые враги. Не удивляйтесь, поэтому, если вы услышите, какъ распинаютъ меня на всѣхъ перекресткахъ. Вы услышите про меня самыя злыя клеветы. Только скажите кому-нибудь, что я — вашъ другъ, и мои враги не оставятъ васъ въ покоѣ. Если вы не хотите, чтобы злая змѣя недовѣрія закрадывалась въ наши отношенія, не говорите о нихъ никому. Иначе, я чувствую, что между нами выростъ ту бездну, которая уже столько разъ отдѣляла меня отъ лучшихъ, прекраснѣйшихъ женщинъ.

Нина слушала его съ широко открытыми глазами.

— Я не понимаю, сказала она: — какая же это бездна. Отчего вы думаете, что я буду слушать всякую клевету?

— Calomniez! Calomniez toujours! воскликнулъ онъ.

Нина молчала. Ее оскорбили его слова о томъ, что ихъ отношенія должны быть скрыты отъ всѣхъ. Какія же это отношенія? думала она. — Развѣ я — его любовница?

— Я не знаю, вымолвила она горько: — что же такого въ нашихъ отношеніяхъ, что я должна молчать о нихъ? Что же это за дружба, которая всего боится? которая прячется?

— Прячется! повторилъ онъ съ упрекомъ. — Прячаться могутъ только дурныя чувства. Ихъ, конечно, нѣтъ въ вашей душѣ. Но неужели вы захотѣли бы, чтобы пришли другіе и стали своими грязными пальцами копать въ вашей душѣ. Откройте только доступъ въ нее и вы увидите, что будетъ. Туда, полѣзутъ всѣ, одни въ лайковыхъ перчаткахъ, другіе съ грязными сапогами, и святилище обратится въ базаръ. Есть такіе

души, которыя безъ этого базара жить не могутъ, которыя сами выходятъ на площадь и кричать о своихъ чувствахъ. Но это — не ваша душа, нѣтъ! Вы слишкомъ страдали бы отъ этого. Вы сами не знаете, какъ больно прикосновеніе грубой чужой руки...

Что-то холодное, неясное поднималось съ самой глубины ея души. Та внутренняя теплота, которая недавно еще согрѣвала ее, вдругъ пропала, точно отъ какого-то ледяного дыханія. Его слова, согрѣтая, казалось, такимъ участіемъ къ ней, холодными каплями падали на ея разгоряченную голову. Ихъ дружба, до сихъ поръ такъ восхищавшая ее, вдругъ показалась ей чѣмъ-то безобразнымъ. Онъ, должно быть, замѣтилъ это, потому что тотчасъ же перемѣнилъ разговоръ.

— Взгляните, воскликнулъ онъ, указывая на желтый шарабанъ, который снова перерѣзалъ имъ дорогу, показавшись на этотъ разъ изъ боковой аллеи, и, пролетѣвъ мимо нихъ, скрылся опять за деревьями. — Вотъ кому весело живется! (Онъ показалъ глазами на молодцоватую фигуру брата). Вотъ онъ опять ужъ куда-то мчится. Вы знаете, отъ чего онъ бѣжитъ? Отъ скуки, которая летитъ за нимъ по пятамъ!

— Вы говорите, что онъ ничѣмъ не занимается? спросила Нина разсѣянно.

— Прежде, онъ служилъ со мною въ министерствѣ. Но нынѣшней весною онъ получилъ наслѣдство. Огромное наслѣдство—восемь тысячъ! Ну, вы понимаете, что послѣ этого служить уже не стоитъ. Онъ подалъ въ отставку. Купилъ себѣ дачу, лошадь, экипажъ, катается, разводитъ цвѣтники... Къ осени отъ наслѣдства не останется ничего... или, можетъ быть, останется тысячи

три долгу... Но онъ объ этомъ не беспокоится. Тамъ есть еще моя доля, которая, онъ знаетъ, мнѣ не нужна, потому что я веду жизнь скромную, жалованье получаю большое — на что мнѣ эти деньги? Я столько зарабатываю, что въ какихъ-нибудь восьми тысячахъ, конечно, не нуждаюсь. Черезъ годъ ихъ у меня возьмутъ на уплату своихъ долговъ, а потомъ будутъ про меня рассказывать, что я—сухой эгоистъ, который выручилъ брата только для того, чтобы хвалиться потомъ вездѣ своими благодѣяніями, что я не отдалъ всѣхъ восьми тысячъ сразу, а заставилъ себя просить, поломался, какъ слѣдуетъ; что я не хочу, наконецъ, понять, какъ тяжело бѣдному человѣку обзывать. Явятся холодныя, натянутыя отношенія, въ которыхъ я буду виноватъ тѣмъ, что оказалъ одолженіе своему брату. Этого одолженія не забудутъ и не простятъ мнѣ никогда, и черезъ годъ, черезъ пять, черезъ десять лѣтъ, будутъ говорить: „А помнишь, какъ ты заставилъ родного брата протянуть къ тебѣ руку за подаяніемъ?“ Да! прибавилъ онъ, остановившись и проводя платкомъ по лицу:—семейное спокойствіе достается мнѣ не легко.

Нина почувствовала, какъ прежняя теплота ихъ отношеній возвращается и какъ жалость къ нему согрѣваетъ ея сердце.

— Зачѣмъ вы помогаете вашему брату деньгами? Заставьте его работать.

— Это легко сказать: заставьте! Пока у него есть рубль въ карманѣ, онъ меня слушать не станетъ. Потомъ, когда онъ все проживетъ, онъ ко мнѣ все-таки не пойдетъ. Нѣтъ! онъ слишкомъ гордъ для этого. Онъ будетъ жить въ долгъ, зная, что этотъ долгъ заплачу

я, но дѣлая видъ, что онъ этого не знаетъ. И если я въ это время приду ему сказать, чтобы онъ искалъ себѣ работы, онъ скажетъ: это не твое дѣло! я не твои деньги трачу. Вотъ какъ это дѣлается. Это гораздо проще, чѣмъ вы думаете.

— Тогда не платите его долговъ.

— Кто же ихъ заплатитъ? Что же вы хотите, чтобы мнѣ пришли и сказали: вашъ братъ—подлецъ! Вы хотите, чтобы я это выслушалъ и сказалъ: извините, это меня не касается! Да и наконецъ... Ну, что же? ну, онъ фальшивые векселя будетъ выдавать. Вѣдь я же по нимъ заплачу. Вы забываете, что между нами стоитъ мать, которая, какъ это ни горько, не хочетъ ничего видѣть, которая всегда и во всемъ винитъ меня, одного меня.

Нина чувствовала свое безсиліе помочь ему въ этомъ. И ей еще больше стало его жалко.

— И послѣ этого удивляются, продолжалъ онъ:—что я до сихъ поръ не женился. Но какъ это сдѣлать? Какъ имѣть другую семью, когда на моей обязанности лежитъ еще содержать эту! Что же, я буду обрывать свою жену и дѣтей въ пользу брата? Но какъ я могу на это рѣшиться? Развѣ я могу допустить, чтобы моя жена испытывала лишения? Что же мнѣ остается? Оставить брата безъ помощи? Это убьетъ мою мать. Вы видите, какъ всѣ эти нити тѣсно переплетаются! какъ я попалъ въ тонкую, какъ паутина, сѣть, невидимую для другихъ, но настолько крѣпкую, что порвать ее не въ силахъ.

Онъ говорилъ ей еще о борьбѣ долга и чувства, о томъ, какъ вся его жизнь есть цѣнь лишений, какъ онъ

подавляетъ всѣ лучшія движенія своей души и заглушаетъ въ себѣ привязанности, чтобы сдѣлать себя нечувствительнымъ къ ударамъ судьбы.

Нина все молчала. Она шла ровными, усталыми шагами, думая о томъ, что дома ее ждутъ, и все-таки продолжала идти.

Липовая аллея кончилась, началось пыльное широкое шоссе. Экипажи безпрестанно обгоняли ихъ, обдавая цѣлыми облаками мелкой бѣлой пыли. Левицкій сдѣлался вдругъ разсѣянъ. Рѣчь его стала неровной и мало интересной. Онъ часто прерывался, чтобы отдать поклонъ кому-нибудь изъ мимо проѣзжавшихъ. Разъ спросилъ даже Нину, не поздно ли ей будетъ возвращаться одной. Она машинально отвѣтила: нѣтъ! думая совсѣмъ о другомъ.

Навстрѣчу имъ несло ландо, которое Левицкій, должно быть, узналъ, потому что тотчасъ же вынулъ лорнетку и остановился на полусловѣ. Ландо быстро приближалось къ нимъ и неслышно катилось по камню обтянутыми гуттаперчей колесами. Едва оно поровнялось съ ними, какъ дама, сидѣвшая въ немъ, стала кланяться въ ихъ сторону и что-то говорила, сначала имъ, потомъ кучеру, который не сразу остановилъ разбѣжавшихся лошадей. Левицкій оставилъ руку Нины и съ словами:

— На одну минутку!

Пошелъ быстрыми шагами къ коляскѣ. Она проводила его глазами, видѣла, какъ онъ подошелъ къ экипажу, какъ говорилъ что-то съ дамой, которая, наклонившись въ его сторону, тоже что-то говорила ему. Нина догадалась, что она спрашиваетъ, съ кѣмъ онъ,

потому что разъ она обернулась въ ея сторону и посмотрѣла на нее. Нина увидѣла блѣдное, измятое, но молодое еще лицо въ рамкѣ изъ черныхъ кружевъ. На передней скамейкѣ лежалъ ея пестрый пледъ, а на сидѣннѣ рядомъ съ собой она указывала Левицкому, вѣроятно, приглашая его занять это мѣсто.

Неужели онъ поѣдетъ? спросила себя Нина. И опять что-то холодное зашевелилось въ ея душѣ. Она стояла, какъ каменная, сжимая въ рукахъ свой зонтикъ и пожирая ихъ глазами.

Нѣтъ! онъ возвращается! Онъ кивнулъ той дамѣ и идетъ назадъ.

— Другъ мой! я долженъ съ вами проститься! сказалъ онъ торопливо.—Если я пойду пѣшкомъ, я опоздаю. Эта дама подвезетъ меня.

— Вы ѣдете съ ней?

— Да, это моя очень короткая знакомая, съ которой я всегда радъ видѣться, а теперь особенно, потому что я этимъ воспользуюсь, чтобы не идти пѣшкомъ, а идти еще далеко. Вамъ тоже пора. Мы съ вами заговорились и не видѣли дороги. Идите, мой другъ, а то я буду беспокоиться.

— Когда же мы увидимся?

— Не знаю. Какъ-нибудь... Теперь едва ли скоро. Вся будущая недѣля у меня занята. Прощайте, милый другъ. Я вамъ напишу тогда.

Онъ крѣпко пожалъ ей руку, пошелъ къ коляскѣ, вскочилъ въ нее съ другой стороны, не съ той, гдѣ она стояла, захлопнулъ дверцу и уѣхалъ. Онъ даже ни разу не оглянулся въ ея сторону и сталъ тотчасъ же говорить съ дамой. Когда лошади уносили ихъ,

Нина почувствовала, какъ что-то оборвалось у нея въ сердцѣ. Это не было чувство ревности, а что-то гораздо хуже, что-то злое, гадкое, гнетущее...

Другъ мой! куда же вы такъ бѣжите? думала она, стоя все на томъ же мѣстѣ.—Вѣдь вамъ еще гдѣ-то нужно было быть? Куда же мчитъ васъ это ландо?..

IV.

А ландо катилось по проспекту, обгоняя гуляющихъ дачниковъ, которые выходили вечеромъ на проспектъ подышать пылью.

— Вы совсѣмъ пропали! говорила дама Левицкому.—Я васъ цѣлый мѣсяцъ не вижу.

— Я былъ все это время жестоко занятъ. Я цѣлые дни сижу за работой.

— Послушайте, кто эта барышня?.. Cette petite que vous avez quittée? Elle me plait beaucoup. Elle a un air comme ça... У нея очень мужественный видъ.

— Это—преlestное существо. Это—дичокъ, изъ котораго могла бы выйти роскошная роза. Но такъ, какъ онъ есть—онъ погибнетъ въ глуши; онъ даже не разовьется какъ слѣдуетъ. Его заглушатъ сорныя травы.

— Но вы не дадите ему погибнуть? перебила она не безъ ироніи.—Вы его разовьете?..

— У меня слишкомъ мало времени для этого. Въ свободныя минуты—да, я не скрою этого—я съ любовью готовъ заняться ею. Но вы знаете, какъ мало у меня этихъ минутъ.

Онъ поникъ головою. Она съ безпокойствомъ оглянулась. По лицу ея пробѣжали тревожныя тѣни.

— Вы давно знакомы съ нею? Она изъ хорошаго семейства?

— Отецъ ея—литераторъ, не особенно талантливый, но большой труженикъ. Писалъ когда-то введеніе къ какой-то исторіи, гдѣ триста печатныхъ страницъ занимало описаніе какой-то кости, найденной въ древнихъ могилахъ. Одно вступленіе было въ пяти томахъ. Собираетъ библіотеку изъ рѣдкихъ книгъ. Библіотека у него прекрасная.

— Послушайте! перебила дама.—Познакомьте меня съ ней!

— Съ кѣмъ? съ библіотекой?

— Перестаньте! я вовсе не шучу. Привезите ко мнѣ эту дѣвушку.

— Mille pardons! Этого я не сдѣлаю.

Она вспыхнула.

— Это почему?

— Вы знаете мое мнѣніе о вашемъ кружкѣ. Sauf tout le respect que je vous dois, я не только молодую, неопытную дѣвушку, но даже и созрѣвшую женщину не сталъ бы вводить безъ надобности въ этотъ развращающій мірокъ. Всѣ эти маленькія, неудовлетворенныя самолюбивица, всѣ эти затасканныя литературныя имена, эти герои салонъ и даже дѣйствительные таланты, которые у васъ бываютъ — все это подниметъ такую бурю въ молодой душѣ, и даже не бурю, а вѣрнѣе суматоху, подниметъ столько дремлющихъ инстинктовъ, не давая средствъ къ ихъ удовлетворенію, что на такое преступленіе я рѣшиться не могу. Ввести это молодое

существо, которое еще ни во что не выработалось, въ кружокъ болтающихъ и празднословищихъ... нѣтъ! вы меня извините!

— Что же я тогда по вашему? развращенная, испорченная женщина?

— Вы—женщина, и это большая разница. Но и на васъ этотъ кружокъ дѣйствуетъ губительно. Я всегда вамъ это говорилъ и не перестану говорить...

— Ну да, это старая исторія о томъ, что мое знакомство развращаетъ меня. Можно подумать, что я Богъ знаетъ кого принимаю у себя въ домѣ.

— Я этого не говорю. Но у васъ нѣтъ кружка... У васъ есть базаръ, гдѣ всѣ толкуются и никто никого не понимаетъ.

— Напротивъ, у меня есть кружокъ. Кто вамъ скажетъ, что у меня его нѣтъ? Я вамъ сейчасъ назову имена.

— Nomina sunt odiosa! перебилъ онъ шутя. — Сейчасъ и имена! Зачѣмъ? Я ихъ слишкомъ хорошо знаю и слишкомъ мало уважаю... У васъ, дѣйствительно, бываютъ люди съ дарованіемъ, поправился онъ:—но ихъ немного и... они не выставляютъ его напоказъ, не торгуютъ имъ, какъ другіе. Куда вы, однако, везете меня? я вѣдь съ послѣднимъ поѣздомъ уѣзжаю.

— Но я васъ не пушу. Вы цѣлый мѣсяцъ у меня не были и хотите отдѣлаться тѣмъ, что пробѣдетесь со мной до вокзала? Ступай домой! крикнула она кучеру, который на поворотѣ вопросительно оглянулся.

— Но у меня завтра комитетъ. Я въ часъ долженъ быть тамъ.

— Вы будете тамъ въ двѣнадцать. Вы ночуете у насъ

— Послушайте! Вы меня похищаете?

— Да! подтвердила она съ торжествомъ.

— Что же вы мнѣ не скажете, спросилъ онъ по-французски, послѣ маленькаго молчанія: — что вашъ мужъ?

— Не знаю, отвѣтила она равнодушно: — кажется, дома.

— Да вы съ нимъ видите когда-нибудь?

— Очень мало. Онъ почти не живетъ здѣсь.

Разговоръ начиналъ обрываться, когда коляска поднялась по вымощенному, отлогому полукругу и остановилась у каменнаго крыльца съ двумя миртами въ кадкахъ по бокамъ. Какой-то растерянный лакей выбѣжалъ высаживать барыню.

Домъ, въ который входилъ Левицкій, былъ домъ довольно извѣстнаго въ нѣкоторыхъ кружкахъ Петра Бибикова, большаго дѣльца и кутилы, находившаго время управлять банкомъ, дѣлами одной акціонерной компаніи, имѣніями своего тестя, вести безчисленные процессы и въ то же время такъ прожигать свою жизнь, затѣвать такіе чудовищнѣйшіе кутежи, опускаться въ такіе невѣроятные вертепы, что для этого нужны были не человѣческія, а какія-то лошадиныя силы. Его по цѣлымъ недѣлямъ отыскивали иногда по городу, зная что онъ не выѣзжалъ изъ его предѣловъ, нападали тамъ и тутъ на его слѣды и никогда на него самого. Страсть къ бродяжничеству находила на него запоемъ. Онъ забиралъ тогда свой чемоданъ и, объявивъ женѣ, что ѣдетъ по дѣламъ въ провинцію, пропадалъ по разнымъ притонамъ въ Петербургѣ или ѣхалъ кутить въ Москву. Во время этихъ припадковъ разгула никто ни

по какимъ дѣламъ къ нему не обращался. Даже видѣть его въ это время было тяжело: растрепанный, съ налитыми кровью глазами, въ какомъ-нибудь пыльномъ или продраннымъ скотугѣ, онъ какъ-то дико глядѣлъ на всякаго трезваго человѣка. Послѣ, когда припадки проходили, онъ возвращался къ своимъ дѣламъ и къ семейному очагу, котораго онъ, впрочемъ, не любилъ даже и въ трезвомъ видѣ.

Работалъ онъ, какъ волъ, наверстывая потерянное время. Въ обыкновенныя трезвыя свои минуты онъ былъ большою дѣлецъ, схватывая очень быстро самую запутанную суть дѣла и отбрасывая всѣ ненужныя подробности. Являясь безпрестанно въ судъ то гражданскимъ истцомъ, то отвѣтчикомъ, онъ входилъ туда во всеоружіи своей смѣлости, наглости и ума. Захватить его врасплохъ было почти невозможно: если онъ не могъ отвѣтить доводомъ, онъ отвѣчалъ шуткой, ироніей, бранью; онъ металъ громы, кидался на какую-нибудь слабую точку противника и, ударяя въ нее молотомъ своего мрачнаго краснорѣчія, пробивалъ такую брешь, что врагъ сдавался. Имѣть его своимъ врагомъ было тѣмъ опаснѣе, что онъ не разбиралъ оружія.

Къ домашней жизни онъ былъ совсѣмъ неспособенъ: онъ сидѣлъ въ своемъ домѣ, какъ звѣрь въ клѣткѣ. Всѣ его отношенія къ женѣ ограничивались тѣмъ, что онъ лгалъ ей безбожнымъ образомъ. Она давно уже не вѣрила ему, но онъ все-таки продолжалъ лгать, чтобы сохранить, говорилъ онъ, домашнее спокойствіе. Семейныхъ сценъ онъ боялся, какъ огня. На сторонѣ у него была всегда какая-нибудь любовь, часто даже платоническая.

Жена его, Вѣра Бибикова, имѣла въ свѣтѣ репутацію очень умной и очень несчастной женщины. Она всѣми силами старалась поддержать ее, собирала у себя умныхъ людей, очень мало выѣзжала и если гдѣ-нибудь показывалась, то всегда уступая необходимости и съ грустью на лицѣ.

Она любила писать своимъ знакомымъ коротенькія, но остроумныя записочки на толстой цвѣтной бумагѣ съ вензелемъ и незабудкой наверху. Когда ей случилось написать такимъ образомъ къ мужу, тотъ, разрывая конвертъ, говорилъ съ ироніей:

— А! это опять печальная незабудка пишетъ!..

Отвѣчая ей, онъ называлъ ее не иначе, какъ „душа моя“! Подписывался всегда: „искренно любящій тебя мужъ твой Петръ“.

Его обращеніе съ ней было наружно-почтительное и даже предупредительное. Чтобы купить себѣ свободу и право пропадать шесть дней въ недѣлю, онъ обязательно присутствовалъ на приемныхъ вечерахъ жены, хотя и жаловался всякій разъ, что его тамъ одолеваетъ бѣшеная скука.

Когда Левицкій вошелъ въ комнаты, онъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій понялъ, что хозяинъ—дома. Слѣды его присутствія были вездѣ. Въ залѣ лежалъ его синій мѣшокъ, въ которомъ онъ возилъ свои бумаги, хотя прекраснѣйшій портфель съ удивительными бронзовыми замками, подаренный ему женой, лежалъ безъ употребленія въ шкафу, потому будто бы, что онъ никакъ не могъ отпереть этихъ замковъ, которые, чортъ знаетъ, какой дуракъ дѣлалъ. Въ гостиной валялось его пальто, забрызганное грязью. На та-

релкѣ съ визитными карточками лежали его папиросы и половина апельсина.

Несмотря на слишкомъ очевидные слѣды его присутствія, его самого не было, и когда лакей спросили, гдѣ баринъ, онъ отвѣчалъ, что баринъ почиваетъ.

Внутренно довольная тѣмъ, что никто не помѣшаетъ ей бесѣды съ гостемъ, Вѣра провела его на балконъ, сама указала ему мѣсто въ уголкѣ между олеандрами, гдѣ стоялъ у нея синій фарфоровый столикъ и два низенькія кресла, и приказала подать чаю. Она оставила его на минуту одного, чтобы пойти узнать, гдѣ дѣти, и вернулась съ замѣтными слѣдами пудры на лицѣ.

— Я не знаю, начала она, опускаясь въ кресло:— можетъ быть, я старѣю, но чувствую, какъ у меня начинается пропадать интересъ ко всему... Вы не повѣрите, что я ухожу часто изъ дѣтской съ какимъ-то неприятнымъ чувствомъ. Меня убиваетъ то, что изъ моихъ дѣтей выходятъ такіе матеріалисты! Я не знаю, что мнѣ дѣлать. Я всѣ силы употребляю, чтобы развить въ нихъ не одно тѣло. Но я чувствую, что мнѣ это не удастся.

— Это будетъ совершенно зависѣть отъ васъ, сказалъ Левицкій, подвигая къ себѣ блѣдную розовую чашку съ крѣпкимъ ароматомъ чаю и какія-то воздушныя стружки и колечки.—Я, можетъ быть, нѣсколько смѣло выражаюсь, но позволю себѣ сдѣлать такое сравненіе: душа ребенка—это музыкальный инструментъ, всегда прекрасный, но не всегда попадающій въ одинаково искусныя руки. Начинаютъ колотить по немъ зря и безъ толку; по клавишамъ, которыя требуютъ нѣжнаго прикосновенія, ударяютъ кулакомъ; струны звенятъ—

никто ихъ не поправляетъ, струна лопнула наконецъ, ничего—продолжаютъ барабанить! лопнула другая, вытерлось сукно, запали молоточки... Ахъ, говорятъ, какой скверный инструментъ! уберите его куда-нибудь на чердакъ!.. Но его не сразу убираютъ туда: его выносятъ еще въ лакейскую, гдѣ играетъ на немъ пьяный кучеръ и выѣздной лакей. И вотъ, созданный, можетъ быть, для того, чтобы передавать Бетховена и Шопена, онъ будетъ къ концу своего существованія изображать только „Барыню“, да и то подъ пьяными пальцами неумѣлаго музыканта. А вѣдь онъ могъ попасть въ руки артиста! Онъ, можетъ быть, заставилъ бы васъ плакать, молиться, онъ поразилъ бы васъ красотой своихъ звуковъ. Да! заключилъ онъ вдругъ, вставая:—мы разбиваемъ тысячи такихъ инструментовъ и жалуемся потомъ на ихъ негодность. Какой-нибудь мастеровой, способный только сапоги шить, вдругъ дѣлается обладателемъ такого сокровища. И пока мастеровые будутъ у насъ завѣдывать дѣломъ воспитанія и просвѣщенія, изъ нашихъ дѣтей будутъ выходить только уроды, искалѣченные жизнью.

Этотъ педагогическій разговоръ продолжался такъ долго, что Левицкій началъ, наконецъ, замѣтно скучать. Онъ съѣлъ всѣ стружки, которыя были въ сухарницѣ, съѣлъ безъ аппетита, единственно только изъ желанія чѣмъ-нибудь занять себя. Когда они выбрались, наконецъ, изъ педагогическихъ дебрей, Вѣра предложила пройтись по саду.

— J'ai à vous parler! сказала она вдругъ почему-то по-французски и, увлекая его въ темноту дорожекъ, спѣшила скрыть то выраженіе безпокойства, которое

могло быть замѣчено при свѣтѣ двухъ садовыхъ свѣчей, горѣвшихъ на столикѣ.—Я видѣла недавно Головину, начала она торопливо (Головина была ея свѣтская пріятельница):—она сообщила мнѣ очень интересную новость. Вы знаете, что васъ женятъ?.. И знаете на комъ?

Она пытливо взглянула на него, напрягая свое зрѣніе въ темнотѣ и стараясь разглядѣть выраженіе его лица. Но шляпа закрывала ему глаза, и въ складкахъ его губъ она ничего, кромѣ ироніи, не могла прочесть.

— Васъ женятъ на моей сестрѣ! dokonчила она.

— Это очень лестно для меня, сказалъ онъ кланяясь:—и очень не лестно для вашей сестры.

— Шутки въ сторону! я не стала бы и говорить объ этомъ, еслибы тутъ не было замѣшано имя Бетси и... и ваше, прибавила она нерѣшительно.—Будь это кто-нибудь другой, я бы ни слова не сказала, но вы... вы знаете, vous êtes trop connu. Эта басня сейчасъ облетитъ весь городъ...

— Право, кажется, въ свѣтѣ думаютъ, воскликнулъ онъ съ досадой:—что я занятъ только любовью. Меня завалили работой, заставляютъ цѣлые мѣсяцы сидѣть въ разныхъ комитетахъ съ разными военными и статскими генералами, заставляютъ быть попеременно переводчикомъ, писцомъ, богословомъ, педагогомъ, не знаю чѣмъ, и хотятъ, чтобы я еще находилъ время заниматься любовью. Grâce, madame! Я до того устаю за послѣднее время, что кромѣ празднословія въ свободныя минуты ни на что больше не способенъ.

Вѣра нѣсколько сконфузилась.

— Что же вы на меня сердитесь? Развѣ я это говорю!

— Вы-то именно и не должны этого говорить. Вы знаете, способенъ ли я любить! можетъ ли женская любовь занимать меня теперь? Въ моей душѣ, кромѣ унынія и отвращенія къ самому себѣ, давно уже нѣтъ мѣста для другихъ чувствъ. Вотъ, однако, и вашъ мужъ! Если я не ошибаюсь, это онъ стоитъ на балконѣ.

V.

Бибииковъ только-что проснулся и, не понимая хорошенько, утро это или вечеръ, вторникъ или среда, вышелъ освѣжиться на балконъ. Увидавъ, что жена идетъ съ гостемъ, онъ хотѣлъ-было уйти, думая, что это опять какой-нибудь литераторъ, которые часто посѣщали его жену и которыхъ онъ терпѣть не могъ, но, узнавъ голосъ Левицкаго, остался.

— Съ добрымъ утромъ! говорилъ Левицкій, пожимая ему руку.—Вы, я слышалъ, только-что встали.

— Да, славно выспался. Бѣсть что-то хочется. Ты бы мнѣ велѣла чего-нибудь дать, обратился онъ къ женѣ.

Та вышла распорядиться. Бибииковъ сѣлъ на ступеньки балкона. Его черные, масляные, прямые волосы лѣзли ему на лобъ. Глаза у него были сонные и все лицо смятое отъ сна.

— А я не зналъ, что вы здѣсь. Я бы давно всталъ. А то, чортъ его знаетъ, радость какая-то стала ужъ сниться.

— Вы бы зельтерской воды выпили, посоветовалъ Левицкій.

— Пилъ ужъ. Да нѣтъ, я не знаю, надо что ли правильную жизнь вести. Такъ какъ-то все скверно...

— А вы не боитесь, что съ вами ударъ когда-нибудь сдѣлается?

— Чтожъ! все равно умирать. Ну, я отъ удара умру, а вы отъ воспаления въ какой-нибудь перепонкѣ. Почему вы знаете, можетъ быть, у васъ теперь уже какая-нибудь перепонка гниетъ? Человѣкъ—живучая тварь! У него иной разъ половины легкаго нѣтъ, какой-нибудь сосудъ такъ раздулся, что вотъ-вотъ лопнетъ, а онъ себѣ живетъ да наслаждается. Одинъ пузырекъ въ легкихъ остался, все дышетъ! да еще за-границу ѣхать собирается. Такъ и мы! вотъ мы тутъ съ вами сидимъ, а завтра мы, можетъ быть, на столѣ будемъ лежать.

Разговоръ этотъ видимо непріятенъ былъ Левицкому.

— Вотъ и видно, что вы не во-время спали, замѣтилъ онъ.—Васъ сонъ не освѣжилъ, а раздражилъ.

— А вы всегда во-время спите?

— Я послѣднее время совсѣмъ не сплю.

— Ну, такъ, стало быть, и разговаривать нечего. Я тоже вотъ двадцать разъ хотѣлъ правильную жизнь начать. Наслушаешься эдакъ разныхъ докторовъ, ну, думаешь: дай-ка въ самомъ дѣлѣ... Да нѣтъ, чортъ его знаетъ! Какъ-то не выходитъ.

— Да, я и забылъ вамъ сказать, перебилъ его Левицкій:—васъ вчера у вашихъ ждали.

— Зачѣмъ?

— Вы тамъ бумагу какую-то хотѣли привезти...

Бибииковъ схватился за голову.

— Ахъ, ты чортъ! забылъ совсѣмъ.

— Что это ты забылъ? спросила жена, возвращаясь.

— Да нѣтъ, ничего... Такъ.

У него была несчастная привычка забывать порученія, которыя давали ему родные его жены. Часто случалось, что онъ ѣхалъ куда-нибудь по дѣлу своего тестя, но дорогой кто-нибудь встрѣчался съ нимъ и увозилъ его совершенно въ противоположную сторону. Бывало также, что онъ уходилъ куда-нибудь на полчаса и возвращался только на другой день. Назначить ему свиданье въ опредѣленный часъ было напраснымъ трудомъ: онъ или опаздывалъ, или не приходилъ вовсе. Чтобы видѣть его по дѣлу, его ловили на улицѣ или въ правленіи, или, наконецъ, въ тѣхъ домахъ, гдѣ жили предметы его любви. Самымъ грубымъ образомъ ошибались тѣ, которые думали застать его дома. Они навѣдывались разъ по десяти на дню и всякій разъ получали стереотипный отвѣтъ:

— Еще не пріѣзжали. Или: — Только что сейчасъ уѣхали!

Его безпокойный нравъ никакъ не укладывался въ рамки будничной семейной жизни. Его все влекло куда-то. Любимыми его словами были: „хоть бы удрать куда-нибудь!“ Удрать! — было его лозунгомъ, его мечтой. Эта болѣзнь особенно одолѣвала его весною, когда его начинало тянуть вонъ изъ города, но не въ поля и лѣса, а въ другіе, такіе же города, гдѣ онъ ходилъ по мало знакомымъ улицамъ, разговаривалъ съ бабами-торговками, съ монахами, съ гарнизонными солдатами. Онъ заходилъ даже въ незнакомые дома, гдѣ самъ рекомендовался и былъ всегда любезно принятъ. Такъ

ѣздилъ онъ по Россіи съ пустымъ чемоданомъ, въ которомъ лежала какая-нибудь пара платья, да купленный на дорогу французскій романъ, успѣвалъ обдѣлать всѣ свои дѣла, заключалъ подряды для правленія, продавалъ хлѣбъ своего тестя и, возвращаясь въ Петербургъ, едва успѣвалъ вытащить изъ чемодана свой фракъ, чтобы тотчасъ же скакать въ судъ или въ палату на разбирательство съ какимъ-нибудь купцомъ Блиновымъ за непоставленный къ сроку матеріалъ для строительныхъ работъ.

Въ этомъ вихрѣ мыслей и занятій онъ и не замѣтилъ, какъ прошла большая и лучшая половина его жизни, какъ описавши широкую дугу на небѣ, его звѣзда стала спускаться къ горизонту, ни разу не поднявшись до той высоты, какой она могла бы достигъ, судя по широкому размаху ея первоначальнаго движенія. Его умъ былъ одинъ изъ тѣхъ умовъ, которые разбрасываются въ ширину и, начиная блистательно, кончаютъ слабо. Въ двадцать лѣтъ онъ мечталъ быть знаменитостью, въ тридцать пять — былъ только ловкимъ дѣльцомъ, который размѣнялъ свой талантъ на государственныя ассигнаціи и за одинъ банковый билетъ готовъ былъ показать всѣ перлы своего ума. Отъ постоянного употребленія для практическихъ цѣлей умъ его получилъ ту особенную окраску, которая свойственна умамъ дѣловымъ и торговымъ. Онъ очень быстро и легко обращался съ цифрами, съ статьями законовъ, съ уложеніемъ о наказаніяхъ. По недосугу, онъ мало читалъ, почерпая всѣ свои знанія изъ газетъ и изъ энциклопедическихъ словарей. Въ книгѣ, какъ и въ жизни, какъ и въ любви, онъ любилъ краткость.

— Что такое ты забылъ? спрашивала Вбра, всегда ревниво слѣдившаа за разговорами своего мужа съ Левицкимъ. Заставая конецъ такого разговора, она непременно желала знать его начало.

— Да забылъ вчера къ твоему отцу съѣздить! А тамъ меня ждали. Вотъ онъ мнѣ сейчасъ напомнилъ.

— Вы были развѣ вчера у нашихъ? спросила Вбра, быстро оборачиваясь.

— Я вчера обѣдалъ у нихъ, отвѣтилъ Левицкій какъ-то неохотно.

— Вотъ какъ! Что же вы мнѣ ничего не скажете?

— Что же ѣсть-то? дадутъ что ли? перебилъ Биби-ковъ съ нетерпѣніемъ.

— Пожалуйста! готово-съ! доложилъ лакей, показываясь въ дверяхъ.

Сѣли ужинать. Вбра никогда не ужинала и спросила себѣ только стаканъ воды съ вареньемъ. Левицкій съѣлъ всего понемногу и пилъ вино, которое нарочно для него и было подано. Вино было хорошее. Биби-ковъ положилъ себѣ одного блюда, того, которое ближе стояло, и съѣлъ его цѣлую тарелку верхомъ. Ыль онъ скоро и безъ разбору, наѣдаясь сразу на цѣлые сутки. Удовольствія ѣды для него не существовали. Когда ему случалось обѣдать въ ресторанахъ, онъ заказывалъ всегда *côtelettes de volaille* и *soufflet aux fruits* не потому, чтобы онъ особенно любилъ эти блюда, а просто потому, что запомнилъ какъ-то эти названія и, не зная никакихъ другихъ, заказывалъ эти кушанья поневолѣ. Разъ онъ вздумалъ-было выбрать себѣ блюдо по карточкѣ, нашелъ какое-то *bombe à la Sardapapale*, принялъ это за пирожное и приказалъ себѣ по-

дать. Ему подали большой комъ картофеля въ маслѣ и взяли за это два съ полтиной.

Левицкій за ужиномъ спрашивалъ о томъ, выгодно ли теперь купить имѣніе, и сколько оно можетъ дать доходу. Онъ внимательно выслушивалъ хозяина и, казалось, что-то вычислялъ. Биби-ковъ сказалъ, что за 75 тысячъ онъ купитъ ему прекрасное имѣніе. Левицкій замѣтилъ, что у него такихъ денегъ нѣтъ, и перемѣнилъ разговоръ. Но онъ возобновилъ его въ кабинетѣ хозяина, когда они остались одни и присутствіе Вбры не могло помѣшать. Левицкій признался, что у него есть маленькій капиталъ, который онъ хотѣлъ бы помѣстить не за большіе проценты, потому что это противно его принципамъ, но такъ, чтобы была нѣкоторая выгода и чтобы помѣщеніе было вѣрное. Биби-ковъ съ свойственной ему быстротой соображенія тотчасъ же развернулъ передъ нимъ цѣлый планъ разныхъ выгодныхъ помѣщеній и, не давая ему опомниться, сталъ передъ нимъ высчитывать, что онъ можетъ нажить въ годъ, въ два года, въ десять лѣтъ. Онъ, какъ щука, которую вдругъ пустили въ воду, почувствовалъ себя въ своей родной стихіи, и то весело игралъ на поверхности, то вдругъ нырялъ въ самую глубину, куда не могъ за нимъ проникнуть ни одинъ любопытный глазъ, и, нырнувши у одного берега, выплывалъ неожиданно у другого. Левицкій, хотя самъ человѣкъ неглупый и довольно опытный, съ изумленіемъ слѣдилъ за этими продѣлками, невольно думая про себя: однако, ты, братъ — бестія порядочная!

Биби-ковъ доказывалъ ему, какъ дважды два, что ему нечего стѣсняться какими-то принципами, что онъ

можетъ увеличить свой капиталъ самымъ честнымъ образомъ, что это—одно изъ свойствъ капитала постепенно увеличиваться, что безъ этого никакое движеніе впередъ было бы немыслимо и капиталы прятались бы по норамъ, вмѣсто того, чтобы служить обществу, какъ теперь. Левицкій слабо защищался, говоря, что деньги эти нажиты не имъ и что было бы противно его совѣсти брать за нихъ большіе проценты.

— Мнѣ хотѣлось бы только имѣть копѣйку на черныи день, говорилъ онъ.—Я человѣкъ труда и, почему я знаю: можетъ быть, въ недалекомъ будущемъ меня ждетъ богадѣльня?

— „Знаю я, какая это богадѣльня! подумалъ Бибииковъ.—Тебѣ хотѣлось бы не въ далекомъ будущемъ войти туда въ лентѣ и звѣздахъ!“

— У меня есть, наконецъ, старуха-мать, продолжалъ Левицкій, — о которой я тоже долженъ позаботиться. Моя мечта — вы будете смѣяться надъ этимъ — моя мечта имѣть маленькій домикъ, гдѣ-нибудь въ провинціи, жениться на какой-нибудь простоватой, но доброй, очень доброй дѣвушкѣ, которая будетъ снисходительно ходить за моими ревматизмами...

— И вмѣстѣ съ ней сажать капусту въ огородѣ! докончилъ за него Бибииковъ.—Ну, батенька! (онъ ударилъ его по плечу) слышали мы это!

Левицкій попятился назадъ.

— Да, я знаю, сказалъ онъ, смѣясь.—Я вѣдь страшный честолубецъ.

— Ну, а насчетъ жены, продолжалъ Бибииковъ:—что-жъ? это хорошо! Ищите себѣ какую-нибудь просто-

вату... дочку сенатора или дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

Левицкій улыбнулся своей тонкой улыбкой.

— Вы обо мнѣ, я вижу, очень дурного мнѣнія.

Онъ сказалъ это какъ бы шутя, но въ этой шуткѣ сквозила истина. Эти люди, всегда любезно встрѣчавшіеся и готовые оказать другъ другу тысячи разныхъ услугъ, въ душѣ не любили одинъ другого. Бибииковъ считалъ Левицкаго фразѣромъ, и называлъ его въ третьемъ лицѣ не иначе, какъ „нашъ генералъ“.

Левицкій внутренно презиралъ Бибиикова, какъ человѣка безъ убѣжденій и безъ совѣсти, всегда готоваго плыть по теченію. Его особенно возмущала въ немъ его внѣшняя распушенность, его щегольство безпорядочностью и желаніе выставить на показъ то, что другіе скрываютъ въ тайникахъ своей души. Онъ, на примѣръ, не стѣсняясь, давалъ взятки, говорилъ, что безъ этого никакое дѣло не пойдетъ, что всѣ—подлецы, что всякаго можно купить и продать. Онъ нанималъ для компанейскихъ складовъ дома своего тестя, платилъ ему втридорога, да еще за пять лѣтъ впередъ. Своимъ пріятелямъ онъ выдавалъ ссуды изъ банка подъ бумаги, не имѣвшія хода на биржѣ, подъ дутые векселя, и не ради какихъ-нибудь выгодъ для себя, а просто такъ, по русскому добродушію, потому что совѣстно отказать пріятелю. Исторія съ фальшивыми векселями, подъ которые онъ выдалъ крупную сумму, едва была замята при помощи разныхъ вліятельныхъ лицъ, которымъ онъ тоже оказывалъ тысячи маленькихъ услугъ. Въ обществѣ говорили объ огромной взяткѣ, полученной имъ будто бы за это, и даже просто о расхищеніи банка;

но самъ онъ не пользовался ни одной копѣйкой: онъ просто одолжилъ пріятелей, которые вмѣстѣ съ нимъ кутили. Разные промотавшіеся баричи присасывались къ нему, какъ пѣвки, заставляя его потомъ дорого расплачиваться за высокую честь знакомства съ ними. Никто громче его не смѣлся надъ титулами и никто втайнѣ не былъ чувствительнѣе къ дружбѣ высокихъ лицъ. Онъ готовъ былъ служить имъ безкорыстно, изъ-за одного спасибо, изъ-за пріятельскаго пожатія руки. То же чувство сближало его и съ Левицкимъ, котораго онъ, если разобрать хорошенько, не только не любилъ, но даже просто не терпѣлъ. Но звѣзда Левицкаго быстро поднималась и неизвѣстно гдѣ могла остановиться. Погрѣться въ ея лучахъ всякому было лестно.

И вотъ эти двое людей, занимавшіе, каждый въ своемъ родѣ, видное мѣсто въ обществѣ и взаимно другъ друга ненавидѣвшіе, изо всѣхъ силъ старались поддерживать дружескія отношенія, видались запросто и вступали въ интимные разговоры. Бибиковъ предложилъ даже разъ Левицкому сосватать ему свою свояченицу, прибавивъ, что она—богатая невѣста, и что жаль, если она достанется какому-нибудь кирасиру. По своей манерѣ говорить обо всемъ, не стѣсняясь, даже о самыхъ щекотливыхъ предметахъ, онъ возобновилъ этотъ разговоръ и теперь.

— Знаете что, сказалъ онъ послѣ словъ Левицкаго что онъ хотѣлъ бы уѣхать въ провинцію. — Вы вѣдь меньше какъ губернаторомъ въ провинцію не поѣдете. Ну, а какой-же губернаторъ служить изъ-за жалованья, точно становой какойнибудь! Жалованье уйдетъ на

представительство, на балы, на обѣды, да и то еще придется своихъ приплатить.

— Еслибъ я былъ губернаторомъ — чего, впрочемъ, никогда не будетъ — то мои обѣды состояли бы изъ трехъ блюдъ, служилъ бы у меня тотъ же Степанъ, который служить теперь и котораго я никакъ не могу приучить, чтобъ онъ мылъ себѣ всякій день руки; а что до баловъ, то я, пожалуй, пригласилъ бы тапѣра и велѣлъ бы подать чай и пирожки изъ кондитерской. Все это я могъ бы сдѣлать, не выходя изъ своего бюджета, и увѣряю васъ, у меня было бы очень весело. Вы, впрочемъ, знаете мой образъ жизни. Вы знаете, какъ я смотрю на пріемы, на представительство и на все такое... Вы должны еще помнить то время, когда я жилъ въ пятомъ этажѣ и когда ко мнѣ съ душевнымъ прискорбіемъ поднимались туда разные господа, которые дѣлали видъ, что они до тѣхъ поръ и не знали даже, что бываютъ пятые этажи. И посмотрите, какъ они скромно сидѣли въ моей пріемной, на моихъ буковыхъ стульяхъ. Теперь, я, по необходимости, расширилъ рамки моей жизни, но, знаете ли? я очень жалѣю объ этомъ! Моя лѣстница въ девяносто ступеней и мои буковые стулья служили мнѣ отличной мѣркой, чтобы узнавать людей. Кому тяжело было сосчитать эти ступени, того я избавлялъ отъ труда ходить ко мнѣ. Ну, а кто приходилъ по дѣлу, тому я удѣлялъ часъ, два часа, двѣ минуты, смотря по тому, каково было это дѣло. Если оно состояло въ томъ, чтобы засвидѣтельствовать мнѣ почтеніе, то я обыкновенно куда-нибудь торопился, вынималъ часы и говорилъ съ сожалѣніемъ, что больше двухъ минутъ никакъ удѣлить не могу. И

въ этомъ случаѣ мои буковые стулья сослужили мнѣ большую службу. Бархатныя кресла какъ-то ужасно располагаютъ къ тому, чтобы просидѣть два часа лишнихъ; тутъ, пожалуй, и сигару предложить, и чашку кофе, а такъ-какъ говорить не о чемъ, то, пожалуй, и сплетничать станешь. Вотъ вамъ и представительство ваше!.. Да это такая язва въ нашемъ общественномъ организмѣ, которую надо вырѣзать немедленно, а мы боимся къ ней прикоснуться, мы даемъ ей расти, разбѣдять насъ, питаться нашими соками! Вы посмотрите, не пройдетъ и десяти лѣтъ, какъ наше общество начнетъ разлагаться совсѣмъ.

— Да, и ко времени вашего губернаторства все будетъ такъ гнило, сказалъ Бибиковъ съ насмѣшкой:— что вы, пожалуй, и въ провинцію не поѣдете, потому что, какъ хотите, а гнилой Петербургъ все-таки лучше гнилой провинціи. Ну, да не въ томъ дѣло! Знаете, я вамъ серьезно говорю: что вы не посвщаетесь къ Лизѣ? ей замужъ пора; вы посмотрите-ка, какъ тяжелая кавалерія наступаетъ. Вѣдь эдакъ не успѣешь оглянуться, какъ она зацѣпится за шпору какого-нибудь кавалериста.

Левицкій задумчиво перелистывалъ какую-то книгу.

— Жениться на богатой дѣвушкѣ было бы съ моей стороны безуміемъ, проговорилъ онъ.—Вопервыхъ, я не допускаю неравенства состояній въ бракѣ; а во-вторыхъ, богатая жена захочетъ представительства, а я сейчасъ говорилъ вамъ, какого я о немъ мнѣнія.

— Ну, батенька, это что, это пустое! У васъ будетъ простой дубовый кабинетъ съ кожаными креслами, а у жены своя гостиная, тоже простенькая, розоваго дере-

ва, какого-нибудь персиковаго цвѣта, съ куклами, съ амурами — женщинамъ игрушки можно позволить. У васъ Степанъ будетъ прислуживать, а у жены своя прислуга — человекъ пять лакеевъ, камерфрау, ну, тамъ еще что нужно, это до васъ не касается... Да вы посмотрите, вотъ у насъ... Вонъ видите, у кувшина носикъ отбитъ, это я изъ него умываюсь. А въ спальнѣ серебряная лохань стоитъ, это жена умывается. Вотъ, сейчасъ опять чашка на столѣ: въ ней мнѣ воду для бритья приносятъ, а когда я обѣдаю, т. е. когда я одинъ обѣдаю, мнѣ въ ней же салатъ подаютъ! Вотъ вамъ! Ужъ на что проще меня... проще меня никто не живетъ. А женѣ я не мѣшаю.

— Мои понятія о женитьбѣ нѣсколько иныя, сказалъ Левицкій, вставая.—Еслибы мнѣ подали воду для бритья въ салатникѣ — или, пожалуй даже салатъ въ водѣ для бритья—я бы, признаюсь, считалъ свое семейное счастье не прочнымъ. Теперь о моихъ удобствахъ заботится Степанъ, и довольно скверно заботится, надо сказать правду; но я съ этимъ еще кой-какъ мирюсь. Но если жена будетъ обо мнѣ такъ же заботиться... вы меня извините! Я цѣлый день работалъ, усталъ, хочу отдохнуть, а мнѣ вдругъ... (онъ снялъ съ пыльнаго подноса стаканъ, гдѣ вмѣстѣ съ молокомъ плавали двѣ мухи) мнѣ вдругъ такое молоко подаютъ!..

Бибиковъ зѣвнулъ.

— А вы, кажется, не выспались? спросилъ Левицкій, оборачиваясь.

— Завтра надо чѣмъ свѣтъ въ казначейство ѣхать, оправдывался Бибиковъ.

— Такъ что же мы сидимъ! Давайте спать. Васъ

когда можно на этой недѣлѣ застать? я къ вамъ въ банкъ заѣду.

— Да когда хотите.

— Да вѣдь васъ никогда не застанешь.

— Да, пожалуй, что и такъ, сказалъ Бибииковъ, раздѣваясь:—я у васъ лучше самъ буду.

— Надуете вѣдь?

— Нѣтъ! ну, вотъ. Нѣтъ, ей-Богу, буду... Въ среду буду.

— Въ которомъ часу?

Бибииковъ посмотрѣлъ на потолокъ.

— Ну, ужъ вотъ въ которомъ часу, я не знаю.

— До двѣнадцати у меня пріемъ, говорилъ Левицкій. — Въ часъ я въ комитетѣ, въ три часа—у министра. Отъ пяти часовъ я свободенъ. Мнѣ бы хотѣлось поговорить съ вами серьезно. Надо же въ самомъ дѣлѣ рѣшить, что я буду дѣлать съ моими деньгами.

Хозяинъ давно ужъ храпѣлъ богатырскимъ сномъ, а гость все еще не ложился и долго ходилъ по комнатѣ. Напрасно старался онъ побѣдить разныя тревожныя мысли, которыя одолѣвали его по ночамъ. Какъ и всѣ почти нервныя люди, онъ страдалъ періодическими безсонницами, противъ которыхъ безсильными оказывались всѣ лекарства, и страшныя количества хлорала, и морфія, которыя онъ вливалъ въ себя въ такое время, только раздражали его воображеніе.

VI.

Николай Огневъ совсѣмъ почти не жилъ дома. Съ сестрами ему было скучно, а отца онъ избѣгалъ, по-

тому что тотъ былъ характера тяжелого, угрюмаго и ревниво слѣдилъ за дѣтьми. Онъ мало говорилъ съ ними, но тяжесть его присутствія чувствовалась невольно. Посѣдѣвшій и высохшій за работой, всегда недовольный собой и всѣмъ міромъ, никогда не выдавшій ясныхъ дней въ своей жизни, голодавшій въ молодости и кое-какъ перебивавшійся въ старости, онъ однимъ своимъ появленіемъ убивалъ всякое оживленіе въ своихъ дѣтяхъ. Его косматыя, почти бѣлыя брови, желтоватый блескъ его глазъ, глубокія, какъ ножомъ проведенныя морщины на лицѣ и напружившіяся жилы на лбу, при малѣйшемъ волненіи наполнявшіяся кровью, придавали ему такой мрачный, почти дикій видъ, что всякое веселье бѣжало отъ него прочь. На его лицѣ читалась вся скорбная исторія его жизни, состарившая его преждевременно. Въ пятьдесятъ лѣтъ онъ глядѣлъ семидесятилѣтнимъ старикомъ, ходилъ сгорбившись, съ трудомъ читалъ при свѣчахъ и съ большимъ напряженіемъ писалъ тѣ статьи, которыми существовала его семья. Онъ поставлялъ для газетъ разныя ученныя рецензіи и библиографическія замѣтки, гдѣ каждая строка стоила ему ему неимоверныхъ трудовъ и гдѣ, чтобы написать пятнадцать строкъ, онъ прочитывалъ два-три объемистые тома, справлялся въ десяти сочиненіяхъ и рылся въ архивахъ.

Его любимымъ трудомъ, надъ которымъ посмѣялся Левицкій, назвавши его введеніемъ къ какой-то исторіи, была „Книга о началахъ цивилизаціи“, которую онъ писалъ уже пятнадцатый годъ. Эта книга была его отдыхомъ, его усладой въ часы досуга. Но онъ самъ уже начиналъ понимать, что не въ силахъ будетъ ее кон-

чить, потому что, по его соображеніямъ, она требовала еще сорокъ пять лѣтъ труда.

Желая сохранить свою независимость, Николай старался какъ можно меньше бывать дома.

По своей привычкѣ быстро и легко со всѣми знакомиться, онъ сошелся вдругъ съ младшимъ Левицкимъ, Дмитріемъ и, встрѣтившись съ нимъ два раза въ паркѣ, вступилъ съ нимъ въ пріятельскія отношенія. Сестры Николая скоро узнали объ этомъ, потому что онъ каждый день говорилъ имъ, какой славный малый этотъ Дмитрій.

— Хотите, я вамъ приведу его? спросилъ онъ разъ.

Нина подумала, что это можетъ быть непріятно Павлу Левицкому, и сказала, что не хочетъ этого знакомства.

— Если вы такъ будете ото всѣхъ бѣгать, вы вѣкъ свой просидите въ дѣвкахъ, замѣтилъ Николай, обиженный тѣмъ, что его услуги не принимаются. — Что вы думаете, что тотъ что-ли на васъ женится? (Сестры поняли, кого онъ подразумѣвалъ подъ словомъ тотъ). Какже! непременно! Мнѣ вонъ братъ его рассказывалъ, что онъ женится на какой-то Полѣновой.

— На комъ? спросила Лиза живо.

— Ну, да все равно на комъ! на васъ не женится.

— На Полѣновой! воскликнула Лиза. — Это, должно быть, тѣ самыя, обратилась она къ сестрѣ: — ты помнишь? На одной изъ нихъ Яковлевъ былъ женатъ.

Нина подняла свое блѣдное лицо.

— Можетъ быть! сказала она коротко.

Николай посидѣлъ еще немного и, не подозрѣвая, какой страшный ударъ нанесъ онъ сестрѣ, отправился

къ своему новому знакомому. Дача Левицкаго была недалеко. Вся она состояла изъ какихъ-то вычурныхъ павильоновъ, неудобныхъ для жилья, но красивыхъ снаружи. Передъ террасой были раскинуты цвѣтники и дорожки, но на мѣстѣ деревьевъ качались одни только чахлые подсадки: какіе-то длинные прутья съ жидкой зеленью. По всему саду разставлены были садовыя скамейки отъ Санъ-Галли, а тамъ, гдѣ на планѣ значилась бесѣдка, торчали изъ травы бѣлые колышки. На деревянныхъ тумбахъ, окрашенныхъ подъ мраморъ, стояли красныя глиняныя вазы съ ползучими растеніями. На садовой рѣшеткѣ и на воротахъ при вѣздѣ во дворъ прибиты были доски съ надписью: Дача Левицкаго.

Самъ Левицкій, вооружившись большимъ садовымъ ножомъ, сидѣлъ на деревѣ, не въ саду, потому что въ саду деревьевъ не было, а на дворѣ передъ окнами своей спальни, и старательно обрѣзалъ сухія вѣтви, которыя съ легкимъ трескомъ летѣли внизъ, гдѣ лежали уже кучи другихъ такихъ же сучьевъ. Изъ окна смотрѣла его мамаша, полная старушка, въ бѣломъ чепцѣ, съ распушенными отъ жары завязками. Сынъ то просилъ ее подняться на верхъ посмотрѣть, хорошъ ли теперь видъ изъ окна, то вдругъ, высунувшись изъ-за листьевъ, говорилъ ей озабоченно:

— Вы эти прутья не велите бросать, мамаша! Это растопка отличная.

Онъ слѣзь, наконецъ, съ дерева и, жалуюсь на усталость, сѣлъ на скамейку.

— Просто спины не разогну! говорилъ онъ слабымъ голосомъ. — Дайте мнѣ хоть стаканъ воды, мамаша.

— Что это, Митя, говорила мать, подавая ему во-

ду: — ты точно по найму работаешь. Ну, взялъ бы, да и отдохнулъ.

Но сынъ только рукой махнулъ.

— Ты бы легъ, Митенька, говорила мать съ безпокойствомъ.

— Да что-жъ лечь, мамаша! какая польза лечь...

Онъ продолжалъ печально смотрѣть передъ собою, какъ человѣкъ, сдѣлавшій огромное и трудное дѣло, котораго никто не понялъ.

Онъ сталъ вдругъ жаловаться на скуку, на то, что его жизнь чортъ знаетъ какъ сложилась, что онъ все долженъ дѣлать самъ, а если чего не сдѣлаетъ, такъ никто въ домѣ не сдѣлаетъ, что онъ вотъ другую недѣлю боленъ, а никто этого замѣчать не хочетъ, что вообще онъ не знаетъ, для чего онъ живетъ на свѣтѣ.

Онъ былъ изъ тѣхъ внутренно-скупающихъ и наружно безпечныхъ людей, которые всѣхъ обманываютъ своимъ цвѣтущимъ и оживленнымъ видомъ. Ихъ суетливость принимается за живость характера, ихъ безпокойное метаніе — за дѣятельность. Но стоитъ имъ только на одинъ мигъ остаться наединѣ съ собой, чтобы почувствовать ту гнетущую тоску, отъ которой люди идутъ вѣшаться и топиться.

Дмитрій былъ неглупый человѣкъ, но братъ былъ правъ, говоря, что скука гонится за нимъ по пятамъ. Онъ не могъ пристроить себя ни къ чему. Интересъ къ какому-нибудь дѣлу такъ же быстро зажигался въ немъ, какъ и угасалъ. Въ немъ не было той искры, которая, разгораясь, способна охватить человека, какъ пожаръ, толкнуть его на подвигъ, на преступленіе, на долгій изнурительный трудъ. Въ немъ

вспыхивали только огоньки, угасавшіе отъ перваго вѣтра. Вся его жизнь проходила въ томъ, что онъ отыскивалъ свое призваніе, воображалъ себя то музыкантомъ, то архитекторомъ, то литераторомъ. Въ послѣднее время онъ вообразилъ себя аферистомъ и купилъ дачу, чтобы потомъ выгодно ее перепродать. Онъ истратилъ на нее всѣ свои деньги, увѣренный, что онъ вернется ему сторицею. Половину ея онъ занялъ самъ, а половину отдавалъ въ наймы. Когда наступалъ іюнь, а дача еще не была нанята, онъ сталъ задумываться. Наконецъ, дачу наняли. Когда пришелъ Николай, Левицкій выскочилъ нарочно на крыльцо, чтобы сказать ему объ этомъ.

— Новость могу вамъ сообщить! дача нанята.

И забывая, что, за минуту передъ тѣмъ, былъ очень боленъ, что мать принесла ужъ ему внизъ подушку и халатъ, потащилъ его наверхъ смотрѣть, какой теперь видъ съ балкона.

— Тутъ прежде дерево мѣшало, объяснялъ онъ, блистая глазами. — Я его немножко подрѣзалъ; посмотрите, какой видъ сталъ! просто восторгъ!

Николай прищурилъ глаза, сказалъ, что видъ дѣйствительно хорошъ и закурилъ папиросу. Считая Левицкихъ очень богатыми людьми, онъ старался держать себя непринужденно, даже небрежно, чтобы показать, что онъ нисколько въ нихъ не заискиваетъ. Въ первый же свой визитъ къ нимъ, увидавъ въ гостиной пианино, онъ сѣлъ его попробовать и съ большой непринужденностью сыгралъ какой-то вальсъ, о чемъ его никто не просилъ. Левицкіе, большіе хлѣбосолы, пригласили его обѣдать. За обѣдомъ онъ сидѣлъ бокомъ и слегка что-то

напѣвалъ. О кушаньяхъ онъ судилъ съ видомъ знатока; съ Дмитріемъ нѣсколько разъ заговаривалъ по-французски съ ошибками, которыхъ тотъ не замѣчалъ, потому что самъ говорилъ плохо.

VII.

— Что вы все дома сидите? началъ Николай, когда они сошли сверху и, въ ожиданіи чая, усѣлись въ залѣ на окнѣ.—Что за идиллія такая! сельскимъ хозяйствомъ занимаетесь, цвѣты сажаете... Точно этого садовникъ не сдѣлаетъ. Знаете что? Сестры очень хотятъ съ вами познакомиться. Приходите какъ-нибудь.

— Я очень радъ, отвѣтилъ Дмитрій, который никогда ни отъ какого знакомства не отказывался.

— Да вы безъ церемоній, за-просто. Вашъ братъ у насъ часто бываетъ. Онъ—славный малый, вашъ братъ.

— Да, онъ хорошій человѣкъ, сказалъ Дмитрій задумчиво. (При имени брата лицо его принимало всегда какое-то особенное, сосредоточенное выраженіе).—Онъ очень хорошій человѣкъ...

— Кажется, Паша пріѣхалъ! крикнула мать, захватившись и стараясь взобраться на горку, чтобы видѣть оттуда, кто подѣхалъ.

Дмитрій вскочилъ и въ одинъ мигъ былъ наверху. Онъ тотчасъ же узналъ брата.

— Насчетъ чаю распорядитесь, мамаша! говорилъ онъ торопливо.—Да есть ли у васъ вино?

— Вчера двѣ бутылки было—я не знаю; ты развѣ пилъ...

— Да вотъ нужно бы хлѣба этого, продолжалъ онъ, не слушая.—Вы знаете, онъ сдобный хлѣбъ любить. Къ чаю бы...

— Я пошлю, Митя.

— Вы знаете ли какой, мамаша?

— Да знаю, знаю.

— Если онъ ночевать будетъ, у меня въ комнатѣ ему постелите, говорилъ онъ, уходя.—Я тогда внизу лягу.

Братья встрѣтились въ воротахъ.

— Ты дома! сказалъ Павелъ съ удивленіемъ.—Что за чудо?

— Я всѣ эти дни дома. Тутъ надо было распорядиться, то, другое... Ты знаешь, дача нанята!

— Знаю. Слышалъ.

— Ты посмотри, какъ я имъ балконъ отдѣлалъ! Какой видъ будетъ сверху! Вотъ тутъ на дворѣ одно дерево мѣшало, я нѣсколько сучьевъ обрубилъ, совсѣмъ другой видъ сталъ. Тутъ бесѣдка будетъ! объяснилъ онъ, замѣтивъ, что братъ смотрѣлъ вопросительно на бѣлые ряды кольевъ.—У меня ужъ рисунокъ есть, я тебѣ покажу. А тамъ вонъ у меня липовая аллея. Отлично липы прижились! Я не ожидалъ даже... Вотъ и мамаша! первая тебя увидала.

— Совсѣмъ задохлась! говорила мамаша, цѣлуя сына.—Ну, что ты, какъ? Намедни въ городѣ тебя видѣла; за покупками ѣздила. Хотѣла тебѣ крикнуть, да ты съ какимъ-то бариномъ шелъ, разговаривалъ...

— Въ городѣ были, а ко мнѣ не заѣхали, сказалъ Павелъ съ укоризной.

— Батюшка, да со мной узловъ-то сколько

Меня бы къ тебѣ и не пустили. У васъ швейцаръ такой важный.

— Швейцаръ важный! полноте! Мать не ѣздитъ къ сыну потому, что у него швейцаръ важный.

— Да конечно, Папа. Ну, зачѣмъ это я вдругъ къ тебѣ съ узлами полѣзу. У васъ тамъ день-деньской кареты у подѣзда стоятъ, а я вдругъ съ узлами, да еще эдакая-та чумичка! Шляпа не шляпа, бурнусъ не бурнусъ.

— Полноте, мамаша! Я вамъ завтра-же пришлю бурнусъ.

— И не надо, Папа, и не присылай. Не возьму. Захочешь меня видѣть, самъ ко мнѣ приѣдешь, а ужъ мнѣ по вашимъ лѣстницамъ таскаться тяжело.

— Да, такъ вамъ тяжело ко мнѣ на лѣстницу подняться? Это — дѣло другое. Зачѣмъ же говорить объ узлахъ! Я знаю, что васъ не узлы задерживаютъ.

— Ты подумай только, продолжала старуха: — ну куда мнѣ на старости лѣтъ одѣваться. Нынче платьѣ носятъ узкое, барыни вонъ въ мужскихъ пальтахъ ходятъ; ну, какъ я такое пальто надѣну.

— Оставьте, мамаша! что тутъ пальто! Дѣло не въ пальто. Вамъ трудно ко мнѣ на лѣстницу взойти, вы такъ и говорите. Лѣстница моя, впрочемъ, не высока, гораздо ниже той, на которую вы нынѣшнюю зиму поднимались каждый день.

Старуха вдругъ покраснѣла. Вся кровь бросилась ей въ лицо.

— Ну, что ужъ говорить, Папа! сказала она совсѣмъ измѣнившимся голосомъ. — Самъ ты радѣхонекъ, что я у тебя не бываю. Какъ припру я съ узлами, такъ ты

себѣ мѣста отъ стыда не найдешь. Намеднись я какъ-то и безъ узловъ къ тебѣ пришла, такъ ты меня пряталъ, пряталъ отъ гостей-то, не зналъ въ какую комнату и посадить.

Сынъ тоже вспыхнулъ.

— Я васъ ни отъ кого не пряталъ, возразилъ онъ рѣзко. — Ко мнѣ приѣхалъ человѣкъ по дѣлу, человѣкъ, который у меня бываетъ разъ въ годъ — не могъ же я его знакомить со всей своей родней? Вы мнѣ ужъ нѣсколько разъ напоминаете объ этомъ.

— Потому и напоминаю, что знаю, что это правда. Ну, этотъ по дѣлу, а то къ тебѣ и не по дѣлу приходили, а ты меня никому не показывалъ. Вонъ у тебя по субботамъ гости бывали, ты меня ни въ одну субботу не позвалъ.

— Какъ я могъ васъ звать, когда вы въ десять часовъ спать ложитесь, а у меня въ одиннадцатомъ часу только собираются?

— Да ужъ это мое дѣло, когда я ложусь. Коли трудно, я бы сама не пошла. А ты меня все-таки позвать долженъ. А ты вонъ и брата-то стыдишься. Ну, я стара, я рано спать ложусь, а братъ-то вѣдь не въ 10 часовъ ложится.

Дмитрій стоялъ къ нимъ бокомъ и смотрѣлъ въ заборъ.

— Будетъ вамъ, мамаша! проговорилъ онъ не оборачиваясь. — Оставьте!

Онъ вспомнилъ, что въ комнатахъ сидитъ Николай и можетъ ихъ слышать. Но старуха такъ разгорячилась, что ничего не помнила.

У ПРИСТАНИ.

— Братъ въ кои-то вѣки къ тебѣ придетъ, такъ ты и то съ нимъ двухъ словъ не скажешь.

— Вы забываете, что я человѣкъ занятой, перебилъ Павелъ, выходя изъ себя: — что мнѣ каждая минута дорога! Я ночи, наконецъ, не сплю! иногда пообѣдать не имѣю времени. И если братъ приходитъ ко мнѣ въ такія минуты, вы мнѣ дѣлаете выговоръ, что я его не занимаю. Какая же вы мать послѣ того и какой онъ мнѣ братъ, если я его занимать долженъ. Это не родственныя отношенія, а... чортъ знаетъ какія!

Старуха нѣсколько оторопѣла. Она боялась старшаго сына, и надо было ужъ очень разсердить ее, чтобы она забыла этотъ страхъ. Но гнѣвъ ея продолжался недолго.

— Коли ты такъ занятъ, начала она спадая съ тону:—ну, ты бы насъ позвалъ, когда тебѣ посвободнѣе.

— Что такое позвать? Какъ вамъ не стыдно это говорить! Я могу звать постороннихъ, но родная мать и братъ могутъ, я думаю, придти и безъ зову. Это смѣшно, наконецъ, чтобы я васъ еще сталъ звать. Мнѣ этого въ голову никогда не приходило. Отчего же я у васъ бываю, не дожидаясь приглашенія?

— Ты—совсѣмъ другое дѣло. Мы тебѣ всегда рады.

— А вы развѣ знаете, что я вамъ не радъ? Изъ чего вы это заключили?

— Оставь, пожалуйста! остановилъ его тихо Дмитрій, подходя къ нему и дѣлая видъ, что хочетъ снять у него что-то съ рукава.—Тутъ есть посторонній.

Братъ быстро обернулся.

— Кто такой?

— Ты, кажется, знаешь его: Огневъ.

Павелъ закусилъ губы.

— Что же это мы, даровое представленіе даемъ! спросилъ онъ, мѣняясь въ лицѣ.

Присутствіе посторонняго и то, что его объ этомъ не предупредили, взбѣсило его. Одну минуту онъ думалъ, ни слова не говоря, повернуться и уйти; но вспомнивъ, что Огневъ—его знакомый и что оставить его подъ впечатлѣніемъ этой сцены было бы неловко, рѣшилъ остаться.

— Ты мнѣ хотѣлъ что-то показать, обратился онъ къ брату. — Балконъ что ли какой?

— Да, да, пойдемъ.

Проходя черезъ залу, они увидали Николая, который стоялъ у стѣны и смотрѣлъ, прищурившись, на какую-то картину.

— Кого я вижу? воскликнулъ Левицкій, притворяясь удивленнымъ. — Да вы знакомы съ братомъ! Я этого и не зналъ.

Онъ увлекъ его за собой, спрашивалъ о сестрахъ, объ отцѣ, сказалъ, что на дняхъ будетъ у нихъ самъ, и вообще былъ такъ любезенъ, какъ онъ умѣлъ бывать съ тѣми, кому желалъ понравиться.

Онъ даже попросилъ его что-нибудь сыграть, и, когда Николай ушелъ для этого въ залу, онъ, оставшись съ братомъ и матерью на балконѣ, сдѣлался вдругъ серьезенъ и, нахмуривъ брови, молчалъ. И братъ и мать—послѣдняя особенно—чувствовали себя виноватыми. Они ничего такъ не боялись, какъ этого мрачнаго молчанія. Нѣсколько разъ они пробовали заговорить съ нимъ, но онъ отвѣчалъ односложно и сталъ смотрѣть на часы.

— Ты развѣ у насъ не ночуешь, Паша? спросила старуха.

— Нѣтъ, мнѣ надо быть еще въ одномъ мѣстѣ.

— Кстати, мнѣ нужно поговорить съ тобой, обратился онъ къ брату.—У меня есть въ виду мѣсто для тебя. Если ты желаешь, я буду хлопотать о немъ.

— Да пока я не знаю, возразилъ Дмитрій нерѣшительно.—Это, впрочемъ, будетъ зависѣть отъ того, какое мѣсто.

— Не министерское, я тебя предупреждаю. Министерскія мѣста всѣ заняты.

— Я тебѣ скажу откровенно... Мнѣ хотѣлось бы лѣтомъ отдохнуть.

— Отъ какихъ это трудовъ? спросилъ братъ насмѣшливо.

— Ты — удивительный человѣкъ! Ты все думаешь, что никто ничего не дѣлаетъ. У всякаго есть свое дѣло.

— У тебя какое, напримѣръ? Пять разъ въ недѣлю ѣздить къ Полѣновымъ и возить туда букеты изъ своихъ оранжерей?

Дмитрій вскочилъ.

— Къ кому и сколько разъ я ѣзжу, это ни до кого не касается. Я не слѣжу за тобой, куда ты ѣздишь... И себя учить не позволю! И считаю это неделикатнымъ съ твоей стороны.

Павелъ всталъ тоже.

— Ты знаешь, почему я позволилъ себѣ заговорить объ этомъ?.. Потому что меня просили дать тебѣ понять, что если это будетъ такъ продолжаться, тебѣ откажутъ отъ дома.

Дмитрій совсѣмъ растерялся.

— Тебя никто не могъ просить объ этомъ, вымолвилъ онъ глухо.

— Ты ошибаешься. Я былъ тамъ на этой недѣлѣ. Старикъ сталъ мнѣ жаловаться, что ты компрометируешь ихъ домъ, что ты такъ преслѣдуешь эту барышню, ихъ гувернантку, что это становится, наконецъ, неприлично. Я взялъ, разумѣется, твою сторону, хотя мнѣ было это очень непріятно, я долженъ сознаться. Я попробовалъ намекнуть ему, что онъ можетъ отказать этой барышнѣ, если она, по его мнѣнію, такъ дурно ведетъ себя. Тогда, *il a lâché le mot*—она сама жаловалась ему на тебя, что ты ее преслѣдуешь.

— Это вздоръ!.. этого не можетъ быть! повторялъ Дмитрій безсвязно.

— Если ты находишь, что это вздоръ, то продолжай вести себя, какъ тебѣ угодно. Но ты предупрежденъ. Помни это!.. Не пеняй потомъ на меня, если я, изъ-за пустой дѣвчонки и твоихъ отношеній къ ней, не захочу порвать связей съ домомъ, который я уважаю. Теперь я держу твою сторону, но потомъ... ты не удивляйся, если я тебя оставлю. Ты самъ вынуждаешь меня къ этому. Ты ставишь меня въ такое глупое положеніе, изъ котораго мнѣ выйти будетъ нелегко. Я, впрочемъ, привыкъ къ этому. Это ужъ не первый случай, что твой капризъ портитъ мнѣ все! Я бывалъ въ домѣ нѣсколько лѣтъ, и наши отношенія были прекрасныя. Явился ты, и я на волосъ отъ разрыва.

Дмитрій такъ былъ пораженъ, что стоялъ какъ потерянный. Мать, хотя уже и привыкшая къ любовнымъ бурямъ своего фаворита, не могла, однакожъ, удержать-

ся, чтобы не всплакнуть. Слезы такъ и катились по ея мягкимъ, морщинистымъ щекамъ.

Павель видѣлъ это, и это раздражало его. Онъ зналъ, что мѣсяца не пройдетъ, какъ братъ утѣшится и будетъ опять кататься въ желтомъ шарабанѣ, что весь этотъ любовный капризъ затѣянъ отъ бездѣлья, какъ десятки другихъ, ему подобныхъ. Оплакивать это, какъ несчастіе, дѣлать изъ этого событіе особой важности казалось ему непростительнымъ со стороны матери. Онъ тѣмъ меньше могъ ей простить это, что не видѣлъ въ ней никогда сочувствія къ себѣ. Эти скорби праздныхъ людей, готовыхъ плакать отъ укола булавки, возмущали его, челоѣка труда, который каждый свой шагъ въ жизни бралъ съ бою. Разгоряченный этими мыслями и громкой музыкой военного марша, доносившагося изъ залы, онъ сталъ говорить съ матерью горько и рѣзко.

Онъ припомнилъ ей все, что онъ вынесъ въ своей жизни, и сравнилъ свое положеніе съ положеніемъ брата, который, желая срывать одни цвѣты удовольствія, чувствовалъ себя несчастнымъ, когда они не росли на его пути. Онъ коснулся даже воспоминаній далекаго прошлаго, когда Дмитрій ходилъ въ бархатныхъ курточкахъ и былъ заваленъ игрушками, а онъ, Павель, учился по рваннымъ учебникамъ, купленнымъ на толкучкѣ, или, не имѣя ихъ вовсе, долженъ былъ списывать уроки у товарищей.

Припомнилъ, какъ Дмитрія опредѣляли въ университетъ, откуда онъ вышелъ, не кончивъ курса, а онъ, Павель, всюду опредѣлялъ себя самъ и самъ содержалъ

себя, не только не пользуясь ни копѣйкой отъ матери, но еще ей же помогая изъ своихъ скудныхъ средствъ.

— И вы послѣ этого удивляетесь моей жестокости! продолжалъ онъ, разгорячаясь. — Да какое вы имѣли право ожидать отъ меня мягкости? Развѣ вы падали когда-нибудь мое самолюбіе? развѣ вы устилали мою жизнь розами? Вы бросили меня, ребенка еще, въ этотъ базаръ, называемый петербургской жизнью! Я защищался, какъ умѣлъ. Получая удары отовсюду, я научился возвращать ихъ. Я привыкъ къ нимъ, наконецъ, я отупѣлъ. Но если я равнодушенъ къ моимъ страданіямъ, не ждите же отъ меня, чтобы я плакалъ надъ вашими. Я не жаловался вамъ никогда, помните это... Я не приходилъ къ вамъ съ своимъ горемъ, потому что вы его ни разу не раздѣлили. Если я не погибъ, не пропалъ, если я сдѣлался челоѣкомъ, то я этимъ обязанъ не вамъ, а себѣ и только себѣ. Я это съ гордостью могу сказать. Можетъ быть, впрочемъ, я долженъ васъ благодарить за то, что вы не взяли меня на свое попеченіе и предоставили меня моимъ собственнымъ силамъ. Можетъ быть, этому я обязанъ своимъ успѣхомъ, котораго вы мнѣ не прощаете, потому что вы готовили его не мнѣ.

— Полно, пожалуйста! перебилъ его Дмитрій, въ свою очередь раздраженный. — Никто у тебя твоего успѣха не отбивалъ. Хватай себѣ звѣзды съ неба, сватайся въ томъ домѣ, изъ котораго твоего брата выгоняютъ въ шею... сдѣлай одолженіе! Тебя вѣдь только то и беспокоило, чтобы я не вздумалъ сдѣлать скандала въ семьѣ, гдѣ ты такъ прекрасно принялъ. Ты и тутъ, какъ и вездѣ, думалъ только о себѣ.

Павелъ тяжелыми шагами ходилъ по балкону. Тонкія ноздри его раздувались. Но онъ молчалъ; онъ видимо старался удерживать закипавшую въ немъ желчь и не говорилъ ничего, чтобы не сказать слишкомъ много. Страсти разгорались съ обѣихъ сторонъ. Мать то блѣднѣла, то краснѣла; слезы ея высохли. Въ ней тоже подымалась внутренняя борьба; сердце ея было на сторонѣ младшаго сына, но въ словахъ старшаго слышалась ей горькая правда.

— Странная вещь! продолжалъ Дмитрій: — что я ни сдѣлаю, я все становлюсь тебѣ на дорогѣ. То я тебѣ по службѣ повредилъ, то я своими поступками положилъ тѣнь на твое имя, то я, наконецъ, твоимъ сердечнымъ дѣламъ помѣшалъ!

— Сердечнымъ! перебилъ Павелъ съ презрѣніемъ. — На этой дорогѣ мы съ тобой никогда не встрѣтимся. Ты можешь быть покоенъ.

— Ты въ своемъ деспотизмѣ доходишь до того, что я, наконецъ, не смѣю бывать въ домѣ, гдѣ живетъ твой предметъ.

— Ты можешь бывать во всякихъ домахъ, кромѣ тѣхъ, гдѣ тебя не будутъ принимать. Что касается до моего предмета, то... ты можешь избавить себя отъ труда отыскивать его.

— Что ты думаешь, что ты съ разными барынями играешь въ дружбу, такъ ты кого-нибудь обманулъ этимъ? говорилъ Дмитрій, хватая вдругъ стаканъ съ холоднымъ чаемъ и залпомъ выпивая его. — Твои намѣренія всѣмъ извѣстны. Ты оттого такъ и боишься моего знакомства съ Полѣновыми, что тебѣ надо оттуда всѣхъ удалить. И ты этого достигнешь, я знаю. Вы не

то, что нашъ братъ! Мы тамъ за какими-нибудь гувернантками, да и то намъ отъ дому отказываютъ. А вы все за соболями... за чернобурими лисицами.

Павелъ взялъ со стола свою шляпу.

— Когда я вамъ буду нуженъ, сказалъ онъ, обращаясь къ матери, — вы за мной пришлите.

И, не прибавивъ ни слова болѣе, не взглянувъ даже на брата, ушелъ изъ дому.

Дмитрій и мать его остались въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Они не смотрѣли другъ на друга, не знали что сказать. Такъ прошло нѣсколько минутъ.

— Что же это? начала старуха. — Онъ вѣдь очень разсердился. Зачѣмъ ты ему про соболей говорилъ? Не надо бы ему этого говорить.

— А ну его къ чорту! разразился вдругъ Дмитрій. — Что онъ, въ самомъ дѣлѣ, думаетъ, что я крѣпостной его, что ли!

— Онъ вѣдь, Митенька, съ хорошими намѣреніями пришелъ: мѣсто тебѣ отыскалъ.

— Вы ужъ мамаша — извѣстная его заступница. Вы на него, какъ на Бога, молитесь. Вы повѣсьте его портретъ у себя подъ образами, да и засвѣтите передъ нимъ лампадку.

— Да что ты говоришь-то? подумай!

— Вы рады, что умнаго сына родили — ну, и живите съ нимъ, съ умницей, а меня дурака оставьте.

— Господи ты Боже мой! воскликнула мамаша съ отчаяніемъ. — И этотъ на меня же...

— Да нельзя съ вами говорить какъ слѣдуетъ. Вздоръ вы все говорите. Я вижу, чего вамъ хочется... Вамъ хочется, чтобы я же къ нему пошелъ прощенья просить.

Ну, ужь нѣтъ! извините! Надоѣло мнѣ это... Будетъ дурака-то разыгрывать. Чортъ его возьми совсѣмъ и съ мѣстомъ его. Съ голоду не умру.

— Будетъ тебѣ! говорила мать, утирая слезы. — Ты бы хоть меня-то пожалѣлъ! Вѣдь я вамъ мать.

— Да хоть бы вы двадцать разъ мать были! Изъ того что вы мать, такъ я долженъ дурака разыгрывать? Нѣтъ, покорно благодарю!.. Вы—мать, такъ вы съ нимъ и миритесь, какъ хотите. А моя нога у него не будетъ. Если онъ сюда придетъ, я изъ дому уйду.

— Послушай, Митенька...

— Да вы, мамаша, молчите ужь! вы — спорщица извѣстная! вы слова никому не дадите сказать!..

Долго еще кипятился Дмитрій, упрекая свою мать въ несправедливости, въ неблагодарности, въ томъ, что съ ней говорить нельзя, пока наконецъ, Николай, сыгравши всѣ свои марши, не вышелъ къ нимъ. Въ спорахъ они такъ увлеклись, что забыли о немъ совсѣмъ и съ удивленіемъ глядѣли на него. Николай, въ свою очередь, смотрѣлъ на нихъ, на ихъ разгоряченныя лица, на недопитой стаканъ Павла и на отсутствіе его самого...

VIII.

Три недѣли прошло съ тѣхъ поръ, какъ Нина разсталась съ Левицкимъ на проспектъ. Онъ не показывалъ глазъ и даже не писалъ. Нина написала ему два письма, но оба ихъ разорвала и потомъ не жалѣла объ этомъ. Послѣ словъ брата, что Левицкій женится, въ

глазахъ ея зажегся мрачный огонь. Она сдѣлалась еще молчаливѣе и, какъ отецъ, искала забвенія въ работѣ. Козловъ досталъ ей мѣсто переводчицы въ газетѣ. Она должна была переѣхать въ городъ и поселилась у Козловыхъ, пріѣзжая къ своимъ на дачу только по праздникамъ.

Козловы жили бѣдно, занимая квартиру изъ трехъ комнатъ. Жена была женщина больная, другой годъ уже не встававшая съ постели, равнодушная ко всему, кромѣ своихъ страданій. Мужъ уходилъ съ раннего утра на службу, возвращался домой часовъ въ шесть и до поздней ночи чертилъ какіе-то проекты. Онъ бралъ эту работу на срокъ и спѣшилъ ее кончить.

Нина каждый день бывала въ редакціи. Издатель газеты былъ ей родственникъ, но она избѣгала встрѣчи съ нимъ, потому что ихъ отношенія были холодныя, почти непріязненныя. Когда-то, дѣтьми еще, они вмѣстѣ росли и сохранили съ тѣхъ поръ неловкую привычку говорить другъ другу ты, но послѣ его женитьбы они разошлись совсѣмъ. Жена его была изъ богатого и очень важнаго семейства. Огневъ былъ бѣденъ, горды, встрѣтили ее подозрительно, разладъ явился скоро, еще скорѣе сталъ расти и выросъ до цѣлой пропасти, раздѣлившей оба семейства. Нина долго колебалась прежде, чѣмъ принять мѣсто переводчицы у своего двоюроднаго брата. Но мучительная, терзающая тоска, но чувство горькой обиды, нанесенной ей другимъ, сдѣлали ее равнодушной ко многому. Всѣ ея мысли были съ тѣмъ, кто нанесъ ей такой жестокий ударъ. Она не простила ему этого и ждала только случая, чтобы объясниться съ нимъ; она съ тайнымъ трепетомъ ждала всякій разъ

домой, ожидая, нѣтъ ли тамъ письма или хоть какого-нибудь извѣстія о немъ. Его самого она почему-то уже не ждала, хотя никакой размолвки между ними не было, такъ что онъ даже и не подозрѣвалъ, какая буря поднялась въ ея душѣ. Онъ не ѣхалъ и не писалъ ей просто потому, что былъ въ это время занятъ другимъ.

Не найдя ея у родныхъ и услышавъ, что она живетъ въ городѣ, Левицкій непритворно удивился. Онъ оставилъ ей нѣжную записку, въ которой называлъ ее „дити мое“ и просилъ подѣлиться съ нимъ своими мыслями. „Дити мое!“ Нина поблѣднѣла отъ гнѣва, разорвала эту записку, но потомъ опомнилась, сложила ее вновь и съ какой-то злой рѣшимостью выучила наизусть. Вспоминая теперь свои прежнія отношенія къ нему и пробѣгая ихъ мысленно, она увидала цѣлый обдуманый, жестокий планъ, состоявшій въ томъ, чтобы ни разу не произносить слова любви и, называя ее дружбой, заставить ее полюбить себя, чтобы потомъ сказать ей, что онъ только ея другъ, не больше, какъ другъ... Она поняла теперь, что тамъ, на самомъ днѣ его души, гдѣ она думала открыть такія сокровища, лежалъ только маленькій кусочекъ льду. Весь жаръ ея любви не въ силахъ былъ растопить его, и слезы горькаго, обиднаго безсилія сверкали въ ея глазахъ. Мысль о свиданіи съ нимъ преслѣдовала ее неотступно.

Она сидѣла разъ въ редакціи, занятая своимъ переводомъ, когда вдругъ кто-то назвалъ ее по имени. Она оглянулася. Подлѣ нея стоялъ самъ издатель, тотъ самый Яковлевъ, встрѣчи съ которымъ она такъ старательно избѣгала. У обоихъ была одна минута колеба-

нія. Оба не знали, что говорить другъ другу: ты или вы. Онъ заговорилъ первый.

— Здравствуй! сказалъ онъ нерѣшительно.—Я очень радъ тебя видѣть.

Она молча наклонила голову. Отцовская кровь заговорила въ ней. Въ его тонѣ послышалось ей что-то покровительственное.

— Мы вчера очень много говорили о тебѣ, продолжалъ онъ.

— Съ кѣмъ это? спросила она непривѣтливо.

— Съ моимъ хорошимъ другомъ, Павломъ Левицкимъ.

Нина измѣнилась въ лицѣ. Онъ это замѣтилъ, потому что его неподвижные голубые глаза были устремлены прямо на нее. Въ выраженіи этихъ глазъ было что-то странное, болезненное. Взглядъ ихъ былъ тяжелъ и непріятенъ. Все его лицо носило на себѣ отпечатокъ глубокихъ душевныхъ и физическихъ страданій. Онъ былъ только на шесть лѣтъ старше Нины, но казался старѣе ея лѣтъ на пятнадцать. Его тонкія, когда-то прекрасныя, но теперь помятыя жизнью черты, его рѣдкіе, мягкіе, какъ шелкъ, волосы и какой-то сѣрый, больной цвѣтъ лица—все придавало ему такой видъ, точно онъ сейчасъ только всталъ послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни. Онъ, дѣйствительно, былъ человѣкъ больной и каждый годъ ѣздилъ за-границу, гдѣ пилъ воды, лечился бромомъ, электричествомъ, подкожными впрыскиваніями, карболовой кислотой, смотря по тому, что было тогда въ модѣ.

— Что же твой хорошій другъ говорилъ тебѣ обо мнѣ? спросила Нина, стараясь побороть себя и взглянуть ему прямо въ глаза.

Онъ пытливо смотрѣлъ на нее.

— Онъ говорилъ о тебѣ много хорошаго.

— И возбудилъ въ тебѣ желаніе познакомиться со мной?

— Развѣ мы незнакомы?

Онъ взялъ стулъ и сѣлъ около нея.

— Я тебѣ не мѣшаю? спросилъ онъ.

— Этого перевода ждутъ въ типографіи, отвѣтила она уклончиво.

Онъ съ удивленіемъ поднялъ голову.

— Ну, я не буду тебѣ мѣшать, сказалъ онъ, вставал. — Но когда ты кончишь, я былъ бы очень радъ, еслибы ты зашла ко мнѣ.

— Хорошо! отвѣтила она сухо, такимъ тономъ, который ясно говорилъ: — я надѣюсь, что это свиданіе не будетъ продолжительно.

Манеры Яковлева не понравились ей. Чувство безпокойной подозрительности рисовало ей все въ черномъ цвѣтѣ. Ей представилось, что двоюродный братъ для того нарочно и приходилъ, чтобы унижить ее, чтобы напомнить, что она его работница... Она видѣла, какъ онъ прошелъ въ другую комнату и какъ первый политикъ предложилъ ему свой стулъ, а какой-то брюнетикъ съ еврейской фізіономіей, должно быть, случайный корреспондентъ, лебезилъ передъ нимъ и умиленно о чемъ-то спрашивалъ, вѣроятно, о здоровьи, а можетъ быть, и о томъ, будетъ ли напечатана его статья. Обращеніе всѣхъ съ Яковлевымъ показалось ей подлотнопочтительное. Она дала себѣ слово держать себя независимо.

Потомъ она стала думать о томъ, что могъ говорить

о ней Левицкій. Много хорошаго! еще бы! Чтобы придать ей цѣну въ своихъ глазахъ, надо поднять ее въ глазахъ другихъ. Пусть знаютъ всѣ, какія женщины отдають ему свое сердце, за которое онъ платилъ своей дружбой, раздѣляя ее по ровну на нѣсколько частей. Нина удивлялась сама, въ какой быстрой прогрессіи росло ея разочарованіе, заставляя ее открывать все новыя и новыя доказательства лицемерія ея бывшаго друга. Она рылась въ своемъ прошломъ, какъ въ забытомъ архивѣ, изъ котораго всякій разъ вынимала какой-нибудь новый, мало извѣстный, но интересный документъ. Когда она послѣдній разъ перечитала его письма къ ней, ее поразила ихъ явная, очевидная фальшь, которую она столько времени принимала за искренность. Зажигавшійся въ ней огонь сомнѣнія пролилъ такой новый, неожиданный свѣтъ на эти недавно еще милыя ей строки, что она въ нѣмомъ изумленіи остановилась передъ ними.

Когда, покончивъ свою работу, она вошла къ Яковлеву, первое, что ее поразило, что приковало ее къ мѣсту, былъ самъ Левицкій, ходившій по комнатѣ и что-то читавшій вслухъ. При видѣ ея, онъ остановился и съ тѣмъ ласковымъ, слегка печальнымъ выраженіемъ, которое было ей такъ знакомо, протянулъ ей руку. Теперь не она, а онъ упрекнулъ ее, что столько времени они не видались. Она сразу поняла, что онъ далеко былъ отъ мысли, какой переворотъ произошелъ въ ея душѣ. И вдругъ ей блеснула мысль — оставить его въ этомъ невѣдѣніи, продолжать какъ бы прежнія отношенія и посмотреть на него теперь, при новомъ свѣтѣ, при свѣтѣ ея собственнаго сомнѣнія.

Эта новая рѣшимость, боровшаяся въ ней съ неугасшимъ еще чувствомъ къ нему, отразилась на ея лицѣ такой игрой красокъ, такимъ безпокойнымъ блескомъ глазъ, что Яковлевъ объяснилъ это сильнымъ замѣшательствомъ съ ея стороны, посѣвшиль придти къ ней на помощь и придвинулъ ей кресло. Чтобы чѣмъ-нибудь разсѣять себя, она стала смотрѣть кругомъ, на обстановку этого кабинета.

Онъ былъ мраченъ. Единственное полукруглое окно, освѣщавшее его изъ глубины, было закрыто на половину тяжелой драпировкой. Шкафы съ книгами и съ бюстами великихъ людей тянулись по стѣнамъ. Полъ былъ обитъ очень толстымъ и мягкимъ ковромъ, что дѣлало неслышными шаги входившихъ и выходившихъ. Электрическіе звонки, проведенные куда-то въ дальнія комнаты и, вѣроятно, въ редакцію, неслышно звонили, когда къ нимъ прикасались. На столѣ лежали груды разныхъ книгъ, только-что принесенная и нераспечатанная еще иностранная почта, тоненькія брошюры, толстые сборники, красивые томики стихотвореній и сѣрыя обертки памятныхъ книжекъ.

Хозяинъ продолжалъ начатый съ гостемъ разговоръ.

— Я его не знаю, говорилъ онъ о комъ-то: — или вѣрнѣе знаю мало. Онъ писалъ у меня въ газетѣ о народномъ кредитѣ, о фабричномъ производствѣ, еще о чемъ-то, не помню, вообще по внутреннимъ вопросамъ. Онъ былъ человѣкъ полезный! Разъ какъ-то онъ написалъ о расколѣ; я не могъ этого напечатать. Онъ наговорилъ мнѣ непріятностей. Послѣ этого мы не видались. И вотъ вчера онъ прислалъ мнѣ эту статью. Я

не знаю, что мнѣ дѣлать. Въ ней есть и правда, но есть и вздоръ.

— И послѣдняго гораздо больше! добавилъ Левицкій съ усмѣшкой.

— Потому что, если ты хочешь, продолжалъ Яковлевъ:—дѣйствительно оно какъ-то странно, что мы сдѣлали цѣлую науку изъ того, какъ карать преступленія, довели ее до послѣднихъ тонкостей, учимся этому у Европы, у Америки, своего много. подбавили, а какъ ихъ предупреждать, этого ни мы, ни Европа не знаемъ. Ты помнишь слова Дауба одному гейдельбергскому профессору: „любезный другъ! ваши ученые труды доставили довольно славы, вы довольно уже писали, пора вамъ, наконецъ, что-нибудь и прочесть“. То-же мнѣ хочется подчасъ сказать и нашимъ криминалистамъ: Любезные друзья! вы довольно уже писали о томъ, въ какихъ тюрьмахъ, и по какой системѣ заирать людей, пора вамъ, наконецъ, подумать и о томъ, какъ бы сдѣлать, чтобъ людей совсѣмъ не нужно было заирать!

— Bravo, Алексѣй! воскликнулъ Левицкій съ ироніей.—Статья подѣйствовала на тебя.

— Я не знаю, она мнѣ все-таки не нравится, продолжалъ Яковлевъ.—Я не люблю этой манеры писать. Онъ смотритъ на преступника, какъ на известную величину, онъ не видитъ и не хочетъ видѣть въ немъ большого человѣка...

— Эти господа, перебилъ Левицкій:—просто подтасовываютъ карты и, спустивши ловко одну карту подъ столъ, выигрываютъ потомъ игру. Они умышленно обходятъ одинъ какой-нибудь вопросъ. Что это за

логика, которая опирается на томъ, что тюрьмы не нужно, потому что тюрьма караетъ преступленіе, а преступленія въ нормальномъ обществѣ не должно быть. Не должно быть! Но вѣдь оно есть...

— Г. Козловъ! доложилъ человѣкъ.

— Кто? спросилъ Яковлевъ, не разслышавши.

— Г. Козловъ желаютъ васъ видѣть.

Яковлевъ вопросительно взглянулъ на своего друга. Тотъ поморщился, какъ-бы отвѣдавъ чего-то кислаго.

— Я никакъ не думалъ, замѣтилъ Яковлевъ съ удивленіемъ, — что онъ придетъ ко мнѣ самъ. Прости! сказалъ онъ человѣку.

Левицкій подсѣлъ къ Нинѣ и сталъ разговаривать съ ней.

Козловъ вошелъ своими длинными, рѣшительными шагами; шляпу онъ оставилъ въ передней; руки у него были незаняты и видимо мѣшали ему.

— Я пришелъ узнать о своей статьѣ, сказалъ онъ сухо.

— Мы сейчасъ только говорили о ней, отвѣтилъ Яковлевъ вѣжливо. — Я право не знаю, что сказать вамъ...

— Вы не можете ее напечатать? спросилъ Козловъ, какъ-бы желая прекратить всякіе разговоры.

— Я думаю, что нѣтъ, сказалъ Яковлевъ съ сожалѣніемъ.

— Могу я получить ее обратно?

— Да, да, непременно. (Онъ немного сконфузился). Павелъ, она у тебя, кажется?

Левицкій увидалъ себя въ неловкомъ положеніи: онъ долженъ былъ вынуть изъ кармана статью своего врага

и въ его присутствіи возвратить ее Яковлеву. Козловъ удивленно смотрѣлъ на нихъ.

— Я вотъ хотѣлъ слышать его мнѣніе, объяснилъ Яковлевъ торопливо. — Ваша статья такъ интересна, что я, не полагаясь на себя...

— Г. Левицкій, сколько мнѣ извѣстно, началъ Козловъ, — принадлежитъ къ школѣ криминалистовъ. Ему моя статья не можетъ понравиться.

— Да, я нахожу въ ней одинъ недостатокъ: она указываетъ на то, что намъ не нужно, но не говоритъ о томъ, что же намъ нужно. Тюрьмы, говоритъ она, не нужны...

— Я не говорю, что тюрьмы не нужны, перебилъ Козловъ горячо: — а говорю, что странно сокрушаться о томъ, что у насъ тюрьма не хороша, когда у насъ школы нѣтъ совсѣмъ! испрашивать особые бюджеты на тюрьму, отдѣлывать ее, пробовать ее, пробовать разныя системы заключенія, которая лучше въ нашемъ климатѣ примется, когда хлѣба нѣтъ, школы нѣтъ, дорогъ нѣтъ!.. Вы, господа, съ вашимъ тюремнымъ вопросомъ, все равно, что барыни съ благотворительной лотереей. Послушаешь, такъ вы въ самомъ дѣлѣ, чортъ знаетъ, какъ гуманны. Бѣдный преступникъ! Въ самомъ дѣлѣ... Надо его окружить какими-нибудь удобствами.

— Вы знакомы съ уголовной статистикой? спросилъ его Левицкій.

— Немножко.

— Вы должны знать, въ такомъ случаѣ, въ какомъ положеніи бѣдный преступникъ, о которомъ вы говорите почему-то съ ироніей. Вы должны знать, на-

примѣръ, что въ тюрьмѣ, выстроенной на сорокъ человекъ, у насъ содержится иногда полтора ста. Какъ вы думаете, хорошо тамъ живется бѣдному преступнику?

— Скверно-съ! согласенъ. Да вѣдь и мужику тоже въ его избѣ, вмѣстѣ съ курами и телятами, живется не хорошо. Вы вотъ знаете, сколько человекъ въ острогѣ содержится, по скольку тамъ на cadaго кубическихъ футовъ воздуха приходится, это вы рассчитали! А вотъ въ деревнѣ, у мужика, такъ тамъ ужъ никто не считалъ. Это даже странно какъ-то! Жилъ онъ тамъ у себя въ деревнѣ, никто и знать не хотѣлъ, чѣмъ онъ дышетъ; а укралъ что-нибудь, или своего же сосѣда поджегъ, вдругъ заботливость такая: чѣмъ дышетъ, да питательна ли пища...

— Вы не забывайте, сказалъ Яковлевъ, — что онъ лишенъ свободы.

— Да вѣдь вы хотѣли покарать его! Ну, и карайте... Вѣдь это ваша цѣль!

— У насъ есть еще двѣ цѣли, перебилъ Левицкій: — лишить его возможности вредить обществу и потомъ... исправить его.

— Это въ тюрьмѣ-то вы его исправите?

— Мы должны стремиться къ этому.

— Такъ вы ужъ лучше стремитесь къ тому, чтобы тюрьма была совсѣмъ ненужна.

— Какимъ это образомъ?

— Очень просто. Стремитесь къ такому порядку вещей, при которомъ преступленія сдѣлались бы невозможными.

— Извините меня, г. Козловъ, можетъ ли докторъ стремиться къ тому, чтобы лечить людей отъ смерти?

— Нѣтъ, не можетъ.

— Отчего же? Вѣдь это должна быть конечная цѣль медицины. Отчего же не сдѣлать людей безсмертными, если можно сдѣлать ихъ безгрѣшными? Я въ этомъ случаѣ смѣлю васъ. Я такъ думаю, что это когда-нибудь будетъ, лѣтъ эдакъ тысячь черезъ двѣсти. Къ тому времени человѣческій организмъ такъ измѣнится, такъ усовершенствуется, что нервы будутъ откликаться только на одни пріятныя ощущенія, всѣ дурныя страсти умрутъ... Ну, да и экономическія отношенія измѣнятся къ лучшему, не будетъ надобности вырывать кусокъ у ближняго. Всѣ силы природы такъ будутъ подчинены человѣку, что сами будутъ готовить ему и тепло и питаніе, будутъ переносить его съ мѣста на мѣсто съ скоростью телеграфныхъ депешъ, дома будутъ построены изъ негорючаго матеріала, вотъ и поджога не можетъ быть, у всякаго всего будетъ вдоволь, кража не нужна! Такимъ образомъ, всѣ преступленія прекратятся сами собой. Тогда, г. Козловъ, а не раньше, тюрьмы сдѣлаются ненужны и расходы на нихъ не будутъ вноситься въ государственный бюджетъ.

— А пока вы ихъ будете украшать и совершенствовать?

— Что дѣлать! Изъ того, что люди выучились ходить на парахъ и на парусахъ, не слѣдуетъ еще заключать, что не нужно было никогда ходить на веслахъ. Какая-нибудь безобразная весельная галера древнихъ римлянъ, теперь, конечно, нелѣпость, но въ свое время и она сослужила службу. Нападать на нее такъ же странно, какъ странно было-бы пытаться ввести ее теперь: Человѣчество не идетъ скачками. Это одно изъ

первых и главных условий въ исторіи. Кто захочетъ подвинуть его скачкомъ, тотъ навѣрное отодвинетъ назадъ.

Разговоръ еще нѣсколько времени продолжался въ томъ же духѣ. Яковлевъ не принималъ въ немъ участія, но слушалъ внимательно и когда Козловъ сталъ прощаться, то выразилъ надежду, что они еще увидятся. Козловъ наклонился надъ столомъ, написалъ что-то на клочкѣ бумаги и подаль ему.

— Вотъ мой адресъ! сказалъ онъ.

Яковлевъ чуть замѣтно улыбнулся.

— Я нигдѣ не бываю, отвѣтилъ онъ, и усы его опять вздрогнули отъ улыбки. — Да къ тому же я завтра уѣзжаю въ деревню.

Козловъ молча поклонился.

IX.

Выходя вмѣстѣ съ Левицкимъ изъ редакціи, Нина чувствовала, какъ тяжело стучить ея кровь. Это не было, какъ прежде, счастливое волненіе любви, не было сознаніе близости любимаго существа, это была встрѣча съ врагомъ, первая и потому всегда страшная встрѣча. Онъ довѣрчиво предложилъ ей свою руку. Она приняла ее и, не зная, что сказать, избѣгала его взглядовъ. Она почувствовала, какъ дрогнула вдругъ ея рѣшимость и какъ его виновность передъ ней, до сихъ поръ столь очевидная для нея, стала внезапно блѣднѣть.

„Не можетъ быть, думала она, прислушиваясь къ звуку его голоса и чувствуя на себѣ его взглядъ, тотъ

глубокій, мечтательный и вмѣстѣ острый взглядъ, который, проникая въ душу человѣка, легко читаетъ въ ней: — не можетъ быть, чтобы онъ обманывалъ меня. Онъ просто несчастный, глубоко несчастный человекъ...“

— Когда я не вижу васъ столько времени, началъ онъ: — я только тогда понимаю, какъ вы дороги для меня.

Нина вздрогнула. Въ его голосѣ слышалась ей такая искренность, что она съ ужасомъ вспомнила своихъ недавнихъ подозрѣній.

— Вы не можете себѣ представить, продолжалъ онъ: — какъ мнѣ было тяжело узнать, что вы живете у Козлова.

— Развѣ вы считаете его такимъ дурнымъ человекомъ?

— Я этого не говорю. Онъ, можетъ быть, очень хорошій человекъ, я не знаю, но меня приводитъ въ ужасъ та рѣшимость, съ какой онъ подходитъ ко всякому вопросу. Его философія, кажется, главнымъ образомъ въ томъ и состоитъ, чтобы все рубить топоромъ. По моему, это скорѣй дѣло плотника, чѣмъ человѣка развитого, простите за выраженіе, но я вижу въ такихъ людяхъ какіе-то хищные инстинкты. Если вы позовете ихъ поправить домъ, они непременно скажутъ вамъ, что его нужно сломать. Я очень жалѣю, что вы не читали статьи г. Козлова. Это послѣднее злоупотребленіе, до какого можетъ дойти печатное слово. Я сказалъ Яковлеву, что если онъ напечатаетъ эту статью, онъ уронитъ свою газету. Рѣшать вопросъ топоромъ.

хотя бы и съ самой благонамѣренной цѣлью, литература не должна.

— Вы очень строги. Отчего же не давать мѣста и крайнимъ мнѣніямъ? Развѣ права бываетъ только середина?

Левицкій засмѣялся.

— Вотъ видите, воскликнулъ онъ: — мои опасенія начинаютъ сбываться; вліяніе вашего родственника сказывается и на васъ.

И онъ поглядѣлъ на нее, какъ смотрятъ на провинившагося ребенка, съ ласковымъ укоромъ.

— Вы ошибаетесь, возразила она: — отчего вы думаете, что у меня нѣтъ своихъ мнѣній? Мнѣ 23 года, я не ребенокъ.

Оба нѣсколько времени молчали.

— Я, впрочемъ, мало знаю Козлова, вымолвилъ онъ наконецъ. — Расскажите мнѣ о немъ что-нибудь.

— Что я вамъ скажу? Я сама его мало знаю. Онъ какой-то странный человекъ. Онъ кончилъ курсъ въ артиллерійскомъ училищѣ, служилъ одно время въ полку, потомъ ему показалось, что военная служба непроизводительна, онъ вышелъ въ отставку, уѣхалъ съ какой-то экспедиціей, былъ на Каспійскомъ морѣ, дѣлалъ тамъ съемки, какія-то ученныя работы, я не знаю... Вернулся оттуда, поступилъ въ университетъ, женился на моей сестрѣ. Теперь онъ служитъ бібліотекаремъ, беретъ какія-то частныя работы и очень много работаетъ. Вы вотъ боитесь его вліянія на меня, а я думаю, напротивъ, что это вліяніе очень благотворно. Я уважаю этого человека, я стала строже къ себѣ съ тѣхъ поръ,

какъ живу у него. Я желала бы, чтобы было побольше такихъ людей, какъ онъ.

Въ ея строгихъ, крѣпко сжатыхъ губахъ и въ разгорѣвшемся взглядѣ Левицкій прочелъ что-то новое, непривычное для него.

— Послѣ всего, что вы мнѣ сказали, проговорилъ онъ, — я начинаю понимать его. Онъ къ нѣкоторымъ вопросамъ относится слишкомъ страстно, потому что для него это не праздные вопросы, какъ для другихъ. Еслибъ я зналъ это раньше, я бы иначе взглянулъ на его статью о тюрьмѣ. Онъ, можетъ быть, дѣйствительно несчастный человекъ. Скажите, спросилъ онъ внезапно: — Яковлевъ вамъ тоже родственникъ?

— Онъ мнѣ двоюродный братъ.

— Я васъ спросилъ объ этомъ потому, что, говоря о несчастныхъ людяхъ, я вспомнилъ о немъ. Я желалъ бы, чтобы вы узнали его поближе. Его жизнь сложилась очень печально, когда-нибудь я вамъ расскажу о ней; но что всего ужаснѣе, такъ это то, что его вѣчно грызетъ змѣя сомнѣній. Вы знаете, что ничего не можетъ быть трагичнѣй этого: когда способность критики и холоднаго анализа живетъ въ страстной и безпокойной душѣ. Судьба этихъ людей всегда почти трагична. И таковъ именно вашъ двоюродный братъ.

— Я его очень мало знаю, замѣтила она уклончиво.

— Но вы должны его узнать. Сближеніе съ нимъ будетъ для васъ благотворно. Онъ не окажетъ, можетъ быть, на васъ такого вліянія, какъ Козловъ, но онъ пробудитъ сомнѣніе въ вашей душѣ, а въ ваши годы это полезно. Это будитъ мысль, не даетъ ей дремать...

— Но что, еслибъ я стала сомнѣваться во всѣхъ? и въ васъ, напримѣръ?

Она смотрѣла, улыбаясь прямо ему въ лицо, но губы у нея слегка дрожали.

— Ну, что-жъ, я порадовался бы этому. Порадовался бы вдвойнѣ: во первыхъ, за васъ, что вы начинаете критически относиться къ жизни, а во вторыхъ, и за себя. Я гораздо хуже, чѣмъ вы думаете. Я боюсь, что вы были до сихъ поръ слишкомъ хорошаго мнѣнія обо мнѣ.

— Скажите же мнѣ, вымолвила она нетвердо: — въ чемъ я до сихъ поръ ошибалась въ васъ?

Онъ сдвинулъ брови и отвѣтилъ не сразу.

— Вы мнѣ задаете трудную задачу, сказалъ онъ дрогнувшимъ вдругъ голосомъ. — Я думаю, что вы ошибались во многомъ. Я очень дурной человѣкъ. Я не смѣю, и не хочу, и не могу открыть вамъ своей души. Дитя мое! я не стою вашей дружбы! (Онъ взялъ ея руку и крѣпко сжалъ ее). Не довѣряйте мнѣ никогда.

Нина почувствовала, что любить его больше, чѣмъ когда-нибудь.

Этотъ внезапный, искренній порывъ задѣлъ такія струны ея души, что она вся, со всѣми своими желаніями, мыслями, надеждами принадлежала теперь ему. „Если онъ даже и обманываетъ меня, подумала она въ эту минуту, — онъ долженъ быть очень несчастливъ!“ Она не въ силахъ была говорить; искала словъ, не находила ихъ и молча отвѣтила ему на пожатіе, продолжая избѣгать его взглядовъ.

— Другъ мой, если когда-нибудь вы скажете себѣ, что я не понялъ и не оцѣнилъ васъ, вспомните только объ одномъ, что нѣтъ человѣка несчастнѣе меня. Судьба

никогда не баловала меня, но теперь она поступаетъ со мной жестоко! Еслибъ мы встрѣтились десять лѣтъ назадъ, я могъ бы принадлежать только вамъ и вамъ одной. Зачѣмъ мы не встрѣтились съ вами тогда? Теперь я не могу принадлежать никому. Всѣ лучшія чувства умерли во мнѣ давно и съ каждымъ годомъ жизнь вырываетъ у меня то, что оставалось еще отъ этого лучшаго прошлаго. Не судите, но пожалѣйте меня! Если вы и обманулись во мнѣ, вамъ жизнь дастъ еще много радостей впереди, а мнѣ...

Онъ не могъ продолжать отъ волненія. Нина была взволнована еще больше. О своихъ сомнѣніяхъ, колебаніяхъ, о желаніи изучать его безпристрастно, она забыла обо всемъ. Она видѣла только человѣка, дорогого для нея.

— Моя мечта, продолжалъ онъ, овладѣвъ собой: — это видѣть васъ счастливой. Я примирился бы съ своей судьбой, еслибъ зналъ, что ваша устроилась хорошо. Я видѣлъ бы, по крайней мѣрѣ, что есть еще справедливость на землѣ. Другъ мой, общаете ли вы мнѣ, спросилъ онъ послѣ маленькаго молчанія, — что вы не будете противъ того, чтобы я сблизилъ васъ съ вашимъ двоюроднымъ братомъ?

— Зачѣмъ? сказала она отвернувшись, чтобы скрыть набѣгавшія слезы. — Мы не сойдемся съ нимъ никогда.

— Я вамъ даю слово, что черезъ мѣсяцъ вы будете друзьями. Вы не знаете его и его прошлаго... Онъ восемь лѣтъ прожилъ съ женщиной, которой не любилъ. Смерть порвала эти невыносимыя отношенія. Жена его прошлой осенью умерла. Дружба съ хорошей, честной дѣвушкой будетъ для него теперь спасеніемъ, а вы...

вы найдете въ немъ нетронутыя еще сокровища ума и сердца.

— И вы посылаете меня добывать ихъ? Благодарю васъ... Это все равно, что сослать человѣка въ рудники.

Онъ прижалъ ея руку къ своей и взглянулъ на нее почти влюбленными глазами.

— Зачѣмъ мы не встрѣтились раньше! повторилъ онъ печально.

Нина не могла, наконецъ, выдержать. Она поспѣшно опустила вуаль.

Х.

Прошелъ еще мѣсяцъ. Левицкій не сдержалъ своего обѣщанія сблизить Нину съ ея двоюроднымъ братомъ. Онъ опять пропалъ въ вихрь занятій и на время забылъ о своихъ друзьяхъ. Онъ ѣздилъ на югъ Россіи по дѣламъ службы и, вернувшись оттуда, разъ только былъ у Яковлева, которому привезъ свою статью о финансовыхъ кризисахъ, желая помѣстить ее въ его газетѣ.

Онъ прислалъ Нинѣ тотъ номеръ газеты, гдѣ она была напечатана, съ короткой запиской, въ которой просилъ ее высказать свое мнѣніе. Нина увидала въ этомъ еще новое доказательство того, какъ онъ дорожить ея мнѣніемъ. Она нѣсколько часовъ просидѣла, сочиняя ему отвѣтъ, но не имѣя никакихъ опредѣленныхъ понятій о финансовыхъ кризисахъ, не знала рѣшительно, что ему написать. Ей пришло тогда въ голову показать эту статью Козлову и, не называя имени

автора, какъ просилъ о томъ Левицкій, спросить, что онъ о ней думаетъ. Козловъ сказалъ по обыкновенію:

— Хорршо-съ!

И унесъ газету къ себѣ. Не дождавшись его, Нина рѣшилась пойти къ нему за отвѣтомъ сама и слегка постучалась къ нему въ дверь. Хотя они и жили въ одномъ домѣ, но видались рѣдко. Днемъ каждый былъ занятъ своимъ дѣломъ, а вечеромъ всѣ какъ-то уставали и сидѣли по своимъ угламъ. Къ тому же образъ жизни Козлова былъ для Нины рѣшительной загадкой. Къ нему ходили и даже ночевали у него разные господа, казавшіеся ей подозрительными. У всѣхъ у нихъ были рѣшительныя лица, всѣ они при встрѣчѣ окидывали ее недовольными взглядами, точно она была какая-нибудь вещь, мѣшавшая имъ на дорогѣ. Чаше другихъ ходилъ какой-то чахоточный господинъ съ надорваннымъ и больнымъ голосомъ, всякій разъ задыхавшійся на лѣстницѣ и всякій разъ брызжавшій: что вотъ „прогрессъ! все вверхъ тнутся!.. хоть на чердакъ, да поближе къ центру!..“ Одѣтъ онъ былъ бѣдно, безъ малѣйшихъ признаковъ бѣлыя, но, судя по его манерамъ, казался человекомъ порядочнымъ и носилъ все нѣмецкія книги, которыя и читалъ вслухъ сквернымъ нѣмецкимъ языкомъ, но съ большимъ увлеченіемъ.

Но болѣе всѣхъ занимали ее два лица, всегда приходившія вмѣстѣ: одинъ невысокій, коренастый брюнетъ, съ окладистой бородкой и прямымъ проборомъ на головѣ, что придавало ему нѣсколько мужиковатый видъ, съ широкимъ, немного вздернутымъ носомъ и съ выраженіемъ такой мрачной рѣшимости, что какъ-то жутко становилось передъ взглядомъ его неподвижныхъ,

всегда устремленных на одну точку глазъ. Другой былъ совсѣмъ безбородый, тонкій, высокій блондинъ; на видъ ему было лѣтъ восемнадцать, хотя были и всѣ двадцать пять, съ большими мечтательными глазами, съ шиллеровскимъ типомъ лица и необыкновенно тонкими губами. Въ линіи его рта было что-то утонченно жесткое, что поражало Нину при встрѣчѣ съ нимъ. Она видѣла его мелькомъ, такъ же, какъ и его товарища, но эти лица своей характерной яркостью врѣзались въ ея памяти. При всемъ ихъ видимомъ несходствѣ, въ нихъ было что-то общее, родственное: одна и та же мысль свѣтилась въ ихъ глазахъ, та же рѣшимость, мрачная и грозная, сказывалась какъ въ неподвижномъ взглядѣ одного, такъ и въ задумчивыхъ, тонкихъ губахъ другого. Брюнетъ говорилъ мало, тяжело ступалъ своими большими ногами и никогда не спорилъ, а только по временамъ врѣзывался въ споръ двумя-тремя словами, не возвышая голоса и не волнуясь, равнодушно, тяжело, угрюмо. Блондинъ, напротивъ, говорилъ охотно, очень мягкимъ, пріятнымъ баритономъ, ласкавшимъ ухо даже тогда, когда онъ говорилъ очень жесткія вещи.

Что до Козлова, съ его отрывистой, лаконичной рѣчью, съ его озлобленной ироніей или просто угрюмымъ молчаніемъ, то онъ со всѣми какъ-то былъ одинаковъ, и только для одного блондина, или, какъ называли его въ насмѣшку, Шиллера, за его сходство съ нѣмецкимъ поэтомъ, дѣлалъ почему-то исключеніе, отрываясь для него отъ работы и вмѣстѣ съ нимъ куда-то скрываясь, иногда на цѣлый день.

Въ Козловѣ Нину поражала его умѣренность и про-

стота въ привычкахъ, доведенная до послѣднихъ границъ, почти до фанатизма. Онъ не курилъ, не пилъ вина, и не ѣлъ мяса, къ которому, говорилъ онъ, чувствуетъ отвращеніе, носилъ въ карманѣ вмѣстѣ съ мѣдными деньгами какіе-то сплюснутые, какъ блинъ, часы съ разбитымъ вдоль и поперекъ стекломъ и сильно попорченнымъ механизмомъ, который онъ самъ собственноручно чинилъ; ходилъ зиму и лѣто въ однихъ и тѣхъ же холодныхъ сапогахъ и въ той же холодной фуражкѣ съ козырькомъ, не заводилъ въ домѣ чернильницы, потому что можно писать изъ пузырька, не заводилъ знакомства съ людьми, у которыхъ была въ домѣ хорошая обстановка (или, какъ онъ говорилъ, „мебельная лавка“), и отличался какой-то особой, непримиримой ненавистью ко всему, что носило на себѣ печать довольства.

Нина замѣтила, что ничто не возбуждаетъ въ немъ такой злобы, какъ роскошь. Онъ любилъ повторять разсказъ Берне о томъ, какъ онъ завелъ себѣ однажды фарфоровый сервизъ и тотчасъ же почувствовалъ себя трусомъ, какъ страхъ за этотъ сервизъ, за то, что въ случаѣ поспѣшнаго бѣгства, онъ не успѣетъ уложить свой фарфоровый чайникъ, лишилъ его всякой храбрости и любовь къ отечеству боролась въ немъ съ нѣжной привязанностью къ фарфоровому чайнику.

Козловъ говорилъ, что онъ умнѣе этого разсказа ничего не читалъ.

— Дайте только человѣку полдюжины фарфоровыхъ чашекъ, повторялъ онъ съ злорадствомъ: — и вы сдѣлаете изъ него самое трусливое животное!... Мы не такъ боимся за свою шкуру, какъ за свой фарфоръ.

Это, впрочемъ, вещь извѣстная. Это старо, какъ міръ. Только мы мало думаемъ объ этомъ.

Когда Нина вошла въ его комнату, онъ стоялъ, засучивъ рукава надъ какимъ-то ящикомъ съ землей и съ молодыми, только-что выходящими ростками, которые онъ внимательно разсматривалъ. На столѣ у него стояли пузырьки, блестя разсыпанныя на бумажкѣ золотистыя зерна; тутъ же лежали куски жирной красной глины, ноздреватые камни, угли, еловые шишки. По стѣнамъ стояли толстые обрубки дерева, видимо тоже принадлежавшіе къ какой-нибудь коллекціи и замѣнявшіе при случаѣ стулья для посѣтителей. Въ углу валялась землемѣрная цѣпь, банки отъ гальванической батареи, желѣзные прутья и разный другой хламъ, среди котораго можно было различить даже офицерскія шпоры. Изъ-подъ клеенчатого дивана выглядывалъ уголь стараго чемодана и дорожный погребецъ. На прибитыхъ къ стѣнѣ деревянныхъ полкахъ стояли старенькія книжонки, въ переплетахъ и безъ переплетовъ, съ оторванными корешками и потерянными обертками. Часть книгъ, неумѣстившаяся на полкахъ, была сложена въ клѣтку на полу и покрыта большимъ анатомическимъ атласомъ съ оторваннымъ верхомъ и съ изображеніемъ огромной человѣческой печени. На окнахъ стояли высокія бутылки съ какой-то жидкостью.

Что касается до собственно хозяйственныхъ принадлежностей, то онѣ ограничивались мѣднымъ умывальникомъ, похожимъ на самоваръ и такимъ же мѣднымъ тазомъ, помятымъ отъ употребленія и поставленнымъ на простой, некрашенный табуретъ.

Нина напрасно искала глазами слѣдовъ той газеты, которую она дала Козлову для прочтенія. При входѣ ея онъ спустилъ засученные рукава и отряхнулъ приставшую къ рукамъ землю. Онъ какъ будто застыдился этихъ безобразныхъ рукъ, потому что тотчасъ же спряталъ ихъ въ карманы.

— Вы еще не прочли газеты? спросила Нина съ притворнымъ равнодушіемъ.

Козловъ наморщилъ лобъ, видимо что-то припоминая. Потомъ пошелъ къ окну, досталъ изъ-за бутылей газету и подалъ ее Нинѣ.

— Вы еще не прочли? повторила она.

— Читаль-съ.

— Ну, что, какъ вы находите?..

— Да что это васъ такъ занимаетъ? И читать-то этого не стоило. Развѣ ужъ у васъ времени такъ много лишняго.

— Даже не стоило? повторила она съ удивленіемъ.

— Конечно, не стоило. Это ужъ мы слышали, какъ къ старымъ дырамъ новыя заплаты пришиваютъ. Въ этой статьѣ только и новаго, что ея заплаты.

— Я васъ не понимаю.

— Да такъ-съ. Финансовая политика—вѣдь она въ чемъ состоитъ? Съ одной стороны, чтобы поменьше дать, а съ другой, чтобы побольше взять. Ну, вотъ сообразно съ этимъ и пишутъ. Одни пишутъ, что надо больше брать, а другіе... Ну, другіе ничего не пишутъ, по той простой причинѣ, что писать не умѣютъ.

— Мнѣ кажется, напротивъ, перебила Нина:—что тутъ авторъ (она чуть было не сказала Левицкій)

именно и говорить, что надо брать осторожно и притомъ знать съ кого брать.

— Ну, это вамъ только такъ кажется.

Ее разсердило высокомеріе, съ какимъ Козловъ относился къ статьѣ Левицкаго. Она сказала, что, по ея мнѣнію, статья умная и хорошо написана.

— Умная! можетъ быть! замѣтилъ Козловъ флегматично.—Да вѣдь что-жъ и умъ, если изъ него дѣлаютъ такое негодное употребленіе. Умы! Да эти буржуазные умы самое зло-то и есть. Они даже въ науку вносятъ развратъ. У нихъ и наука-то служить заводчикамъ, да биржевикамъ. Хорошо написана!.. Эти господа, извѣстное дѣло, только и упражняются въ томъ, чтобы хорошо писать. У нихъ и за душой-то больше ничего нѣтъ. Мыслишки ихъ дрянныя, а выражаютъ они ихъ хорошо.

— Я вамъ удивляюсь, сказала Нина, складывая газету.—Вы вездѣ и во всемъ видите одну только дурную сторону.

— Что дѣлать! Такой ужъ родился. Желалъ бы ее не видѣть. Веселѣй было бы на свѣтѣ жить.

— Васъ просто ожесточило ваше прошлое, сказала она необдуманно.

Козловъ какъ-то странно поглядѣлъ на нее.

— А кто вамъ сказалъ, что мое прошлое было хуже моего настоящаго? Что вы думаете, что мнѣ вашъ Петербургъ что ли очень нуженъ? Да я хоть сейчасъ же готовъ вонъ изъ него!..

— Куда же, напримѣръ?

— Уйду туда, гдѣ на сто верстъ кругомъ нѣтъ ни одного образованнаго мошенника. Я всякихъ мошенниковъ

могу выносить—образованныхъ не могу... Такой ужъ вкусъ, что дѣлать?

— Ну, а всѣ эти господа, которые къ вамъ ходятъ—это все честные люди?

— Всякіе между ними есть! Есть и такъ себѣ... мало на что годные. Но есть за то и силы...

Нина ушла отъ Козлова въ недоумѣніи. Она никакъ не могла понять его. Онъ все какъ будто чего-то недосказывалъ. Было ли это недовѣріе къ ней, или онъ думалъ, что она не пойметъ его, или наконецъ онъ самъ себя не понималъ?..

Чрезвычайно рѣзкій въ своихъ сужденіяхъ о другихъ, онъ былъ въ то же время очень обидчивъ. Одно какое-нибудь неосторожное слово дѣлало то, что онъ тотчасъ же уходилъ въ свою раковину и отвѣчалъ оттуда одними насмѣшками.

Нужно было однако отвѣтить Левицкому, а что отвѣтить—Нина не знала. Въ этой нерѣшимости прошелъ для нея цѣлый день. На другой день она была въ редакціи. Яковлевъ разъ въ недѣлю пріѣзжалъ туда изъ деревни, приходилъ иногда въ иностранное отдѣленіе, гдѣ она работала, вступалъ съ ней въ разговоръ и приглашалъ ее къ себѣ, гдѣ она рѣдко, впрочемъ, видѣла его одного, а всегда въ обществѣ разныхъ господъ, осаждавшихъ его въ пріемные дни.

Послѣдній разъ она встрѣтила у него некрасиваго и небрежно одѣтаго брюнета, сидѣвшаго, поджавши ноги, на низенькой оттоманкѣ и перелистывавшаго какія-то книги, которыя онъ бросалъ одну за другою. При входѣ Нины, онъ откинулъ назадъ падавшіе ему на глаза во-

лосы, спустил ноги съ дивана и не безъ любопытства посмотрѣлъ на нее. Яковлевъ представилъ ей Бибикова. Господинъ поклонился съ чрезвычайно скромнымъ, даже какъ-то подозрительно скромнымъ видомъ и перемѣнилъ мѣсто, усѣвшись поближе къ столу, гдѣ сѣла и Нина.

— А каковъ нашъ генералъ-то? началъ онъ вдругъ, обращаясь къ хозяину. — Въ литературу пустился! Просто, можно сказать, универсальный человѣкъ. Что, онъ у васъ еще что-нибудь будетъ писать?

— У меня? удивился Яковлевъ.

— Читали мы, читали его произведение, продолжалъ Бибиковъ не смущаясь. — Не глупо написано. Только говорить онъ лучше, чѣмъ писать. Таковъ, впрочемъ, удѣлъ всѣхъ краснорѣчивыхъ людей.

Оказалось, что онъ уже знаетъ, какому перу принадлежитъ статья о финансахъ.

— Послушайте, остановилъ его Яковлевъ: — я долженъ васъ предупредить: онъ просилъ меня, чтобъ объ этомъ никто не зналъ. Это можетъ навлечь ему неприятности по службѣ.

— Это онъ вамъ рассказывалъ? Вѣрьте ему больше! Онъ эту статью прежде васъ читалъ своему ближайшему начальству. Хотите пари, что онъ ее въ десяти домахъ читалъ?

Яковлевъ поморщился.

— Очень можетъ быть. Это до меня не касается.

— Нѣтъ, вѣдь вы говорите, что это секретъ. Какой же это секретъ, помилуйте!

Онъ пошарилъ у себя въ карманахъ и вмѣстѣ съ во-

рохами разныхъ бумажекъ вытащилъ оттуда записку Левицкаго.

„Добрѣйшій Петръ Ильичъ, читалъ онъ вслухъ. — Беру на себя смѣлость обратить ваше вниманіе на эту бездѣлицу. Ваше мнѣніе, какъ финансиста, для меня очень интересно. Взгляните на прилагаемую статью, какъ на первый опытъ начинающаго и поставьте мнѣ за нее тотъ баллъ, котораго она заслуживаетъ. Я, какъ школьникъ, жду этого экзамена и буду радъ, если заслужу тройку.

„Мое авторство, я желалъ бы сохранить въ тайнѣ.

„Весь вашъ Павелъ Левицкій.“

— А те вотъ еще, говорилъ Бибиковъ: — я нарочно для памяти взялъ. (Онъ наклонился надъ высланными изъ кармановъ бумажками и, рассматривая ихъ своими близорукими глазами, вынулъ еще одну). Это ужъ къ одной дамѣ написано. Имени я не скажу, но это все равно.

„Мой добрый другъ...“

— Послушайте! я не желаю читать чужихъ писемъ, перебилъ его Яковлевъ.

— Да нѣтъ, это не любовное, вы не бойтесь! Я бы любовное не сталъ читать.

„Возвратившись отъ васъ, я долго думалъ о нашемъ последнемъ разговорѣ. Вы правы. Канцелярская и механическая работа одолеваетъ меня. Литература одна можетъ освѣжить меня и дать мнѣ тотъ отдыхъ, въ которомъ я такъ нуждаюсь. Вы своими словами затронули во мнѣ литературную жилку и заставили меня взяться за перо. Еслибъ не вы, эта статья никогда не увидѣла бы свѣта. Вы прямая виновница ея и за это вы долж-

ны прочесть ее нынѣшній же день, чтобы завтра сказать автору, какого балла она заслуживаетъ.

„Имя автора прошу сохранить въ тайнѣ. Отдавать его на судъ равнодушной толпы мнѣ не хотѣлось бы.

„Съ нетерпѣніемъ жду вашего отвѣта.

Павелъ Левицкій“.

— А вѣдь хорошо написано! ей-Богу, заключилъ Бибииковъ. — Мнѣ бы никогда такъ не написать, особенно къ дамѣ. Все объ любви что-нибудь скажешь. А тутъ ни-ни, т. е. нинишеньки!

— Вы бы, Петръ Ильичъ, ужъ кому-нибудь другому читали эти письма, замѣтилъ Яковлевъ съ неудовольствіемъ. — Ни мнѣ, ни моей сестрѣ (онъ указалъ глазами на Нину) это интересно быть не можетъ.

Онъ ошибался. Нина слушала съ интересомъ. Она старалась въ то же время припомнить, въ какихъ выраженіяхъ была написана записка къ ней и нашла, что ея другъ недостаточно разнообразить содержаніе своихъ писемъ.

XI.

Когда Бибииковъ уѣхалъ, она сидѣла неподвижно, не поднимая глазъ, и совсѣмъ, казалось, забыла о присутствіи Яковлева.

— О чемъ ты задумалась? спросилъ онъ, подходя къ ней.

Она встала и точно пробужденная отъ сна взглянула на него вопросительными глазами. Онъ былъ въ этотъ день блѣднѣе обыкновеннаго. Взглядъ у него былъ мут-

ный и больной. Она почувствовала вдругъ ту странную неловкость и желаніе поскорѣе уйдти, которыя не разъ уже испытывала въ присутствіи этого человѣка. Иногда онъ былъ простъ, держалъ себя свободно и тогда говорить съ нимъ было легко: онъ даже шутилъ и смѣялся. Но бывали минуты, когда онъ становился тяжелъ, подозрителенъ, безпокоенъ, когда никто не могъ ему угодить и малѣйшая бездѣлица выводила его изъ себя. Всѣ статьи казались ему тогда глупыми и съ надписью „возвратить“ летѣли въ роковую корзинку, откуда не было иного выхода, какъ опять назадъ въ портфель оскорбленныхъ авторовъ. Въ типографіи останавливали ночью печатаніе газеты изъ-за какого-нибудь не намѣстѣ поставленнаго вопросительнаго знака.

Левицкій не разъ говорилъ ему, что у него есть всѣ качества, кромѣ одного — качества администратора. Управлять какимъ-нибудь дѣломъ онъ былъ рѣшительно неспособенъ. Онъ былъ слишкомъ нервенъ, слишкомъ человѣкъ минуты, чтобы сохранить ту спокойную ясность ума, которая необходима во всякомъ сложномъ дѣлѣ. Онъ разорилъ когда-то свое имѣніе, вообразивъ, что можетъ управлять имъ, и точно также разорялъ теперь свою газету. Кабинетный ученый по призванію, онъ бросился съ головой въ омутъ практической жизни, безъ всякой надежды когда-нибудь выплыть оттуда. Своей книгой „О налогахъ“ и своими письмами изъ-за границы онъ составилъ себѣ литературное имя; своей газетой — онъ убилъ его.

Въ редакціи его не любили. Онъ слишкомъ холодно держалъ себя; при этомъ какъ-то чувствовалось, что онъ никому не довѣряетъ. Что бы ему ни говорили,

онъ все выслушивалъ и всегда все дѣлалъ по своему, Только одно лицо въ редакціи, извѣстный своимъ талантомъ и невѣжествомъ публицистъ Аристовъ пользовался какъ будто нѣкоторымъ вліяніемъ на него. Но и тутъ скорѣе можно было думать, что Аристовъ ему нуженъ и что онъ терпитъ его, какъ неизбежное зло. Въ редакціи говорили даже, что Яковлевъ его просто ненавидитъ и именно за то, что онъ ему нуженъ. Онъ замѣтно не любилъ людей самостоятельныхъ или, вѣрнѣй, онъ не уживался съ ними; поэтому его окружала та уступчивая бездарность, которая со всѣмъ соглашается. Его первый политикъ могъ писать о чемъ угодно и въ какомъ угодно тонѣ, могъ поддаться жару или нагнать холоду, смотря по тому, какъ прикажутъ. Его воскресный фельетонистъ владѣлъ и прозой, и стихомъ, и былъ извѣстный обличитель, а обличалъ онъ безразлично, что угодно начальству—нынче адвокатовъ, завтра дурныя мостовыя въ городѣ, послѣ завтра выборы сельского духовенства. Передовикъ, какъ называли для краткости сотрудника, писавшаго передовыя статьи, хотя и не владѣлъ легкимъ стихомъ воскреснаго фельетониста, но былъ еще универсальнѣе его, онъ писалъ о самыхъ разнообразныхъ предметахъ: о свободѣ совѣсти, объ осуществленіи болотъ, о монополіи аптекъ... Отдѣлъ искусства порученъ былъ очень свирѣпому господину, называвшему себя эстетикомъ и постоянно ругавшемуся. Онъ не признавалъ ни одной школы въ живописи, кромѣ той, къ которой принадлежали его пріатели. Музыкой завѣдывалъ маленькій проворный блондинъ, напечатавшій когда-то два вальса и теперь писавшій мессу-реквиемъ. О театрѣ писалъ всякій, кому не лѣнь. Научныхъ ре-

цензій и библиографическихъ замѣтокъ въ газетѣ не было и на этотъ пробѣлъ рассчитывала Нина, чтобы доставить со временемъ эту работу отцу. Только это одно и побуждало ее къ тому, чтобы принимать иногда приглашенія Яковлева.

Послѣ ухода Бобикова она встала, чтобы тоже уйти, когда Яковлевъ остановилъ ее своимъ вопросомъ:

— Ты живешь у Козлова?

— Да, отвѣтила она коротко.

— Отчего ты не живешь у своихъ? Если тебя стѣсняетъ эта срочная работа, такъ я... я могу дать тебѣ другую работу.

Нина задумалась.

— Нѣтъ, зачѣмъ же, сказала она рѣшительно.—Я знаю, что тебѣ нужна переводчица, которая всегда была бы подъ рукою и больше ничего. Да я больше ничѣмъ и не могу быть.

— Какъ знаешь! отвѣтилъ онъ сухо, видимо оскорбленный ея отказомъ.

— Я желала бы знать только одно, продолжала она, отвернувшись:— можетъ быть, тебѣ сказали, что надо спасти меня отъ Козлова?

— Я никого не спасаю, перебилъ онъ.—Я вообще не люблю мѣшаться въ чужія дѣла. Все, чего я желаю отъ людей, это одного, чтобы и они, въ свою очередь, не мѣшались въ мои. Желанія скромныя, какъ видишь. Но и они не сбываются. Мнѣ и тутъ не везетъ. Есть такіе отмѣченные судьбою люди, которымъ никогда ничего въ жизни не удается!

— Это всѣ, кажется, думаютъ про себя, отозвалась Нина.

— Ты хочешь этимъ сказать, что я не составляю исключенія? (Онъ быстро, какъ бы мелькомъ взглянулъ на нее). Человѣкъ можетъ быть несчастливъ отъ двухъ причинъ, продолжалъ онъ:—первая та, что у него болшія желанія и маленькія средства къ ихъ удовлетворенію. Это несчастіе органическое, неизлечимое. Тутъ ужъ ничего не подѣлаешь. Вторая причина та, что мы иногда ошибаемся во времени и родимся или лѣтъ на пять-сотъ раньше, или лѣтъ на двѣсти опоздаемъ. Вотъ, на примѣръ, Козловъ съ своими мыслями, что тюрьма не нужна, явился слишкомъ рано. Это порокъ, хотя и не органическій, а больше, какъ видишь, ошибка во времени, но вылечивается онъ трудно, и то обыкновенно подъ старость, когда человѣкъ начинаетъ соглашаться съ большинствомъ. Но такъ какъ не всѣ доживаютъ до старости, такъ какъ я, на примѣръ, не доживу до нея навѣрное, то и надежды на излеченіе дѣлаются весьма слабыми.

— Ты не доживешь до старости? Это отчего?

— А оттого, что у меня давно ужъ нашли окостенѣніе, отложеніе, ожирѣніе, разложеніе, словомъ все, что можно найти у порядочнаго человѣка, который лечился, по крайней мѣрѣ, у сорока докторовъ и пилъ все, чѣмъ отравляютъ человѣчество въ послѣднія пятнадцать лѣтъ. Ты спрашиваешь... Развѣ ты не видишь по моему лицу, что я живу только потому, что медицина не нашла еще послѣдняго средства, которымъ убиваютъ людей на законномъ основаніи. Какъ только они его найдутъ, его испробуютъ на мнѣ первомъ. Я жду своей очереди, не больше.

— Ты фаталистъ? спросила она съ едва замѣтной улыбкой.

— Фаталистъ? Нѣтъ!.. если не называть фаталистомъ человѣка, который, по примѣрамъ своего прошлаго, знаетъ навѣрное, что его ожидаетъ въ будущемъ. Жизнь наша такъ однообразна и состоитъ изъ такихъ повтореній, что я удивляюсь, какъ, приглядѣвшись къ ней, люди не замѣчаютъ, что, въ сущности, все одно и то же, что завтра будетъ то же, что вчера. На что я могу еще надѣяться? на молодость? ея нѣтъ, она осталась назади. На здоровье? оно разбито... Ну, да впрочемъ, что-жъ, это не можетъ быть для тебя интересно... Скажи мнѣ, спросилъ онъ, мѣняя внезапно разговоръ:—тебѣ не случилось, при встрѣчѣ съ какимъ-нибудь лицомъ, знатъ заранѣе, какую роль оно будетъ играть въ твоей жизни?

— Никогда! отвѣтила она съ удивленіемъ.

— Странно! назови это предчувствіемъ, глупостью, какъ хочешь, но всѣ роковыя встрѣчи моей жизни происходили именно такъ: я видѣлъ человѣка при самыхъ обыкновенныхъ условіяхъ, но сразу говорилъ себѣ: наши дороги когда-нибудь встрѣтятся!

— И что-жъ онѣ встрѣчались? спросила Нина съ усмѣшкой?

Онъ съ минуту молчалъ и смотрѣлъ на нее внимательно, точно изучая ее.

— Да, въ большинствѣ случаевъ. Впрочемъ, нѣтъ, не будемъ говорить объ этомъ. Я нынче чувствую себя скверно, эти мысли раздражаютъ меня.

Онъ сжалъ себѣ руками голову и блѣдный, молча, ходилъ по комнатѣ.

— Ты боленъ? сказала она, взглянувъ на его пожелтѣвшее лицо.

Онъ молча кивнулъ головой.

— Можетъ быть, ты хочешь остаться одинъ?

— Нѣтъ, ничего! Я пойду только лягу на минуту.

Онъ ушелъ къ себѣ въ спальную, а она стояла у окна, тревожно прислушиваясь. Нѣсколько разъ ей приходила мысль позвонить человѣку, но она боялась, чтобы это его не раздражило. Такъ прошло минутъ десять. Она рѣшилась, наконецъ, войти къ нему. Осторожно отворяя дверь, она увидала его передъ краномъ умывальника. Онъ стоялъ, нагнувшись, и пускалъ себѣ на голову струю холодной воды. Глазамъ ея представилась смятая постель, виднѣвшаяся изъ-за отодвинутой ширмы, шкафъ съ медицинскими книгами, открытое бюро съ разбросанными бумагами, съ начатымъ и недоконченнымъ письмомъ и палочкой сургуча около зажженной свѣчи. На окнахъ были спущены зеленныя шторы съ изображеніемъ трубящаго охотника, своры собакъ и дремучаго лѣса. Въ комнатѣ былъ тотъ особенный аптечный запахъ, который дѣйствуетъ одуряющимъ образомъ на свѣжаго человѣка. Надъ письменнымъ столомъ висѣла копія съ тиціановскаго Вознесенія, нѣсколько подалѣе Моденіе о чашѣ, а въ углу какая-то большая темная картина мистическаго содержанія.

— Ты, пожалуйста, не стѣсняйся, сказала Нина, остановившись въ дверяхъ:—если тебѣ нужно что-нибудь, можетъ быть, позвать кого-нибудь...

Онъ сдѣлалъ знакъ, что нѣтъ, и пригласилъ ее войти. Она нагнулась надъ бюро и смотрѣла на портретъ изъ

пяти медальоновъ, изображавшихъ, повидимому, одно семейство, судя по родственному сходству лицъ.

— Узнаешь? спросилъ онъ.

— Одну я узнаю, это твоя жена.

— А это вся ея родня. Все семейство Полѣновыхъ, досказалъ онъ, опускаясь въ кресло и начиная перечитывать недоконченное письмо.

Средній медальонъ изображалъ старика съ артистически разбросанными сѣдыми волосами, съ гордымъ, надменнымъ выраженіемъ глазъ и слѣдами замѣчательной когда-то красоты. Растегнутая на груди рубашка открывала мощную, совсѣмъ не старческую шею. Въ углахъ его рта было что-то сладострастное и вмѣстѣ презрительное. Онъ глядѣлъ пылкимъ вельможей XVIII столѣтія. Надъ нимъ смотрѣла изъ медальона двадцатилѣтняя красавица въ итальянскомъ костюмѣ; то была старшая дочь его, умершая жена Яковлева. Изъ двухъ остальныхъ дочерей одна была совсѣмъ некрасива—это уже знакомая намъ Вѣра Бибикова, другая только не дурна, но при этомъ какъ-то поэтически граціозна, съ глазами наивно задумчивыми, ласкающими, почти дѣтскими; она, впрочемъ, и снята была по дѣтски, въ открытомъ лифѣ, съ открытыми рукавами платья и въ институтскомъ фартукѣ. Сынъ, цвѣтушій молодой человѣкъ, въ кавалергардскомъ мундирѣ, наслѣдовалъ красоту отца, но безъ того огня, который свѣтился въ глазахъ старика.

— Какъ хороша была твоя жена! замѣтила Нина, рассматривая портретъ.

Но глаза ея искали невольно той задумчивой институтки, пятнадцатилѣтней дѣвочки, въ которой она съ жадностью изучала свою соперницу. Такъ это-то была

та Бетси Полѣнова, которая отнимала у нея сердце Левицкаго! Неужели это правда, что онъ женится на ней? думала она, стараясь объяснить себѣ, что могло его очаровать въ лицѣ этой дѣвочки.

— Мнѣ очень нравится лицо этой институтки, вымолвила она. — Она еще дѣвочка, но уже что-то общается.

— Она давно ужъ не дѣвочка, и право, кажется, ничего не общается. Между нами, это, если я не ошибаюсь, предметъ думъ одного нашего общаго друга... Ты, конечно, угадываешь кого?

— Левицкаго? спросила она твердо.

— Да. Я съ грустью смотрю на этотъ выборъ; но я не удивляюсь ему.

— Развѣ она такъ хороша?

— Она хуже, чѣмъ хороша: она имѣетъ успѣхъ. А это, ты знаешь, такія шпоры для любви! Взять то, что всѣ хотятъ взять... это огромное счастье.

Нина не могла удержаться, чтобы не взглянуть еще разъ на портретъ.

— Если тебя такъ занимаютъ эти картинки, я могу тебѣ показать еще одну. Она не хуже этихъ, ты увидишь.

Онъ подошелъ къ бюро, отперъ одинъ ящикъ и вынулъ оттуда довольно большой кабинетный портретъ, завернутый въ папиросную бумагу.

— Только прежде я долженъ сказать тебѣ, прибавилъ онъ, опуская портретъ, который вдругъ задрожалъ въ его рукѣ: — что ты первая, кому я показываю его. После, когда ты увидишь оригиналъ, а ты можетъ быть

увидишь его, ты ни однимъ словомъ не упомянешь, конечно, о томъ, что ты видѣла здѣсь.

Нина съ удивленіемъ слѣдила за его движеніями, за нервной торопливостью, съ которой онъ не снялъ, а сорвалъ обертку съ портрета.

Но прежде, чѣмъ показать его ей, онъ глядѣлъ на него самъ, глядѣлъ съ жадностью, съ болью въ лицѣ. Потомъ онъ подалъ его молча.

На портретѣ, въ нѣсколько изысканной позѣ, была представлена молодая женщина за роялемъ. Одна рука ея перебирала клавиши, а другая, облокотившись на спинку стула, поддерживала ея маленькую, изящно причесанную головку. Ея задумчивый взглядъ и вся томная грація ея позы какъ бы говорили о томъ, что она, прислушиваясь къ тихимъ звукамъ рояля, воспоминаетъ объ отсутствующемъ другѣ или, можетъ быть, ждетъ его прихода. Но взглянувъ пристальнѣе въ выраженіе ея темныхъ глазъ, можно было подмѣтить въ нихъ что-то лукавое, коварное, не возбуждавшее довѣрія. Ея поза была слишкомъ красива, чтобы быть естественной.

Яковлевъ молча и тяжело шагаль по комнатѣ. Видно было, что какія-то тревожныя воспоминанія одолѣвали его.

— Ну, какъ ты находишь ее? спросилъ онъ вдругъ.

— Я не знаю право... сказала она нерѣшительно.

— Впрочемъ, довольно объ этомъ! Что я тебѣ надобно своими воспоминаніями! Кому они могутъ быть интересны. Ты, я думаю, находишь страннымъ, что я вдругъ ни съ того, ни съ сего навязалъ тебѣ свою тайну...

Нина дѣйствительно находила это страннымъ, но, изъ сожалѣнія къ нему, не сказала этого. Къ тому же ей показалось, что онъ самъ уже начиналъ жалѣть объ этой внезапной, неумѣстной откровенности.

ХІІ.

Левицкій только-что вернулся къ себѣ изъ министерства и не успѣлъ еще снять вицмундира, какъ начались обычные звонки.

Первымъ явился какой-то уѣздный предводитель, тучный, очень громко говорившій мужчина, весьма гордый своимъ знакомствомъ съ Левицкимъ и выдававшій себя въ провинціи за его ближайшаго друга.

При встрѣчѣ съ этимъ другомъ, онъ, однако, слегка смѣшался и, увидавъ его стоящимъ посреди комнаты, не зналъ, самому ли къ нему подойти, или ждать, пока онъ подойдетъ. Левицкій пригласилъ его сѣсть, но ни чаю, ни кофе, какъ ожидалъ того гость, не предложилъ, а сталъ его спрашивать о выборахъ и о дѣлахъ дворянской опеки съ такимъ видомъ, который ясно говорилъ: я надѣюсь, любезный другъ, что ты долго не просидишь. Гость привыкъ въ провинціи держать себя по губернаторски и громко рассказывать о себѣ, но Левицкій взглянулъ съ безпокойствомъ на часы и на лежавшую около него кипу бумагъ и съ грустью замѣтилъ, что къ утру надо составить изъ нихъ докладъ. Гость не понялъ и остался.

Въ это время новый звонокъ извѣстилъ о новомъ посѣтителѣ. Вошелъ статскій генералъ со звѣздой и съ

замѣтнымъ дрожаніемъ нижней челюсти. Левицкій встрѣтилъ его въ дверяхъ, нѣсколько разъ повторилъ ему, какъ онъ счастливъ его видѣть, усадилъ его въ самое покойное кресло и тотчасъ же вступилъ съ нимъ въ разговоръ, умышленно или неумышленно забывая о предводителѣ. Тотъ безпокойно вертѣлся на стулѣ, попробовалъ было вмѣшаться въ ихъ бесѣду, но и тутъ остался незамѣченъ и долженъ былъ молча слушать рассказъ генерала о томъ, какъ онъ сопровождалъ за границу одного нѣмецкаго принца. Воспользовавшись первой паузой, сконфуженный предводитель откланялся.

Вслѣдъ за генераломъ со звѣздой, явился какой-то синологъ, хлопотавшій о мѣстѣ казеннаго библіотекаря при одномъ ученomъ учрежденіи. Онъ просилъ Левицкаго замолвить за него словечко и привезъ ему новенькій экземпляръ своей исторической грамматики, гдѣ интересна была для Левицкаго не столько самая грамматика, сколько напечатанное жирнымъ шрифтомъ посвященіе ему. Онъ принялъ эту ученую взятку съ тѣмъ любезнымъ видомъ, съ какимъ принималъ вообще всякаго литератора. Онъ не смотрѣлъ теперь на часы и не говорилъ съ грустью о докладѣ, а съ любопытствомъ спрашивалъ о значеніи какого-то китайскаго слова, причемъ обнаружилъ знанія не совсѣмъ обыкновенныя, даже и для государственнаго человѣка.

Посвященная ему грамматика мѣсяцевъ шесть лежала у него на столѣ, пока не была, наконецъ, замѣчена всѣми и, какъ потерявшая уже интересъ новизны, не успокоилась на дальней полкѣ книжнаго шкафа.

Замѣтивъ взгляды, которые ученый бросалъ вокругъ себя, Левицкій спросилъ его, какъ ему нравится его

хата. Хата его была недурна. Она имѣла тотъ общій характеръ русскихъ хатъ, въ которыхъ живутъ бѣдные чиновники, получающіе шесть тысячъ жалованья.

Кабинетъ его былъ обдуманъ художественно. Первое, что поражало въ немъ—это огромныхъ размѣровъ письменный столъ, за которымъ могли бы свободно работать десять канцелярскихъ чиновниковъ. Казенные пакеты съ красными печатами и докладныя записки скромно занимали одинъ уголъ его, оставляя свободнымъ другой для всего, что можетъ улаживать досуги образованнаго человѣка. Тутъ было „компактное изданіе гётевскаго Фауста“, новѣйшее изданіе Шекспира въ подлинникѣ, въ видѣ маленькихъ книжекъ, похожихъ на молитвенники, и иллюстрированный дантовскій „Адъ“ съ безчисленнымъ множествомъ голыхъ мускулистыхъ фигуръ, преданныхъ всевозможнымъ мученіямъ. Тутъ же стоялъ бюстъ Юлія Цезаря, на которомъ знаменитый римскій полководецъ былъ изображенъ съ зеленымъ лицомъ, такъ какъ весь бюстъ былъ сдѣланъ изъ зеленого базальта. Такимъ образомъ, чиновникъ и поэтъ были строго разграничены на этомъ столѣ, но поэтъ преобладалъ...

Въ кабинетѣ, кромѣ того, останавливали вниманіе нѣсколько хорошихъ снимковъ съ хорошихъ картинъ и коллекція альбомовъ, поднесенная въ разное время Левицкому его разными сослуживцами. Они были живой повѣстью тѣхъ успѣховъ, которые сопровождали его при переходахъ изъ одного вѣдомства въ другое, изъ одной губерніи въ другую, пока не увѣнчались, наконецъ, виднымъ и прочнымъ мѣстомъ въ столицѣ.

Его казенная квартира, показавшаяся дворцомъ скромному ученому, была отдѣлена цѣлыми десятками лѣтъ

отъ той лачуги, гдѣ онъ, проживая нахлѣбникомъ у вѣчно пьянаго писаря, долбилъ свою латынь. Между этой лачугой и его теперешнимъ дворцомъ были многіе годы лишеній, горя, униженій, упорнаго труда—годы, забытые всѣми, кромѣ того, кто ихъ испыталъ. Люди узнавшіе Левицкаго во времена его успѣховъ, представляли его себѣ сильнымъ, самонадѣяннымъ, умнымъ дѣльцомъ; люди, выдавшіе его прежде, въ годы его ранней юности, помнили еще болѣзненнаго юношу, робкаго, самолюбиваго, не всегда, можетъ быть, сѣтаго, то съ мечтательнымъ, то съ орлинымъ взглядомъ, который тогда уже начиналъ высматривать свою добычу, терпѣлъ неудачи, ожесточался, голодалъ, работалъ и черствѣлъ душою...

Часовъ около трехъ, когда пріемъ обыкновенно кончался, пришелъ Яковлевъ, но не успѣлъ какъ слѣдуетъ поздороваться, какъ въ передней опять зазвонили. Левицкій, уже снимавшій вицмундиръ и распорядившійся насчетъ чаю, которымъ угощалъ только близкихъ пріятелей, сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Это дамы какія-то, сказалъ Яковлевъ, прислушиваясь къ звуку голосовъ въ передней.

— Погоди минутку, я сейчасъ ихъ приму.

Яковлевъ удалился, а хозяинъ вышелъ въ переднюю, гдѣ стояли, перешептываясь, двѣ студентки, видимо совѣщаясь о томъ, которой прежде войти.

— Войдите, сдѣлайте одолженіе! любезно пригласилъ ихъ Левицкій.

Студентки вошли переглядываясь. Обѣ одинаково не знали, куда дѣвать свои руки, хотя одна оказалась очень бойкой и заговорила вдругъ скоро и звонко что-то та-

кое, что Левицкій не сразу могъ понять. Другая только озиралась.

Послѣ большихъ усилій, Левицкій понялъ, наконецъ, что его за кого-то просятъ. Онъ предложилъ имъ стулья, внимательно выслушалъ ихъ, сказалъ съ глубокимъ сожалѣніемъ, что ничего не можетъ сдѣлать, прибавивъ, впрочемъ, что еслибы это было въ его власти, то, конечно, онъ сдѣлалъ бы все возможное.

— Да нѣтъ, послушайте! Какъ же это? перебила студентка. — Если вы захотите, вы можете. Мы знаемъ, что вы можете... У васъ, говорятъ, такое большое знакомство!

— Что касается до моихъ знакомыхъ, то всѣ они очень милые люди, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы вмѣстѣ съ ними пообѣдать, но и только! Впрочемъ, чтобы вы не думали, что тутъ есть какое-нибудь нежеланіе съ моей стороны... (онъ привсталъ и оторвалъ листъ бумаги) потрудитесь мнѣ написать фамилію этого господина. Я сдѣлаю все, что могу.

Онъ положилъ бумагу передъ студенткой и подаль ей перо, которымъ она неловко и торопливо написала что-то въ углу. Левицкій посмотрѣлъ на фамилію, написанную этимъ размашистымъ, скорѣй мужскимъ, чѣмъ женскимъ почеркомъ, сложилъ бумагу и положилъ ее подъ прессъ-панье.

Онъ сказалъ еще нѣсколько прочувствованныхъ словъ о томъ, какъ тяжело сознаніе своего безсилія для человека, который не можетъ сдѣлать ничего, когда желалъ бы сдѣлать все, смотрѣлъ на нихъ своими глубокими глазами и, прощаясь съ ними, выразилъ надежду на то, что настанутъ когда-нибудь лучшія времена.

ХІІІ.

— Я пришелъ къ тебѣ по дѣлу, началъ Яковлевъ, когда они остались одни. Не знаешь ли ты, гдѣ бы достать денегъ?

Левицкій внимательно посмотрѣлъ на своего друга. Онъ зналъ, какъ неохотно Яковлевъ говоритъ о своихъ денежныхъ дѣлахъ; зналъ также, что онъ вошелъ въ большіе долги, начиная изданіе газеты, которая пошла хуже, чѣмъ можно было ожидать. Ничѣмъ нельзя было такъ разсердить его, какъ напоминая ему о томъ, какую ошибку онъ сдѣлалъ, пустившись въ журналистику. Самъ онъ въ глубинѣ души вполне ее сознавалъ, но, по привычкѣ всѣхъ упрямыхъ людей, не хотѣлъ ни за что признаться въ этомъ другимъ. И потому, чѣмъ хуже шли его дѣла, тѣмъ онъ больше избѣгалъ всякихъ разговоровъ объ этомъ. Последнее время онъ сталъ даже скрывать ихъ отъ Левицкаго.

— Тебѣ нужно денегъ? повторилъ Левицкій. — Возьми у меня. Только съ однимъ условіемъ.

— Съ какимъ?

— Что ты не употребишь ихъ на газету.

Яковлевъ нервно подергивалъ усы.

— Я въ этомъ вижу только вѣжливый отказъ, сказалъ онъ глухо. — Я, впрочемъ, не у тебя и пришелъ ихъ просить. Ты знаешь хорошо, что я у друзей не занимаю. Для этого есть банки и ростовщики.

— Ну, этого, извини, я не понимаю; дружба не боится копѣчныхъ расчетовъ. Но дѣло въ томъ, что я не могу сознательно вести тебя въ петлю. Твоя га-

зета запутала тебя кругомъ и, что всего печальнѣе, она поглотила не только твои деньги, но и твое спокойствіе, и... и даже больше. Газета вовсе не твое дѣло, и ты это знаешь... Тебя надо вырвать изъ этого болота, а не толкать туда насильно! Если тебѣ нужно нѣсколько тысячъ для того, чтобы убить окончательно свою газету и вмѣстѣ съ ней свою репутацію, то я не только ихъ тебѣ не дамъ, но приму мѣры, чтобы тебѣ не далъ ихъ никто другой. Извини! можетъ быть это грубо, но я люблю тебя и иначе говорить не могу.

Яковлевъ молча взялся за шляпу.

— Постой! выслушай меня прежде! остановилъ его Левицкій: — я никакой цѣны деньгамъ не придаю, и сейчасъ тебѣ это докажу: дай мнѣ слово, что ты продашь газету... и я сейчасъ же отдаю тебѣ все, что у меня есть.

— Нѣтъ, зачѣмъ же! возразилъ Яковлевъ сухо. — Я раззорять тебя вовсе не намѣренъ. Къ тому же такихъ денегъ, какія мнѣ нужны, у тебя нѣтъ. Мнѣ нужно, по крайней мѣрѣ, тысячъ тридцать.

Левицкій всталъ.

— Тридцать тысячъ! повторилъ онъ съ разстановкой. — Да ты столько же, если не больше, долженъ своему тестю?

— Я для того и занимаю, чтобы уплатить ему. У меня есть причины, по которымъ я желалъ бы расплатиться съ нимъ. Да вообще оставимъ эти разговоры...

— Я тебѣ еще разъ повторяю что видѣть тебя издателемъ русской газеты...

— Русская газета не хуже русскаго общества! Она его вѣрное отраженіе.

— Ну, это обыкновенное оправданіе людей, которые опускаются до уровня толпы, потому что не могутъ поднять ее до себя. Вы всегда считаете публику глупѣе, чѣмъ она есть.

— Кто это мы? спросилъ Яковлевъ, отвернувшись къ окну.

— Т. е. не ты, а твои сотрудники, потому что, вѣдь положи руку на сердце, развѣ ты знаешь, что пишутъ у тебя въ газетѣ? Я думаю, что ты едва ли даже ее читаешь?

— Какой вздоръ! сказалъ Яковлевъ, вспомнившій въ эту минуту, что онъ дѣйствительно ужъ нѣсколько дней не читалъ ея.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ задумалъ планъ новаго обширнаго труда о Россіи, онъ сталъ все рѣже показываться въ редакцію. Мелкія журнальныя заботы тяготили его давно.

— Послѣдніе дни я, дѣйствительно, читалъ мало, сказалъ онъ послѣ нѣкотораго колебанія: — но я былъ все боленъ; я три ночи не спалъ.

— Ну, милый другъ, мы всѣ больные люди. Надо какъ-нибудь лечить себя. Нужно воли побольше.

— А! что воля! перебилъ Яковлевъ съ досадой. — Что вы мнѣ все съ вашей волей, съ твердостью души!.. Нѣтъ, братъ, это ужъ обманывать себя. Я что-то въ душу сталъ плохо вѣрить.

— Вотъ какъ! ты нынче въ душу не вѣришь. Ты вотъ души въ себѣ не замѣтилъ, а нашелъ въ себѣ способности хорошаго журналиста. Ты имъ никогда не будешь, я тебѣ это прямо говорю.

Яковлевъ вспылилъ, сказалъ, что онъ знаетъ, что дѣ-

лаетъ и учить себя не позволить, схватилъ какую-то книгу, бросилъ ее, схватилъ перо, сталъ имъ что-то чертить на бумагѣ, бросилъ и это, застегнулся на всѣ пуговицы и хотѣлъ, казалось, уйти, однако не ушелъ.

— Я не понимаю, говорилъ Левицкій:—въ чемъ состоитъ самолюбіе людей, подобныхъ тебѣ. Я скорѣй понимаю какого-нибудь кулака-издателя, у котораго газета вовсе не литературный и не политическій органъ. а просто мелочная лавочка, гдѣ онъ сидитъ и торгуетъ. Я понимаю всякихъ литературныхъ хлыщей, которые такъ же появляются въ литературѣ, какъ пятно на платѣ. Но если я кого не понимаю, такъ это, извини, тѣхъ честнѣйшихъ, благороднѣйшихъ людей, которые сами ни на какую гадость неспособны, а къ себѣ въ журналъ пускаютъ всякій сбродъ. Выслушай меня и не сердись! продолжалъ онъ, замѣтивъ нетерпѣніе Яковлева.—Я сталъ послѣднее время въ невозможное положеніе; со всѣхъ сторонъ я слышу негодованіе на твой журналъ. Молчать я не могу, тутъ задѣваютъ твое имя. Защищать тебя... но по совѣсти я и этого не могу сдѣлать...

— И не нужно! сдѣлай одолженіе. Я ни въ какой защитѣ не нуждаюсь. Я этихъ дружескихъ цѣпей терпѣть не могу. Защита! Передъ кѣмъ это, въ чемъ мнѣ защищаться? Кто мои судьи? Ваши петербургскіе либералы, которые либеральничаютъ, запираютъ двери на замки? ваша интеллигенція, которая хотѣла бы получить радикальную газету и имѣть при этомъ двадцать пять тысячъ годового дохода! Имѣть повара, чтобы давать патріотическіе обѣды, и коляску, чтобы ѣздить въ ней въ парламентъ. И вы хотите, чтобы я былъ

органомъ этихъ господъ, которые немножко фрондируютъ у себя въ гостиной и любятъ вольности въ газетѣ потому, что не могутъ позволять ихъ себѣ сами. Эти трусы до мозга костей, требующіе смѣлости отъ другихъ!.. А! вы хотѣли найти въ вашей газетѣ то, чего нѣтъ въ васъ самихъ! Вы хотѣли, чтобы портретъ былъ лучше оригинала!.. Журналисты не хороши... Сдѣлайте хорошихъ журналистовъ. Вы же ихъ создаете. Да если бы дѣйствительно явился хорошій журналистъ, вы бы первые забросали его камнями. Вы бы слово правды приняли за личное оскорбленіе для себя!..

— Ты раздраженъ, Алексѣй, сказалъ Левицкій сдержанно, — и потому несправедливъ.

Друзья разстались холодно. Яковлевъ ушелъ разстроенный, сожалѣя внутренно о томъ, что вызвалъ своего друга на этотъ непріятный для обоихъ разговоръ.

XIV.

Нинѣ стоило большихъ усилій уговорить отца, чтобы онъ принялъ у себя Яковлева, пожелавшаго возобновить съ ними знакомство. Старикъ сначала и слышать объ этомъ не хотѣлъ.

— У меня и такъ отъ этихъ знакомствъ голова трещитъ, говорилъ онъ угрюмо.

„Эти знакомства“ заключались въ томъ, что у нихъ два раза въ лѣто былъ Дмитрій Левицкій, приходившій съ визитомъ и оба раза, къ несчастію, застававшій Огнева дома.

Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ, рѣшено было,

что онъ приметъ Яковлева. Въ день, назначенный для его прїѣзда, онъ спросилъ у дочерей чистый носовой платокъ, велѣлъ стереть пыль у себя въ кабинетъ и, разложивши передъ собой какую-то книгу, угрюмо дожидался этого визита. За послѣднія пять—шесть лѣтъ онъ совсѣмъ одичалъ и выходилъ только по дѣламъ въ редакцію или на толкучку за книгами.

Прїѣздъ Яковлева поднялъ въ его душѣ старыя воспоминанія и растравилъ старыя раны. Онъ принялъ его холодно и все время усиленно молчалъ, предоставляя дочерямъ занимать его. Яковлевъ тоже чувствовалъ стѣсненіе. Онъ еще въ юности не любилъ дядю, считая его старымъ педантомъ. Позднѣе онъ научился цѣнить въ немъ одну черту—его безукоризненную честность. Но онъ никогда не могъ простить ему его ограниченности. Онъ говорилъ, что нѣтъ ничего невыносимѣе ученой посредственности.

Пытаясь теперь возобновить порванное знакомство, Яковлевъ сомнѣвался, будетъ ли оно прочно. Дядя съ годами не сдѣлался мягче: онъ, напротивъ, какъ-то очерствѣлъ. Говорить съ нимъ было трудно. О политикѣ онъ не говорилъ, она его не занимала; о литературѣ? онъ новѣйшихъ книгъ не читалъ, кромѣ того, что выходило по его специальности.

Выходя отъ дяди съ тяжелымъ чувствомъ недовольства, Яковлевъ спрашивалъ себя, къ чему онъ сдѣлалъ этотъ визитъ. Но не прошло двухъ недѣль, какъ онъ его повторилъ. Онъ выбралъ такой день, когда дяди, по его соображеніямъ, не было дома и, послѣ неболь-

шого колебанія, вошелъ на крыльцо, служившее въ то же время и балкономъ. Обыкновенно тамъ сидѣлъ кто-нибудь изъ домашнихъ, или самъ старикъ съ книгой, или одна изъ дочерей, но на этотъ разъ все было пусто. Съ некрашеннаго, деревяннаго стола снята была скатерть, стояло рѣшето съ грибами, валялись корешки отъ этихъ грибовъ и тупой ножикъ, которымъ ихъ чистили. Мухи тучами облѣпили этотъ грибной соръ, залетѣвшая по ошибкѣ пчела отчаянно билась между складками балконной парусины. На копнѣ сѣна, лежавшей передъ окнами, брошена была раскрытая книга и чей-то носовой платокъ. На клумбахъ въ палисадникѣ, несмотря на всѣ старанія Лизы, не выросло ничего, кромѣ подсолнуховъ и двухъ головокъ мака. Старая, сѣдая крапива и лопухи густо разрослись по забору; одна пошла вверхъ своими смѣлыми остріями, другіе стлались по землѣ, поворачивая къ солнцу свою пыльную, сѣроватую поверхность. Сухая, кое-гдѣ начинавшая уже блекнуть листва березы лѣниво шевелилась подъ слабымъ, Богъ вѣсть откуда потянувшимся вѣтеркомъ. Синія стрекозы поднимались изъ травы съ легкимъ трескомъ и, описавши кривую на воздухѣ, скрывались изъ глазъ въ знойномъ блескѣ лѣтняго дня. Въ жаркомъ, прозрачномъ воздухѣ точно что-то дрожало. На безконечной вышинѣ разорванными клочками плыли бѣлыя облака, растянувшіяся длинной линіей и, незамѣтно пропадаая, таяли въ горячей синевѣ неба.

Въ домѣ все было тихо. Яковлевъ попробовалъ отворить дверь — дверь была заперта.

— Кто тамъ? крикнулъ чей-то испуганный голосъ. Онъ назвалъ себя. За дверью шептались. Минутъ

пять, по крайней мѣрѣ, никто къ нему не выходилъ. Думая, что его не хотятъ принять, онъ пошелъ уже назадъ, когда его вдругъ нагнала Нина. По ея сконфуженному виду онъ догадался, что пришелъ не въ время. Она извинилась передъ нимъ, что заставила его ждать, но не приглашала его вернуться и, продолжая разговаривать, стояла на улицѣ. Щеки ея пылали, что съ ней бывало рѣдко; распустившіяся косы упали ей на спину, и вся она казалась очень взволнована.

— Я, кажется, не въ-время пришелъ, сказалъ онъ, чувствуя какую-то неловкость.

— Вовсе нѣтъ! перебила она поспѣшно. — Съ чего ты это взялъ!

Она лгала; онъ видѣлъ это ясно.

— Нѣтъ, я такъ только зашелъ, спросить, не нужно ли вамъ чего-нибудь въ городѣ. Мнѣ пора домой. Онъ торопливо простился и, не оглядываясь, пошелъ по деревнѣ.

Прошло нѣсколько дней, и Нина начала уже забывать объ этой встрѣчѣ, полагая, что Яковлевъ не придетъ ей никакого значенія, какъ вдругъ, къ величайшему ея удивленію, она получила отъ него письмо:

„Я вѣрю, что есть такія минуты уединенія когда не только свои двери, но даже свою душу хочется запечатать для всѣхъ. Въ одну изъ такихъ минутъ я попалъ къ тебѣ и, сказать ли? меня крайне удивилъ твой пріемъ. Удивило не то, что ты не приняла меня—ты имѣла полное право поступить такъ и я на твоёмъ мѣстѣ сдѣлалъ бы то же—но то, что ты какъ будто извинялась въ этомъ. Къ чему? Развѣ это требовало извиненій? Мнѣ больно видѣть, что и ты надѣваешь на себя цѣпи

какого-то условнаго рабства. Сбрось ихъ! онѣ не пристали къ тебѣ.

„Еще два слова! Въ мой первый визитъ къ вамъ, я замѣтилъ, что твой отецъ смотритъ на меня косо. Отчего ты не сказала мнѣ прямо, что онъ не хочетъ этого знакомства?“

Письмо это задѣло Нину за живое. Она вспомнила всѣ подробности послѣдняго свиданія, свое смущеніе, неловкость и вообще тотъ странный характеръ, который приняла ихъ встрѣча. Объясниться было необходимо, но объясняться письменно она не хотѣла и отложила это до перваго свиданія. Оно не заставило ждать себя. Въ первый же свой пріѣздъ изъ города, она, по привычкѣ своей гулять по вечерамъ одна, пошла на кладбище.

Проходя мимо церковной сторожки, она вдругъ остановилась.

Изъ-за кустовъ, прямо на встрѣчу ей, выскочилъ блѣлый сетеръ, внимательно и вопросительно обнюхавъ ее, и кинулся дальше по дорожкѣ къ кладбищенской церкви. Нина узнала этого сетера; съ нимъ ходилъ ея двоюродный братъ. Первымъ ея движеніемъ было повернуть назадъ; но потомъ, какъ бы въ досадѣ на себя за эту минутную нерѣшимость, она смѣло пошла дальше.

Яковлевъ былъ тутъ. Онъ сидѣлъ на старомъ могильномъ камнѣ и смотрѣлъ задумчиво въ просвѣтъ между деревьевъ на альбюшую полосу неба, сквозившую, какъ черезъ сѣтку, черезъ частую листву кладбищенской ограды.

— Ты получила мое письмо? спросилъ онъ вставая.

— Получила... и была имъ очень удивлена.

— Ты, можетъ быть, не такъ поняла его...

— Мнѣ кажется, что ты не имѣлъ никакого права писать его мнѣ.

— Я такъ и думалъ, перебилъ онъ печально.—Ты не поняла меня. Объясняться! Развѣ я говорилъ объ объясненіи? Я именно хотѣлъ сказать, что не только объясняться, но ты даже и оправдываться не должна была передо мной. Ты должна была прямо сказать мнѣ: я не могу принять тебя. Вотъ и все! и никакихъ разговоровъ не могло быть.

• Она посмотрѣла ему прямо въ глаза и вдругъ засмѣялась.

— Хорошо! сказала она рѣшительно.—Другой разъ я такъ и сдѣлаю.

Они пошли молча по дорожкѣ.

— Ты, можетъ быть, отчасти права, вымолвилъ онъ послѣ долгаго молчанія.—Въ глубинѣ моей души я, можетъ быть, желалъ этого объясненія.

Она вынула изъ кармана сложенную записку.

— Тогда возьми это письмо. Оно говоритъ совсѣмъ другое.

Онъ взялъ его и, ни слова не говоря, разорвалъ. Бѣлые клочки его закружились на воздухѣ и полетѣли на чью-то могилу.

— Я поступилъ глупо, нелѣпно, сказалъ онъ:—и ты даешь мнѣ это понять.

— Забудемъ объ этомъ, я тебя прошу.

— Забыть этого я не обѣщаю, но я сдѣлаю все, чтобы быть тебѣ пріятнымъ: я перестану бывать у тебя.

Она остановилась.

— Къ чему это? спросила она, поднимая на него изумленный взглядъ.

— Я не могу выносить отношеній, въ которыя за-
кралась какая-то фальшь. Разъ, этого достаточно, ты приняла меня такъ, что мое посѣщеніе было тебѣ видимо непріятно. И главное—это главное, замѣть!—ты старалась скрыть это. Теперь, когда бы я ни пришелъ, мнѣ все будетъ казаться, что я пришелъ не въ время.

— Если ты это думаешь дѣйствительно, то, конечно, лучше прекратить наше знакомство.

Онъ слегка поблѣднѣлъ.

— Ты какъ будто рада этому, сказалъ онъ глухо.

— Нисколько! Но зачѣмъ же мучить себя? Передѣ-
лать себя мы не можемъ. Ты всегда останешься подо-
зрителемъ, а я... я люблю свою свободу и не уступлю
ее ни кому.

— Я желалъ бы знать, всегда ли ты такъ рассу-
даешь или это только теперь? со мною? Если всегда,
прими мои поздравленія. Ты счастливѣйшая и умнѣй-
шая изъ женщинъ. Но я подожду съ этими поздравле-
ніями... я подожду еще годъ или два. Если въ это вре-
мя не случится встрѣчи, которая сломаетъ тебя, какъ...
вотъ какъ этотъ пруть! прибавилъ онъ, поднимая за-
сохшую вѣтку и тутъ-же ломая ее пополамъ:—если
судьба не сыграетъ надъ тобой злой шутки и не под-
чинитъ тебя, твои мысли, желанія, волю, какому-ни-
будь черствому, сухому эгоисту, который въ одинъ годъ
тебя обезличитъ, о тогда!.. тогда прими мои поздравле-
нія! Я признаю въ тебѣ сильную душу... я буду ува-
жать твою гордость... Но мы подождемъ! Жизнь еще
не сказала своего послѣдняго слова.

— Сядемъ здѣсь! перебила она его, останавливаясь у церковной паперти, гдѣ изъ всѣхъ щелей между камнями пробивалась короткая травка.

Изъ раскрытаго церковнаго окна пахло ладаномъ. Сквозь желѣзные прутья оконной рѣшетки можно было видѣть темный иконостасъ, съ написанными во весь ростъ апостолами, съ ужасно суровымъ ликомъ Николая Чудотворца и толстыми оплывшими свѣчами въ тусклыхъ подсвѣчникахъ передъ образами. Старенькія хоругви на клиросахъ, закапанное воскомъ и нечищенное со Святой паникадило, потертое сукно на амвонѣ, на которомъ дьяконъ пятнадцать лѣтъ сряду читалъ нараспѣвъ евангеліе—все уже доживало свой вѣкъ, и самая церковь стала какъ будто расти въ землю. Кругомъ бойко пошла молодая зелень, выросло нѣсколько новыхъ могилокъ съ свѣжими каменными плитами, а старая церковь какъ-то печально смотрѣла на эти вторженія, ронила штукатурку, уронила разъ цѣлый карнизъ, потеряла позолоту съ креста, обростала мохомъ и глядѣла въ землю.

— Ты правъ, жизнь еще не сказала своего послѣдняго слова, повторила Нина.—Вотъ гдѣ она его скажетъ!..

Она указала на вырытую въ ночь могилу, съ черной, сырой еще землей и черной пустотой отверстія, ожидавшаго новаго жильца.

— Свобода! продолжалъ онъ, не отвѣчая на ея слова.—Ты думаешь, что ты любишь свою свободу? А какое употребленіе ты сдѣлаешь изъ нея? Кому-нибудь отдашь ее и потомъ десять лѣтъ жизни употребишь на то, чтобы вернуть ее назадъ!

— Вотъ этого-то я и не хочу, сказала она горько:— я не отдамъ ее, чтобы не брать назадъ.

— А встрѣчи? перебилъ онъ горячо.—А роковыя встрѣчи? Ты забыла ихъ! Твоя воля сильна, я вѣрю, но какъ ты знаешь, что она не столкнется когда-нибудь съ другой, сильнѣйшей волей.

Нина вспомнила вдругъ о Левицкомъ. Его образъ такъ ярко всталъ передъ ней, что она почувствовала минутную слабость. Голова у нея закружилась, все подернулось туманомъ. Она гдѣ-то смутно, далеко видѣла своего двоюроднаго брата и едва понимала, что онъ ей говорилъ. Онъ увидалъ эту внезапную перемену въ ней и остановился пораженный.

— Скажи мнѣ... эта встрѣча... она можетъ быть была уже?

— Нѣтъ! прошептала она сухими, горячими губами.—Но я ее боюсь.

Она встала и пошла прямо по дорожкѣ. Онъ съ минуту стоялъ, какъ окаменѣлый. По лицу его пробѣгали быстрыя тѣни; рука его дрожала, когда онъ нагнулся, чтобы поднять платокъ, который она уронила, уходя. Онъ нагналъ ее и молча подаль его. До самой ограды они шли такъ, ни слова не говоря. Выйдя на дорогу, онъ кликнулъ сетера, который забѣжалъ посмотрѣть, что готовится къ ужину у церковнаго сторожа.

— Прощай! сказалъ онъ, обращаясь къ ней и не находя другихъ словъ, чтобы сказать ей на прощанье.

— Прощай! отвѣтила она просто.

XV.

Дома ожидала ее неприятная сцена. Въ ея отсутствіе приходилъ хозяинъ требовать денегъ за дачу. Денегъ въ домѣ не было. Дѣла Огневыхъ были очень плохи и послѣднее время они сильно нуждались. Лиза экономила какъ могла и выбивалась изъ силъ, чтобы прожить на тѣ гроши, которые у нея оставались. Нѣсколько разъ она порывалась спросить сестру, сколько она получаетъ въ редакціи, да все какъ-то не рѣшалась. Но послѣ визита дачнаго хозяина, всѣ рѣшили обратиться къ Нинѣ. Старикъ Огневъ самъ дожидался ея возвращенія и мрачно ходилъ по полисаднику.

Изъ города пріѣхалъ Козловъ и помогать Лизѣ что-то считать. Лиза все твердила: два въ умѣ! и чтобы не забыть, писала на бумажкѣ.

Когда Нина пришла, отецъ спросилъ ее, не можетъ ли она заплатить пока изъ своихъ денегъ дачному хозяину. Нина призналась, что никакихъ денегъ изъ редакціи она не получала. Она все ждала, что Яковлевъ самъ заговоритъ объ этомъ, но онъ молчалъ, и она тоже. Вопросъ этотъ мучилъ ее давно: она видѣла, что дома нуждаются, но всякій разъ, какъ хотѣла сказать объ этомъ Яковлеву, гордость и стыдъ сковывали ей уста.

Старикъ Огневъ, хотя и сказалъ, что глупо не брать своихъ денегъ, но въ душѣ одобрялъ свою дочь; онъ понималъ, что просить денегъ, хотя бы и своихъ, тяжело. Но Лиза, и Николай, и Козловъ не понимали этого поступка.

— Вотъ еще! говорилъ Николай. — Тебѣ стыдно съ него брать, а ему не стыдно брать съ подписчиковъ.

— Перестань, пожалуйста! перебила Нина съ нетерпѣніемъ.

— Да что перестань! Вонъ и Платонъ Николаичъ то же скажетъ. Нынче, братъ, всѣмъ управляетъ рубль серебромъ! И ты вѣдь не оттого пошла, что тебѣ весело эту самую политику переводить, а просто оттого, что тебѣ цѣлковой нуженъ. Нуженъ, такъ и бери!

— Не всѣ работаютъ изъ-за цѣлковаго, сказала она съ презрѣніемъ.

— Тогда ужъ лучше пахать или косить, замѣтилъ Козловъ.

— Почему же это лучше? спросила Нина, все болѣе раздражаясь.

— Полезнѣе!

— Я право не знаю, что полезнѣе: пахать ли, камни ли ворочать или книги издавать. Я дѣлаю то, къ чему болѣе способна. А если я не думаю, вмѣстѣ съ моимъ братомъ, что главное въ жизни—рубль! такъ и вы вѣдь этого не думаете...

— Что такое рубль? перебилъ Козловъ.—Рубль—это удовлетвореніе моихъ потребностей. Вещь законная.

— Ахъ! и вы теперь будете доказывать, что рубль всего важнѣе!

— Да, только мой рубль и вашъ — это двѣ вещи разные.

Онъ помолчалъ и прибавилъ:

— А что я вижу въ васъ такое безкорыстіе, это меня радуетъ. Женщины, насколько я замѣтилъ, отличаются

еще большей алчностью, чѣмъ мужчины. Въ нихъ больше развита страсть къ пріобрѣтенію...

Уходя спать, старикъ Огневъ на минуту остановился, какъ будто для того, чтобы зажечь свѣчу и сказалъ дочери, не оборачиваясь:

— А, что Нина... Нельзя ли это, какъ-нибудь... Ну, написать ему, что ли... Идти къ нему тебѣ, конечно, неловко. А я думаю, написать бы... Впрочемъ, какъ хочешь... Тебѣ это лучше знать.

Жалкій и нерѣшительный видъ старика, который такъ не шелъ къ его орлиной фигурѣ, горько отозвался въ сердцѣ его дочери.

— Я ужъ рѣшилась, сказала она, вставая. — Я пере-говарю съ нимъ. Я буду у него сама.

Она подошла къ окну, распахнула его и стала глядѣть въ теплую тьму лѣтней ночи. Сквозь зелень палисадника можно было видѣть огоньки въ окнахъ дачи, стоявшей напротивъ, черезъ дорогу. Еще дальше, черезъ поле, видѣлся зеленый фонарь на желѣзной дорогѣ. Внизу подъ горой играли на гармоникѣ; гдѣ-то вдали, слышно было, ѣхали, пустя телѣги. Въ палисадникѣ все бы было темно, и одна только тонкая высокая осина, попавшая въ полосу свѣта изъ окна, дрожала своей блѣдной зеленью, ясно показывая каждый свой листикъ. Было что-то печальное, тоскливое въ этомъ трепетавшемъ деревѣ, покорно кивавшемъ своими тонкими вѣтвями.

И тоска, сжимавшая сердце Нины, росла, когда она глядѣла на это жалкое дерево. Ей казалось, что она сама теряетъ точку опоры и качается, какъ эти вѣтви, бессильно сгибаясь подъ ударами судьбы. Та же тьма,

которую она видѣла теперь передъ собой, ожидала ее и впереди.

XVI.

— Покойной ночи! сказалъ кто-то сзади.

Она вздрогнула и обернулась. Передъ ней стоялъ Козловъ съ маленькимъ зажженнымъ фонаремъ.

— Куда вы? спросила она, ничего не понимая.

— Спать иду. Одинадцатый часъ.

— Вы гдѣ же спите?

— А въ сараѣ, на сѣнѣ. Отлично! Пахнетъ крѣпко, такъ и забираетъ... Ночь такая теплая, славная! Сквозь крышу даже звѣзды видно.

Онъ хотѣлъ идти, но она вдругъ, что-то вспомнивъ, сдѣлала ему знакъ, чтобы онъ остановился.

— Я вотъ что хотѣла вамъ сказать, начала она торопливо. Я всегда готова, вы это знаете, быть вамъ полезной, чѣмъ могу. Но послѣдній разъ... я не знаю, слышали ли вы объ этомъ...

— Что такое? спросилъ онъ торопливо.

— У меня былъ этотъ господинъ, вы знаете...

— Ну, да, хорошо! Дальше...

— По вашему совѣту, я выдала его Лизѣ за газетнаго сотрудника. Но въ это самое время пришелъ Яковлевъ. Онъ его увидалъ въ окно, сдѣлался блѣднѣе бумажки... „Ради Бога не принимайте его... Онъ меня знаетъ!.. Я не могу съ нимъ встрѣтиться!“

— Что же вы сдѣлали? спросилъ Козловъ, когда она остановилась.

— Я не помню что... Знаю только, что какую-то глупость.

— Ума тутъ особеннаго не нужно! сказалъ Козловъ невозмутимо.—Надо больше владѣть собой!

— Я это знаю, благодарю васъ...

— Вы изъ хорошаго матеріала сдѣланы, продолжалъ Козловъ, совершенно такъ, какъ бы она была какой-нибудь химическій продуктъ, а онъ экспертъ, призванный для опредѣленія его годности:—да вотъ полежала вещь безъ употребленія, ну, и не годится! Ржавчина ее съѣла, сырость, всякая дрянь...

— Вещь! остановила его Нина съ ироніей.— Я въ самомъ дѣлѣ должно быть вещь. Вы обо мнѣ такъ и говорите.

— Нѣтъ, вы не вещь!.. А вы только, по русской лѣни, съ мѣста двигаться не любите. Вы тяжелы на подъемъ—вотъ что... Сочувствовать-то вы, пожалуй, сочувствуете, да только такъ, что вотъ „не будетъ ли это безпокойно“. Это ничего, что у васъ огоньки въ глазахъ бѣгаютъ. Вѣтеръ подуетъ, загаситъ ихъ. А русскіе вѣтры сильны. Слава Богу! есть гдѣ разгуляться...

— Перестаньте ради Бога! остановила она его почти съ мольбой.— Что вамъ отъ меня нужно? Говорите!.. Нужна я вамъ на что-нибудь? Я на все готова. Вы знаете... Не дорожу я вашимъ спокойствіемъ! Что мнѣ въ немъ... Не бури я боюсь, не вѣтровъ вашихъ, а вотъ этой тишины, этой мертвой тишины, отъ которой воздухъ спирается, дышать тяжело... Дни, недѣли, года, все одно и одно!.. И безцѣльно, глупо, никому не нужно...

Въ голосѣ ея вдругъ что-то зазвенѣло и оборвалось... Она поспѣшно отвернулась и стала глядѣть въ окно.

Козловъ съ минуту молчалъ.

— Жертвы! замѣтилъ онъ, наконецъ, съ усмѣшкой.— Вы съ этимъ не торопитесь. Это все порывы; потомъ это пройдетъ. Вы потомъ мнѣ сами будете благодарны, что я вашей жертвы не принялъ.

При этомъ онъ какъ-то вопросительно и пытливо взглянулъ на нее. Взглядъ его, быстрый какъ молнія, скользнулъ по ней, какъ бы желая въ одинъ моментъ прочесть, что происходитъ въ глубинѣ ея души, и тотчасъ же принялъ выраженіе равнодушное. Она стояла неподвижно, скрестивъ руки на груди и смотрѣла въ темноту.

— Покойной ночи! повторилъ онъ, дожидаясь нѣсколько минутъ и видя, что она не выходитъ изъ этой неподвижности. Она повернула къ нему свое усталое лицо.

— Вы ужъ уходите? Прощайте!

— Вамъ, я вижу, спать хочется.—Ахъ да, я и забылъ. (Онъ опустилъ руку въ карманъ). Вамъ письмо есть.

Она издали еще, при слабомъ свѣтѣ фонаря, узнала знакомый почеркъ. Въ глазахъ ея что-то зажглось.

— Когда вы его получили?

— Вчера. Кажется, вчера. Да тамъ на штемпель увидите... Огня не прикажете ли?

Онъ досталъ изъ кармана спички и зажегъ ей свѣчу. Только-что онъ ушелъ, она разорвала конвертъ и жадными глазами стала пробѣгать письмо.

„Дорогой другъ мой! я не шелъ къ вамъ все это

время, чтобы не опечалить васъ своей разстроенной и— къ чему скрывать это—злой физиономіей. Всѣ мелочи жизни, которыя послѣднее время отравляютъ мое существованіе, оставили на ней свои слѣды. Я боленъ душевно и физически и страдаю невыносимо. Я чувствую кругомъ себя и, что всего ужаснѣе, въ себѣ самомъ, ни чѣмъ ненаполнимую пустоту. Надежды на возможность когда-нибудь лучшаго будущаго во мнѣ угасли давно. Самыя горькія минуты въ такомъ состояніи—это минуты пробужденія. И вотъ въ одну изъ такихъ-то минутъ я пишу къ вамъ... Я такъ одинокъ въ настоящее время, такъ печально равнодушенъ къ людямъ, что только вы, вы одна можете согрѣть меня своимъ словомъ участія! Не удивляйтесь же, если я приду къ вамъ разбитый, больной душой и начну передъ вами свою исповѣдь, горькую повѣсть своихъ страданій“...

XVII.

Цѣлое общество собралось у Яковлева на его дачномъ балконѣ, украшенномъ фестонами изъ полосатаго тика. Тутъ были Бибиковы, мужъ и жена, и элегантная Бетси—младшая сестра Бибиковой, и Дмитрій Левицкій въ ужасно клѣтчатою матеріи, которой онъ самъ замѣтно конфузился. Все это общество было занято чаемъ и маленькими невинными сплетнями; Бибиковъ игралъ первую скрипку, а остальные ему вторили.

Только самъ хозяинъ сидѣлъ угрюмо въ углу и смотрѣлъ машинально, какъ Бетси разливаетъ чай, показывая свою полукруглую, сквозившую изъ-подъ тюля

розовую руку. Это была дѣвушка не то, чтобы очень красивая, но чрезвычайно элегантная. Она умѣла носить свои платья и прическу съ удивительной граціей. Ея необыкновенный успѣхъ въ свѣтѣ объяснялся тѣмъ строгимъ достоинствомъ съ печатью тонкаго изящества, съ какимъ она умѣла держать себя. Всѣ ея движенія были красивы; выраженіе ея глазъ, какъ-то строго недоумѣвающее, было одно изъ тѣхъ загадочныхъ выраженій, подъ которымъ можетъ скрываться очень многое и можетъ ничего не скрываться. Теперь, когда ея зять такъ мило злословилъ и, воспользовавшись минутнымъ отсутствіемъ Дмитрія Левицкаго, избралъ темой для злословій его брата, она слушала внимательно, продолжая разливать чай и изрѣдка только кидая на него недоумѣвающіе взгляды, точно все, что онъ говорилъ, было для нея и ново, и занимательно. Ея сестра отнеслась къ этому иначе: она не хотѣла, чтобы при ней говорили дурно о Левицкомъ. Онъ такъ глубоко несчастливъ! Такъ невыносимо страдаетъ отъ пошлости и пустоты петербургской жизни! Не дальше, какъ вчера, онъ говорилъ ей, что жить не стоитъ и что онъ боленъ душевно и физически.

— Онъ боленъ, какъ-же! сказалъ Бибиковъ насмѣшливо.—Спроси только: отчего? Отъ немилости къ нему высшаго начальства. Его недавно въ министерствѣ распекли.

— Гадко даже слушать! замѣтила Вѣра съ досадой.—Удивительная вещь! вы умные люди, а сплетничаете, какъ женщины.

— Qu'est ce que c'est que сплетня? Мы называемъ вещи ихъ именами. Боленъ! отчего боленъ? Оттого, что

рыспекли. А вы говорите, отъ пошлости и пустоты петербургской жизни. Вольно же вамъ!..

Онъ закинулъ ногу черезъ балконъ, гдѣ сидѣлъ верхомъ на перилахъ, соскочилъ, поднялъ какую-то бумажку, посмотрѣлъ на нее, бросилъ и сѣлъ опять на то же мѣсто.

— Нельзя все мѣрять на такой аршинъ! сказалъ вдругъ Яковлевъ. — Я замѣтилъ, что у насъ въ Петербургѣ все хорошее, даровитое, все, что выдается изъ уровня посредственности, принято топтать въ грязь. Мы не успокоимся до тѣхъ поръ, пока не затопчемъ, не смѣшаемъ съ грязью всего, чѣмъ мы могли бы гордиться. Унижать, снимать съ пьедесталовъ, клеветать — вотъ наше дѣло!

Онъ какъ-то злобно взглянулъ кругомъ себя, какъ бы приглашая принять его вызовъ. Но Бибииковъ не тронулся. Онъ привыкъ къ этимъ выходкамъ своего родственника.

— Ты что-жъ, Лиза, молчишь? обратился онъ къ свояченицѣ. — Заступись и ты! Ты вѣдь дама его сердца.

— Какіе пустяки! отвѣтила она равнодушно.

Она не успѣла кончить, какъ въ дверяхъ показался Левицкій. Бибииковъ, какъ ни въ чемъ не бывало, подалъ ему руку.

— А мы тутъ объ васъ говорили. Вы хвораете, я слышу?

— Какъ всегда! отвѣтилъ онъ уклончиво. — Гнилой продуктъ гнилого Петербурга!

Онъ почтительно подошелъ къ Бетси и, пожимая ей руку, нѣжно взглянулъ въ ея темные, красивые глаза.

Она чуть замѣтно улыбнулась и поправила свой шлейфъ, чтобы дать ему мѣсто у стола.

— Васъ какая-то дама спрашиваетъ, сказалъ Дмитрій, выглядывая въ дверь и дѣлая знаки Яковлеву.

— Кто такое?

— Я не знаю; она на крыльцѣ дожидается.

Яковлевъ всталъ и вышелъ черезъ комнаты на крыльцо. Тамъ его ждала Нина.

— У тебя гости? спросила она тревожно. — Мнѣ нужно сказать тебѣ нѣсколько словъ.

— Хочешь пройти ко мнѣ?

— Все равно.

Онъ пошелъ впередъ, показывая дорогу; она молча слѣдовала за нимъ. Въ зеленой полутьмѣ его кабинета, гдѣ на всѣхъ столахъ стояли букеты изъ цвѣтниковъ, а подъ самымъ окномъ росло какое-то развѣсистое, со всѣмъ загородившее свѣтъ дерево, ей не такъ было стыдно признаться ему, что она пришла за деньгами. Она стояла, не поднимая глазъ, вертѣла въ рукахъ свой зонтикъ и казалась очень возбужденной. Она не могла простить ему, что онъ довелъ ее до этого объясненія.

Онъ взялъ со стола визитную карточку, написалъ на ней нѣсколько словъ и подалъ ей.

— Ты получишь деньги изъ конторы. Я бы отдалъ тебѣ и сейчасъ, но у меня здѣсь нѣтъ.

Онъ сказалъ это такъ, какъ будто не придавалъ этому никакого значенія. Онъ не зналъ или не хотѣлъ знать, какихъ долгихъ мученій стоилъ ей этотъ визитъ. Ей казалось, что всякій, кто ей встрѣтится, увидитъ по ея лицу, что она пришла просить денегъ. Ей каза-

лось, что она, какъ переводчица, вовсе даже Яковлеву и не нужна, что онъ держитъ ее изъ милости и, какъ только она заговоритъ о деньгахъ, скажетъ ей:

— Да вѣдь, собственно говоря, вы мнѣ и ненужны совсѣмъ.

Когда она дожидалась его на крыльцѣ, ей это стало такъ ясно, что еслибъ не стыдно было кучера, который показалъ ей дорогу, она повернулась бы и ушла.

„Конечно, я ему не нужна!“ думала она съ горечью.— И теперь, когда онъ такъ равнодушно отдалъ ей свою карточку, она убѣдилась въ этомъ окончательно.

— Ты, пожалуйста, не стѣсняйся! сказала она громко.— Родство тутъ ничего не значитъ. Если я тебѣ не нужна, скажи мнѣ это прямо.

Онъ слегка измѣнился въ лицѣ.

— На это, видишь ли, я могу или ничего не отвѣчать, или сказать слишкомъ многое; я остановлюсь пока на первомъ.

— Я понимаю тебя, возразила она отрывисто.

Въ лицѣ ея что-то задрожало. Она сжала въ рукѣ визитную карточку и вдругъ бросила ее на столъ.

— Мнѣ не нужно твоихъ денегъ... Прощай.

Онъ нагналъ ее и схватилъ за руку.

— Останься! выговорилъ онъ съ силою.— Ты хотѣла объясненія—ты его услышишь.

Лицо его мгновенно поблѣднѣло и только засвѣтившіеся, потемнѣвшіе глаза глядѣли на нее какъ-то странно.

— Алексѣй, ты здѣсь? спросилъ кто-то, раздвигая вѣтви подъ окномъ.

— Здѣсь! я сейчасъ приду, отвѣтилъ онъ нетерпѣливо.

— Иди скорѣе! Дамы уѣзжаютъ.

— Мы уѣзжаемъ, повторилъ женскій голосъ.— Папѣ ждетъ насъ къ обѣду. Какъ у васъ здѣсь хорошо! Можно посмотреть?

— Войдите! сказалъ Яковлевъ съ досадою.

Нина вопросительно оглянулась на него.

— Ничего! замѣтилъ онъ:—онѣ сейчасъ уйдутъ.

Дамы, шумя своими платьями, вошли въ кабинетъ. За ними Левицкій, веселый, помолодѣвшій, съ вѣткой резеды въ петличкѣ и что-то оживленно рассказывавшій Бибикову. При видѣ Нины, онъ какъ-то оторопѣлъ; она еще больше его, и стояла, неловко прижимаясь къ столу и проклиная въ душѣ своего двоюроднаго брата за этотъ неожиданный сюрпризъ. Левицкій вѣжливо и скромно поклонился ей и сдѣлалъ видъ, что знаетъ ее мало.

Бѣдная Нина, въ своемъ сѣромъ бумажномъ платьѣ, съ какимъ-то измятымъ бантомъ вверху, который пришила ей Лиза, снимавшая моды съ журнала, казалась очень жалкой передъ высокой, элегантною Бетси, одѣвавшейся у Андріе и державшей себя съ той изящной простотой, которая кружила головы ея поклонникамъ. Нина въ одно мгновеніе поняла это и всю невыносимую неловкость своего положенія въ этомъ чужомъ ей обществѣ, гдѣ всѣ смотрѣли на нее съ любопытствомъ, и равнодушнымъ оставался одинъ только ея „дорогой другъ“.

Стыдъ и досада на Яковлева кнѣли въ ея груди; она сжала губы и молча, непривѣтливо смѣрляла гла-

зами свою соперницу. Острое до боли чувство ревности и презрѣніе къ кому-то, и ожесточеніе, и сознаніе своего безсилія отуманили ей голову. Она чувствовала, что еще нѣсколько такихъ минутъ, и она на что-то рѣшится, на что — она не знала сама. Но гости скоро ушли. Яковлевъ пошелъ ихъ провожать, Левицкій остался.

— Бѣдный другъ мой, сказалъ онъ печально: — съ какимъ празднымъ, холоднымъ любопытствомъ смотрѣли на васъ эти люди! Мнѣ было больно за васъ.

Нина выпрямилась и окинула его своимъ огненнымъ взглядомъ. Она что-то хотѣла сказать ему, но удержалась и молча отошла къ окну.

Онъ постоялъ, подумалъ и сдѣлалъ къ ней нѣсколько шаговъ.

— Намъ нужно еще объясниться, сказалъ онъ тихо. — Ваше письмо вызываетъ на отвѣтъ. Вы знаете, что это очень странное письмо.

— Послѣ! прошептала, она, показывая глазами на возвращавшагося Яковлева.

Вмѣстѣ съ нимъ вернулся и Дмитрій. Разговоръ не клеился Дмитрій, недавно только помирившійся съ братомъ, нарочно старался съ нимъ заговаривать, чтобы растопить тотъ ледъ холодной-ироніи, съ какой относился къ нему братъ. Желая его задобрить, онъ сталъ вдругъ восторженно расхваливать Бетси. Павелъ хмурился, кусалъ губы и сразу оборвалъ разговоръ.

— Могу я сегодня вечеромъ быть у васъ? обратился онъ къ Нинѣ. — Вы куда не собираетесь?

— Я буду очень рада. (Она встала и взяла свой зонтикъ). Я буду васъ ждать, сказала она сдержанно,

едва дотрогиваясь концами пальцевъ до протянутой ей руки.

Яковлевъ подозрительно слѣдилъ за ними.

— Ты забыла это! замѣтилъ онъ, доставая со стола брошенную карточку и подавая ей.

Она съ минуту колебалась. Вся кровь горячими волнами прилиwała ей къ лицу. Взять теперь, послѣ того, какъ она уже разъ отказалась?.. Не взять?.. Но почему она знала, на что онъ былъ способенъ! Что онъ хотѣлъ сказать, когда съ сверкающими глазами предлагалъ ей объясненіе? Она знала по слухамъ силу его дикаго упрямства. Сдѣлавъ усиліе надъ собой, она взяла эту карточку и, не глядя, опустила ее въ карманъ.

Когда она вышла изъ этого дома, гдѣ пережила столько отвратительныхъ минутъ, ей казалось, что никогда уже не оправится ей отъ этого униженія. Злоба на себя и на всѣхъ стѣснила ей грудь. Тысячи разныхъ плановъ перекрещивались въ ея головѣ; ни на одномъ она не остановилась: все казалось ей нелѣпо.

Уже недалеко отъ дому, спускаясь въ лощину, гдѣ нужно было перейти по жердочкамъ черезъ рѣчку, она остановилась и разорвала въ клочки визитную карточку Яковлева, не понимая хорошенько, зачѣмъ она это дѣлаетъ. Но какъ только она почувствовала въ рукѣ эти слѣды своей безсильной злобы, точно что-то упало въ ея сердцѣ. Злоба ея прошла мгновенно. Дома ждали этихъ денегъ, какъ спасенія. Она не знала теперь: съ какими глазами показаться отцу.

Она сѣла на камень и, сжимая голову руками, смотрѣла на рѣчку, неслышно протекавшую въ этомъ мѣстѣ; немного дальше она дѣлала поворотъ, пропадала

въ кустахъ и давала о себѣ знать только ровнымъ журчаньемъ, напоминавшимъ раннюю весну. Она пошла тамъ подъ гору и, обмывая круглые, тупые камни, съ силой устремлялась на нихъ и, обрызгавши ихъ бѣлой пѣной, бѣжала дальше между густо-заросшими, низенькими берегами.

Нина смотрѣла на эту холодную, прозрачную, казавшуюся отъ цвѣта дна краснокоричневой, воду, какъ она тихо струилась подъ ногами, унося какой-нибудь листокъ, который плылъ, качаясь, мимо нея, и вдругъ ускорялъ движеніе, подходя къ тому кусту, за которымъ рѣчка давала колѣно и катилась внизъ по склону. Невыносимый блескъ солнца, прохлада этой воды, ясная тишина дня—все дышало такимъ полнымъ, безусловнымъ покоемъ, что только безпокойный человѣкъ могъ еще копаться въ своей душѣ, не замѣчая этой свѣтлой, холодной и немного мертвой тишины.

XVIII.

Въ тотъ же день вечеромъ, когда въ дѣревнѣ одинъ за другимъ погасали огни, двѣ фигуры, невидимыя въ темнотѣ, стояли, тихо разговаривая подъ березами, позади дачи Огневыхъ.

— Вы несправедливы ко мнѣ, говорилъ мужской голосъ.—Вы вините меня въ томъ, что я доверчиво приходилъ къ вамъ, можетъ быть съ излишней, для человѣка моихъ лѣтъ, болтливостью надоѣдалъ вамъ своими жалобами. Но, другъ мой, зачѣмъ же вы не сказали мнѣ этого раньше? Зачѣмъ вы не сказали мнѣ прямо:

уйди! мнѣ скучно тебя слушать; твоя неудавшаяся жизнь ни для кого не можетъ быть интересной.

— Полноте! перебилъ взволнованный женскій голосъ.—Вы очень хорошо видѣли, что вамъ не скажутъ уходи! Вы это знали тогда и отлично знаете теперь.

— Я думалъ это тогда—да, но теперь, послѣ вашихъ словъ... я начинаю сомнѣваться въ этомъ. Я вижу въ васъ какую-то внезапную и непонятную для меня перемену. На мѣстѣ доброй, бесконечно доброй дѣвушки, къ которой я шелъ отдыхать душой, я вижу вдругъ строгаго судью, требующаго отъ меня отчетовъ, оправданій въ чемъ-то... Я могу быть виноватъ, и я дѣйствительно виноватъ передъ многими, но не передъ вами! Вы, можетъ быть, единственный человѣкъ, передъ которымъ я даже въ мысляхъ никогда не погрѣшилъ. Я всегда относился къ вамъ съ такой любовью... (Нина вздрогнула) съ такой братской любовью, продолжалъ онъ:—съ такой искренней, чистой дружбой, какую, дай Богъ, чтобы чувствовали къ вамъ другіе. Что же могло такъ оскорбить васъ въ моихъ отношеніяхъ къ вамъ? Неужели то, что въ нихъ не было того, что называется увлеченіемъ, страстью? что я не смотрѣлъ на васъ, какъ мужчина на женщину, и видѣлъ въ васъ товарища, друга, сестру?...

Онъ остановился. Нина обрывала машинально листья съ какой-то вѣтки, мяла ихъ между пальцами и роняла на землю.

— Чтожъ, вы правы! вымолвила она съ горькой усмѣшкой.—Что я могу сказать вамъ на это? Вы правы совершенно. Я была для васъ товарищемъ... сестрой! Вы не спросили только одного, желаю ли я, могу ли я у пристани.

быть вашей сестрой... — „Спокойно встрѣтить вашъ взглядъ“... Боже мой! (Она закрыла вдругъ лицо руками). Фразы! все фразы...

— Фразы? Нѣтъ мой другъ. Я честный человѣкъ, я вамъ это повторяю. Вся бѣда именно въ томъ, что я слишкомъ честный человѣкъ. Еслибы я не былъ имъ, о Боже мой! я бы давно упалъ къ вашимъ ногамъ и признался вамъ въ любви. Мнѣ было бы такъ легко это сдѣлать! Мнѣ это было бы тѣмъ легче, что счастье быть любимымъ всегда огромное счастье. Да, но я этого не сдѣлаю. Я говорю себѣ: ты счастливъ, хорошо! а потомъ? Кто будетъ расплачиваться потомъ за эту минутную слабость воли? Другъ мой! я не такъ чудовищно самолюбивъ, чтобы играть чужой душой и прикидываться влюбленнымъ, и все для того, чтобы вызвать на признаніе другого. Я напротивъ дѣлаю все, чтобъ этого никогда не могло случиться. Я съ первыхъ же шаговъ говорю: смотрите, передъ вами человѣкъ съ разбитымъ сердцемъ! Не ждите отъ него ничего. Развѣ не такъ же поступилъ я съ вами? Сколько разъ говорилъ я вамъ, чтобы вы не довѣрялись вашимъ чистымъ порывамъ и не ждали какихъ-нибудь другихъ чувствъ, кромѣ братскихъ отъ такой жалкой развалины, какъ я. Разъ только разъ я позволилъ себѣ сказать, что когда-нибудь тамъ, въ далекомъ будущемъ... Но я говорилъ это искренно. Я готовъ повторить это и теперь.

— Благодарю васъ! перебила она стремительно. — Вы и теперь даже не отнимаете у меня надежды, чтобы черезъ годъ придти и сказать: я ждалъ, что чувство придетъ, но оно не пришло; не будемъ смущаться, будемъ ждать еще, останемся друзьями по прежнему.

Вы думаете, что этой искры надежды, которую вы бросили мнѣ, какъ милостыню, на годъ еще хватитъ, а тамъ... А тамъ вы бросите мнѣ еще что-нибудь! Вы не подумали только объ одномъ, что эта игра, пріятная для васъ, тяжела для меня; что я устану наконецъ! Вы слишкомъ честный человѣкъ. Пусть такъ! Но я тоже слишкомъ самолюбивая женщина, чтобы быть жертвой вашей честности. Что я ваша жертва, вы въ этомъ ни минуты не сомнѣваетесь. И вы, можетъ быть, правы. Чтожъ! Къ чему обманывать себя. Я васъ любила... и, можетъ быть, даже люблю васъ и теперь.

Она остановилась, точно испуганная своимъ признаніемъ.

Онъ поймалъ въ темнотѣ ея руку и покрылъ ее поцѣлуями. Она едва могла опомниться отъ изумленія и потомъ съ силой вырвала ее.

— Довольно! сказала она. — Мы пришли сюда не въ любви объясняться. Мы пришли врагами, вы это знаете. Если вы такой честный человѣкъ, какимъ вы себя считаете, отнынѣ слово „другъ“ не будетъ упомянуто между нами. Поздно, однакожъ! прощайте.

— И вы уйдете такъ? Вы ничего больше не скажете мнѣ?

— Мы, кажется, уже все сказали. Я оцѣнила вашу честность, вы слышали мое признаніе. Чего же вамъ еще? Ахъ да, развѣ вотъ что! я давно хотѣла васъ спросить: правда, что вы женитесь?

Наступила минутная пауза.

— Когда я писалъ къ вамъ въ послѣдній разъ, началъ онъ нетвердо: — и просилъ васъ выслушать горь-

кую повѣсть моей жизни, я именно хотѣлъ говорить съ вами объ этомъ.

— Со мной? повторила она задрожавшимъ вдругъ голосомъ. — Вы хотѣли говорить со мной о вашей женитьбѣ!

Она усмѣхнулась и, отыскивая опущенную скамью, опустилась на нее.

— Говорите, я васъ слушаю.

Она чувствовала, какъ отвратительное чувство ревности подступаетъ ей къ горлу, давить ее, жжетъ и не даетъ ей больше ничего сказать. Этого только недоставало, чтобы довершить ее мученія.

— Да я, можетъ быть, женюсь, сказалъ онъ печально. — Отчего же не попробовать, до какихъ предѣловъ можетъ идти терпѣніе человѣка? Гдѣ границы тому, что онъ можетъ вынести, не разрядивши въ себя дуло пистолета? Конечно, не буду скрывать отъ васъ, и тутъ, какъ и во всемъ, есть лучъ надежды. Я буду не одинъ. Это уже много. Чувство одиночества грызетъ меня ужасно. Я уже не удовлетворяю себя—печальный признак! Я бѣгу отъ самого себя. Прежде этого не было со мной. Строго говоря, я даже долженъ жениться. Но на комъ? вотъ что важно! на комъ? Взять существо впечатлительное, нервное, страстное—значить погубить и его, и себя. Я, впрочемъ, говорилъ уже объ этомъ. Вы должны понимать меня... *Tranchons le mot!* я долженъ жениться на дѣвушкѣ, которую я не люблю и не уду любить никогда.

„Ложь!“ подумала Нина. Съ той минуты, какъ извѣстіе о его женитьбѣ подтвердилось, кровь ее сдѣлала нѣсколько быстрыхъ оборотовъ и все ее существо про-

никлось страстнымъ желаніемъ чего-то. Она мысленно куда-то сбѣжала, хотѣла опередить событія, летѣть куда-то... Она, чувствовала что бездѣйствіе для нея невыносимо.

— Все это пока только одни предположенія, продолжалъ Левицкій.—Я, можетъ быть, никогда не рѣшусь привести ихъ въ исполненіе. А, можетъ быть, мнѣ даже и откажутъ. И это возможно...

Онъ вдругъ задумался. Должно быть, мысль объ отказѣ представилась ему сильнѣе обыкновеннаго.

— Все это между нами, конечно! прибавилъ онъ поспѣшно.—Вы не станете добиваться, кто эта особа! Вы должны мнѣ это-общать.

Нина встала.

— Вы можете быть покойны. (Она вспомнила свою утреннюю встрѣчу съ нимъ, его сконфуженный, почти виноватый видъ, когда онъ кланялся ей отъ дверей, не подавая руки, и презрѣніе зазвучало въ ея голосѣ). Я не поставлю васъ больше въ необходимость дѣлать видъ при другихъ, что вы меня не знаете. Я буду держать себя такъ, какъ будто мы и въ самомъ дѣлѣ не знаемъ другъ друга.

Съ этими словами, она скрылась въ темнотѣ. Онъ напрасно пытался ее нагнать. Мѣсто было ей лучше знакомо, чѣмъ ему. Къ тому же она пошла не домой, а совсѣмъ въ другую сторону, что можно было угадать по сухому шелесту вѣтокъ, которыя она задѣвала на ходу.

XIX.

Прошло двѣ недѣли.

Левицкій только-что пообедалъ въ клубѣ съ Бибиковымъ и вернулся домой въ томъ радостномъ настроеніи, которое бываетъ у человѣка, когда онъ съѣлъ хорошій обѣдъ и знаетъ, что вечеръ у него свободенъ. За обѣдомъ рѣчь шла о предполагавшихся перемѣнахъ въ министерствѣ, которыя, еслибы состоялись, обѣщали Левицкому много хорошаго, такъ какъ его ближайшимъ начальникомъ дѣлалось лицо ему покровительствовавшее.

Чувствуя себя въ хорошемъ расположеніи духа, онъ думалъ проѣхать въ Павловскъ, чтобы послушать музыку, поглядѣть на толпу и хоть немного освѣжиться отъ скучной переписки о размѣщеніи переселенцевъ въ Западной Сибири и отъ новаго положенія о киргизахъ. Онъ хотя и говорилъ всѣмъ, что это дѣла крайней важности, но въ настоящую минуту охотно промѣнялъ бы ихъ на какой-нибудь штраусовскій вальсъ.

Звонокъ въ передней неприятно вывелъ его изъ раздумья. Онъ хотѣлъ уже отдать приказаніе, чтобы гостя не принимали, но это былъ Яковлевъ, входившій безъ доклада.

— Ахъ, signor! встрѣтилъ его радостно Левицкій. — Отлично. Я ѣду въ Павловскъ. Ѣдемъ вмѣстѣ.

— Нѣтъ, я не могу.

— Отчего?

Левицкій оглянулся на своего друга. Лицо его показалось ему какъ будто разстроеннымъ.

„Такъ и есть, подумалъ онъ.—Въ Павловскъ не попадешь“.

Яковлевъ сталъ молча ходить по комнатѣ.

— Чтожъ ты? Поѣзжай въ Павловскъ, сказалъ онъ, вдругъ оборачиваясь:—а то опоздаешь.

— Такъ поѣдемъ вмѣстѣ.

— Нѣтъ, я не могу.

— Да отчего?

— Нѣтъ, такъ... не могу.

Онъ остановился и съ большимъ вниманіемъ разсматривалъ шляпу Левицкаго.

— Я, видишь ли, это странная вещь... я, кажется, женюсь.

— Ты?!

Левицкій не могъ опомниться отъ изумленія.

— Да. То есть, я навѣрное женюсь. Это дѣло рѣшенное.

— Алексѣй! да ты не смѣешься надо мной?

— Нѣтъ, я тебѣ серьезно говорю. Я не знаю, отчего ты думаешь, что я смѣюсь... Впрочемъ, это еще не скоро, не раньше, какъ въ ноябрѣ.

„Годъ какъ разъ! вспомнилъ Левицкій о смерти его первой жены.—Трауръ кончился“.

— Ты женишься! На комъ?

— Да на... на Огневой.

Левицкій не сказалъ ничего. Яковлевъ съ безпокойствомъ слѣдилъ за нимъ.

— Что жъ ты какъ будто... Ты мнѣ ничего не говоришь?

— Я! воскликнулъ Левицкій.—Я не смѣлъ надѣяться,

но это всегда было моей мечтой. Лучшей жены ты не могъ себѣ выбрать.

— Ну, вотъ, а я боялся, что ты... не такъ какъ-нибудь на это согласишься. Мнѣ было бы тяжело, еслибы ты и моя жена... вообще еслибы вы чуждались другъ друга. Это смѣшно, что жъ объ этомъ говорить, но ты, Павелъ, для меня, ты знаешь... Я никого еще такъ...

Левицкій не далъ ему кончить и ерѣпко пожалъ ему руку.

— Ты выходишь на новый путь, Алексѣй, и на путь хороший, я увѣренъ. Вліяніе женщины будетъ для тебя благотворно. Оно необходимо тебѣ: ты слишкомъ одинокъ. Береги ее только, это очень чуткое созданіе! И самолюбивое! прибавилъ онъ съ удареніемъ.—Очень самолюбивое.

Яковлевъ сѣлъ и опустилъ голову на руки. Онъ казался болѣе испуганъ, чѣмъ обрадованъ.

— Ну, расскажи же мнѣ, какъ это случилось? Ты долженъ быть очень счастливъ, продолжалъ Левицкій, пристально взглянувъ на него.

— Какъ тебѣ сказать? Нѣтъ! Я не хочу тебя обманывать. Я болѣе удивленъ, чѣмъ счастливъ.

— Но ты, конечно, любишь ее!..

— Я ее люблю, да. Я люблю ее давно. И мнѣ кажется, я любилъ бы ее еще больше, еслибы она мнѣ сказала: „Ты съ ума сошелъ! тебѣ жениться?.. на мнѣ?..“ Мнѣ даже одно время казалось, что она мнѣ это скажетъ. Но потомъ... да! мы вчера съ ней объяснились, она согласилась.

Левицкій пытливо смотрѣлъ на него.

— Послушай, Алексѣй, я сдѣлаю тебѣ одинъ вопросъ... Ты можешь, конечно, не отвѣчать на него... Любишь ли ты ее дѣйствительно?

— Что я тебѣ на это скажу? Если бы она мнѣ отказала, я бы ни минуты здѣсь не остался. По всей вѣроятности, я бы уѣхалъ совсѣмъ изъ Россіи.

— Значить, вся бѣда въ томъ, что она тебѣ не отказала!

— Да, вотъ странная вещь, продолжалъ Яковлевъ.— Я объ этомъ все лѣто мечталъ. Мнѣ это казалось такимъ счастіемъ, что я иногда даже думать о немъ не смѣлъ. А вотъ... Или ужъ это мое прошлое сдѣлало меня такимъ... Только я какъ-то не надѣюсь, чтобы мы были счастливы. Нѣтъ, по совѣсти говоря, нѣтъ!

— На что же ты надѣешься?

— Да я не знаю. Вѣрнѣй, что ни на что. Да какъ это сказать: надѣешься! Надѣяться глупо. Ты вотъ думаешь, что человекъ въ тебѣ души не чааетъ, а чѣмъ ты гарантированъ, что онъ тебя не обманетъ? Вѣрить никому не надо, вотъ что главное. Вѣрить можно только самому себѣ, больше никому... Ты не обижайся, пожалуйста.

— Обижаться на тебя я не могу. Мнѣ жаль тебя, Алексѣй. Если теперь, на порогѣ твоего счастья, ты говоришь такія вещи...

— Да ужъ лучше говорить ихъ на порогѣ, чѣмъ за порогомъ.

Левицкій на это ничего не отвѣтилъ. Онъ закурилъ папиросу и сѣлъ въ большое кресло, гдѣ его не было видно.

— Конечно, началъ онъ послѣ нѣкотораго раздумья:—

тутъ можетъ быть только одинъ вопросъ, сойдется ли вы характерами? У нея, насколько я замѣтилъ, характеръ довольно неуступчивый. Въ ней много другихъ прекрасныхъ качествъ, но мягкости въ ней нѣтъ... Но и это, впрочемъ, не должно пугать тебя. Любовь къ тебѣ можетъ ее пересоздать.

— Любовь! (Онъ усмѣхнулся). О любви у насъ не было и рѣчи. Ты знаешь, что она мнѣ сказала? „Я не хочу тебя обманывать, увѣрять, что я очень тебя люблю. Я никого не люблю. Но мнѣ все равно... Если ты хочешь этого, если ты думаешь, что ты будешь счастливъ со мной, я выйду за тебя. Буду ли я тебя любить—не знаю“.

Онъ такъ отчетливо повторилъ эти слова, что видно было, онъ заучилъ ихъ наизусть.

— Прости меня! сказалъ Левицкій вдругъ неестественно зазвенѣвшимъ голосомъ.—Но этого согласія я не понимаю.

— Не будемъ объ этомъ говорить! перебилъ Яковлевъ съ видомъ какой-то болѣзненной раздражительности.—Всѣ женщины лживы, онѣ лгутъ по внутреннему влеченію, потому что имъ это пріятно; потому что онѣ думаютъ, что мы имъ вѣримъ... Одинъ разъ въ жизни женщина сказала мнѣ правду. Это такъ меня поразило, такъ тронуло, я такъ ей глубоко благодаренъ, что я упалъ къ ея ногамъ и отдалъ въ ея руки свою судьбу... что не помѣшаетъ ей обмануть меня потомъ. Да вѣдь и ты отъ этого не ушелъ, нѣтъ! заключилъ онъ вдругъ какъ-то злобно.—И ты не думай, что ты вотъ тутъ сидишь и законы пишешь, такъ тебя и надутъ нельзя.

Надуютъ и тебя. погоди! Попадешь и ты въ передѣлку. Вспомнишь меня тогда!

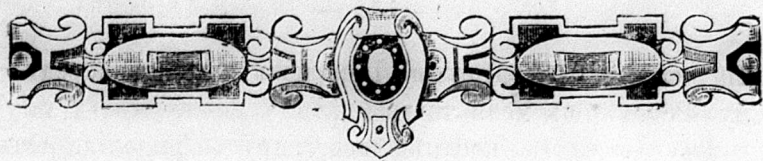
Въ голосѣ его послышались вдругъ рыданія. Онъ схватилъ шляпу—какъ потомъ оказалось, не свою—и, не слушая Левицкаго, который вскочилъ, чтобы удержать его, ушелъ, тяжело хлопнувъ дверью.

Въ Павловскѣ Левицкій не поѣхалъ. Онъ не велѣлъ никого принимать и весь вечеръ что-то писалъ. Уже поздно ночью, часу во второмъ, онъ положилъ перо и вдругъ, какъ бы что-то вспомнивъ, досталъ изъ стола одно изъ давнишнихъ писемъ Яковлева. Перечитавъ его внимательно, сначала до конца, онъ остановился на одномъ особенно поразившемъ его мѣстѣ, и краснымъ карандашомъ подчеркнулъ слѣдующія строки:

„Судьба часто смѣется надъ нами и, выхватывая изъ толпы людей, которые для ихъ общаго счастья никогда бы не должны встрѣчаться, ихъ-то именно и сталкиваетъ на томъ узкомъ пути, гдѣ силы чуждыя, даже враждебныя другъ другу, влекутъ однѣ общія цѣпи...“

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Въ небольшомъ женскомъ будуарѣ, принадлежавшемъ, судя по кокетливой палевой обивкѣ, какой-нибудь хорошенькой брюнеткѣ, неслышными шагами ходилъ по ковру Левицкій. Онъ ходилъ такъ уже съ полчаса, замѣтно начиная терять терпѣніе, поглядывая то на дверь, откуда никто не показывался, то на зеркальныя стекла оконъ, откуда былъ прекрасный видъ на Неву, старательно, впрочемъ, закрытый кружевомъ занавѣсокъ и желтымъ штофомъ драпировокъ. Изъ всѣхъ зеркалъ сбоку и сверху глядѣло на него его собственное угрюмо-сосредоточенное выраженіе. Куда бы онъ ни повернулся, вездѣ шелъ ему навстрѣчу его двойникъ съ озабоченнымъ взглядомъ свѣтившихся изъ глубины сѣроватыхъ глазъ и съ острой морщиной на лбу. Сначала прогулка эта какъ будто даже и занимала его: онъ заглянулъ въ

альбомы, разложенные по столамъ съ видами Рима, Неаполя, Парижа и другихъ городовъ Европы, нѣсколько разсѣянно перелистывалъ альбомы съ портретами разныхъ фрейлинъ и дипломатовъ, посмотрѣлъ въ рабочую корзинку, гдѣ нашелъ только два мотка шерсти и узоръ, опустилъ руку на столикъ съ визитными карточками, вынулъ на удачу одну, прочелъ „ambassadeur de France“, задумался и возобновилъ свою прогулку. Отъ скуки онъ взялъ-было нѣсколько книгъ съ этажерки, одна оказалась Токвили „Le vieux régime et la Révolution“, другая какое-то „Voyage en Turquie“, третью онъ и смотрѣть не сталъ.

Широкіе листья пальмъ, толстые мясистые кактусы и мелкая зелень какихъ-то ползучихъ растений пріятно ласкали глазъ; въ воздухѣ чувствовалась та крѣпкая ароматная свѣжесть, которая напоминаетъ оранжерею—и все же нашъ герой замѣтно скучалъ. Любитель изящнаго, онъ даже не обратилъ вниманія на старинный фарфоръ, украшавшій каминъ, и только мелькомъ, какъ на сплнкѣ знакомыя вещи, взглянулъ на прекрасныя картины. Рѣдкія эмали, камни и страшно дорогая, по своей рѣдкости, группа розъ съ зелеными экземплярами, все, что возбудило бы любопытство всякаго посторонняго посетителя, ему, уже какъ видно дежурившему тутъ не первый и не послѣдній разъ, замѣтно приглядѣлось.

Чья-то рука невидимо приподняла портьеру, быстро и неслышно раздвинула ее и тотчасъ же скрылась. Левицкій въ одну минуту перемѣнилъ свое угрюмое выраженіе на почтительно-выжидающее, невольнымъ движеніемъ выправилъ маншеты, принялъ нѣсколько печальную позу и такъ остановился. Прошло еще минуты двѣ.

Послышался шелестъ чего-то тяжелого, бархатнаго или атласнаго, голосъ, отдававшій какія-то приказанія, и въ дверяхъ показалась, продолжая отдавать приказанія, высокая, полная дама, черезчуръ бѣлая и розовая для своихъ лѣтъ, которыхъ было ей не меньше пятидесяти, съ старательно нарисованными бровями, съ горбинкой на носу и синеватыми кругами около глазъ. На ней было тяжелое, бархатное платье, обшитое какими-то мѣхами, толстый золотой лорнетъ на тяжелой цѣпи и очень пышная высокая прическа съ наколкой изъ вишневыхъ лентъ. Мѣха на ея мощной груди замѣтно поднимались и опускались, на ея мягкомъ, двойномъ подбородкѣ лежала пріятная бѣлизна, возобновлявшаяся каждое утро и слегка освѣжавшаяся передъ обѣдомъ.

Дама эта была очень важная особа, княгиня М.

— А, мой дорогой! вы ужь здѣсь! встрѣтила она его.—Я, кажется, заставила васъ ждать.

Кажется! Онъ ждалъ ее около часу. Онъ молча и почтительно поклонился.

— Вы не можете себѣ представить. Меня нынче все утро сердить.

Она плавнымъ и величественнымъ движеніемъ опустилась на кресло и пригласила его сдѣлать то же. Чрезвычайно представительный мужчина съ длинными, красиво расчесанными, черными, какъ смоль, бакенбардами, стоялъ въ дверяхъ, видимо ожидая распоряженій.

— Больше ничего не прикажете? спросилъ онъ звучнымъ, пріятнымъ баритономъ.

— Ахъ, ничего! идите, пожалуйста. Это скучно, наконецъ.

Брюнетъ неслышно скрылся. Это былъ старшій дво-

рецкій княгини, котораго она держала главнымъ образомъ за его бакенбарды и баритонъ, хотя и знала, что онъ обкрадываетъ ее жестоко.

— Какъ я рада, голубчикъ, что вижу васъ. Садитесь поближе! что вы такъ далеко сѣли! А вы что-то какъ будто похудѣли. (Она отодвинулась и посмотрѣла на него издали). Vous travaillez comme quatre, n'est ce pas?

„Comme quatre! подумалъ Левицкій со злобой.—Если взять такихъ, какъ ты, такъ я работаю за десятерыхъ“.

— Вы со мной позавтракаете? не правда ли? Или нѣтъ, вотъ что! я велю подать сюда чаю.

И, не дожидаясь отвѣта, она прижала на столѣ пуговку звонка. Такихъ звонковъ было у нея нѣсколько, и она какъ на клавишахъ играла на нихъ, заставляя выскакивать то одного, то другого лакея. Левицкій увѣрялъ потомъ, что когда сидишь съ ней такимъ образомъ, то отъ этихъ лакеевъ дѣлается, наконецъ, мельканіе въ глазахъ. Цѣлый день то тотъ, то другой беззвучно показывались въ дверяхъ, выслушивая самыя разнообразныя приказанія.

— У меня до васъ большая, очень большая просьба! начала она, когда ея гость, ничего еще въ этотъ день не вѣдшій, чтобы сдѣлать ей пріятное, вливалъ въ себя чашку горячаго и крѣпкаго, какъ пиво, чаю.—Но прежде вотъ что, скажите мнѣ откровенно: вы желали бы отдохнуть отъ вашихъ занятій?

„Куда это она клонить?“ подумалъ Левицкій.

— Nos désirs, madame, началъ онъ по-французски, нарочно прибѣгая къ этому языку, чтобы словомъ „madame“ замѣнить неловкое „ваше сіятельство“:—sont si rarement satisfaits, que nous finissons par ne plus en

avoir. Намъ, простымъ работникамъ, сказать себѣ: хочу! или: не хочу! странно какъ то, даже я скажу болѣе.

— Но, однакоже, перебила она его такимъ тономъ, какъ бы желала сказать ему: *Finissons, mon cher!* что ты мнѣ рассказываешь! Однакожъ!.. Человѣкъ живетъ тѣмъ, что чего-нибудь желаетъ. Желанія его могутъ быть разнообразны, я не спорю, но на всѣхъ ступеняхъ общества, отъ дворца и до хижины, мы всѣ чего-нибудь желаемъ.

Онъ склонилъ голову.

— Отдыхъ имѣлъ бы для меня цѣну только тогда, когда бы я зналъ, что онъ дастъ мнѣ новыя силы. Но я знаю, что этого не будетъ: мой приговоръ подписанъ.

— О! зачѣмъ такое уныніе! *Il ne faut pas se décourager. Jamais, mon ami, jamais! Avec de la bonne volonté on parvient à tout...*

Она долго еще говорила въ томъ же духѣ. „Куда она клонить?“ думалъ все Левицкій, который слишкомъ хорошо зналъ ее, чтобы повѣрить въ искренность ея словъ.

— Видите ли въ чемъ дѣло, мой другъ, высказалась она, наконецъ.—Мой мужъ, какъ вы знаете, теперь въ Штутгартѣ.

„Что такое еще?“ со страхомъ думалъ Левицкій.

— Я уже второе письмо отъ него получаю, въ которомъ онъ проситъ меня настоятельно привезти къ нему дѣтей—младшихъ, вы знаете, Павла и Евгения. Но я рѣшительно не могу ѣхать. *Un tas d'affaires! J'en ai jusqu'ici.* (Она показала на свой мягкій подбородокъ). *Pas un moment de repos!* Я не знаю, какъ я еще не свалилась.

„Ну, ты не скоро свалишься“: подумалъ Левицкій, прикинувъ на глазомѣръ ширину ея корпуса.

— Впрочемъ, я это объясняю тѣмъ, что дѣятельная жизнь для меня полезна. Иначе меня давно бы ужъ не хватило. Я встаю въ шесть часовъ, вы знаете, ложусь въ двѣнадцать—*et me voilà!* Я крѣпче всѣхъ васъ. Но мой мужъ... онъ сидитъ тамъ въ своей Германіи... Я ее не люблю, этой Германіи, и думаетъ тамъ, что это все такъ... само собою... что я здѣсь живу, и все это такъ...

Она сдѣлала неопредѣленное движеніе лорнетомъ.

— Однимъ словомъ, я не могу ѣхать. Объ этомъ нечего и думать. Но послать дѣтей съ кѣмъ-нибудь, съ какимъ-нибудь тамъ педагогомъ, котораго мои мальчики—вы знаете, они большіе шалуны—не станутъ даже и слушать, я тоже не могу. Я никогда на это не рѣшусь. Въ эти года свобода такъ опасна!

Она сняла висѣвшій у нея на поясѣ флаконъ, открыла его и поднесла на минуту къ лицу. Левицкому показалось, что это онъ долженъ былъ бы сдѣлать, а не она. Онъ начиналъ уже ощущать легкій ознобъ при мысли о томъ, какое порученіе его ожидаетъ. Такъ вотъ зачѣмъ присылали за нимъ два раза расшитаго галунами лакея! Сомнѣваться долѣе было невозможно. Княгиня просила его отвезти ея дѣтей въ Штутгартъ. Отказать онъ не могъ. Если пріятно было имѣть ее своимъ другомъ, т. е., другими словами, быть принятымъ у нея въ домѣ, о чемъ онъ долго и неуспѣшно хлопоталъ, то имѣть ее своимъ врагомъ значило надѣлать себѣ пропасть хлопотъ. Доступъ къ ней открывалъ ему двери во всѣ великосвѣтскіе салоны, а онъ, хотя

и чувствовалъ къ аристократамъ ненависть плебея, хорошо, однакожъ, понималъ, что разъ условія службы втокнули его въ этотъ кругъ, надо или стать тамъ прочно, или уходить вонъ. Последняго онъ не хотѣлъ, а первое требовало отъ него многихъ и тяжелыхъ жертвъ. Но глупѣй и смѣшнѣй этого педагогическаго посольства въ Германію онъ не могъ представить себѣ ничего. Вѣхъ съ молодыми князьями въ Штутгардъ, вести милыхъ шалуновъ къ ихъ папашѣ, который, какъ извѣстно, занятъ былъ въ Германіи тѣмъ, что копилъ деньги и строилъ себѣ домъ, куда тащилъ все, что можно изъ Россіи. „Чортъ знаетъ, какъ глупо!“ думалъ онъ. Но помимо того, что это было глупо—съ этимъ онъ, какъ умный человѣкъ, еще могъ бы помириться—это было очень не кстати. Нѣсколько важныхъ соображеній говорило рѣшительно противъ этой поѣздки. Одно изъ нихъ онъ рѣшилъ высказать теперь же: а именно, что въ министерствѣ ожидаются перемѣны и что въ управленіе имъ вступаетъ лицо, которое, онъ боится, можетъ посмотрѣть неблагопріятно на его несвоевременный отъѣздъ. Княгиня засмѣялась.

— Oh, le cher comte! Кто бы это подумалъ! его боятся. Mais c'est le meilleur homme du monde. Онъ мухи не тронетъ.

— Ce qui ne me rassure pas du tout madame, возразилъ Левицкій почтительно.—Я самъ не трону мухи, но когда нужно кого-нибудь прогнать, я прогоняю.

— Я завтра же поѣду къ графу сама просить вашего отпуска, сказала она серьезно и такимъ тономъ, какъ будто ему же дѣлала величайшее одолженіе.—Я прямо ему скажу, что это услуга, которую вы мнѣ оказываете.

что это все равно, какъ бы вы оказали ее ему. Мы съ нимъ такіе старые друзья, что... enfin c'est dit! Я очень рада, что могу, въ свою очередь, сдѣлать что-нибудь для васъ. Что бы ни случилось, идите прямо ко мнѣ. Графъ никогда ни въ чемъ мнѣ не откажетъ. Il est bon enfant.

На этомъ потокъ ея словъ остановился, потому что звонокъ снизу возвѣстилъ о прибытіи двухъ дамъ. Приѣхали двѣ старыя фрейлины Поповы, Sophie и Annette, не говорившія ни на какомъ языкѣ, кромѣ французскаго чопорныя, строгія, затянутыя въ корсетъ, съ таліей ниже пояса и съ фальшивыми накладками на головѣ.

Кромѣ своей чопорности, онѣ были извѣстны въ свѣтѣ своей страстишкой къ картамъ и тѣмъ, что одна изъ нихъ въ картахъ плутовала. Аннетъ, какъ младшая, очень уважала Софи и во всемъ ей уступала: Софи, какъ старшая, во всемъ первенствовала, и, вынимая карту для виста, говорила—сестрѣ, которой не меньше ея хотѣлось поиграть:

— А ты сядь около меня и поучись.

И Аннетъ училась такъ уже лѣтъ тридцать.

Когда доложили о Поповыхъ, Левицкій всталъ.

— Ахъ, какъ онѣ мнѣ надоѣли! поморщилась княгиня.—И какъ некстати... Ну, дѣлать нечего. Завтра я буду у графа. Вы можете положиться на то, que je ne lui dirai pas beaucoup de mal de vous, прибавила она заигрывая. — А propos! Вы знакомы съ моими дѣтьми? Они теперь наверху! Не пройдетъ ли вы къ нимъ?

— Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣтилъ Левицкій,

у которого составлялись уже кой-какіе планы, совершенно измѣнявшіе ходъ его мыслей.

II.

Отъ княгини онъ заѣхалъ на минуту въ министерство, сдѣлалъ замѣчаніе, почему не составлена какая-то вѣдомость, просмотрѣлъ разсѣянно сводъ статистическихъ свѣдѣній, которыя велѣлъ прислать къ себѣ на домъ. и спросилъ, готова ли справка, о которой онъ распорядился наканунѣ. Ему подали составленную на атласной-бумагѣ и прекрасно разграфленную вѣдомость. Одинъ изъ чиновниковъ, въ удивительно спитомъ сюртукѣ, съ аристократическимъ проборомъ на затылкѣ и въ стоячемъ воротничкѣ, подпиравшемъ его гладко выбритый, но сильно поблекшій подбородокъ, почтительно сталъ ему на дорогѣ съ толстой тетрадью въ синей оберткѣ и, указывая длиннымъ, острымъ ногтемъ на ея заголовокъ, что-то тихо говорилъ.

— А, да! Послѣ!... Извините! отвѣтилъ Левицкій отрывисто. — Я теперь тороплюсь. Да не забудьте, пожалуйста, обернулся онъ уходя: — что записка составляется для князя.

— Я знаю, ваше превосходительство.

— Да, пожалуйста. Позаботьтесь о редакціи. Вы мнѣ, впрочемъ, пришлете черновую.

Изъ министерства онъ пошелъ пѣшкомъ въ одну изъ недалнихъ улицъ, поднялся въ третій этажъ большого каменнаго дома съ балконами и позвонилъ у двери, на которой была прибита дощечка „Петръ Пет-

ровичъ Аристовъ“. Чистенькая горничная въ передничкѣ отворила ему.

— Дома Марья Михайловна?

— Я не знаю-съ. Я пойду посмотрю.

Левицкій опустилъ руку въ карманъ.

— Отдайте ей мою карточку. Впрочемъ, нѣтъ! сказалъ онъ, какъ бы вдругъ что-то сообразивши. — Нѣтъ! Скажите просто, что пришелъ Левицкій.

И онъ опустилъ карточку опять въ карманъ.

— Я еще не знаю-съ, дома ли онѣ, сказала плутовато горничная и скрылась за дверью.

Левицкій снялъ, однако, пальто и поправилъ передъ зеркаломъ волосы. Квартирка отличалась совершенно буржуазной чистотой. Въ передней лежалъ бѣлый половикъ, изъ дверей залы виднѣлся блестящій паркетъ, уголь рояля и тюлевые занавѣсы на окнахъ.

Горничная вернулась.

— Приказали просить-съ.

Левицкій, какъ бы и не ожидавшій ничего другого, прошелъ спокойно въ залу и оттуда дальше въ гостиную. Альбомы, лампы, ковры, мягкія кресла, зеркала въ простѣнкахъ, цвѣты, никогда не выдавшіе солнца, все было по извѣстному шаблону петербургскихъ гостиныхъ. На одномъ изъ угловыхъ столиковъ стоялъ большой портретъ мужчины пожилыхъ лѣтъ во фракѣ со звѣздою, на которой почему-то тотчасъ же остановилось вниманіе Левицкаго. Гладко выбритое лицо этого господина, смотрѣвшее изъ рамки рыжеватыхъ и довольно рѣдкихъ бакенбардъ, и совершенно открытый, почти голый черепъ, замѣчательно красивой формы, были, вѣроятно, очень знакомы Левицкому, который глядѣлъ

ему прямо въ его апатичные глаза и вдругъ улыбнулся ему, какъ старому знакомому. Что это не былъ самъ хозяинъ дома, можно было догадаться потому, что Петръ Петровичъ Аристовъ, извѣстный фельетонистъ и публицистъ, отъ роду нигдѣ не служившій, никогда не носилъ звѣзды.

— Очень мило! воскликнула появившаяся изъ внутреннихъ комнатъ молодая дама.—Очень мило съ вашей стороны. Я даже и не думала, что вы такой любезный.

Левицкій пожалъ ея маленькую ручку и, по свойственной ему привычкѣ, окинулъ пытливымъ взглядомъ ея нарядъ. На ней было темное, очень ловко спитое платье; довольно скромныя, но дорогія серги блестяли въ ушахъ. Она была не высока ростомъ, но стройна и какъ-то аппетитно полна. Во всѣхъ ея движеніяхъ была томная грація; ея большіе, каріе глаза смотрѣли не то задумчиво, не то печально. Когда она заговорила, ея металлическій, необыкновенно пріятный голосокъ звонко раздался въ гостиной.

— Ахъ, какой вы добрый! повторила она, лаская гостя своими темными бархатными глазами.—А я такъ и думала, что вы забудете свое обѣщаніе и не придете.

— Вы меня конфузите, возразилъ Левицкій, несколько, впрочемъ, не сконфуженный. — Я не шелъ къ вамъ потому, что не зналъ, будетъ ли вамъ это пріятно. Я и теперь пришелъ не какъ гость, прибавилъ онъ съ тонкимъ упрямствомъ: — меня въ гости не звали, я пришелъ съ исполненнымъ порученіемъ.

Онъ положилъ передъ ней взятую изъ министерства бумагу. Она, не развертывая, бросила ее около себя

на диванѣ, и очень извинялась, что такъ его обезпокоила.

— Я просила объ этомъ графа, сказала она, какъ бы мелькомъ:—но онъ такой скучный, вѣчно все перебудетъ.

— Я вижу, у васъ новый портретъ графа, сказалъ онъ, вставая и направляясь къ угловому столику.

— Да, это онъ нынѣшнимъ лѣтомъ снимался. Похожъ, не правда ли?

Левицкій еще разъ взглянулъ на холодные, нѣсколько стеклянные глаза вельможи, которые онъ не разъ видалъ въ натурѣ и о которыхъ отозвался однажды въ пріятельскомъ кружкѣ, что еслибы можно было ихъ вынуть и положить на руку, то на задней сторонѣ оказалась бы надпись: Корниловъ. С.-Петербургъ.

— Чрезвычайно похожъ, сказалъ онъ серьезно.— И что очень важно: вѣрно схвачено выраженіе.

— Ахъ, кстати, послушайте! когда же вы мнѣ дадите свой портретъ?

Левицкій нѣсколько опѣшилъ.

— Какъ мой портретъ? На что вамъ мой портретъ?

— Вѣдь вы мнѣ обѣщали.

„Никогда!“ подумалъ онъ. Просьба эта рѣшительно озадачила его.

— Позвольте мнѣ на это отвѣтить вамъ двѣ вещи, сказалъ онъ, смѣясь:—первое то, что вамъ мой портретъ вовсе не нуженъ...

— Не нуженъ! вотъ это мнѣ нравится. Если я васъ прошу!

— А второе, продолжалъ онъ, не слушая:—что я

даю свои портреты только людям мнѣ близкимъ и вообще своимъ друзьямъ.

Марья Михайловна покраснѣла.

— Изъ этого я должна заключить, что вы никогда не сдѣлаете мнѣ чести быть моимъ хорошимъ знакомымъ.

— До сихъ поръ вы этого не желали сами.

— То есть какъ это я не желала? Вы не хотѣли бывать у меня. Я и теперь не знаю, чему я обязана тѣмъ, что вы, наконецъ, вспомнили обо мнѣ.

Въ голосѣ ея зазвучала тонкая, но для опытнаго уха замѣтная иронія.

— Я очень нерѣшительный и неувѣренный въ себѣ человекъ, возразилъ онъ спокойно. — Вамъ, можетъ быть, это странно покажется, но это такъ. Я никогда не дѣлаю перваго шага самъ, я жду всегда, чтобы его сдѣлали другіе.

Она съ минуту молчала.

— Хорошо, вымолвила она, наконецъ:—я согласна ждать вашего портрета еще хоть годъ, пока вы, словомъ, сами захотите дать мнѣ его. Но пока... я хотѣла бы имѣть хоть какое-нибудь воспоминаніе о васъ. Вы мнѣ дадите что-нибудь? да?

„Э, нѣтъ, извини! подумалъ Левицкій.—Это что-то подозрительно“.

— Но что же я могу вамъ оставить? спросилъ онъ смѣясь.—Мою шляпу? Вы, я надѣюсь, сами не захотите, чтобы я ушелъ отъ васъ безъ шляпы.

— Ну, напишите мнѣ что-нибудь! перебила она горячо, взяла со стола альбомъ и прежде, чѣмъ онъ успѣлъ ее остановить, вырвала оттуда листъ.—Напи-

шите мнѣ какой-нибудь эпиграфъ, стихи, все равно... Вы видите, я вырвала нарочно. Я не хочу оставить этого здѣсь, на виду у всѣхъ. Я сохраню это для себя.

„Это ничего, что ты вырвала, рѣшилъ онъ про себя.—Это вѣдь можно потомъ и вклеить и всѣмъ потомъ показывать, что Левицкій пишетъ стихи въ альбомъ любовницѣ графа Т. Нѣтъ, слуга покорный“.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ онъ любезно:—позвольте отложить это до другого раза.

— Но я отъ васъ не отстану, повторила она съ кокетливымъ упрямствомъ.—Какъ хотите, а я отъ васъ не отстану. Что-нибудь вы мнѣ дадите! Ну, вотъ что... Въ этомъ уже вы мнѣ не откажете. Съ вами есть, конечно, визитныя карточки. Оставьте мнѣ одну!

— Но позвольте! зачѣмъ же я вамъ оставлю свою карточку? Развѣ я васъ дома не засталъ?

— Но если я васъ прошу!...

Левицкій опустил руку въ карманъ.

— Къ сожалѣнію, и этого не могу исполнить. Карточекъ со мной нѣтъ.

Марья Михайловна вспыхнула. Въ ея залумчивыхъ глазахъ зажегся вдругъ злой огонекъ.

— Какъ хотите! вымолвила она сухо.—Я больше не прошу.

Левицкій поспѣшилъ загладить свою неловкость, сказалъ ей нѣсколько любезностей, такъ, какъ онъ умѣлъ ихъ говорить, т. е. съ видомъ совершенной искренности и прибавилъ, что она рѣдкая, если не единственная изъ русскихъ женщинъ по складу своего ума и по какому-то поэтическому оттѣнку характера.

Марья Михайловна слушала съ неопредѣленной улы-

кой, такъ что нельзя было сказать, вѣрить она ему или нѣтъ. Она сдѣлалась, однако, мягче и, мало-по-малу увлекаясь, заговорила сама. Она стала жаловаться на свое одиночество, на то, что у нея нѣтъ почти женскаго знакомства, а она такъ любитъ женщинъ и такъ желаетъ сойтись хоть съ одной.

— Петербургъ такой большой городъ, продолжала она грустно: — а между тѣмъ, рѣшительно не знаешь, съ кѣмъ познакомиться и какъ, наконецъ, познакомиться. Приѣхать самой какъ-то неловко. Конечно, лучше всего было бы, еслибы можно было встрѣтиться въ какомъ-нибудь знакомомъ домѣ. Знаете что, заключила она неожиданно: — вотъ вы знакомы съ Яковлевыми. Познакомьте меня съ ними!

— Съ Яковлевыми? повторилъ онъ машинально.

— А чтобы это не было замѣтно, вы еще кого-нибудь пригласите.

Ея печальные глаза вдругъ быстро забѣгали и нервная улыбка передергивала губы.

Левицкаго ужаснула эта мысль. Пригласить къ себѣ содержанку! Въ крайнемъ случаѣ онъ могъ бы ее, пожалуй, принять, но только утромъ, когда принималъ просителей, и то съ глазу на глазъ, — безъ свидѣтелей. Но принять ее вечеромъ, какъ гостью, да еще въ присутствіи другихъ, отъ одной этой мысли его покорило. Тутъ было, кромѣ того, еще одно обстоятельство, о которомъ госпожа Аристова даже и не подозрѣвала. Левицкій зналъ о ея бывшихъ близкихъ когда-то отношеніяхъ къ Яковлеву и въ свое время не мало постарался, чтобы открыть ему глаза насчетъ этой особы. Ея желаніе возобновить теперь это знакомство показалось ему

подозрительнымъ. Но онъ и виду не показалъ, что такъ удивленъ.

— Яковлевы теперь за границей, сказалъ онъ, вставая и начиная ходить по комнатѣ. — Они уѣхали, если я не ошибаюсь, въ самый день свадьбы.

— Но они скоро вернутся, на-дняхъ, кажется.

— Да? (Онъ остановился). Развѣ они такъ скоро возвращаются?

— Мнѣ мужъ вчера говорилъ. Въ редакціи получено письмо. Они писали, кажется, вашему брату.

— Да? Вотъ видите! Вы больше знаете объ нихъ, чѣмъ я. Мнѣ ничего неизвѣстно.

Наступило минутное молчаніе.

— Это очень жаль, вымолвилъ онъ. — Очень жаль! Я, слѣдовательно, съ ними не увижусь.

— Вы развѣ ѣдете куда-нибудь?

— Я ѣду за-границу.

Марья Михайловна удивилась. Не можетъ быть! какъ это жалко! А она такъ надѣялась, что онъ будетъ бывать у нея!

Онъ своими мѣрными, тихими шагами ходилъ по комнатѣ, раздумывая о томъ, въ какихъ бы словахъ намекнуть ей, чтобы она, въ случаѣ надобности, поддержала его у графа и что, съ своей стороны, общать ей за это? Ему было небезызвѣстно, что Марья Михайловна очень расчетлива и что графъ, который точно также, если еще не болѣе ея расчетливъ, не балуетъ ее и, несмотря на свое богатство, дѣлаетъ ей очень умѣренные подарки. Но вступать съ ней въ какія-нибудь денежные отношенія Левицкому положительно

не хотѣлось; пригласить ее къ себѣ въ домъ еще того менѣе.

„Чѣмъ бы такимъ я могъ быть ей полезенъ?“ думалъ онъ, останавливаясь машинально передъ портретомъ графа, который смотрѣлъ на него своими холодными глазами и точно хотѣлъ ему сказать:

„Да! это не такъ легко, какъ кажется“.

Въ передней кто-то позвонилъ. Левицкій вздрогнулъ и вопросительно обернулся. Ему, видимо, хотѣлось, чтобы гостю отказали.

— Кто еще такое? спросила Марья Михайловна протяжно.

Дѣвушка вошла и что-то тихо доложила.

— Ахъ, я, право, не знаю. Ну, проси... Это Биби-ковъ, объяснила она.—Вы, кажется, знакомы?

Левицкій даже въ лицѣ измѣнился. Онъ внутренно проклиналъ себя за то, что не ушелъ раньше. Встрѣча съ Бибиковымъ у такой двусмысленной особы, какъ г-жа Аристовъ, особенно теперь, когда всѣмъ было извѣстно, что ея патронъ вступаетъ въ управленіе тѣмъ министерствомъ, гдѣ служить Левицкій—застала его со-всѣмъ врасплохъ. Онъ невольнымъ инстинктивнымъ дви-женіемъ оглянулся на дверь. Марья Михайловна замѣтила это и тонкая улыбка искривила ея губы. Ее можно было, впрочемъ, отнести на счетъ входившаго гостя, которому она съ видомъ скорѣе снисходительнымъ, чѣмъ любезнымъ, протянула свою полную ручку.

Въ первую минуту Биби-ковъ не видалъ Левицкаго, стоявшаго въ отдаленіи.

— Если я не во-время, вы меня гоните! объявилъ онъ прямо.

— Вы лучше посмотрите, кто у меня.

Она обернула его въ сторону Левицкаго. Биби-ковъ на минуту остоленѣлъ; потомъ самымъ невиннымъ образомъ воскликнулъ:

— А! Ну, вотъ я радъ, что хоть здѣсь васъ встрѣ-тишь, а то васъ нигдѣ не видать.

— Т. е. гдѣ же это нигдѣ? спросилъ Левицкій, при-пурившись.—Я бываю во многихъ мѣстахъ.

— Да вотъ у насъ, на примѣръ.

— У васъ-то я именно и былъ! и даже не разъ. Но это, кажется, единственное мѣсто, гдѣ васъ никогда не встрѣтишь.

„Ну, ладно, погоди же! подумалъ про-себя Биби-ковъ.—Это мы примемъ къ свѣдѣнію“.

III.

Отъ Аристовой Левицкій зашелъ къ брату, который жилъ въ томъ же домѣ. Онъ занималъ временно квар-тиру Яковлева, который уѣхалъ съ женой за-границу, и вступилъ на это время въ управленіе газетой, о чемъ скоро стало извѣстно по упорному, печатавшемуся жирнымъ шрифтомъ объявленію о томъ, что въ та-комъ-то мѣстѣ, на такой-то верстѣ продается дача Левицкаго. Объявленіе это печаталось уже пѣлый мѣ-сяцъ и на самомъ видномъ мѣстѣ, подъ словами: га-зета „ежедневная, литературная и политическая“.

Въ пріемной у брата Левицкій засталъ какого-то господина въ кумачной рубашкѣ, съ такой сильной растительностью на лицѣ, что еслибы онъ ее время

отъ времени не подстригалъ, то неизвѣстно, гдѣ бы она остановилась. Господинъ этотъ ему не поклонился, а только посмотрѣлъ на него и продолжалъ что-то прибирать на столѣ. Левицкій сначала подумалъ, не лакей ли это, но брѣнеть въ красной рубашкѣ легъ на диванъ и тѣмъ окончательно подтвердилъ, что онъ не лакей. Самъ Дмитрій вышелъ въ халатъ и въ ночной рубашкѣ, но, увидѣвъ брата, сталъ поспѣшно запахиваться и извиняться.

— Что ты передо мной-то извиняешься! сказалъ Павелъ сухо.

— Позвольте васъ познакомить, началъ Дмитрій торопливо: — Тарасевичъ! инженеръ-технологъ. Мой братъ!

Господинъ въ красной рубашкѣ приподнялся съ дивана и поклонился, послѣ чего уже не легъ, а остался сидѣть.

— А это вотъ, продолжалъ Дмитрій, указывая на другого, только что входившаго господина:—позвольтебъ представить, мой хорошій знакомый, господинъ...

— Ермолаевъ! подсказалъ знакомый.

— Большой любитель живописи и самъ хорошій живописецъ.

— Юристъ! поправилъ его знакомый.

— Ну, извини, пожалуйста, я тебя всегда съ девымъ смѣшиваю.

Ермолаевъ сѣлъ и съ большимъ вниманіемъ сталъ разсматривать какое-то пятно у себя на панталонахъ. Павелъ, рассчитывавшій застать брата одного и желавшій разспросить его о пріѣздѣ Яковлевыхъ, былъ неприятно удивленъ этимъ сборищемъ. Изъ какого-то

угла вышелъ незамѣченный до сихъ поръ тощій господинъ, который самъ себя представилъ и назвалъ Шварцемъ. Онъ очень бойко рассказывалъ анекдоты, представлялъ, какъ нѣмка поетъ съ шарманкой, и служилъ репортеромъ въ нѣсколькихъ газетахъ, куда поставлялъ извѣстія о кражахъ, пожарахъ и разбирательствахъ у мировыхъ судей. Дмитрій два раза прогонялъ его изъ газеты за сообщеніе ложныхъ извѣстій, но никакъ не могъ прогнать изъ своей квартиры, куда онъ являлся, какъ къ себѣ въ домъ, обѣдалъ, ужиналъ, ночевалъ и даже жилъ по нѣскольку дней. Иногда Дмитрій прямо спрашивалъ его:

— Послушай, ты когда же уйдешь отъ меня?

— Да куда же мнѣ уйдти? спрашивалъ тотъ, въ свою очередь.

Собственного жилища онъ не имѣлъ. Всѣ его пожитки заключались въ старенькомъ чемоданчикѣ, который онъ вездѣ таскалъ за собой. Разъ Дмитрій засталъ его роющимся у себя въ комодѣ, гдѣ онъ искалъ чистую рубашку, чтобы ѣхать куда-то на балъ. Это Дмитрія взорвало, и онъ сказалъ ему, что онъ можетъ убраться.

— Послушай, чтожъ такое? Мнѣ вѣдь рубашку было нужно, у меня рубашки нѣтъ. Ну, дай мнѣ на одинъ разъ надѣтъ. Я послѣ, пожалуй, на свой счетъ ее вымытъ отдамъ.

Встрѣчая гдѣ-нибудь новое лицо, Шварцъ тотчасъ же вступалъ съ нимъ въ разговоръ.

— Я, кажется, имѣю удовольствіе, подошелъ онъ къ Левицкому:—говорить съ однимъ изъ нашихъ извѣстныхъ государственныхъ людей...

Левицкій отъ него посторонился.

— Весьма мало извѣстныхъ, милостивый государь, сказалъ онъ сухо.

— Ваши труды хотя и не сдѣлались достояніемъ всей читающей публики, но, однакожь, настолько извѣстны, продолжалъ Шварцъ, не смущаясь, — что даже и я, профанъ въ этомъ дѣлѣ, смѣю выразить вамъ свое глубочайшее удивленіе. Я, впрочемъ, тоже немножко литераторъ. (Слово „немножко“ онъ прибавилъ только потому, что тутъ былъ Дмитрій, который зналъ хорошо, какой онъ литераторъ). Тернистый путь, знаете ли! весьма тернистый!

Левицкій молчалъ.

— Ну, что ты пристаешь! оборвалъ его Дмитрій. — Ну, почему ты знаешь, какой это путь? Твой путь одинъ — въ острогъ, куда ты современемъ и попадешь.

Шварцъ обидѣлся.

— Но позволь, однакожь... Всему есть мѣра.

Онъ взялъ шляпу и сдѣлалъ видъ, что хочетъ уйти, но никто его не остановилъ, и онъ остался.

Дмитрій поспѣшилъ провести брата къ себѣ въ ту комнату, гдѣ стоялъ у него шкафъ съ книгами, большой глиняный умывальникъ, и тутъ же валялось нечищенное платье и сапоги. Хотя въ публикѣ и ходили слухи, что, кромѣ Лечебника для собакъ и романа Армедель, въ библиотекѣ его въ послѣдніе два года ничего не было, но въ дѣйствительности это было не такъ. Со времени своего редакторства онъ очень серьезно сталъ обзаводиться книгами: купилъ себѣ двадцать два тома энциклопедическаго словаря, Фауста на нѣмецкомъ языкѣ, котораго до тѣхъ поръ не понималъ,

и отдалъ въ переплетъ всѣ разрозненные журналы, найденные имъ въ редакціи за прошлые годы.

— Послушай! что это такое? спросилъ Павелъ, когда они остались одни. — Что это такое — литераторы? сотрудники?

— Да нѣтъ, это такъ... Они вотъ ходятъ ко мнѣ. Такое положеніе, знаешь — неловко не принять.

Съ тѣхъ поръ, какъ Дмитрій сдѣлался редакторомъ и пришелъ въ столкновеніе съ массой пишущаго и голоднаго люда, домъ его обратился въ какой-то трактиръ. Всѣ его пріятели ходили къ нему, какъ въ клубъ, никогда не справляясь о томъ, дома онъ или нѣтъ. Съ утра до ночи толклись у него разные господа безъ определенной профессіи, приходили, уходили, обѣдали, пили водку, уносили книги, газеты, ночевали на диванахъ, на стульяхъ и даже на столахъ въ редакціи. Дмитрій, извѣстный и прежде своимъ гостепріимствомъ, не имѣлъ духу отказать никому.

— Ты къ мамашѣ не пройдешь? спросилъ онъ брата съ тѣмъ сконфуженнымъ видомъ, съ какимъ онъ обыкновенно просилъ у кого-нибудь денегъ взаймы.

Онъ боялся, чтобы братъ не вздумалъ заговорить съ нимъ о газетѣ.

— Я сегодня у васъ обѣдаю; и долженъ тебѣ сказать, что я очень голоденъ.

Дмитрій вскочилъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, сиди, пожалуйста! Я еще могу подождать.

— Такъ я одѣнусь пока.

Дмитрій скрылся за ширмами, гдѣ, слышно было, сердился на кого-то, не находя нужныхъ ему принад-

лежностей туалета. Павелъ развернулъ какую-то книгу и сталъ читать.

— Тебѣ надо, однако, подумать о квартирѣ, замѣтилъ онъ какъ бы вскользь.—Яковлевы должны скоро вернуться, я думаю?

— Въ началѣ той недѣли, должно быть; они мнѣ телеграмму дадутъ. Чего вамъ? спросилъ онъ высунувшагося изъ двери брюнета.

— Васъ тамъ спрашиваютъ...

Дмитрій поспѣшно натянулъ на себя сюртукъ и, застегивая его на ходу, извинился передъ братомъ, сказавъ, что онъ сейчасъ.

Въ пріемной ждала его высокая, полная дама, пѣвица русской оперы, собиравшаяся заключать съ дирекціей новый контрактъ, и потому находившая нужнымъ напомнить о себѣ черезъ газеты. Нужна была замѣтка, начинавшаяся словами: наша уважаемая высокоплатантливая и всеми любимая артистка,—и кончавшаяся сожалѣніемъ о томъ, что скудное содержаніе и неумѣнье дирекции привлекать къ себѣ истинные таланты грозитъ лишить Петербургъ и этого высокаго дарованія.

Пѣвица сидѣла въ мѣхахъ и время отъ времени, закрываясь муфтой, зѣвала. Дмитрій, любившій всѣхъ полныхъ женщинъ, тотчасъ же подѣлалъ къ ней.

— Анна Михайловна! Васъ ли я вижу?

— Здравствуйте, голубчикъ.

— Что это вы, какъ-будто похудѣли?

— Больна была, чуть не умерла. А вы вотъ и не навѣстите никогда.

— Не зналъ, ей-Богу, не зналъ, солгалъ Дмитрій.

Объяснивши, что ей было нужно и получивши клятвенное обѣщаніе, что все будетъ исполнено, она стала опять рассказывать, какъ она была больна.

— Совсѣмъ умирала! совсѣмъ! заключила она и вдругъ неожиданно зѣвнула.—Ахъ, голубчикъ, нѣтъ ли какой-нибудь книжки почитать?

— Чего же вы хотите?

Анна Михайловна затруднилась.

— Да что лучше, поинтереснѣе...

Дмитрій всталъ и поискалъ на столѣ.

— Вотъ тутъ есть „Преступленіе и Наказаніе“. Хотите, я вамъ дамъ? Вы читали?

— Кого?... Преступленіе?... Нѣтъ, не читала. Дайте, голубчикъ! А то вечера очень длинныя, не знаешь, что дѣлать.

Анна Михайловна, кромѣ своихъ ролей и репертуара, никогда ничего не читала. Разъ только въ жизни, и то неизвѣстно почему, она прочла „Подводный камень“ Авдѣева. Онъ ей такъ понравился, что она потомъ цѣлый годъ о немъ съ удовольствіемъ вспоминала; но когда ей предлагали еще что-нибудь прочесть, она говорила:

— Э, голубчикъ! и свое-то надоѣло. Что тутъ еще чужое-то читать.

Въ газетахъ она смотрѣла только, нѣтъ ли чего о ней. Если ей говорили:

— Да помилуйте, Анна Михайловна, вѣдь вотъ на свѣтѣ то и то дѣлается...

Она замѣчала:

— Ну, чтожъ, голубчикъ, пускай ихъ!...

Закусисныя декорации загородили ей весь міръ.

Проводивъ пѣвицу, Дмитрій вздохнулъ и съ озабочен-

нымъ видомъ потерь себѣ лобъ. Ему очень не хотѣлось обѣдать въ этотъ день съ братомъ въ своей семьѣ, безъ постороннихъ, потому что онъ каждую минуту ожидалъ, что братъ заговорить съ нимъ о газетѣ и вообще о его дѣятельности, къ которой, какъ было извѣстно, онъ относился весьма недоброжелательно. Одинъ видъ пытливо-холодныхъ глазъ Павла приводилъ его въ уныніе.

„Развѣ еще кого-нибудь пригласить? подумалъ онъ, вспоминая о предстоявшемъ обѣдѣ. — Э, да вотъ, отлично!“

Изъ передней входилъ Аристовъ.

— Петръ Петровичъ! отецъ родной! обѣдали? Нѣтъ? Пойдемте обѣдать ко мнѣ.

„Этого только недоставало!“ подумалъ Павелъ, когда братъ привелъ гостя и объявилъ, что Петръ Петровичъ будетъ съ ними обѣдать. Было ясно, что для Левицкаго это былъ день неудачъ. Онъ терпѣть не могъ Аристову, котораго считалъ нахаломъ. Но у этого нахала было очень острое перо и значительная доля таланта. Левицкій зналъ, что его общественная дѣятельность, насколько она была доступна для печати, виситъ на кончикѣ этого пера. Передъ людьми, подобными ему, онъ чувствовалъ всегда какой-то неопредѣленный страхъ. Отъ этого въ его отношеніяхъ къ Аристову проявлялась кака-то странная смѣсь презрѣнія и заигрыванья.

Взбѣшенный тѣмъ, что братъ пригласилъ его, онъ, однакожъ, не показалъ виду и не принялъ того холоднаго, сдержанно суроваго выраженія, которое онъ принималъ, когда былъ въ обществѣ людей непріятныхъ. Онъ, напротивъ, очень любезно поклонился Аристову

и съ подавленнымъ чувствомъ отвращенія подаль ему руку.

Аристовъ былъ господинъ среднихъ лѣтъ, имѣлъ жидковатую русую бородку, которая, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, перестала расти, и довольно нахальный взглядъ, въ которомъ постоянно свѣтилась какая-то двусмысленная иронія. Сложенія онъ былъ хилаго, волочилъ на ходу ноги и вообще казался разслабленнымъ.

Левицкій сказалъ за обѣдомъ, что думаетъ скоро ѣхать за-границу.

— По дѣламъ службы? спросилъ Аристовъ, прищурился.

— О нѣтъ, напротивъ! Я ѣду отдыхать отъ службы.

— Ты одинъ ѣдешь? спросилъ Дмитрій.

— Да. То есть я можетъ быть примкну къ маленькому обществу, которое тоже отправляется въ Германію, сыновья княгини М. (Левицкій назвалъ ихъ фамилію). Мы дождемъ вмѣстѣ такъ, я думаю, до границы Швейцаріи и тамъ я ихъ покину.

— Что тебѣ за охота, удивился Дмитрій, — ѣхать съ этими важными особами? Вмѣсто отдыха, только хуже устанешь.

— А! нѣтъ. Это вѣдь молодежь, которую все еще занимаетъ. Это не то, что какой-нибудь тайный совѣтникъ, который обыкновенно, кромѣ своей подагры и Парижа, ничѣмъ не интересуется. Нѣтъ! это все свѣжія, молодыя натуры... Я, ты знаешь, люблю молодежь. Я чѣмъ старѣй становлюсь, тѣмъ больше чувствую потребность быть съ тѣмъ, что молодо. Мнѣ кажется, еще лѣтъ черезъ десять для меня самое пріятное общество будетъ—общество пятнадцатилѣтнихъ мальчиковъ.

— И дѣвочекъ! прибавилъ Аристовъ невозмутимо. Левицкій принужденно засмѣялся.

— Пожалуй, если хотите, и дѣвочекъ. Я въ этомъ случаѣ разницы не дѣлаю.

— Гмъ! да... Нѣтъ, я дѣлаю! Я, странная вещь, дѣвочекъ въ пятнадцать лѣтъ очень люблю, а мальчишекъ терпѣть не могу.

Левицкій на это отвѣтилъ шуткой и перемѣнилъ разговоръ.

— Ахъ, да! обратился онъ къ брату.—Я слышалъ, на васъ жалуются. У меня былъ недавно одинъ изъ вашихъ сотрудниковъ, говорить, что у васъ совсѣмъ нельзя писать объ экономическихъ вопросахъ.

— Это все Петръ Петровичъ, оправдывался Дмитрій. Всѣмъ было извѣстно, что собственно литературной частью газеты завѣдывалъ Аристовъ, а Дмитрій былъ только для вида.

— Помилуйте! и чѣмъ виновать? воскликнулъ Аристовъ театально.—Эти экономисты—ужасный народъ. Я имъ отдалъ весь задъ газеты. Чего имъ еще?

Левицкій протестовалъ, говорилъ, что пора намъ, наконецъ, приняться за наши внутренніе вопросы; но какъ только обѣдъ кончился, тотчасъ же всталъ и, ссылаясь на какія-то спѣшныя дѣла, уѣхалъ.

IV.

Въ концѣ декабря Яковлевы вернулись изъ-за границы. Они пріѣхали нѣсколькими днями раньше, чѣмъ ихъ ожидали. Квартира ихъ была еще занята. Въ одной

половинѣ жили Левицкіе — Дмитрій съ матерью, а въ большой приемной, среди сдвинутой въ кучу мебели, отчего комната имѣла такой видъ, какъ будто изъ нея сейчасъ только ушли полотеры — расположился одинъ знакомый Дмитрія, провинціальный актеръ и куплетистъ, пріѣхавшій по дѣламъ въ Петербургъ. Яковлевъ былъ всѣмъ этимъ неприятно удивленъ. Уѣзжая, онъ предложилъ Дмитрію свою квартиру, но никакъ не думалъ, что тотъ переѣдетъ туда съ матерью, сундуками и даже съ пріятелями. Усталый съ дороги, онъ спросилъ себя умыться, но его человѣкъ, который оставался въ Петербургѣ, ушелъ куда-то на именины и не было надежды, чтобы онъ раньше ночи вернулся. Левицкіе прислали ему свою кухарку, толстую, глупую бабу, постоянно съ подоткнутымъ платьемъ, какъ бы сухо въ комнатѣ ни было, и въ ситцевомъ платкѣ съ зелеными арбузами, пускавшими изъ себя во всѣ стороны огуречные листы. Она поставила передъ нимъ на полъ умывальникъ и принесла въ грязныхъ рукахъ полотенце. Онъ ее отослалъ и сказалъ, что ему ничего не нужно.

Дмитрій пришелъ извиняться и говорилъ, что они уже наняли квартиру, но не успѣли только переѣхать. Они дѣйствительно наняли на дворѣ четыре комнаты и ждали, пока ихъ оклеятъ. Сама старуха Левицкая суетливо укладывалась.

Сынъ на минуту было забѣжалъ, но испуганный видомъ разоренной квартиры и облаками пыли, которыя поднимались отъ всего, къ чему ни притронешься, тотчасъ же скрылся.

Какъ и всѣ мужчины, онъ ненавидѣлъ переѣзды съ квартиры на квартиру. Въ такіе дни онъ обыкновенно

или сбѣгалъ куда-нибудь, или, оставаясь дома, дѣлался невыносимъ, ко всѣмъ придирался, кричалъ, что никто ничего не умѣетъ сдѣлать, ругалъ носильщиковъ и извозчиковъ, прислугу, помогалъ нести что-нибудь, ронялъ, ломалъ, выходилъ изъ себя и, наконецъ, уѣзжалъ куда-нибудь. Потомъ, дня черезъ два, когда все было уже сдѣлано, онъ вдругъ находилъ, что все сдѣлано не такъ, передвигалъ мебель, перебивалъ занавѣски, царапалъ полъ, таская изъ угла въ уголъ тяжелые шкафы, поднималъ пыль столбомъ, производилъ полнѣйшій безпорядокъ и, едва переводя духъ, ложился на диванъ отдыхать. На другой день все это опять передвигалось на прежнее мѣсто, только-что вымытые полы мылись снова, чинились поломанныя вещи, заклеивались разорванные обои. Дмитрій уже ни въ чемъ не принималъ участія, жаловался на головную боль и уходилъ изъ дому.

Яковлевъ возвращался въ Россію неохотно, съ предубѣжденіемъ, ожидая всякихъ гадостей. „Вотъ не ошибся! подумалъ онъ съ злорадствомъ.— Шагу не успѣлъ ступить—ужь неприятность!“

И онъ тотчасъ же поставилъ ее на счетъ Россіи, полагая, что это будетъ не послѣдняя. Въ этомъ онъ тоже не ошибся. Среди вороха писемъ, накопившихся за его отсутствіе, одно было отъ его прежняго тестя Полѣнова и въ самыхъ высокоумѣнныхъ выраженіяхъ напоминало ему, что срокъ его векселямъ истекаетъ и что онъ, Полѣновъ, самъ нуждается въ настоящую минуту въ деньгахъ, надѣется получить ихъ своевременно. Письмо

это возбудило въ немъ что-то похожее на чувство злорадства.

Къ этому присоединилась еще досада на то, что квартира была занята и нельзя было умыться, и на то, что Павелъ Левицкій, котораго онъ хотѣлъ видѣть непременно, уѣхалъ на дняхъ за-границу, разѣхавшись съ нимъ въ дорогѣ. Чувствуя надъ собой это скопленіе неприятностей, Яковлевъ понялъ, что не будетъ спать эту ночь. Это разстроило его окончательно. Онъ не могъ спать въ дорогѣ и двое сутокъ провелъ безъ сна, изрѣдка только забываясь тяжелымъ неприятнымъ забытjemъ, и каждый разъ чувствуя, что его убиваютъ, бросаютъ въ пропасть, душатъ, тащатъ куда-то... Просыпаясь, онъ чувствовалъ какую-то смутную тоску. Это было сознаніе чего-то сквернаго, но чего именно—онъ не могъ опредѣлить. Онъ не зналъ даже, случилось ли это или только еще должно случиться. Онъ страшно много передумалъ за это время. Мысли его то-шли въ тактъ вагону, то забѣгали впередъ, то медленно ползли, тяжелыя, неподвижныя, огромныя...

Всѣ пассажиры, храпѣвшіе въ вагонахъ, были ему противны до-нельзя. Когда на одной станціи пришла нѣмка въ тирольской шляпкѣ съ цвѣтушимъ, улыбающимся лицомъ, сняла съ лавки на полъ вещи Яковлева и, пріятно ему улыбаясь, сѣла противъ него, а на колѣни положила свой вышитый по канвѣ мѣшочекъ, Яковлевъ сразу возненавидѣлъ ее и не столько за то, что она сѣла противъ него и стѣснила его, сколько за ея красныя, здоровыя щеки. Все его стало сердить. Съ половины дороги пришелъ къ нимъ въ купе господинъ въ дубленкѣ, богатырскаго сложенія, необыкновенно широкій въ

спинѣ и съ здоровой грудью, которую можно было видѣть изъ-подъ растегнутой дубленки. Онъ видимо не боялся никакой простуды, сидѣлъ у раскаленной печки и на каждой станціи выходилъ прохладиться. Яковлевъ все время оглядывался на него.

„Вѣдь вотъ какая грудь у подлеца! думалъ онъ съ завистью. — Вѣдь съ эдакой грудью сто лѣтъ живутъ“.

Перечитывая теперь письмо тестя, онъ съ досадой подумалъ о томъ, что ужъ десять часовъ, а жены его, прямо съ вокзала проѣхавшей къ роднымъ, до сихъ поръ еще нѣтъ. Въ ожиданіи ея, онъ сѣлъ къ столу, чтобы написать Левицкому. Но видъ ненужныхъ бумагъ и вообще того безпорядка, который онъ нашелъ у себя послѣ своего отсутствія, раздражалъ его. Онъ не могъ заниматься, если видѣлъ, что его вещи лежатъ не такъ, какъ онъ ихъ положилъ. Когда ему долго не удавалась какая-нибудь глава въ его сочиненіи, и онъ не находилъ причины этого въ себѣ самомъ, онъ искалъ ее во внѣшнемъ мірѣ и почти всегда находилъ, что причиной была не на мѣстѣ повѣшенная и криво висѣвшая картина, гвоздь, замѣченный имъ въ стѣнѣ на такомъ мѣстѣ, гдѣ его прежде не было, ключъ, забытый въ ящикѣ...

Разъ онъ положительно открылъ, что ему не давала работать видная ему изъ окна и приставленная къ стѣнѣ лѣстница, которую наканунѣ оставили тутъ маляры.

Когда книги были переставлены и все на столѣ приведено въ порядокъ, онъ могъ настолько собрать свои мысли, чтобы приняться, наконецъ, за письмо. Онъ ни слова не говорилъ въ немъ о своихъ денежныхъ дѣлахъ, но сорокъ тысячъ долгу и двѣ ночи, проведенныя

безъ сна въ вагонѣ, говорили за себя. Онъ бранилъ Россію, ея климатъ, печать, финансы, особенно печать и особенно петербургскую; говорилъ, что скоро самая мысль сдѣлается для нея ненужною: съ помощью лексикона, грамматики и двухсотъ лошадиныхъ силъ, газета будетъ наполняться въ нѣсколько минутъ. Онъ не могъ безъ ужаса подумать о томъ, какъ начнется опять для него вся эта до тошноты прискучившая проза, какъ пойдутъ опять приходить съ повѣстями, съ музыкальными критиками, съ оскорбленными самолюбіями, съ просьбами о пособіи на гробъ, на акушерство, на роиль... „Я самъ теперь начинаю смотрѣть на свое издательство, писалъ онъ, — какъ на что-то въ родѣ кражи или литературнаго разбоя, каждую минуту ожидая, что меня въ чемъ-то уличатъ“...

Онъ писалъ долго и съ удовольствіемъ, но на послѣдней страницѣ вдругъ остановился. Ему показалось, какъ это съ нимъ стало случаться последнее время, что все это не то, что нужно было сказать. Онъ бросилъ перо и заложилъ неконченное письмо въ книгу.

Левицкій, удивлявшійся тому, что не получаетъ отвѣтовъ на свои письма, только въ послѣдствіи узналъ настоящую причину этого. Яковлевъ, со времени своей женитьбы, писалъ къ нему не разъ, но никогда не отсылалъ письма. Дѣло въ томъ, что онъ считалъ необходимымъ сказать что-нибудь о женѣ, тѣмъ болѣе, что Левицкій всякій разъ спрашивалъ о ней. А, между тѣмъ, выходило такъ, что ни въ одномъ письмѣ его не было о ней ни слова. Отъ этого тонъ его писемъ былъ какой-то неловкій, не натуральный — такъ, по крайней мѣрѣ, казалось ему. Все удовольствіе бесѣды съ Левиц-

кимъ пропадало для него, когда онъ натыкался на эту необходимость говорить о женѣ.

Къ тому же его давнишняя болѣзнь, мнительность, съ годами принимала все болѣе острый характеръ, заставляя его относиться подозрительно не только къ своимъ письмамъ, но и ко всему вообще, что выходило изъ подъ его пера. Прошло уже три года съ тѣхъ поръ, какъ онъ кончилъ свой послѣдній большой трудъ, а онъ и не думалъ издавать его. Едва только его дѣтище увидѣло свѣтъ, какъ онъ уже подошелъ къ нему съ ножомъ хирурга. Злой духъ сомнѣнія вселился въ него. Невидимыя прежде ошибки рѣзали ему глазъ. Нужно было многое передѣлывать, дополнять, собирать материалы вновь, уже собранные группировать. И сколько онъ ни копѣлъ надъ этой черной, кропотливой работой, ему все казалось, что сдѣлано мало, что надо еще и еще... Имъ овладѣвала какая-то ненасытность собиранія. Работа подвигалась медленно; ни на минуту не умолкавшій въ немъ голосъ критики вносилъ въ нее какую-то двойственность, съ которой онъ тщетно боролся. Послѣднее время—онъ съ ужасомъ замѣчалъ это—злой духъ посѣщалъ его все чаще.

Разъ Левицкій спросилъ его, отчего онъ не попробуетъ заняться критикой.

— Не находишь ли ты, что слишкомъ острая критическая способность убиваетъ въ тебѣ творчество?

Яковлеву было непріятно это замѣчаніе. Та искра недовѣрія, которую онъ подмѣтилъ въ выраженіи своего друга, задѣла его за живое. Совѣтъ заняться критикой показался ему намекомъ на то, что пора оставить со-всѣмъ литературные труды. „Это вещь обыкновенная!

думалъ онъ:—когда считаютъ человѣка ни къ чему неспособнымъ, то и пойдутъ къ нему съ этими совѣтами. Одинъ говоритъ: отчего вы не пишете стихи? Другой: отчего вы критики не попробуете? Третій: вы бы попробовали драму написать“.

Яковлевъ зналъ этотъ печальный признакъ. Онъ видѣлъ, что отъ него не ждутъ уже ничего. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ молчанія, о немъ стали забывать. Его газета напомнила о немъ только для того, чтобъ заставить всѣхъ говорить: какъ жаль, что онъ взялся не за свое дѣло!

Этотъ разрывъ между нимъ и обществомъ провелъ ту глубокую черту, которая отрѣзала его ото всѣхъ, даже отъ близкихъ ему когда-то людей.

Онъ никогда не чувствовалъ себя такимъ одинокимъ, какъ въ этотъ годъ своей женитьбы.

V.

Нина вернулась отъ своихъ поздно, часу во второмъ. Яковлевъ не спалъ, но сдѣлалъ видъ, что спитъ, чтобы не вступать съ ней въ разговоръ. Она стала бы непременно говорить о своихъ родныхъ, а его это нисколько не занимало. Онъ не переставалъ думать о письмѣ Полѣнова. Этотъ долгъ въ тридцать тысячъ, не считая другихъ мелкихъ долговъ его, которые тоже составляли въ общей сложности тысячъ до пятнадцати, выросалъ передъ нимъ высокой, грозной стѣной, заслоня надежду на всякую возможность лучшаго будущаго.

Всего непріятнѣе было ему то, что его дѣти во время его отсутствія находились у Полѣнова. Они еще съ

начала лѣта гостили у него. Яковлевъ рѣшилъ, что завтра же возьметъ ихъ, но самъ къ нему не поѣдетъ, а попросить объ этомъ Вѣру Бибикову.

На слѣдующее утро часу въ одиннадцатомъ, чтобы не дать никому задержать себя, онъ отправился къ Бибиковымъ. Самого хозяина онъ, по обыкновенію, не засталъ. Тотъ наканунѣ еще уѣхалъ по дѣлу въ сенатъ и дома не почевалъ. Его встрѣтила Вѣра.

— Откуда? какими судьбами? говорила она, увлекала его въ свой кабинетъ, гдѣ по утрамъ она принимала литераторовъ и разныхъ знаменитыхъ людей, а по вечерамъ скучала одна, думая, что вотъ въ этомъ городѣ семсотъ тысячъ жителей и никому до нея нѣтъ дѣла. Всѣ ея знакомые посѣщали ее по утрамъ, пользуясь тѣмъ, что утромъ скорѣй можно отдѣлаться, а вечеромъ попадешь, такъ и сиди часовъ до двѣнадцати, а то и до часу.

— Ты женатъ? это не секретъ? сказала она послѣ первыхъ разспросовъ и привѣтствій.

— Отчего это можетъ быть секретомъ. Конечно, нѣтъ.

Онъ нагнулся и сталъ разсматривать обертки новыхъ журналовъ на столѣ.

Вѣра съ любопытствомъ слѣдила за нимъ. Въ его глазахъ, его позѣ, въ отрывистыхъ звукахъ его голоса чувствовалось безпокойное ожиданіе чего-то, можетъ быть, того, что станутъ разспрашивать его еще. Есть вопросы, которые, попадая въ больное мѣсто, входятъ туда какъ гвоздь, и гвоздь не новый, а тупой, заржавленный, который и вытащить потомъ трудно. Вѣра замѣтила это и перемѣнила разговоръ. Она стала ему

говорить о себѣ, о дѣлахъ своего мужа, жалуясь на то, что онъ разстроилъ свое здоровье. Яковлевъ увидалъ въ этомъ страхъ за то, что онъ не въ состояніи будетъ работать по прежнему и что средства къ жизни должны будутъ уменьшаться. Онъ зналъ, что Бибиковъ служилъ для своей жены чѣмъ-то въ родѣ казеннаго сундука съ деньгами, изъ котораго она каждый мѣсяцъ брала что ей нужно, и что смерть этого человѣка произвела бы на нее совершенно такое же впечатлѣніе, какъ извѣстіе о томъ, что сундукъ украли и воры не отысканы. Съ другой стороны, Бибиковъ работалъ какъ волъ, чтобы заработать какъ можно больше и, откупаясь отъ жены деньгами, получить ту долю свободы, безъ которой онъ жить не могъ. Лично на себя онъ тратилъ немного; но онъ любилъ деньги за то, что онѣ сила, и говорилъ, что его мечта нажить триста тысячъ, чтобы наплевать на всѣхъ и показать, что даже въ Россіи можно жить, никому не кланаясь.

— Самые несчастные люди, говорилъ онъ, — это мы, средней руки буржуа, которые всю свою жизнь бьемся лбомъ въ стѣну, чтобы сколотить себѣ какія-нибудь пятьдесятъ тысяченокъ на старость. А кому нечего терять, такъ тому чорта съ два!... У насъ всякій дворникъ и городской гораздо независимѣй любого директора департамента, потому что на дворниковъ спросъ большой, а на директоровъ очень ограниченный. Наконецъ, изъ дворниковъ я куда хочешь пойду, въ извозчики, въ разсылные, въ сторожа на желѣзной дорогѣ, а изъ директоровъ вылетѣшь, такъ насидишься и безъ хлѣба.

Задавшись несчастной мыслью нажить себѣ триста тысячъ, Бибиковъ, дѣйствительно, пошелъ пробивать

лбомъ стѣну, но стѣна стояла еще крѣпко, а лобъ ужъ затрепалъ. Отъ этого въ словахъ Вѣры все чаще стала чувствоваться горечь и на лбу ея появились двѣ острые морщинки.

— Я собственно пріѣхалъ къ тебѣ, началъ Яковлевъ:—попросить тебя, нельзя ли сегодня привезти ко мнѣ дѣтей.

Она вопросительно взглянула на него.

— Ахъ да!... Привезти къ тебѣ дѣтей? съ удовольствіемъ. Послѣ обѣда, я съѣзжу за ними и сама ихъ привезу. Ты ничего не будешь имѣть противъ того, чтобы я познакомилась съ твоей женой?

Онъ подозрительно посмотрѣлъ на нее.

— У насъ съ ней правило другъ друга не стѣснять, сказалъ онъ холодно.—Она знакомится съ кѣмъ хочетъ.

— Можетъ быть, она не любитъ новыхъ знакомствъ?

— Нѣтъ, я этого не замѣтилъ?

„Что такое у нихъ вышло? думала Вѣра, осторожно и незамѣтно вглядываясь въ него.—Неужели онъ до такой степени скрытенъ что даже въ тонѣ своего голоса не хочетъ показать нѣжности къ ней? Или и тутъ уже что-нибудь накипѣло!“

Вѣра слышала отъ Левицкаго, что Нина очень умна и богато одарена отъ природы. Всегда восторженный въ похвалахъ своимъ друзьямъ, Левицкій не жалѣлъ красокъ и нарисовалъ ей нѣсколько идеальную, сильно польщенную картину семейной жизни Огневыхъ, въ которой Нина выступала въ лучахъ всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ совершенствъ. Вѣра, невыносившая, чтобы при ней говорили хорошо о другой жен-

щинѣ, рѣшила непременно съ ней познакомиться. Она была очень расположена къ Яковлеву, но чувствовала заранѣе, что терпѣть не можетъ его жены. Съ мужчинами она сходилась скоро и легко, съ женщинами только тогда, когда онѣ были во всѣхъ отношеніяхъ ниже ея. У нея были двѣ или три барыньки изъ недалекихъ, которыми она всегда восхищалась, украшала ими свою гостиную и кромѣ нихъ не находила умныхъ женщинъ въ Петербургѣ.

Въ душѣ ея кипѣли разныя неудовлетворенныя страсти, вмѣстѣ съ горькимъ сознаніемъ, что красота и талантъ не достались ей на жизненномъ пиру. Это придавало ея характеру что-то жесткое, сухое, порывистое... По мѣрѣ того, какъ уходили года, она все чаще стала собирать у себя мужское общество и все сильнѣе добивалась знакомства съ умными людьми, чтобы отъ нихъ получить дипломъ на званіе самой умной и самой образованной русской женщины.

VI.

— Расскажи же мнѣ что-нибудь о себѣ? говорила она, отодвигая книгу Спенсера о воспитаніи, которую читала отъ нечего дѣлать.

Яковлевъ неохотно отозвался, что ему рассказывать нечего.

— Ты плохо что-то поправляешься. Это не хорошо; когда я видѣла тебя послѣдній разъ, ты выглядѣлъ лучше.

Она съ нѣжнымъ упрекомъ взглянула въ его все
у пристани.

еще прекрасные голубые глаза. Было что-то въ выраженіи этихъ глазъ, что она особенно любила и чего не находила у другихъ. Внезапная нѣжность, какъ неожиданный приливъ крови, на минуту закружила ей голову.

— Ты долженъ быть счастливъ, Алексѣй. Ты переживаешь теперь лучшія минуты своей жизни.

Лицо его приняло вдругъ сухое, непріязненное выраженіе.

— Почему это ты думаешь, что я долженъ быть счастливъ?

Вѣра смѣшалась и не нашла, что сказать. Но она тотчасъ же своимъ женскимъ инстинктомъ поняла, что онъ, дѣйствительно, не былъ счастливъ.

— Ну, что твоя работа? спросила она поспѣшно.

— Да ничего, отвѣтилъ онъ неохотно:— все такъ же.

— А у тебя попрежнему базаръ житейской суеты?—

Кто это мнѣ говорилъ, что ты хочешь путешествовать.

— Я, можетъ быть, весной поѣду за-границу.

— Зачѣмъ?

— Такъ. Мнѣ нужно непременно уѣхать отсюда. Тутъ много разныхъ обстоятельствъ. Мнѣ необходимо уѣхать. (Она вдругъ заволновалась). Этотъ годъ для меня очень тяжелъ.

— Твой мужъ, говорятъ, былъ боленъ?

— Всю осень! Дѣла у насъ запутались. Долговъ оказалось втрое больше, чѣмъ я думала. Приходилось къ отцу ѣздить, у отца просить денегъ. Такъ это все непріятно! Чего мнѣ все это стоило, я тебѣ сказать не могу. Столько лгать приходилось, унижаться, изъ-за чего? Боже мой, изъ-за чего? Для того, чтобы эти

деньги, которыя добыты такимъ путемъ, кидались потомъ на вѣтеръ, проживались чортъ знаетъ на что. Я устала, наконецъ, отъ этой жизни. Всему есть конецъ. Пусть мнѣ дадутъ опредѣленную сумму, мнѣ нужно немного—и я уѣду отсюда.

— Отчего ты ему этого не скажешь?

— Я ему говорила. Онъ противъ этого, потому что у него денегъ, видите ли, нѣтъ. На любовницъ есть, а на...

Она вдругъ заинулась, чувствуя, что зашла слишкомъ далеко. Всегда осторожная въ своихъ выраженіяхъ, она только въ спорахъ съ мужемъ прибѣгала къ тѣмъ тривіальнымъ, иногда бессмысленнымъ словамъ, которыхъ никогда не простила бы другому. Она тогда не выбирала ихъ, они сами сыпались съ языка и чѣмъ она больше разгорячалась, тѣмъ они становились оскорбительнѣе и бессмысленнѣе. Какъ только слово любовница сорвалось у ней, лицо ея, помимо ея желанія, выразило вдругъ злобу.

— Ты знаешь, продолжала она, чувствуя, что теперь поздно уже поправляться:— что у насъ этотъ бюджетъ который... я не знаю, какъ это тебѣ сказать!... Ну, да однимъ словомъ тотъ, который ни въ какія книги не вносится, доходитъ до нѣсколькихъ тысячъ въ годъ. Какъ это дѣлается, я не умѣю тебѣ объяснить, но я могу тебя завѣрить, что каждое ухаживанье моего супруга обходится намъ въ двѣ—три тысячи. Ахъ, да! ты знаешь, онъ теперь живетъ у насъ въ домѣ?

— У кого это?

— Такъ. Тамъ есть одна особа.

Она вдругъ замолчала, какъ бы чувствуя, что даль-

нѣйшій разговоръ объ этомъ будетъ нескромностью. Но по всему было видно, что она горитъ желаніемъ продолжать его. Она ждала только, чтобы Яковлевъ самъ вызвалъ ее на это. Но Яковлевъ молчалъ. Онъ чувствовалъ себя неловко отъ этого внезапнаго открытія передъ нимъ семейныхъ тайнъ. Совѣтовъ онъ подавать не умѣлъ, а сочувствовать Вѣрѣ не могъ.

Въ жизни Вѣры была одна печальная черта: она никому никогда не внушала участія. Всѣ ея горести считались почему-то выдуманными. Даже измѣна мужа—этотъ тяжелый ударъ въ жизни женщины—относительно ея представлялась чѣмъ-то неважнымъ, какъ будто это такъ и должно было быть.

— Впрочемъ, нѣтъ! начала она, вынимая изъ кармана крошечный, пахнувшій жасминомъ батистовый платокъ.—Что же я буду скрывать отъ тебя! Это вѣдь ни для кого не секретъ. Когда Петръ Ильичъ за кѣмъ-нибудь ухаживаетъ, объ этомъ обыкновенно весь городъ знаетъ. Да и ты, кажется, знаешь эту особу; ты одно время былъ съ ней знакомъ. Я не знаю, выдаешься ли ты съ ней теперь...

— Кто такое? спросилъ онъ съ чуть замѣтнымъ безпокойствомъ.

— Г-жа Аристова. Жена вашего газетнаго сотрудника...

Вѣра остановилась, замѣтивъ, какъ задрожала у него лѣвая щека. Лицо его вдругъ какъ-то потемнѣло. Онъ вынулъ носовой платокъ и сталъ имъ вытирать усы. Она знала у него этотъ признакъ сильнаго волненія и перебирала въ умѣ все, что могло бы его вызвать.

— Я знаю Аристову, сказалъ онъ, овладѣвъ собой.— Развѣ она живетъ у насъ въ домѣ?

— Какъ же!

— Давно ли?

— Право, не знаю. Я этимъ мало интересуюсь. Мнѣ сказалъ объ этомъ одинъ нашъ общій знакомый, Шеншинъ. Оказывается, что они съ Петромъ Ильичемъ ухаживаютъ за ней вмѣстѣ и такъ ужъ тамъ и живутъ. Это-то, кажется, больше всего и разжигаетъ моего супруга. Онъ можетъ даже совсѣмъ не любить женщину, это все равно, ему стоить только замѣтить, что кто-нибудь другой отбиваетъ ее, и кончено дѣло...

— Тутъ дѣло, значить, не въ любви, а въ самолюбіи, замѣтилъ Яковлевъ, развертывая Спенсера.

— Да. Только оно намъ немножко дорого обходится. Что такое? обратилась она съ нетерпѣніемъ къ выглянувшей изъ двери горничной.

— Баринъ пріѣхали. Вы приказали доложить.

VII.

— А мы объ васъ ужъ объявленіе хотѣли подавать! говорилъ Бибиковъ, входя.—Пропаль человѣкъ, да и только!

— Петръ Ильичъ! остановила его жена.—Что это такое?

— А что?

— Да вы хоть бы почистились.

Онъ удивленно осмотрѣлся. Смятая крахмальная рубашка застегнута была на рукавахъ двумя разными за-

понками, при чемъ на одной изображены были трефовые тузы, а на другой женская головка. Всѣ карманы отъ долгаго употребленія приняли видъ нѣсколько оттопыренный. Одна пола и одинъ рукавъ у сюртука были выпачканы чѣмъ-то бѣлымъ.

— Я, ей-Богу, не знаю. Давеча все, кажется, было въ порядкѣ, оправдывался онъ.—Я все утро въ правленіи сидѣлъ.

— Вы тамъ и ночевали?

— Гдѣ?

— Въ правленіи.

— Нѣтъ, видишь ли... Я вчера у Казанцевыхъ засидѣлся. Поздно было, не хотѣлъ тебя будить. Звонить надо, весь домъ будить. Я въ гостинницѣ ночевалъ.

У него былъ тотъ виноватый видъ, который бывалъ у него, когда на сторонѣ заходила любовь.

— А мы вчера только объ васъ говорили. У Казанцевыхъ о васъ спрашивали, началъ онъ, обращаясь къ Яковлеву и подтверждая этимъ еще разъ, что онъ дѣйствительно былъ у Казанцевыхъ, а не гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ.—Вы совсѣмъ пропали. А я-то тутъ, батюшка, безъ васъ... чуть не умеръ!

— Да, я слышалъ!

Онъ скользнулъ взглядомъ по его оживленному лицу и блестящему изъ подъ бровей радостно лукавому взгляду.

— Я тоже былъ боленъ: воды все пилъ.

— Помогли? спросила Вѣра съ участіемъ.

— Да, какъ же! помогли. Дни два совсѣмъ былъ здоровъ.

— Нѣтъ, вотъ я разъ на воды-то попалъ! вспомнилъ

Бибиковъ.—У нѣмцевъ въ какомъ-то городишкѣ, какъ его? чортъ... забылъ! Ну, да все равно. Поѣхали мы туда съ однимъ господиномъ... (Не съ госпожей ли? подумала Вѣра). Ну-съ, хорошо! Приѣхали. Лечимся. Пьемъ. мы эту самую воду отчаянно. Каждый день по пятнадцати кружекъ зудимъ. Просто даже распирать начало. Ничего, думаемъ, хорошо! полезно! Кружку-то возьмешь, такъ ее оттуда назадъ и претъ. А дѣлать нечего; деньги нѣмцамъ заплатили, надо пить. Вода, говорятъ, желѣзная, сѣрная, чортъ знаетъ, чего въ ней нѣтъ. Только эдакъ ужъ къ концу, должно быть, сезона, передъ самымъ отѣздомъ, чтожъ вы думаете узнаемъ?—никакихъ водъ въ этомъ городишкѣ нѣтъ, да и не было никогда, а просто обыкновенная рѣчная вода, а нѣмцы сами ее фабрикуютъ. Сѣры тутъ припустятъ, да желѣза, да соли какой-то...

— Какія глупости! перебила его жена.

— Ну, вотъ глупости! Ты спроси у Шеншина, онъ тебѣ скажетъ. Мы съ нимъ вмѣстѣ были.

Въ передней кто-то позвонилъ.

Яковлевъ всталъ.

— Ты уходишь? остановила его Вѣра.—Я думала, что ты съ нами посидишь.

— Нѣтъ, мнѣ пора. Я вотъ только нѣсколько словъ скажу Петру Ильичу и потомъ домой.

Уходя, онъ еще разъ напомнилъ ей о своей просьбѣ привезти дѣтей.

Онъ былъ довольно нѣжный, хотя и безтолковый отецъ, и Аристовъ былъ правъ, говоря, что нѣтъ болѣе несчастныхъ дѣтей, какъ дѣти умныхъ родителей.

Подъѣзжая къ дому вмѣстѣ съ Бибиковымъ, который самъ вызвался съѣздить къ нему, чтобы разсмотреть его дѣла, Яковлевъ наткнулся у подъѣзда на маленькую двумѣстную каретку, которая, видимо, кого-то дожидаясь, стояла у самого тротуара.

Когда они поднимались по лѣстницѣ, на встрѣчу имъ сходила какая-то дама въ черномъ. При видѣ ея Яковлевъ какъ-то странно вдругъ посторонился, и, не отвѣчая на ея вѣжливый поклонъ, ускорилъ шагъ.

— Вы развѣ не узнали? говорилъ Бибиковъ, нагоняя его.—Марья Михайловна вамъ кланялась.

— Кто? спросилъ онъ отрывисто.

— Марья Михайловна Аристова. Она сейчасъ на встрѣчу намъ попала.

— А, да! (Онъ дернулъ звонокъ). Я ея не узналъ..

— Она вѣдь тутъ живетъ, вы знаете, надъ вами.

— Да, я слышалъ. Чтò, въ редакціи есть кто-нибудь? спросилъ онъ поспѣшно отворившую имъ дверь горничную.

— Я не знаю-съ.

— Поди узнай. Ахъ, да... хотите я васъ съ женой познакомлю?

— Барыни нѣтъ! поспѣшила предупредить горничная.

— Гдѣ же она?

— Онѣ къ своему папашѣ поѣхали. Велѣли сказать, чтобы кушать ихъ не дожидать.

— Хорошо! ступай...

Бибиковъ высматривалъ своими узенькими, плутоватыми глазками, стараясь придать имъ невинное выраженіе.

— Можно васъ поздравить? Вы дѣйствительно женаты? Это не мистъ?

— Дѣйствительно женатъ. Я не знаю, отчего это всѣ думаютъ, что я дѣлаю изъ этого тайну. Что за необыкновенная вещь такая! Каждый день люди женятся.

„Да, рассказывай! подумалъ Бибиковъ.—Видно поимали голубчика!“

VIII.

Вѣра сдержала свое обѣщаніе и вечеромъ привезла дѣтей.

Дѣти робко смотрѣли на отца, который подаль имъ руку, какъ большимъ.

Яковлевъ понять не могъ, почему они такъ боялись его. Онъ никогда ихъ не наказывалъ и не дѣлалъ имъ замѣчаній. Одно, чего онъ имъ не позволялъ—это входить къ нему въ кабинетъ, когда ихъ не звали, и шумѣть, когда онъ былъ занятъ...

Онъ еще съ утра распорядился, чтобы была приготовлена дѣтская и послалъ купить какихъ-то ненужныхъ, но, по его мнѣнію, необходимыхъ вещей. Онъ самъ теперь привелъ ихъ туда и, не зная, чтò имъ сказать, остановился посреди комнаты. Дѣвочки тоже стояли, нерѣшительно оглядываясь.

— Ну, такъ вотъ пока побудьте тутъ. Я потомъ приду къ вамъ, сказалъ онъ, удивленный тѣмъ, что такъ мало общаго между нимъ и его дѣтьми.

Онъ вернулся къ Вѣрѣ, которую оставилъ одну въ

кабинетѣ. Вѣра думала, что онъ повелѣ дѣтей къ женѣ и терпѣливо ждала конца этихъ родственныхъ представлений.

— Ну, что? встрѣтила она его улыбаясь.

Онъ не понялъ ее и сказалъ, что оставилъ ихъ пока однихъ.

— Однихъ? Развѣ ты былъ не у жены?

— Нѣтъ. У нея, кажется, гости. Впрочемъ, если хочешь, пойдемъ къ ней.

И онъ, не дожидаясь отвѣта, пошелъ впередъ. Если ужъ нельзя этого избѣжать, говорило его выраженіе, такъ, пожалуйста, поскорѣе!

— Подожди здѣсь минутку! сказалъ онъ, оставляя ее въ темной гостиной и отворяя дверь въ другую комнату, откуда, вмѣстѣ съ полосой свѣта, вырывался смѣхъ и шумъ голосовъ. Послѣ минутнаго перерыва, родственныхъ восклицаній, стука отодвигаемыхъ стульевъ и недовольнаго вопроса: кто такое? Яковлевъ вернулся назадъ.

— Ты найдешь у насъ безпорядокъ. Тамъ не все убрано... и жена не одѣта.

Вѣра поняла, что время для знакомства было выбрано неудачно и что лучше было бы подождать до другого раза, но дѣлать было нечего... нужно было войти.

Въ большой раззоренной комнатѣ, гдѣ у одной стѣны стояла кровать съ непокрытымъ тиковымъ матрацомъ, а у другой на половину разобранный дорожный вагонъ, на полу валялось сѣно, веревки, оберточная бумага, въ углу стояли обернутые лицомъ къ стѣнѣ чьи-то портреты, за длиннымъ столомъ, покрытымъ цвѣтной

чайной скатерью, хватавшей только до половины стола, сидѣло нѣсколько человѣкъ.

Отъ нихъ тотчасъ же отдѣлилась высокая блондинка съ распущенными косами, въ какой-то темной блузѣ, какъ Вѣрѣ показалось, совсѣмъ безъ юбокъ, и съ вязаннымъ краснымъ платкомъ на шеѣ. Она вынула изъ подъ платка одну руку и молча подала ее Вѣрѣ.

— Моя жена! отрекомендовалъ ее Яковлевъ.

— Я такъ давно хотѣла съ вами познакомиться, начала Вѣра и почувствовала, что краснѣетъ.

Блондинка какъ-то бокомъ, неловко подалась и, ни слова не говоря, подвинула ей стулъ.

— Мы такіе друзья съ вашимъ мужемъ, продолжала Вѣра, — что я позволила себѣ запросто, безъ всякихъ церемоній... (Да скажи же хоть что-нибудь? думала она, оглядываясь на нее). Я такой врагъ всякихъ церемоній... (Кто бы это могъ быть? соображала она, поглядывая черезъ столъ на старика, съ бѣлыми косматыми бровями, и на высокую, худощавую даму, почти не видную изъ-за самовара, откуда мелькала только бахрома ея широкихъ рукавовъ, давно уже вышедшихъ изъ моды, и шиньонъ изъ желтоватыхъ крепированныхъ волосъ).

— Позвольте васъ познакомиться! сказала Нина, замѣтивъ ея взгляды. — Мой отецъ! моя сестра! мой братъ...

Старикъ сдѣлалъ такое движеніе, какъ будто хотѣлъ встать, но этимъ только и ограничился. Лиза за то совсѣмъ растерялась: она попробовала сначала протянуть руку черезъ столъ, не достала, покраснѣла до самыхъ волосъ, обошла кругомъ и чуть что не присѣла.

Все чувствовали себя стѣсненными. Старикъ Огневъ все время упорно молчалъ. Въ постороннемъ обществѣ онъ всегда смотрѣлъ одинокимъ и даже какимъ-то жалкимъ. Онъ такъ привыкъ къ своему грязному пальто и къ мрачной тѣснотѣ своего кабинета, что въ гостяхъ чувствовалъ себя связаннымъ. Онъ сидѣлъ тамъ усталый, скучающій, молчаливый... Ему и платью было тѣсно, и сапоги ему жали, и зеленныя перчатки, которыя онъ надѣвалъ всегда въ такихъ чрезвычайныхъ случаяхъ, или не влѣзали, или не слѣзали съ рукъ.

Яковлеву хотѣлось спать. Чтобы не заснуть, онъ спросилъ себя чаю. Лиза, разливавшая за хозяйку, подала ему черного какъ пиво чаю, замѣтивъ, что на ночь это не хорошо. Но онъ, какимъ-то страннымъ, непонятнымъ для себя образомъ, въ эту минуту именно и заснулъ. Это продолжалось только одно мгновение, такъ что звукъ ея голоса уже разбудилъ его, но онъ понялъ, что спалъ и спалъ крепко.

„Что такое она сказала мнѣ? думалъ онъ, взглядываясь тревожно въ ея лицо.—Нужно ли отвѣчать?“

Онъ взялъ у нея изъ рукъ чашку и вдругъ громко и рѣшительно заговорилъ о томъ, что надо послать чаю дѣтямъ, при этомъ подозрительно оглянувшись, какъ бы желая знать, не замѣтили ли чего-нибудь.

Нина удивленно обернулась.

— Развѣ дѣти здѣсь?..

Было рѣшено, что приведутъ ихъ сюда. Нина сама пошла за ними. Дѣвочки вошли, еще въ дверяхъ присѣли и, не поднимая глазъ, сѣли на то мѣсто, которое имъ указали. Старшая сейчасъ же покорно стала пить поставленный передъ ней горячій, противный ей чай, от-

пивая его маленькими глотками, и со страхомъ думая о томъ, неужели дадутъ еще. Младшая была посмѣлье и сказала простодушно, что чай не хорошъ. Ей дали молока и кусокъ бѣлаго хлѣба. Но она только немножко пощипала хлѣбъ и отодвинула стулъ, собираясь вставать.

— Куда ты? спросилъ отецъ.

— Лиза, пойдемъ! сказала она сестрѣ, не отвѣчая.

— Маша! что-жъ ты не благодаришь? замѣтила ей Вѣра.

— Я такъ мало ѣла, отвѣтила дѣвочка наивно.

Все засмѣялись. Старшая сестра, ободренная этимъ, тоже встала и, къ великому удовольствію обѣихъ, ихъ отпустили опять въ дѣтскую.

IX.

Послѣ ухода дѣтей наступило минутное молчаніе. Вѣра раскаявалась, что пріѣхала. Она не могла не видѣть, что была тутъ чужая. Но едва ли еще не больше ея чужой былъ тутъ Яковлевъ. Никакой внутренней связи между имъ и этой семьей не было. Онъ оставался такъ же чуждъ Огневымъ, какъ былъ когда-то чуждъ Полѣновымъ. Вѣрѣ даже показалось, что у него было больше общаго съ ихъ семьей, чѣмъ съ этимъ волчьимъ гнѣздомъ, какъ она мысленно назвала семью Огневыхъ, взглянувъ на отца и на дочь. Отецъ особенно показался ей чѣмъ-то дикимъ, первобытнымъ. Онъ такъ невѣжливо молчалъ и такъ непроизвольно много курилъ и такой скверный табакъ, что она тотчасъ же узнала въ немъ

одного изъ тѣхъ высохшихъ, бѣдныхъ, угрюмыхъ литераторовъ, которые всю свою жизнь остаются никому неизвѣстными и умираютъ гдѣ-нибудь на чердакѣ, оставивъ послѣ себя кучу дѣтей и двадцать пять томовъ своихъ трудовъ. Одно время у нея бывали такіе литераторы, но съ тѣхъ поръ, какъ у нея стали бывать знаменитости, они скрылись сами собой.

— Что это Николай Платонычъ не идетъ? удивилась Лиза.—Онъ вѣдь хотѣлъ быть. Онъ, должно быть, ужъ не придетъ.

— Онъ ужъ пришелъ, сказалъ кто-то, отворяя дверь.

Яковлевъ, вздрогнувъ, обернулся. Это былъ Козловъ. Онъ поочередно, ни на кого не глядя, пожалъ всѣмъ руку. Яковлеву онъ поклонился издали.

• Съ его приходомъ все оживилось. Видно было, что это свой человѣкъ. Старикъ Огневъ, до сихъ поръ молчавшій, вдругъ что-то сталъ рассказывать. Вѣра, не знавшая Козлова по фамиліи, узнала его въ лицо. Она видала его у одного знакомаго литератора. Теперь она любезно напомнила ему объ этомъ, и назвала себя по фамиліи. Она думала, кажется, что онъ будетъ этимъ пріятно удивленъ, но онъ ничего особеннаго не выразилъ на своемъ лицѣ и сказалъ только:

— Да-съ, я помню, я васъ видѣлъ.

— А мы съ Лизой нынче къ вамъ собирались, начала Нина, обращаясь къ Козлову.—Ну, что сестра?

— Все такъ же. Все въ одномъ положеніи.

Вѣра спросила, чѣмъ больна жена Козлова и назвала доктора, котораго слѣдуетъ пригласить.

— Что же у него, особенная наука какая-нибудь? спросилъ Яковлевъ, лечившійся у всѣхъ петербургскихъ

докторовъ и всѣхъ ихъ одинаково считавшій невѣждами.—Тотъ же мышьякъ. даетъ, ту же хину.

— Онъ замѣчательный діагностъ, возразила Вѣра.— У него по тридцати, по сорока человѣкъ больныхъ на дому бываетъ.

— Да. Ну, да, конечно... Вонъ на Пескахъ какіе-то греки водой лечатъ, такъ у нихъ отъ больныхъ отбою нѣтъ. По вашему, докторъ, который принялъ въ нѣсколько часовъ сорокъ человѣкъ больныхъ, есть верхъ совершенства, знаменитость, чуть не богъ... А по моему, это не докторъ, а шарлатанъ. Ни одной болѣзни, кромѣ насморка, въ десять минутъ опредѣлить нельзя.

— Зачѣмъ же ты тогда самъ ѣздишь къ знаменитостямъ? спросила жена, не оборачиваясь.

— Ну, это долго объяснять.

Она пожала плечами.

— Я, во первыхъ, не къ однимъ знаменитостямъ ѣзжу, а ко всѣмъ безразлично. Я ищу такого, который бы зналъ самую суть дѣла, а не одни его виѣшніе приемы. А что такое ваши знаменитости? Наука для всѣхъ одна. Я знаю, что они всѣ съ одной скамейки ее слушали, по однимъ лекціямъ готовили...

— А личное дарованіе? перебила Вѣра.—Ты его ставишь ни во что? Наука, конечно, для всѣхъ одна, но выдающіеся таланты вездѣ есть.

— Талантъ прикидываться, что я все знаю, когда я ничего не знаю! Когда мнѣ самая наука моя говоритъ, что она ничему научить меня не можетъ. Потому что— что такое наука медика? Что она ему даетъ? Она констатируетъ факты. Больше ничего! Если я боленъ, она

говорить мнѣ: да, ты, дѣйствительно, боленъ, у тебя вотъ то и то...

— Зачѣмъ же ты тогда ѣздишь къ докторамъ? повторила Нина.—Я не понимаю.

— Ты многого не понимаешь! отвѣтилъ онъ раздражительно. Совершенно такъ же, какъ мой отецъ, у котораго не болѣли зубы и который, поэтому, говорить, что рѣшительно не понимаетъ, какъ это могутъ болѣть зубы.

— Это не отвѣтъ, сказала она сухо и тотчасъ же обратилась къ Вѣрѣ, прося ее сообщить адресъ того доктора, о которомъ она говорила.

Вѣра написала его на своей визитной карточкѣ, прибавивъ, что это чело́вѣкъ, который, несмотря на свою огромную практику, слѣдитъ за наукой и выписываетъ всѣ рѣшительно медицинскія книги.

— Всѣ рѣшительно выписать ихъ нѣтъ возможности, возразилъ Яковлевъ:—а читать и подавно, когда объ одной какой-нибудь болѣзни уха составилась цѣлая литература. Но можно нѣкоторыя изъ нихъ получать и потомъ на досугѣ перелистывать—что они и дѣлаютъ. А не читать ихъ и не выписывать нельзя, какъ нельзя модисткѣ не выписывать модныхъ журналовъ. Каждый годъ фасовъ мѣняется. На все есть мода. Такъ и тутъ! Прежде изъ васъ выпускали кровь, потомъ нашли, что нужно ее вливать въ васъ. Прежде васъ лечили горячими припарками, теперь вамъ прикладываютъ пузырь со льдомъ.

Вѣра вступилась за докторовъ и сослалась на при-
мѣръ своего мужа, котораго, по ея мнѣнію, доктора спасли отъ смерти.

— Да почему ты знаешь, что у него не было такого запаса силъ, котораго бы ему на полтора-два лѣта хватило, веди онъ только другую жизнь! Я знаю, у меня былъ кучеръ: его и лошади били, и тонулъ онъ, и съ крыши падалъ и бревномъ его разъ ушибло, и бить былъ такъ за свои любовныя похождения, что чуть Богу душу не отдалъ, и пилъ-то онъ такъ, что его изъ кабака замертво вытаскивали—и чтожь? жилъ себѣ и до сихъ поръ живетъ, какъ ни въ чемъ не бывало. И ни одного доктора въ глаза не видалъ. Только къ фельдшеру ходилъ зубы дергать. Я не знаю, чѣмъ мы въ этомъ случаѣ разсуждаемъ лучше простого народа: тотъ думаетъ, что не потому чело́вѣкъ выздорѣлъ, что у него натура крѣпкая, а потому, что ему какая-нибудь баба съ семи могилъ земли принесла. А мы думаемъ потому, что къ нему ѣздилъ докторъ, который въ университетѣ учился и знаетъ, какъ его болѣзнь по-латыни называется. Очень мнѣ нужно знать, отчего я умираю, отъ гипереміи, отъ анеміи, отъ плеврита или отъ бронхита!..

— А все-таки, когда ты заболѣешь, ты пошлешь за докторомъ, сказала Вѣра, улыбаясь.

— Пошлю, потому что мнѣ доставляетъ удовольствіе говорить съ нимъ о своей болѣзни. Другимъ я этимъ надобѣдать не хочу, съ какой стати! а докторъ обязанъ это слушать. Онъ за это деньги получаетъ.

Отъ докторовъ разговоръ перешелъ къ тому, куда идетъ чело́вѣчество: къ улучшенію или къ вырожденію. Всѣ согласились, что прежде люди были крупнѣй и физически здоровѣй, но о томъ, какъ это повліяло на ихъ духовную натуру, произошло нѣкоторое разногласіе.

Нина говорила, что человѣкъ сталъ развитѣе и общій уровень образованія повысился. Вѣра была того мнѣнія, что уровень толпы повышается, но зато уровень отдѣльных, выдающихся лицъ понижается.

— Замѣтите, у насъ есть таланты, говорила она:— геніевъ больше нѣтъ. А главное чего нѣтъ теперь— нѣтъ совсѣмъ характеровъ! Нѣтъ той желѣзной воли, которая поражала насъ въ прежнихъ дѣятеляхъ. Вы возьмите, гдѣ у насъ теперь такіе люди, какъ Петръ Великій, напримѣръ, или возьмемъ западную исторію: Гуссъ, Кромвель, Савонаролла...

— Ну, Кромвели-то всегда будутъ, замѣтилъ старикъ Огневъ.

Вѣра на минуту остановилась и посмотрѣла на него.

— А что у насъ теперь? продолжала она. — Какой-нибудь Наполеонъ, этотъ ограниченный честолюбецъ, который входитъ на престолъ, поливая кровью улицы Парижа, и уже всѣ кричатъ отъ удивленія, всѣ хотятъ видѣть въ немъ что-то необыкновенное!

Она съ видимымъ удовольствіемъ стала развивать свою мысль, что геніевъ больше нѣтъ, и что это такъ и должно быть: если человѣкъ вырождается физически, онъ вырождается и духовно.

— Да что такое геніальность? отозвался вдругъ Яковлевъ. — Можетъ быть, это именно и есть болѣзнь! Можетъ быть, это воспалительное состояніе какихъ-нибудь клѣточекъ въ мозгу. Также точно и характеръ. Что такое сильный характеръ? Ненормально развитая, односторонняя способность души. Эта способность сильна, такъ другая какая-нибудь слаба. Кто же изъ насъ этого не знаетъ? Впрочемъ, это мое личное наблюденіе, мо-

жетъ быть, другіе съ этимъ не согласятся, что всѣ большіе характеры отличаются какой-то тупостью, односторонностью... Это всё равно, что силачи, атлеты, люди необычайной физической силы, всегда почти люди ограниченные. Тоже и фанатики—эти колоссы воли! У нихъ вся сила въ тупости ихъ нервовъ, въ ихъ необыкновенно малой воспримчивости. Да оно такъ и должно быть. Фанатикъ тѣмъ и силенъ, что на него ви́шній міръ совсѣмъ не вліяетъ; отъ него всѣ ощущенія, какъ пробки, отскакиваютъ; онъ весь живетъ внутри себя, съ тѣми двумя-тремя идейками, которыя въ него случайно засѣли. Ихъ немного, да зато сидятъ онѣ крѣпко.

— И слава Богу! замѣтилъ Козловъ.

— Какъ? спросилъ Яковлевъ, не разслышавъ.

— Я говорю: и слава Богу.

— Слава Богу, что ихъ немного?

— Нѣтъ, что онѣ сидятъ крѣпко.

Онъ подвинулся и далъ дорогу человѣку, который принесъ новый самоваръ. Лиза, сидѣвшая до сихъ поръ безъ дѣла и съ тоской смотрѣвшая по сторонамъ, ожилилась и загремѣла посудой. Николай закурилъ папиросу и съ насмѣшливой улыбкой, ни къ кому въ особенности не относившейся, но показывавшей, что все это его очень забавляетъ, прислушивался къ разговору.

— Это еще вопросъ, кто намъ нужнѣе, сказала вдругъ Нина:— великіе умы, или люди, хотя бы и ограниченные, которые дѣло дѣлаютъ.

Она выговорила это какъ-то особенно твердо и отчетливо, какъ будто ожидая и собираясь отразить нападеніе. Въ ея блеснувшихъ глазахъ вдругъ прорвалось

то внутреннее, давно подавляемое волненіе, которое не оставляло ее съ самаго прихода мужа.

Разговоръ, на минуту выбившійся изъ колеи, уже болѣе въ нее не возвращался. Вѣра объясняла Козлову, къ которому она почему-то преимущественно передъ другими обращалась, что ихъ общій знакомый, литераторъ NN, человѣкъ съ больной душой, совершенно надломленный жизнью, но необыкновенно какой симпатичный. Козловъ ничего на это не сказалъ. „Пустая барыня! думалъ онъ.—Не стоитъ разговаривать“. Вѣра не отставала. Козловъ все молчалъ; наконецъ, замѣтилъ:

— Да-съ. У насъ это еще, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, завелся обычай—и престранный, по моему, обычай—говорить всѣмъ про себя, что вотъ, молъ, я натура больная, изломанная, искалѣченная, душа у меня темная, мрачная, истерзанная, сердце окаменѣлое, равнодушное, любить я не могу, ненавидѣть тоже: могу только презирать. Чѣмъ бы тутъ, кажется, хвалиться? Нѣтъ, хвалятся. Конечно, это больше потому, я думаю, что за это и въ прежнія даже строгія времена никого не сѣкли и въ солдаты не отдавали. Но еслибы, я полагаю, были тогда же приняты мѣры и отдавали бы этихъ черствыхъ людей хоть, напримѣръ, въ солдаты, то исправились бы они очень скоро.

Вѣра послѣ этого сейчасъ же перемѣнила разговоръ и, посидѣвъ еще минутъ пять, стала прощаться.

Когда она ушла, Нина спросила, ни къ кому въ особенности не обращаясь:

— Зачѣмъ эта барыня приходила?

X.

Проводивъ ее, Яковлевъ не вернулся къ гостямъ, а остался у себя. Тамъ онъ заставилъ человѣка перестлатъ не такъ посланную постель, велѣлъ отодвинуть кровать отъ стѣны, которая ему показалась почему-то холодна, и убрать лишнія подушки. Когда онъ страдалъ бессонницей, то каждую ночь придумывалъ новыя комбинаціи, чтобы посмотрѣть, что именно мѣшаетъ ему спать. Онъ былъ увѣренъ, что такъ же, какъ работа не шла иногда отъ-того, что криво висѣла картина на стѣнѣ, сонъ бѣжитъ отъ-того, что слишкомъ мало или много подушекъ на кровати.

Человѣкъ поставилъ на столъ графинъ съ водою, которую Яковлевъ тотчасъ же подозрительно посмотрѣлъ на свѣтъ, зажегъ лампаду, горѣвшую передъ образомъ, досталъ чистое полотенце, зная, что баринъ по ночамъ иногда умывается, и попробовалъ ногой педаль умывальника. Яковлевъ слѣдилъ за нимъ глазами, ожидая, скоро ли онъ уйдетъ. Присутствіе человѣка въ его комнатѣ, хотя бы и на одну лишнюю минуту, было ему неприятно. То, что онъ не можетъ обойтись безъ прислуги и въ то же время не можетъ выносить ее, каждый день отравляло ему нѣсколько минутъ жизни. Эта зависимость отъ людей, не только ему постороннихъ, но даже прямо ему враждебныхъ, казалась ему ужасной несообразностью. Онъ до того чувствовалъ себя во власти своего лакея, который могъ каждую минуту нагрубить ему, подать ему нечищенные сапоги, произве-

сти безпорядокъ на его столѣ, принести нужное письмо черезъ пять дней послѣ того, какъ оно было получено, и лишить его того спокойствія, которое было ему необходимо, чтобы работать, что всякій разъ, когда этотъ человѣкъ входилъ, онъ уже подозрительно оглядывался, выжидал, какую еще непріятность онъ ему сдѣлаетъ.

Оставшись одинъ, онъ хотѣлъ лечь, но, примѣрившись глазами къ кровати и, вспоминая прошлую ночь, почувствовалъ легкую дрожь. Видъ оправленной постели съ холодными подушками и бѣлыми, какъ снѣгъ, простынями внушалъ ему чувство содроганія. Онъ не легъ, а сѣлъ къ столу. Тяжелая въ нѣсколько пудовъ голова, которую онъ чувствовалъ на своихъ плечахъ, была полна такими же тяжелыми, неясными мыслями. Гдѣ это играютъ? думалъ онъ, прислушиваясь. Играли наверху въ третьемъ этажѣ. Но шумъ шаговъ не далъ ему этого слышать. Въ комнату вошла жена.

Она поставила на комодъ свѣчу и съ тѣмъ особеннымъ, неестественнымъ выраженіемъ, которое у нея бывало, когда она была чѣмъ-нибудь взволнована, принялась выбирать бѣлье изъ большого кожаного мѣшка на полу. Она вынимала одну вещь за другой и кое-какъ, видимо не думая о томъ, что дѣлаетъ, перекладывала ихъ въ широко раздвинутый ящикъ стариннаго комода. Яковлевъ нѣсколько времени молча смотрѣлъ на нее.

— Ты собираешься куда-нибудь? спросилъ онъ, наконецъ.

— Нѣтъ!.. отвѣтила она коротко.

Онъ понялъ, что она дѣлала это вовсе не потому, что необходимо было тотчасъ же, не откладывая, ра-

зобратъ всѣ вещи, которыя со вчерашняго дня стоятъ неразобранныя. Онъ видѣлъ въ этомъ только желаніе сдѣлать непріятное ему. Она знала, что онъ не любить суматохи, разбросанныхъ вещей, веревокъ, огарковъ, слѣдовъ стеарина на полу, и нарочно вносила эту бурю, чтобы досадить ему. Онъ не зналъ, что эта буря была въ ней самой, что это было только средствомъ укротить расходившіеся нервы и хотъ чѣмъ-нибудь, хотъ механическимъ занятіемъ успокоить свой гнѣвъ.

— Мнѣ кажется, что на это есть день, сказалъ онъ. — Ночью не время разбираться.

Она молча продолжала свое дѣло. Ему видно было только быстрое движеніе ея локтей, но не видно гордаго, почти злого выраженія ея лица.

— Я прошу тебя потушить свѣчку! сказалъ онъ рѣшительно.

Она обернулась къ нему. И онъ теперь только, по ея глазамъ, понялъ, что было что-то еще, кромѣ простаго желанія досадить ему.

— Тебѣ это непріятно? Что дѣлать! Мнѣ тоже многое непріятно. Но я ничего не говорю.

„Это онъ называютъ ничего не говорить!“ подумалъ онъ.

— Что же, напимѣрь? Сдѣлай одолженіе, скажи.

Она молчала. Въ мѣшкѣ ничего уже не оставалось; но она, нагнувшись, все что-то перебирала. Онъ ждалъ. Онъ зналъ теперь, что гроза неизбежна, и какъ нельзя уйдти отъ дождя, который застучалъ уже крупными каплями по деревьямъ, такъ нельзя было уйдти отъ объясненія съ этой разсерженной женщиной.

Два мѣсяца, проведенные имъ съ ней за-границей, достаточно ихъ сблизили, чтобы онъ могъ, не ошибаясь, опредѣлить эти признаки сдержаннаго, подавленнаго гнѣва. Какъ только онъ замѣчалъ у нея это выраженіе, онъ спѣшилъ принять необходимыя мѣры обороны, состоявшія въ томъ, чтобы ни въ какомъ случаѣ не раздражаться самому, по крайней мѣрѣ, видимымъ для нея образомъ. И чѣмъ больше онъ бывалъ внутренно взбѣшенъ, тѣмъ онъ тише и хладнокровнѣе говорилъ.

Было половина перваго. Бронзовые часы въ гостиной звонко пробили эту половину. Яковлевъ всталъ.

— Однако, пора! сказалъ онъ. — Я три ночи не спалъ.

Нина усмѣхнулась. Зная по себѣ, что нельзя не спать три ночи, она не вѣрила ему. Она была убѣждена, что по привычкѣ всѣхъ больныхъ людей преувеличивать, онъ увѣряетъ, что не спалъ всю ночь, если съ вечера не могъ долго заснуть. Это недовѣріе ея ко всему, чего она не испытала сама, удивляло и оскорбляло его. Недостатокъ чуткости, этотъ огромный въ его глазахъ недостатокъ для женщины, былъ одной изъ первыхъ причинъ его охлажденія къ ней. вмѣстѣ съ ней врывалась въ его жизнь какая-то новая холодная струя и вихремъ проносилась надъ нимъ, не оставляя ничего, кромѣ этого ощущенія холода.

— Странно! вымолвила она. — Ты такъ хочешь спать, что даже ушелъ, ни съ кѣмъ не простившись, и не напелъ даже нужнымъ сказать два слова моему отцу...

„Вотъ оно! подумалъ онъ. — Начинается!“

— Я думала, что ты, по крайней мѣрѣ, это время

употребилъ съ пользой. Съ десяти до двѣнадцати часовъ можно было выспаться.

— Наверху кто-то игралъ; мнѣ не дали спать, объяснилъ онъ, оставляя безъ отвѣта намекъ на отца.

— Это ужасно! проговорила она съ насмѣшкой. — Есть еще люди, которые думаютъ о своихъ удобствахъ и не думаютъ о твоихъ.

Она нашла тотъ настоящій тонъ, которымъ слѣдовало говорить съ нимъ — тонъ холодной ироніи. Злое выраженіе исчезло съ ея лица и замѣнилось другимъ, еще болѣе непріятнымъ — выраженіемъ презрѣнія.

— О моихъ удобствахъ, кромѣ моей прислуги, которой я за это плачу, не думаетъ никто.

— Еслибы можно было, ты, я думаю, всѣхъ взялъ бы къ себѣ на жалованье, чтобы заставить служить себѣ.

— У меня нѣтъ на это столько денегъ, возразилъ онъ спокойно.

Нина чувствовала, что начинаетъ терять самообладаніе.

— Ты именно изъ тѣхъ людей, которые думаютъ, что все можно купить за деньги. Ты всю и обстановку-то себѣ подобралъ въ этомъ родѣ. Ты потому и окружаешь себя ничтожествомъ, что его можно купить... что ему можно заплатить и заставить его молчать.

Этотъ намекъ поразилъ его болѣе, чѣмъ она могла думать, судя по его лицу.

— Кто же это ничтожество, которымъ я себя окружаю?

— Кто? Твои Аристовы, Левицкіе, Ивановы, Петровы... Дѣло не въ именахъ. Ты самъ знаешь хорошо, кто твои помощники. И ты не только это знаешь, но

ты именно этого и хочешь. Тебѣ надо видѣть кругомъ себя покорныхъ, подобострастныхъ, во всемъ и всегда согласныхъ съ тобой бездарности. Ты совершенно такъ же рассуждаешь, какъ сейчасъ о прислугѣ: я ей плачу, она должна мнѣ служить.

Яковлевъ скрестилъ руки на груди и, прислонившись къ спинкѣ кресла, слушалъ ее съ полузакрытыми глазами.

— Но среди того ничтожества, которое меня окружаетъ, есть такіе великіе люди, какъ твой отецъ!

Она рванулась, но, сдѣлавъ усиліе надъ собой, осталась на мѣстѣ. Она стояла у комода, положивъ руку на подсвѣчникъ и, каждую минуту собираясь уходить.

— А! теперь я понимаю! выговорила она глухо.— Мой отецъ у тебя на жалованьи, зачѣмъ съ нимъ церемониться! Теперь я все понимаю...

— Ну, въ эту минуту ты едва ли что-нибудь понимаешь. Возьми себѣ, пожалуйста, за правило: когда ты хочешь говорить о чемъ-нибудь со мною или съ другими, все равно, то постарайся прежде всего, чтобы тебѣ, самой было ясно, о чемъ ты говоришь. Но придти во второмъ часу ночи (онъ вспомнилъ, что былъ еще только первый, но все равно, въ жару спора маленькія неточности допускаются)... придти во второмъ часу учить меня, кѣмъ я себя долженъ окружать—это болѣе чѣмъ неблагоразумно, это, извини меня, нелѣпо. И, наконецъ... если я нарочно окружаю себя бездарностями, людьми, не имѣющими своего мнѣнія, то тѣмъ болѣе странно, что ты послѣ этого берешься учить меня. По-

чему же ты полагаешь, что тебя именно я буду слушать!..

— Потому что я должна... я считаю своею обязанностью открыть тебѣ глаза! потому что, кромѣ меня, этого никто не сдѣлаетъ. Я не уважала бы себя, еслибы молчала такъ, какъ молчить вся эта (она на минуту остановилась)... вся эта клика!

Онъ взглянулъ на нее.

— Положимъ. Тогда надо было взяться за это не такъ. Чтобы открыть человѣку глаза, нельзя ударить его кулакомъ въ глаза. Для этого нужно искусство, котораго у тебя нѣтъ. Исправлять людей, вообще, дѣло не легкое. И я думаю, что ты менѣ всего способна на это. И потомъ (онъ остановилъ ее движеніемъ руки, замѣтивъ, что она хочетъ говорить)... И потомъ, что это за совѣты, которые вызваны безсильной злостью, досадой на то, что дѣлается не по нашему. Къ чему обманывать себя? Ты пришла сюда вовсе не для того, чтобы исправлять меня. Ты пришла потому, что я не простился съ твоимъ отцомъ и нужно было уязвить меня за это...

— А! ты самъ считаешь себя уязвленнымъ...

— Къ чему эти фразы! продолжалъ онъ, не слушая.— „Я считала своей обязанностью... Я не уважала бы себя“... Кого это можетъ обмануть? Ты можешь уважать себя или не уважать—это твое дѣло, но ты должна уважать мою свободу. Я больше ничего отъ тебя не требую: ни любви, ни преданности, ничего! Замѣть это. Ты была настолько честна, что не обманывала меня въ своихъ чувствахъ. Ошибка была на моей сторонѣ; я знаю это... Пусть же я несую на себѣ ея послѣдствія.

Она молчала. Она положила палецъ на стеклянную розетку подсвѣчника и вдругъ начала быстро вертѣть ее. Она хотѣла сказать ему: ошибка ваша, а я отвѣчаю за нее! но вспомнивъ, что своимъ согласіемъ выйти за него, она раздѣлила ее — удержалась и не сказала ничего. Его слова, что онъ не требуетъ отъ нея ни любви, ни преданности, подняли въ ней страшную горечь. Это равнодушіе къ тому, что недавно еще составляло предметъ всѣхъ его желаній, къ ея любви — изумляло и оскорбляло ее. Она никакъ не могла привыкнуть къ тому, что онъ не тотъ, какимъ она видѣла его три мѣсяца тому назадъ, что вмѣсто слѣпо влюбленнаго, во всемъ ей покорнаго; всѣмъ ей обязаннаго человѣка, какого она надѣялась найти въ немъ, она нашла упрямое, неподатливое существо, которое, проводя передъ ней черту, сказало: дальше ты не пойдешь!

Видъ этой черты опьянялъ ее; онъ лишалъ ее самообладанія. Теперь только она вспомнила и поняла сказанныя ей какъ-то Левицкимъ слова, когда разговоръ зашелъ о ея теперешнемъ мужѣ: — Надъ нимъ всего легче пріобрѣсти вліяніе тому, кто не будетъ имѣть никакихъ правъ на него.

Но всего ужаснѣе было то, что она не знала человѣка, съ которымъ имѣла дѣло. Въ его отношеніяхъ къ женщинамъ была одна странная черта: никогда еще ни съ одной женщиной онъ не разошелся, не возненавидѣвъ ее за то, что она была когда-то предметомъ его увлеченія, что, пользуясь минутами его слабости, она заставила его быть съ ней откровеннымъ и показывать ей такія стороны своей души, которыя онъ тщательнѣе скрывалъ отъ всѣхъ. Онъ не прощалъ этого

никогда и, разрывая прежнія отношенія, сразу становился врагомъ, но врагомъ молчаливымъ, скрытнымъ, болѣе всего не любившимъ, чтобы кто-нибудь напоминалъ ему о прошломъ. Увлечь его было не трудно, сохранить вліяніе надъ нимъ почти невозможно. Были женщины, любившія его искренно и съ ужасомъ видѣвшія, что узы, связывавшія ихъ, рветъ какая-то невидимая рука, чувство бѣжитъ прочь, а съ нимъ и довѣріе, и одного какого-нибудь неосторожнаго слова достаточно, чтобы пробудить всю его подозрительность, затѣмъ охлажденіе и, наконецъ, вражду. Каждая его новая любовь была печальной страницей въ его жизни: онъ уходилъ, разбивая чье-нибудь сердце и болѣе всѣхъ несчастный самъ.

Нина сдѣлала большую ошибку, понадѣявшись на силу его любви къ ней и сразу, съ первыхъ же дней своего замужества, заговоривши съ нимъ рѣзкимъ языкомъ. Ей казалось, что она можетъ имѣть на него огромное вліяніе. Сила его любви къ ней вскружила ей голову. Она думала, что этой любви нѣтъ предѣловъ и что она сдѣлаетъ изъ него все, что захочетъ. Онъ былъ довольно уменъ и интересенъ, чтобы пожелать вліянія надъ нимъ.

XI.

Два мѣсяца, проведенные ими за-границей, были временемъ тяжелаго испытанія для обоихъ. Въ первые же дни послѣ свадьбы, они поняли, что они вовсе не тѣ нѣжно-влюбленные и безмятежно счастливые люди, ка-

кими считаютъ обыкновенно молодыхъ, а просто враги. И то, что на нихъ смотрѣли, какъ на молодыхъ, ожидая увидеть какую-то печать блаженства на ихъ лицѣ, еще болѣе растравляло и усложняло ихъ отношенія. Когда встрѣтившееся имъ за-границей знакомое семейство, послѣ обычныхъ банальныхъ привѣтствій, смотрѣло на нихъ любопытными, вопросительными глазами, какъ бы желая тутъ же, не сходя съ мѣста, измѣрить всю глубину ихъ счастья, они еще сильнѣе чувствовали, какъ они далеки отъ этого воображаемаго счастья и до какой степени они враги.

Первая ошибка—Нина чувствовала это — была сдѣлана ею. Полагая, что сила на ея сторонѣ, она поспѣшила дать сраженіе и проиграла его. То оружіе, на которое она рассчитывала, которое считала непобѣдимымъ—сила его любви къ ней — на этотъ разъ измѣнило ей. Онъ первый разъ заговорилъ съ нею суровымъ языкомъ челоѣка, который не знаетъ надъ собой господина и не подчиняется никому. Онъ высказалъ ей столько жесткихъ и непріятныхъ вещей, что она, считавшая его кругомъ обязаннымъ себѣ, не находила словъ, чтобы выразить ему свое презрѣніе. Она не сказала ему только одного: какую огромную жертву она принесла ему, согласившись быть его женою. И то, что она не могла прямо сказать ему этого, только усиливало горечь этой мысли.

Эта мысль, невидимая для него, жила въ ней постоянно. Она вливала такую горечь въ ея слова, заставляла изобрѣтать такіе язвительные, невыносимые для больного самолюбія намеки, что только жесткостью черствостью ея сердца, онъ могъ объяснить себѣ ея

выходки. Мысли ея были дрянныя, она сама это сознавала, но не въ силахъ была отдѣлаться отъ нихъ.

Къ ихъ общему несчастію, эта поѣздка за-границу связывала ихъ больше, чѣмъ они были бы связаны оставаясь дома. Гоняя ихъ изъ города въ городъ, изъ гостинницы въ гостинницу, она не давала имъ ни минуты уединенія. Они были нестерпимо близки въ гостинницѣ и еще ближе въ вагонѣ, гдѣ приходилось по цѣлымъ часамъ сидѣть лицомъ къ лицу, и, не мѣняясь ни взглядомъ, ни словомъ, ѣхать: такъ цѣлые десятки верстъ. Его положеніе она считала все-таки лучше своего. Онъ могъ, углубляясь въ задуманную имъ работу, проводить такъ цѣлые дни, никого не замѣчая. Но она, не зная, чѣмъ занять себя, невольно думала о послѣдней размолвкѣ, припоминала особенно оскорбившее ее слово или взглядъ, и, постоянно волнуясь, раздражаясь, ѣхала такъ до мѣста. Города, улицы, люди, все казалось ей отъ этого невыносимо противнымъ. Выходя изъ наемной кареты, чтобы подняться на третій или на четвертый этажъ гостинницы, она думала съ озлобленіемъ, что находятъ люди хорошаго въ подобнаго рода путешествіяхъ. Она высказала это одному изъ своихъ знакомыхъ, встрѣтившихся ей въ Швейцаріи.

Эта встрѣча чуть было не повела къ гибельнымъ послѣдствіямъ. Она была на волосъ отъ того, чтобы разѣхаться съ мужемъ. Встрѣтившіеся ей тамъ знакомые, двое молодыхъ людей, въ блузахъ и круглыхъ шляпахъ съ огромными полями, говорившіе на нѣсколькихъ языкахъ и державшіе одинъ общій на двоихъ носовой платокъ, не понравились почему-то Яковлеву,

который позволилъ себѣ на ихъ счетъ нѣсколько двусмысленныхъ шутокъ. Это въ свою очередь не понравилось Нинѣ. Чтобы дать ему это понять, она нарочно при немъ пригласила ихъ къ себѣ. Молодые люди общались на другой день придти, прибавивъ, что имѣютъ порученіе къ Козлову. Яковлевъ все это слышалъ.

— У тебя много такихъ знакомыхъ? спросилъ онъ, провожая ихъ глазами.

— Для чего ты объ этомъ спрашиваешь?

— Для того, что я не желалъ бы видѣть этихъ людей у себя въ домѣ.

— Вотъ какъ! Ты имѣешь на это основанія?

— Вѣроятно. Если я говорю, значитъ имѣю основаніи.

— Можно узнать какія?

— Это все равно. Дѣло не въ этомъ.

Онъ не могъ сказать ей, что основаніемъ ему служило то, что эти люди имѣли порученіе къ Козлову и выдавали себя за его друзей, а ими Козлова было ему ненавистно съ тѣхъ поръ, какъ онъ позволилъ себѣ печатныя нападки на него и, между прочимъ, говорилъ, что если о налогахъ пишетъ человѣкъ, который ихъ не платитъ, а только съ другихъ получаетъ, то онъ и скажетъ о нихъ не то, что сказалъ бы человѣкъ, который самъ ихъ платитъ. Это особенно уязвило почему-то Яковлева, хотя въ статьѣ было не мало и другихъ не менѣе обидныхъ выраженій. Были даже строки, которыя онъ старался не читать, и всякій разъ, доходя до этого мѣста, перескакивалъ глазами дальше, оправдываясь тѣмъ, что онъ ужъ это знаетъ.

Онъ ненавидѣлъ не только Козлова, но и всю его

партію и ненавидѣлъ ее тѣмъ сильнѣе, что раздѣляя въ значительной степени ея убѣжденія, онъ считалъ ограниченными и тупоумными людьми всѣхъ ея представителей.

Нина, ничего не знавшая объ этомъ, была далека отъ мысли, какія чувства пробуждала въ немъ встрѣча съ ея швейцарскими знакомыми.

— У насъ было условіе, сказала она, ни въ чемъ другъ друга не стѣснять.

Повторяя такимъ образомъ его же слова, она побивала его тѣмъ оружіемъ, которое онъ далъ ей самъ.

— Принимая ихъ въ моемъ домѣ, ты этимъ стѣсняешь меня.

— Я не могу, однако, принять ихъ на улицѣ. Ты это очень хорошо знаешь.

— Ты могла ихъ не приглашать.

— Да, но я ихъ уже пригласила.

— Ты можешь и теперь оставить имъ записку, что тебѣ необходимо уѣхать. И мы завтра же можемъ уѣхать отсюда.

— Я считаю это ни къ чему не нужнымъ. Къ тому же я все-таки не вижу, что ты можешь имѣть противъ нихъ. Что они тебѣ сдѣлали?

— Ничего ровно. Но я не выношу этихъ господъ, у которыхъ весь родъ человѣческій дѣлится на двѣ половины: мы и подлецы! По моему, это какіе-то дикіе люди. Впрочемъ, это даже не люди, а стѣны. Объ нихъ всякій доводъ разбивается. Наѣдутъ на какой-нибудь дикій софизмъ, въ родѣ того, что кромѣ нихъ всѣ подлецы, да и сидятъ на немъ, какъ на каменномъ фундаментѣ.

— Ты можешь, если хочешь, писать объ этомъ въ у пристани.

своей газетѣ, но я прошу тебя избавить меня отъ этихъ объясненій.

— Въ газетѣ я объ этомъ писать не буду, и ты знаешь очень хорошо почему. Я не считаю порядочнымъ нападать на людей, которые не могутъ защищаться. Меня могутъ обвинять въ чемъ угодно... нѣтъ такой гадости, которую бы про меня не сочинили... Но никто еще не сказалъ, что я нападалъ печатно на человѣка, который не могъ печатно отвѣчать мнѣ.

На этомъ разговоръ оборвался, и они молча дошли до гостиницы. На другой день, часу въ двѣнадцатомъ, Яковлевъ послалъ за каретой.

— Куда это? спросила Нина.

— На желѣзную дорогу.

— Развѣ ты ѣдешь куда-нибудь?

— Я думаю, что мы ѣдемъ оба.

— Ты знаешь очень хорошо, что я не могу уѣхать, что я жду этихъ господъ...

— Я тебѣ еще вчера сказалъ, что ты можешь оставить имъ записку.

— Ты думаешь? повторила она гнѣвно и сдѣлала знакъ лакею, выносившему вещи.—Оставьте здѣсь! Я остаюсь.

Онъ, въ свою очередь, сдѣлалъ знакъ лакею, который понялъ и тотчасъ же скрылся.

— Ты остаешься? повторилъ онъ тихо, наклоняясь къ ея лицу.—Хорошо!.. Но только навсегда...

Его взглядъ, мгновенно потемнѣвшій, этотъ тихій голосъ и вся его фигура, полная грозной рѣшимости, все это быстро, какъ во снѣ, промелькнуло передъ ней. Она видѣла его и не вѣрила своимъ глазамъ: это былъ

не онъ! не тотъ, кого она знала до сихъ поръ. И Яковлевъ, влюбленный, покорный, послушный звуку ея голоса, такой, какимъ онъ былъ еще мѣсяцъ тому назадъ, вспомнился ей такъ живо, что она съ понятнымъ чувствомъ негодованія отнеслась къ этому незнакомому, постороннему ей лицу.

— Навсегда!.. Вы этого хотите? Хорошо! повторила она твердо.—Оставьте мнѣ мой видъ и сколько-нибудь денегъ... Я вамъ вышлю ихъ потомъ.

— Все, что вамъ угодно, отвѣтилъ онъ холодно, ничѣмъ почти не выдавая себя, кромѣ легкаго дрожанія въ лѣвой щекѣ и, отойдя къ окну, вынулъ, не считая нѣсколько ассигнацій, вынулъ изъ дорожной сумки какую-то бумагу и, завернувъ въ нее деньги, подалъ ей. Она молча взяла. Рука ея задрожала, онъ это видѣлъ. Глаза ея, за минуту свѣтившіеся, подернулись вдругъ туманомъ. Она смотрѣла прямо въ его темные, отъ волненія страшно расширившіеся зрачки и не видѣла его. Казалось, что вотъ еще одна минута, и она бросится къ нему и будетъ просить его, чтобы онъ все забылъ. Онъ самъ такъ думалъ и, не сознавая этого, сдѣлалъ невольное движеніе къ ней.

— Вы опоздаете на поѣздъ! раздался вдругъ металлическимъ, неприятнымъ звукомъ ея голосъ.

И взглядъ ея жесткій, неузнаваемый, обращенный прямо на него, какъ ножомъ вошелъ въ его сердце, оставивъ въ немъ глубокую рану.

Онъ ни слова больше не сказалъ, позвалъ человѣка и велѣлъ ему взять свои вещи, обозначивъ точно, какія именно онъ долженъ оставить. Оба потеряли голову и не думали въ эту минуту о томъ, что его сюртуки

лежать вмѣстѣ съ ея юбками, и что въ чемоданчикѣ подъ литерой Н., „qui était à madame“, лежали его письма, папиросы, галстуки и разныя другія принадлежности его туалета.

— Прощайте! сказалъ онъ, принимая изъ рукъ лакея шляпу, которую тотъ заботливо обмахнулъ.—*Madame partira plus tard*, объяснилъ онъ, замѣтивъ его недоумѣніе и, не оглядываясь, вышелъ на лѣстницу.

Что такое они дѣлали? Оба ничего не понимали. Въ головѣ стоялъ какой-то хаосъ. Мысли громоздились одна на другую, мелькали отрывки какихъ-то воспоминаній, давно забытыя встрѣчи, слова, все, кромѣ яснаго представленія о томъ, что случилось съ ними теперь. Все это было такъ неправдоподобно, что скорѣй какъ-то думалось, что это глупая шутка, что кто-нибудь первый опомнится и скажетъ: довольно! Каждый думалъ, что это сдѣлаетъ другой, и что вотъ дверь откроется, онъ вернется или она, опомнившись, нагонитъ его. Но онъ не вернулся и она не двинулась съ мѣста, а, стоя у окна, безмысленно глядѣла на улицу. Станція была недалеко и черезъ площадь можно было видѣть ея шпицы и подѣзды.

— *C'est ici—madame Яковлевъ?* раздалось вдругъ за дверями на скверномъ французскомъ языкѣ. Она быстро обернулась. Это были ея гости. Зачѣмъ? что такое? думала она, съ трудомъ собирая мысли. Ахъ, да! Я ихъ звала, кажется. Это они.

Ей все вдругъ стало ясно и она, улыбаясь, сама не зная, для чего, пошла имъ на встрѣчу.

— Пожалуйста! выговорила она звучно и сама испугалась звука своего голоса.—Пожалуйста, садитесь!..

— Вы однѣ? спросили гости, оглядываясь.

— Да, я одна... Мужъ уѣхалъ.

Они поняли слово „уѣхалъ“ въ его обыкновенномъ значеніи, т. е. уѣхалъ куда-нибудь въ гости или, можетъ быть, за городъ, и заговорили съ ней о Россіи и о своихъ общихъ дѣлахъ. Она продолжала улыбаться, стараясь не о томъ, чтобы понять ихъ—этого она не могла—но о томъ, чтобы они не замѣтили, что она ихъ не понимаетъ, что ей до извѣстной степени и удалось. Удалось больше потому, что гости все говорили сами, надавали ей порученій, дали какое-то письмо, какую-то книжку и очень просили о чемъ-то не забыть.

— Что такое? сказалъ вдругъ одинъ изъ нихъ, вставая. — Куда это всѣ бѣгутъ? и подошелъ къ окну. — *Qu'est ce qu'il y a?* крикнулъ онъ, высовываясь и тотчасъ же, обернувшись, объяснилъ: кого-то раздавило поѣздомъ.

Книга, письмо, все, что было въ рукахъ у нея, въ одинъ мигъ очутилось на полу. Сама она не выбѣжала, а вылетѣла изъ комнаты, оставивъ своихъ гостей въ недоумѣніи, стремглавъ спустилась съ лѣстницы, и какъ вѣтеръ летѣла по улицѣ, забывая о томъ, что на ней нѣтъ шляпки, получая толчки, толкая другихъ сама, попала въ самую густую толпу народа у станціи, была ею затерта, смята и вынесена, наконецъ, на дебаркадеръ, гдѣ лицомъ къ лицу столкнулась съ своимъ мужемъ. Одна и та же мысль поразила ихъ обоихъ. Каждый думалъ, что погибъ другой, что минута отчаянія привела его къ самоубійству и съ ужасомъ на лицѣ бѣжалъ на мѣсто происшествія. Онъ былъ увѣренъ,

что найдетъ подъ поѣздомъ ее, она думала, что раздавленный — это онъ. И вотъ они стояли лицомъ къ лицу!..

И вдругъ имъ стало досадно на себя за свой глупый страхъ. Изъ чего было такъ бѣжать сломя голову! Откуда было вообразить, что другой такъ сейчасъ пойдетъ и кинется подъ поѣздъ! Но дѣлать было нечего... Разойтись нельзя! Толпа сжала ихъ со всѣхъ сторонъ и волей-неволей заставила идти рядомъ. Они двигались молча, не поднимая глазъ.

Такъ дошли они до того мѣста, гдѣ лежалъ несчастный рабочий, котораго переѣхало локомотивомъ. Видъ этого молодого, здороваго тѣла съ оторванными ногами, тѣла, еще дышавшаго и дѣлавшаго какія-то движенія, вырвалъ у всѣхъ одинъ стонъ ужаса. Одни попытились, другіе отвернулись, иные, напротивъ, напирали впередъ, чтобы посмотреть, какъ умираетъ человѣкъ. Откуда-то показались уже носилки...

Смерть примиряетъ все. Возвращаясь домой, мужъ и жена молчали. Но не чувство досады и мелкаго самолюбія заставляло ихъ молчать теперь. Грозный призракъ смерти пронесся передъ ними и воспоминаніе этого молодого, раздавленного тѣла, съ его предсмертными судорогами, этой отлетающей жизни, которая не могла оставить его сразу, заставляя его сжиматься въ конвульсивныхъ движеніяхъ, и наконецъ, мысль о томъ, что это что-то, недавно мыслившее, двигавшееся, вполне подобное имъ, теперь обратилось въ мертвый кусокъ мяса и завтра начнетъ разлагаться — все это до того вытѣснило всѣ другія, маленькія страданія, такъ недавно еще казавшіяся имъ колоссальными, что все слу-

чившееся съ ними отошло въ безконечную, темную даль. Сцена въ гостинницѣ поблѣднѣла передъ сценой на желѣзной дорогѣ.

Въ тотъ же день они уѣхали изъ города.

ХІІ.

Неожиданное появленіе Козлова удивило до крайности Яковлева. Человѣкъ, который позволилъ себѣ печатно и въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ нападать на него, приходилъ къ нему въ домъ запросто, вечеромъ, напиться чаю, совершенно такъ, какъ бы ничего и не было. Правда, что своимъ обращеніемъ и сухимъ поклономъ показывалъ, что онъ пришелъ не къ нему, но, по мнѣнію Яковлева, понимавшаго по своему чувство приличія, это было выходкой безтактной. Онъ былъ, впрочемъ, увѣренъ, что Козловъ пришелъ безъ вѣдома его жены, неожиданно для нея самой, а она, только чтобы не сдѣлать явной неловкости, приняла его. Но теперь она сама пришла къ нему гнѣвная, выговаривая ему за то, что онъ ушелъ, не простившись съ ея гостями.

Воспоминаніе о швейцарской исторіи сдѣлало ихъ съ нѣкоторыхъ поръ осторожнѣе. Они оба ломали себя, чтобы не дойти опять до той крайности, послѣ которой примиреніе сдѣлается невозможнымъ. Они не предлагали болѣе ультиматумовъ. Онъ не сказалъ ей, что не хочетъ видѣть Козлова у себя въ домѣ, а сказалъ только, что удивляется его визиту.

— Я не знаю, можетъ быть, литературные нравы

извѣстнаго кружка это допускаютъ, но я какъ-то не могу примириться съ мыслью, чтобы человѣкъ, который ругалъ меня вчера и будетъ ругать завтра, сегодня приходилъ и обѣдалъ, и пилъ чай со мною. Есть извѣстнаго сорта люди, которые самымъ невиннымъ образомъ обругаютъ васъ и потомъ, встрѣчась, удивляются, что вы имъ не кланяетесь. Есть такіе люди, я знаю... Но я до сихъ поръ былъ лучшаго мнѣнія о твоёмъ родственникѣ.

— Онъ пришелъ не къ тебѣ, сказала она отрывисто.

— Въ такомъ случаѣ, надо полагать, онъ хорошаго мнѣнія о тебѣ, если думаетъ, что можно не кланяться мужу и пить чай съ женой. Ты, конечно, свободна принимать кого тебѣ угодно... (Швейцарія! вспомнилъ онъ).—Но я надѣюсь, что ты избавишь меня отъ удовольствія встрѣчаться съ твоими друзьями.

— Я не знаю, что ты имѣешь противъ Козлова...

— Оставимъ это, прошу тебя! Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь второй часъ. Надо же и спать когда-нибудь.

— Мнѣ это особенно непріятно, продолжала она,—потому что это человѣкъ, котораго я знаю нѣсколько лѣтъ, за котораго я отвѣчаю какъ за себя. Повѣрь мнѣ, что лучше имѣть своими друзьями такихъ людей, какъ онъ, чѣмъ какихъ-нибудь Аристовыхъ. Всѣ эти господа хороши, пока ты имъ платишь хорошо. Я бы никогда не довѣряла людямъ, которыхъ можно купить.

— Я никому не довѣряю. Ты можешь быть спокойна.

— Это всегда такъ бываетъ, когда люди окружаютъ себя ничтожествомъ и потомъ видятъ, что они кругомъ обмануты и говорятъ: никому вѣрить нельзя!

— Никому! Это вѣрно. Я и тебѣ не вѣрю, ты, пожалуйста, не думай.

— О! я въ этомъ не сомнѣваюсь.

— Что говорить о ничтожествѣ! что я будто бы его ищу и нарочно окружаю имъ себя—это вздоръ! Это одна изъ тѣхъ басней, которыхъ про меня много ходитъ. Ты повторяешь ее съ чужихъ словъ. Я не ищу его, да и что его искать, когда отъ него уйдти некуда. Я думаю только одно, что ничтожество откровенное, которое не скрываетъ, что его можно купить и продать, лучше ничтожества надутаго, высокомернаго, которое думаетъ, что оно что-то такое! Я имѣлъ дѣло съ этими диктаторами, съ этими героями пуетоты. Довольно! Пусть обманываютъ кого хотятъ. Меня не обмануть. Я лучше возьму Дмитрія Левицкаго, который будетъ за окно бросать мои деньги и всѣхъ своихъ пріятелей возьметъ въ сотрудники по газетѣ, чѣмъ одного вашего Козлова, который напишетъ съ огромными претензіями статью и когда я ее не напечатаю, будетъ звонить во всѣ колокола и во всѣхъ газетахъ нападать на мои принципы. Принципы! Хороши принципы!

Нина широко раскрыла глаза и, отодвинувъ отъ себя свѣчу, прямо смотрѣла на него.

— И ты могъ думать, что Козловъ мститъ тебѣ за какую-то статью?

— Сдѣлайте одолженіе! Я этотъ народъ хорошо знаю! сказалъ онъ, видимо облегчивъ себя этимъ давно тяготившимъ его и, наконецъ, высказаннымъ подозрѣніемъ.

— Ты не только всѣхъ подозрѣваешь, но ты этимъ хвалишься. Ты съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ

говоришь объ этомъ. Ты мнѣ сейчасъ сказалъ, что ты и мнѣ не вѣришь.

— Зачѣмъ я тебя буду обманывать! Ты же не обманывала меня въ своихъ чувствахъ.

Она молчала. Ей было жаль его и не хотѣлось уходить, не сказавъ чего-нибудь на прощанье. Сознаніе своей правоты, которое въ другое время дѣлало ее особенно жесткой и неуступчивой, на этотъ разъ обратилось въ какое-то чувство жалости къ нему, кругомъ передъ ней виноватому.

— Ты самъ не дѣлаешь ничего, чтобы мои чувства къ тебѣ измѣнились.

Онъ засмѣялся непріятнымъ, рѣжущимъ ухо смѣхомъ.

— Вы что же, конфетку мнѣ общаете за мое послушаніе? Я уже вышелъ изъ тѣхъ лѣтъ, когда конфетки соблазняютъ. Вкусъ притупился. Старъ становлюсь.

— Прощай! сказала она и такъ быстро подняла свѣчу, что одна прядь волосъ на лбу у нея вспыхнула.

— Смотри! смотри! крикнулъ онъ испуганно.

Нервы у него были такъ напряжены во время этого разговора, который онъ велъ повидимому спокойно, что видъ огня въ ея волосахъ испугалъ его, какъ ребенка. Онъ вскочилъ и полными ужаса глазами смотрѣлъ на нее.

— Что съ тобой? спросила она, проводя рукой по волосамъ.

Пламя лизнуло ихъ и, слегка потрещавъ, обратило въ пепелъ.

Она знала у него эти приступы внезапнаго безпричиннаго ужаса, и боялась ихъ сама. Страхъ заразите-

ленъ. Когда она видѣла его искаженное лицо, она чувствовала, какъ у нея холодѣютъ руки.

Но онъ скоро пришелъ въ себя.

— Будь, пожалуйста, осторожнѣй! сказалъ онъ съ досадой.—Нельзя же такъ.

„А вѣдь онъ меня не любитъ!“ подумала она, глядя на его злое, недовольное лицо. Она совсѣмъ уже ушла (она спала пока въ гостиной на диванѣ), когда вдругъ, какъ бы что-то вспомнивъ, остановилась.

— Ты не сердись на меня? спросила она ласково.

Онъ не сразу ей отвѣтилъ.

— Нѣтъ! сказалъ онъ съ усиліемъ.

— Дай же мнѣ руку на прощанье!

Она нарочно стояла, не двигаясь, чтобы онъ подошелъ къ ней самъ. Онъ подошелъ, но на его лицѣ не было особеннаго восторга.

— Прощай! проговорилъ онъ, слабо пожимая ея руку.

— Ты не сердись на меня?

— Нѣтъ. Я не хорошо себя чувствую.

— Хочешь, чтобы я осталась здѣсь?

— Нѣтъ. Иди себѣ... Здѣсь негдѣ, неудобно.

— Я постелю себѣ на диванѣ.

— Опять возня! Нѣтъ. Иди, пожалуйста. Поздно ужъ.

„Онъ не любитъ меня!“ повторила она, съ стѣсненнымъ сердцемъ выходя отъ него.

Она долго, не раздѣваясь, ходила по темной гостиной, раздумывая о томъ, что она сдѣлала, и какая несчастная звѣзда свела ее съ этимъ человѣкомъ.

ХІІІ.

„Ради Бога приходите скорѣй! писала Лиза Козлову своимъ нетвердымъ, почти дѣтскимъ почеркомъ.—Отцу очень дурно. Не знаю что дѣлать“...

Письмо это не застало Козлова, который былъ на службѣ. Онъ получилъ его только вечеромъ, часу въ девятомъ и тотчасъ же отправился къ Огневымъ.

Сквозь ставни маленькаго деревяннаго домика (они жили на Выборгской) виднѣлся свѣтъ, прорѣзавшійся въ щели. Разбухшая дверь, которую нужно было предвзрительно разъ пять рвануть и тогда ужъ съ опасностью для жизни отворить, долго не подавалась и вдругъ съ громомъ распахнулась. Испуганная Лиза выбѣжала въ сѣни и молча замахала руками, приглашая не шумѣть. Въ передней на окнѣ горѣлъ огарокъ, освѣщая черезъ мутное стекло сѣни съ кадками, корытами и сложенными въ углу дровами.

— Что у васъ тутъ? спросилъ Козловъ, нагибаясь.

— Теперь слава Богу... Ему лучше.

— Да что такое случилось?

— Ахъ, ужъ я и не знаю. Онъ давеча пришелъ совсѣмъ, безъ языка. Хотѣть что-то сказать и не можетъ. Я такъ испугалась! Поскорѣй за докторомъ послала.

Все это она шепотомъ, торопливо говорила, стоя въ дверяхъ и загоразивая ему дорогу.

— Ну, что же докторъ? спросилъ онъ, снимая съ себя пальто.

— Да ничего. Лекарство прописалъ и ушелъ.

— Да, онъ ходилъ куда-нибудь?

— Въ первомъ часу ушелъ.

— Не знаете куда?

— Богъ его знаетъ. Онъ мнѣ развѣ говоритъ. Ну, пойдѣте къ нему. А то онъ замѣтитъ, что отъ него ушли. Онъ не любитъ, когда уходятъ. Давайте шапку-то, я ее вотъ на столъ положу, а то опять искать будете, говорила она, даже въ эту минуту не забывая, что надо держать вещи въ порядкѣ.

— Да, вотъ еще что! остановилась она вдругъ. — Я давеча за Ниной хотѣла послать—не позволилъ; закричалъ на меня: „Не нужно мнѣ никого! Черти! дьяволы! вы это на зло мнѣ дѣлаете!“ И вы, смотрите, не говорите, что я вамъ писала. А то онъ опять разсердится.

— Вы, главное, не волнуйтесь. Волноваться нечего. Хуже бываетъ.

— Что хуже-то! ужъ не знаю, что еще хуже! зарыдала вдругъ Лиза, растроганная этимъ словомъ. Сдерживаемыя продолженіе цѣлаго дня слезы вдругъ хлынули горячимъ потокомъ.

— Платокъ не прикажете ли?

Лиза вспомнила, что забыла платокъ у отца, схватила торопливо тотъ, который онъ ей предлагалъ, замѣтила, что онъ бумажный, по непріятному ощущенію на лицѣ, вмигъ осушила слезы и съ притворно спокойнымъ выраженіемъ отворила дверь къ отцу.

Старикъ сидѣлъ въ большомъ кожанномъ креслѣ, задомъ къ свѣту, который горѣлъ на книжномъ шкафу, гдѣ поставлена была лампа съ зеленымъ бумажнымъ абажуромъ. Когда они вошли, онъ дрожащими пальцами

зажигалъ спичку, чтобы закурить папиросу. Спичка прыгала у него въ рукахъ и не загоралась. Онъ обернулъ къ нимъ свое безсильное старческое лицо и свою голову, завязанную мокрымъ полотенцемъ. При видѣ Козлова, онъ какъ-то жалко улыбнулся.

— Вотъ... плохо... Старъ станю...

Онъ поперхнулся и выронилъ изо-рта недокуренную папиросу. Папироса покатила, онъ хотѣлъ ее поймать и неслушавшейся рукой опрокинулъ рюмку съ каплями, стоявшую сбоку на маленькомъ столикѣ. Вода съ лекарствомъ пролилась и потекла ему по колѣнямъ.

— Вотъ... не могу... папиросы не могу... Все на зло мнѣ. Вотъ етоль на зло поставили. Прямо подъ руку. Нарочно поставили, я знаю. Это все она вотъ!

Онъ злыми глазами показалъ на Лизу.

— Позвольте, я отставлю! подошла она.

— Отставлю! передразнилъ онъ. — Знаю я, какъ вы отставите. Новую пакость сдѣлаете.

— Пойдите! я вамъ это лучше сдѣлаю, сказалъ Козловъ рѣшительно и, не дожидаясь его согласія, взялъ какъ перышко столъ и отнесъ его въ сторону; потомъ тѣмъ же платкомъ, которымъ Лиза вытирала себѣ слезы, вытеръ ему воду съ колѣнъ. Старикъ смотрѣлъ на все это съ наивнымъ, дѣтскимъ любопытствомъ.

— Ну, вотъ спасибо! говорилъ онъ съ чувствомъ. — Спасибо! Вотъ успокоили меня старика. А то она... (Глаза его изъ жалобныхъ сдѣлались опять злыми). Она ничего не умѣетъ. Отставлю, говоритъ. Поставить нарочно: на вотъ, толкай, подавись! А потомъ: я отставлю! (Онъ передразнилъ ее, стараясь придать своему лицу то выраженіе, которое, по его мнѣнію, было у нея). Да-

веча доктора мнѣ привела. Для васъ, говоритъ, папаша! Жирный такой! рожа такъ и блеститъ. Знаю я, для меня... Не могла лучше найти! Съ улицы взяла... Подешевле бы только. Экономія одолѣла, жадность, скаредность!.. Рубль за визитъ жалко дать. Для отца жалко... Отецъ околѣвай!.. Туда ему и дорога.

Лиза молча съ застилавшими ей глаза слезами слушала его. Жалкій видъ отца и еще болѣе его жесткія слова убивали ее. Когда онъ хотѣлъ уязвить ее, онъ всегда упрекалъ ее въ жадности. А она, чтобы заплатить доктору за визитъ, заняла два рубля у сосѣдей.

Лиза не выдержала и ушла за дверь, чтобы тамъ вволю наплакаться.

Козловъ сталъ было ходить по комнатѣ, но, увидѣвъ, что болѣе трехъ шаговъ ни въ какую сторону сдѣлать нельзя, оставилъ это намѣреніе.

— А я пришелъ, думалъ чайку съ вами напиться.

— Я самъ думалъ, да что-жъ... Не дають. Скажите вонъ маркиграфинѣ-то! Она мнѣ не даетъ. Вотъ развѣ съ вами только... Вотъ не знаю, будетъ ли милость.

— Я сейчасъ скажу.

Козловъ вышелъ въ другую комнату и нашелъ тамъ прижавшуюся къ стѣнѣ и рыдающую Лизу.

— Я думалъ, Богъ знаетъ что, сказалъ онъ равнодушно. — Ничего такого нѣтъ. Онъ завтра же будетъ здоровъ.

— Я хочу Нинѣ написать, всхлипывала Лиза. — Вы сами видите... Какъ я съ нимъ ночью одна останусь? Онъ меня видѣть не можетъ.

— Полноте! Ночью онъ будетъ спать.

— Потомъ я не знаю... (Она запнулась). У меня де-

негъ ни кофѣйки нѣтъ. Заложить бы что-нибудь... Да какъ отъ него уйдешь.

Козловъ молча вынулъ бумажникъ, въ которомъ оказалось нѣсколько ассигнацій, какая-то записка, вырѣзка изъ газетъ и квитанція съ телеграфа. Онъ осторожно отдѣлилъ ассигнаціи и отдалъ ихъ Лизѣ. Козловъ былъ расчетливъ и Лиза вмѣстѣ со всѣми родными считала его скупымъ. Ей тяжело было брать отъ него эту подачку, но дѣлать было нечего.

Она пошла распорядиться насчетъ чаю, онъ вернулся къ больному.

— Плохо мнѣ давеча было, жаловался старикъ.— Ахъ, какъ плохо! Да хоть бы умереть, что ли. А-то всѣмъ въ тягость. Вонъ та маркграфиня-то! все гости, все гулянье на умѣ. Вильнетъ хвостомъ... „Я сейчасъ“... Какой сейчасъ! Вонъ... и рукавъ распоролся. Вонъ дыра какая! И подкладка-то продралась. (Онъ вытащилъ подкладку, самъ раздирая чуть-чуть надорванный по шву рукавъ). Иголки въ руки не возьметъ, чтобы отцу дыру зашить. Сама въ шелку ходитъ, модница! а отецъ нищій, отецъ рваный! Что жъ... Умирать пора... Довольно покопѣлъ. Покормилъ дѣтокъ!.. Дѣтки кормить не будутъ.

Глаза у него вдругъ остановились, и жилы на лбу напряглись, наливаясь кровью.

— А что я хочу васъ попросить...

Онъ протянулъ къ столу дрожащую руку и, не падая ключемъ въ замокъ, пытался отпереть его.—А, чортъ! хрипѣлъ онъ.—Все на зло... Вотъ и ключъ не тотъ... Все эта модница! Шляется тутъ. Ключи мнѣ перепутала. Я, папаша, для васъ... я...

Ключъ вошелъ, и онъ замолчалъ. Съ большимъ уси-
лемъ, что было видно по внезапно приливавшей къ
лицу крови, онъ открылъ ящикъ и сталъ въ немъ па-
рить своими костлявыми пальцами. Вмѣстѣ съ кипами
мелко исписанныхъ бумагъ лежали тамъ разныя палоч-
ки, сургучи, ножички, двѣ сигары, очевидно хранив-
шіяся давно, съ какого-нибудь юбилейнаго обѣда, очки
съ разбитымъ стекломъ и даже толстая иголка, что-то
въ родѣ сапожнаго шила съ катушкой синей бумаги
для шиванія тетрадей. Старикъ былъ скупъ на себя
и всѣ свои вещи берегъ, какъ зеницу ока. Особенно
скупъ онъ былъ на спички и на бумагу. Бумагу онъ
запиралъ, а коробочки со спичками всегда носилъ въ
карманахъ. Отдавая Лизѣ почти всѣ свои деньги, и
никогда не спрашивая съ нея отчета, онъ постоянно
подозрѣвалъ ее въ томъ, что она крадетъ у него
карандаши и спички.

— А что я хочу васъ попросить,—говорилъ онъ,
торопливо задвигая ящикъ, чтобы Козловъ, увидавъ,
какія въ немъ сокровища, чѣмъ-нибудь не прельстил-
ся.—Я вотъ тутъ кой-что написалъ. Нельзя ли это
какъ-нибудь въ журналъ, что-ли... Вы тамъ сами ужъ...
Не люблю я къ нимъ ходить. Отсталъ какъ-то... А
вещь-то того... не дурная. По источникамъ. Я вотъ
вамъ источники покажу...

Онъ держалъ въ дрожащихъ рукахъ мелко исписан-
ную тетрадь и, какъ-то жалко улыбаясь, перелисты-
валъ ее.

— Право, того... я бы васъ попросилъ. Вы бы съ
своей стороны хоть бы такъ, съ карандашикомъ что-ли
прошлись. Вещь-то стоитъ!

Козловъ былъ далекъ отъ мысли, какихъ огромныхъ трудовъ она стоила старику. Онъ всю ночь накануне что-то писалъ, ходилъ по комнатѣ, рылся въ книгахъ и опять писалъ, напрягая мысли, сдвигая косматые брови. Губы его по временамъ шевелились. Досталъ изъ шкафа какой-то словарь, порылся въ немъ, съ трудомъ разбирая мелкую печать, водилъ пальцемъ по строкамъ, подносилъ къ нимъ свѣчку... На его старческомъ лицѣ выражалось глубокое напряженіе. Глаза слезились. Мелкая печать уходила въ какую-то тусклую мглу, точно покрываясь кисей. Къ утру у него провалились щеки, глаза смотрѣли мрачно. Но самый огонь, горѣвшій въ нихъ, былъ уже не огнемъ силы и молодости, а тѣмъ зловѣщимъ отблескомъ угасающаго пламени, которое вспыхиваетъ послѣдній разъ, чтобы угаснуть навсегда.

Когда-то дѣйствительно въ этой душѣ горѣло яркое пламя, пламя надеждъ, самолюбія, гордости... Но года шли, и какъ пепломъ засыпали согрѣвающій огонь молодости. Надежды слабѣли, умирали, ненависть росла, отчаяніе тоже. Старикъ былъ упрямъ, былъ даже отъ природы самодуръ и только нужда ломала подчасъ его угрюмую волю. Происхожденія онъ былъ не знатнаго и всю дорогу пробивалъ себѣ лбомъ.

— Николай Платонычъ! выглянула Лиза.—Подите сюда на минутку.

— Что тамъ еще? закричалъ отецъ.—Опять за дверями шептаться! я говорилъ, чтобъ не смѣть шептаться. Сама не можешь придти!?

Лиза за дверями молчала.

— Сама, говорю, не можешь придти! затопалъ вдругъ старикъ и весь даже побагровѣлъ.

Лиза испуганно вошла. Перебѣгая глазами съ отца на свои руки, она видимо собиралась съ духомъ, чтобы заговорить.

— Тамъ Нина пришла, вымолвила она чуть слышно.

Отецъ молча вращалъ глазами. Казалось, что даръ слова у него опять внезапно отнялся. Онъ шевелилъ губами и грозно, но безмолвно смотрѣлъ въ пространство.

— Не надо! прошепталъ онъ, наконецъ.—Скажите: не надо! Пускай назадъ идетъ. Къ нему пускай идетъ...

Но Лиза испортила все дѣло.

— Она очень хочетъ васъ видѣть, папаша. Она меня...

Отецъ опять молча, бессмысленно глядѣлъ на нее.

— А! А ты, какъ смѣла ей писать! крикнулъ онъ вдругъ.—Я тебѣ что сказалъ? А!

— Я, папаша...

— Вонъ съ моихъ глазъ! вскочилъ онъ вдругъ и со всего размаху ударилъ кулакомъ по столу, на которомъ зазвенѣло стекло и, разрѣзавши ему руку, мелкими осколками разсыпалось по полу.—Вонъ сейчасъ! кричалъ онъ, размахивая окровавленной рукой, съ которой струей бѣжала кровь, заливая столъ, и сочилась подъ рукавомъ. Онъ хрипѣлъ и, захлебываясь отъ гнѣва, закашлялъ, сталъ давиться и, не переводя духу, долго не могъ одолѣть тотъ припадокъ старческаго, удушливаго кашля, который грозилъ каждую минуту кончиться параличемъ. Лиза окаменѣла.

На этотъ звукъ страшнаго, параличнаго капля, вошла Нина и, блѣдная, съ неподвижными глазами, стояла въ дверяхъ. Козловъ молча, изъ-за спины старика, сдѣлалъ ей знакъ, чтобъ уходила. Она встрѣтила его короткій, повелительный взглядъ и, послѣ минутнаго колебанія, вышла.

XIV.

Черезъ часъ старикъ съ завязаной рукой и головой лежалъ въ постели и съ едва замѣтнымъ, какъ бы угасающимъ—дыханіемъ, тихо спалъ. Въ головахъ у него горѣла поставленная на блюдечко лампада. Длинные полосатые тѣни, колыхаясь отъ слегка дрожавшаго огня лампадки, двигались по полу, по стѣнамъ и разстилались на потолокъ широкимъ чернымъ пологомъ. За высокою спинкой кровати не видно было лица больного. Видна была только его сухая, желтая какъ воскъ рука, лежавшая поверхъ ватнаго одѣяла. На столикъ, немного отставленномъ, чтобъ онъ не могъ его ночью опрокинуть, лежали его раскрытые часы, необычайно громко, какъ казалось среди этой тишины; стучавшіе, и забытые Лизой ключи.

Тутъ же, прислушиваясь къ его дыханію, и время отъ времени наклоняясь къ нему, стояла его младшая дочь. Блѣдный свѣтъ лампадки падалъ на ея крупный профиль, на открытый лобъ съ зачесанными назадъ и закрученными надъ головой волосами, прикрытыми доскутомъ чернаго тюля, на длинные, вздрагивавшія рѣсницы и глаза, казавшіеся особенно большими отъ на-

давшей ли на нихъ тѣни или отъ-того, что она послѣднее время значительно похудѣла. Полнота ея плечъ и рукъ, ея крѣпкая, молодая грудь, краски на щекахъ, все какъ будто таяло отъ какого-то невидимаго душевнаго горя. Двѣ острые складки около рта придавали ея лицу какое-то нервное, раздражительное выраженіе. Въ нѣсколько мѣсяцевъ она постарѣла и подурнѣла. Въ ней вдругъ стало выступать незамѣтное прежде сходство съ сестрой. Все, что она подавила въ себѣ, считая скрытымъ ото всѣхъ, положило свою печать на ея лицо. Оскорбленное самолюбіе, униженіе, обманутыя надежды, неудовлетворенная жажда любви, жажда счастья, вѣчно грызущая тоска и неумолкающая, мелкая, оскорбительная борьба съ тѣмъ, кого она считала своимъ рабомъ—все это, какъ въ зеркалѣ, отразилось въ ея чертахъ. Всѣ ея усилія скрыть свое горе отъ другихъ были предательски уничтожены двумя-тремя складками на лицѣ и потухшимъ блескомъ глазъ.

Она перестала послѣднее время бывать у родныхъ. Ея семейное положеніе дошло до того фазиса, въ которомъ его не охотно показываютъ другимъ.

Борьба не укрѣпила, а утомила, сломала ее. Все ея самолюбіе состояло теперь въ томъ, чтобъ скрыть свое положеніе отъ другихъ и казаться счастливой, спокойной, ни въ комъ и ни въ чемъ ненуждающейся. Даже передъ отцомъ она разыгрывала эту комедію счастливой жены, но старикъ не давался въ обманъ. Веселый видъ его дочери съ потухающими глазами и съ нервнымъ подергиваньемъ въ лицѣ ни мало не казался ему веселымъ.

Съ однимъ только Козловымъ она чувствовала себя

какъ будто свободнѣе, и то не тогда, когда онъ бывалъ у нихъ, а когда она сама приходила къ нему. Козловъ жилъ послѣднее время съ какимъ-то химикомъ, совершенно глупымъ человѣкомъ, когда дѣло не касалось его специальности и замѣчательно добросовѣстнымъ ученымъ, извѣстнымъ своими сложными и требовавшими огромнаго терпѣнія опытами.

Нина познакомилась съ нимъ въ одно изъ своихъ посѣщеній, проговорила цѣлый вечеръ, посмотрѣла, какъ онъ, среди смрада и копоти, повторилъ свой послѣдній, особенно удавшійся опытъ, сама помогла ему, съ засученными по локоть рукавами, истолочь какой-то сѣрый, невыносимо вонючій порошокъ, и, опьяненный восторгомъ, съ какимъ онъ говорилъ о задачахъ своей науки, о тѣхъ великихъ открытіяхъ, которыя ждутъ своего Колумба, и похвалами, которыя онъ расточалъ ей собственной ловкости и удивительному умѣнию, съ какимъ она истолкла сѣрый порошокъ, что общало изъ нея со временемъ замѣчательнаго химика, вышла, какъ въ чаду, чувствуя, что хмѣль науки забираетъ и ее. Съ этихъ поръ она пристрастилась къ химіи и все чаще стала бывать у Козлова.

Причину этихъ частыхъ посѣщеній она скрывала отъ мужа, который зналъ только, что она продолжаетъ бывать у Козлова. Онъ смотрѣлъ на это, какъ на вызовъ себѣ, и сталъ приближать къ себѣ Вѣру Бибикову. Наставать на томъ, чтобы жена разошлась съ Козловымъ, онъ не хотѣлъ. Это дало бы ей поводъ обвинять его въ деспотизмъ, а съ такимъ оружіемъ, онъ зналъ, самая слабая женщина можетъ сокрушить самаго крѣпкаго мужчину. А между тѣмъ Козловъ былъ для него

такой же антипатіей, какъ для нея Вѣра или Аристовъ. Пока эти люди стояли между ними, ихъ семейное спокойствіе не могло быть упроченнымъ. По взаимному договору, не разъ уже, впрочемъ, нарушенному (такова участь всѣхъ договоровъ!), они обеспечивали другъ другу полную свободу дѣйствій. Ни одинъ не могъ вторгаться въ личныя права другого. Съ нѣкоторыхъ поръ, они, поэтому, скрѣпя сердце, молчали. Онъ избѣгалъ говорить ей о Козловѣ, она дѣлала видъ, что не замѣчаетъ присутствія Вѣры. Отъ этого создались какія-то невозможныя отношенія: мужъ и жена не говорили именно о томъ, о чемъ больше всего хотѣлось говорить. И каждый въ то же время думалъ о другомъ: еслибъ онъ хоть сколько нибудь дорожилъ мной, онъ сдѣлалъ бы мнѣ эту уступку. И въ этомъ молчаливомъ ожиданіи уступокъ проходили дни за днями. Отъ обманутыхъ ожиданій являлось озлобленіе.

Когда она вышла изъ спальни отца и молча сѣла за столъ, за которымъ, тихо разговаривая, сидѣли Лиза и Козловъ, у ней было то сухое, нѣсколько даже надменное выраженіе, которое сдѣлалось ей обычнымъ въ послѣднее время.

— Ну, что? спросила Лиза, оборачиваясь.

— Ничего, онъ спитъ.

Съ какимъ-то тупымъ ощущеніемъ боли припоминала она двѣ послѣднія сцены этого дня: отца съ окровавленной рукой, съ искаженнымъ лицомъ, выгонявшего ни въ чемъ неповинную Лизу, и мужа, коротко и сухо сообщившаго ей за обѣдомъ, что отецъ наговорилъ ему

дерзостей, чуть не бросилъ ему въ лицо свою статью и ушелъ взбѣшенный, обругавши всѣхъ сотрудниковъ.

Все дѣло вышло изъ-за ненапечатанной статьи. Старикъ Огневъ нѣсколько разъ сряду приносилъ разныя замѣтки, которыя помѣщали неохотно, съ большими сокращеніями; старикъ былъ самолюбивъ, сердился, спорилъ изъ-за каждой запятой, о сотрудникахъ говорилъ въ третьемъ лицѣ, не иначе, какъ:

— Наши маленькіе Боклики, Лассалики, Дарвиники, которые пишутъ статьи въ журналахъ по рублю за возъ...

Съ каждымъ разомъ онъ становился невыносимѣе. Выведенный, наконецъ, изъ терпѣнія, Аристовъ вернулъ ему рукопись и сказалъ, что онъ совсѣмъ не можетъ ее напечатать. Слово за слово дѣло дошло до крупнаго объясненія. На эту сцену пришелъ Яковлевъ.

Старикъ Огневъ былъ ему уже давно ненавистенъ своимъ педантизмомъ, своей ограниченностью, заносчивостью и своей ученостью, которая совершенно механически загромождала ему голову, какъ загромождастъ комнату разнокалиберная мебель. Обидчивъ онъ былъ ужасно, но въ то же время и цѣпокъ необыкновенно. Нужда ли его сдѣлала такимъ, или просто незнаніе жизни, но онъ способенъ былъ по десяти разъ на дню приходить, чтобы говорить все объ одномъ и томъ же. Намековъ онъ не понималъ. Выжить его было не легко.

Яковлевъ обрадовался этой сценѣ, какъ единственному случаю высказать ему, что онъ ему, какъ сотрудникъ, совсѣмъ не нуженъ, но онъ, впрочемъ, готовъ помогать ему деньгами. Старикъ ошолбенѣлъ. Его тупость къ по-

ниманію нѣкоторыхъ житейскихъ вопросовъ должна была на этотъ разъ отступить передъ очевидностью. Это не былъ уже намекъ. Ему говорили прямо, что онъ можетъ взять милостыню и убираться.

Онъ вышелъ изъ редакціи, какъ пьяный, шатаясь, и ничего не помнилъ, кромѣ того, что онъ больше туда не пойдетъ, и что теперь идти ему некуда, потому что всѣ дороги для него закрыты, всѣ мѣста заняты молодежью, что каждый годъ вводитъ на литературный рынокъ новыя толпы молодыхъ силъ, а онъ старъ, разбитъ, потерялъ зрѣніе, память, слогъ у него тяжелый, работаетъ онъ медленно, мучительно, иногда до боли въ головѣ, до оступѣнія, а время не ждетъ, и вѣсть надѣ...

И въ молодости были бури, за то впереди было ясно; а теперь бури жизни неслись своимъ чередомъ, но впереди было уже темно.

XV.

— А что, поди-ка, теперь времени много! сказалъ вдругъ Козловъ, складывая газету, которую читалъ, пользуясь общимъ молчаніемъ, и которую принесъ съ собой въ карманъ.—Часъ первый есть?

Нина подняла голову. Она уже нѣсколько минутъ искала случая заговорить съ нимъ. Равнодушное молчаніе, которымъ онъ встрѣтилъ ее, и стѣсненное, неестественное выраженіе сестры начинало беспокоить ее. Она видѣла, что ее встрѣтили тутъ, какъ врага, что поступокъ ея мужа тутъ заранѣе осужденъ и что даже эта кроткая и безотвѣтная Лиза—и та позволяетъ себѣ

какой-то безмолвный протестъ. Извѣстно, что ничто такъ не раздражаетъ, какъ неожиданный отпоръ со стороны безсловеснаго существа. Козловъ могъ еще относиться къ ней неодобрительно — онъ былъ самостоятеленъ и имѣлъ свое мнѣніе. Но Лиза, ничтожная Лиза, какъ могла она судить ее своимъ крошечнымъ умишкомъ и бросать на нее полные укора взгляды!

— Что это, у тебя глаза болятъ? спросила она сухо, взглянувъ на синія очки, которыхъ Лиза прежде не носила и которыя тоже какъ будто были надѣты для того, чтобъ показать ея самостоятельность.

— Да, я по вечерамъ плохо что-то видѣть стала. Отъ лампы глазамъ больно. Вотъ чернаго при огнѣ совсѣмъ шить не могу. Намедни Николай просилъ галстухъ ему зашить, такъ и бросила, не могла.

— Ахъ, кстати, гдѣ онъ?

— Не знаю. Ужъ я рада, когда его дома нѣтъ. По крайней мѣрѣ, не мѣшаетъ. Да и съ отцомъ они все не ладятъ. (Она вздохнула). Я давеча, когда онъ пришелъ, такъ и думала, что его опять Николай чѣмъ-нибудь разсердилъ.

— Просто онъ больной человѣкъ, сказала Нина. — Его давно надо было лечить.

— Нѣтъ, Нина, конечно, мнѣ объ этомъ не нужно бы тебѣ говорить, а только на душѣ Алексѣя большой грѣхъ... Не слѣдовало ему такъ поступать... Богъ съ нимъ. Онъ, конечно, думаетъ, что онъ правъ. А только, сохрани Богъ (она показала глазами на спальную), случится съ нимъ что-нибудь — на его душѣ будетъ этотъ грѣхъ.

Нина чувствовала, что сестра права; она сама передъ

этимъ говорила себѣ то же. Но почему-то это самое, эти слова, выразившія ея же собственную мысль, вооружили ее противъ сестры. Она вдругъ стала оправдывать мужа, котораго въ душѣ считала виноватымъ, и стала доказывать, что онъ не могъ иначе поступить.

Лиза молчала, видимо не соглашаясь, но ей это было все равно, она это говорила не для нея, а для Козлова, который сидѣлъ тоже молча и разглаживалъ рукой сложенную газету.

— Это легко судить людей, говорила она, стараясь не глядѣть на него и въ то же время чувствуя на себѣ его взглядъ. — Надо знать, какъ бы мы сами поступили на ихъ мѣстѣ.

— Лизавета Алексѣевна неправильно судить, произнесъ Козловъ. — Она не знаетъ, на чемъ свѣтъ держится. Пожилъ человѣкъ — ну, и довольно! сходи со сцены. Давай другимъ дорогу.

— Какъ же? вступилась Лиза: — чѣмъ же жить?

— Да намъ-то какое дѣло! Въ богадѣльню ступай! Богадѣльни есть. Вонъ литературный фондъ есть. Рублей сто дадутъ, а при счастья и всѣ двѣсти.

— На всю жизнь?!

— А вамъ бы какъ хотѣлось? Каждый мѣсяцъ? Да вы знаете ли, что такое двѣсти рублей? На двѣсти рублей мужикъ всю жизнь сытъ будетъ.

— Да, только не здѣсь въ Петербургѣ.

— А какой чортъ ему велитъ въ Петербургъ ѣхать? Мѣста что ли нѣтъ въ Россіи! Только развѣ и свѣту, что въ нашемъ Петербургѣ, гдѣ аршинъ земли стоитъ сто цѣлковыхъ, а рубль и 30-ти копѣекъ не стоитъ.

Вы вотъ за эту вашу конуру что платите? За эти деньги въ другомъ мѣстѣ цѣлый домъ бы имѣли.

— Такъ вѣдь что-жъ дѣлать?

— Я вамъ давно говорилъ, что дѣлать. Вонъ отсюда уѣзжать, вотъ что!

— Все равно, сказала Лиза уныло. — И тамъ будетъ то же.

— Не все равно, потому что, во первыхъ, тамъ жить дешевле; а во вторыхъ... вы здѣсь что дѣлаете? французскія книжки сочиняете, которыхъ никто не читаетъ? галстуки своему братцу шьете, ноты ему переписываете?

— Что-жъ, я не виновата, что я такая неспособная.

— Не въ томъ дѣло. Никто не говоритъ, что вы виноваты. Я вотъ неспособенъ балетъ танцовать, такъ я и не пойду; что объ этомъ толковать. А вы именно то и дѣлаете, къ чему вы неспособны. Ну, на кой вамъ чортъ французскія грамматики писать и кому онѣ, съ позволенія сказать, нужны?

— Да что-жъ, наконецъ, ей дѣлать? вступилась Нина.

— Что дѣлать? Коровъ доить, картофель сажать...

— Вы смѣетесь?

— И не думаю. Что тутъ смѣшного. Вамъ не смѣшно картофель ѣсть? а сажать смѣшно. Чѣмъ это не благородно? Книжки писать благороднѣе?

Нина усмѣхнулась и ничего на это не сказала.

— Вы себя къ чему же считаете способнымъ? спросила она черезъ минуту.

— Землю пахать-съ.

— Однако не пашете?

— Буду пахать. Вотъ денегъ накоплю, куплю землю и буду пахать.

— Да вѣдь вы образованіе получили, возразила она, пожимая плечами. — Оно чего-нибудь да стоило. Это все равно, по моему, какъ... (она затруднилась выраженіемъ) какъ еслибы общество потратило нѣсколько тысячъ на мое музыкальное образованіе, а я вдругъ пошла бы въ телеграфистки. Для чего же тогда было деньги тратить? А если онѣ ужъ разъ потрачены, такъ надо вернуть свой долгъ обществу.

— Какому это обществу? Тому, которое собираетъ налоги?

— Нѣтъ, тому, которое ихъ платитъ, отвѣчала она съ досадой.

— Что вы? Какъ же это я имъ буду свой музыкальный долгъ платить? Концерты что ли мужикамъ давать?

— Я это только для примѣра сказала „музыкальный“. Я разумѣю вообще образованіе.

— Ну, а если я музыкантъ? Вотъ вы меня и научите, какъ это я заплачу свой долгъ платящимъ налоги!..

— Если они платили за ваше образованіе... начала она.

— Платить-то они платили, только знали ли за что? Вотъ въ чемъ вопросъ.

— Надо было объ этомъ раньше думать. Теперь, когда долгъ сдѣланъ, поздно разбирать, зачѣмъ и по-чему. Надо его платить.

— Кому? Если я занялъ у васъ, а отдамъ сосѣду, вы что на это скажете?

— Зачѣмъ вы такъ узко смотрите на вещи. Вы за мою услугу заплатили сосѣду... да я ему, можетъ быть, сама должна была? Уплачивая ему, вы платите мнѣ. Это простой переводъ долга.

Она стала развивать эту мысль дальше, опуская на одну чашку вѣсовъ услуги народа образованному обществу, а на другую — заслуги образованнаго общества передъ народомъ, причемъ не были забыты ни телеграфы, ни желѣзныя дороги.

— Странная вещь, перебилъ Козловъ: — какъ много мы всего выдумали, а народъ, какъ жилъ тысячу лѣтъ тому назадъ, такъ и теперь живетъ. Денешъ онъ по телеграфу не посылаетъ, по желѣзнымъ дорогамъ, положимъ, ѣздитъ, да какъ? платитъ втридорога за то, что его везутъ по той дорогѣ, которую онъ самъ же строилъ; корабли по морю плаваютъ не для него, ему нѣтъ апельсиновъ, ни бархату изъ-за границы не везутъ... Что же для него-то, наконецъ? Что ему изъ того, что вы тамъ кислородъ добываете, и законы пишете? Что вы ему дали съ вашей наукой? Соху деревянную что ли? Ею при Рюрикѣ пахали. А ваши театры, академіи, консерваторіи, даже ваши университеты, извините меня, я самъ тамъ былъ — вещь хорошая, не спорю, только для кого?.. И пирожное хорошо, да чортъ ли въ немъ, когда хлѣба нѣтъ!

— Поэтому, перебила Нина: — надо все уничтожить и оставить только то, что было при Рюрикѣ?

— Я вамъ скажу, что нужно, сказалъ онъ вставая: — меньше нужно о своихъ удобствахъ думать. Слишкомъ удобна стала наша жизнь!

— Я въ этомъ еще бѣды не вижу.

— Конечно-съ. На бархатѣ жить много пріятнѣе.

— Вы меня не такъ поняли. Когда нужно, удобствомъ можно и пожертвовать.

— Это вы насчетъ доблестей? Ну, это напрасно-съ.

Не доблести у насъ на умѣ. Это хорошо было когда-нибудь тамъ, въ древнія времена, когда жили въ пещерахъ и терпѣли гоненія. Тогда поневолѣ будешь доблестенъ! Когда за свою шкуру дрожишь, такъ и ѣда на умѣ не пойдетъ. А намъ что теперь? Намъ жить прекрасно. Съ какой стати я буду теперь доблестенъ, когда я сытъ и доволенъ. Развѣ сытый народъ былъ когда-нибудь доблестенъ?

Онъ помолчалъ.

— Что же, пора, я думаю, и по домамъ, сказалъ онъ, запрятывая въ карманъ газету.

— Пойдите! Какъ же, надо закутить! вскричала Лиза. — Я сейчасъ...

— Скучно что-то живетъ, Николай Платонычъ, сказала Нина, натягивая на плечи свой вязанный платокъ и повязывая сзади его концы.

— А знаете ли что? усмѣхнулся Козловъ. — Вотъ вы давеча говорили... Вѣдь вы сами этому не вѣрите... Вы этого не думаете...

— Что? спросила она испуганно.

— А вотъ вы оправдывали поступокъ нѣкоего господина...

Она вдругъ отшатнулась и холоднымъ взглядомъ смѣряла его.

— Я всегда думаю то, что говорю. Я думаю, что и вы на его мѣстѣ поступили бы точно такъ же. Онъ сдѣлалъ все, что могъ. Онъ хотѣлъ помочь моему отцу деньгами и, я знаю, что онъ сдѣлалъ бы это искренно.

И, защитивъ такимъ образомъ челоуѣка, котораго въ эту минуту ненавидѣла, она ощутила въ своемъ сердцѣ какое-то чувство горькаго удовлетворенія.

XVI.

Быль часъ третій зимняго тусклаго дня. Въ столовой Яковлевыхъ, двумя окнами выходившей въ стѣну какого-то надворнаго строенія и потому темной даже и днемъ, былъ накрытъ столъ и освѣщенъ висѣвшей съ потолка лампой въ три рожка съ тремя матовыми шарами. Слабо пущенный огонь этой лампы проливалъ печальный свѣтъ на сервировку стола, на скользкій, блестящій полъ и на двухъ женщинъ, сидѣвшихъ у окна. Сквозь мутныя стекла виднѣлись такія же мутныя петербургскія сумерки. По двору ходили дворники съ заиндевелыми бородами и жилыцы, торопившіеся къ обѣду домой. Женщины сидѣли молча. Одна смотрѣла черезъ отворенную дверь на игравшихъ въ другой комнатѣ дѣтей, другая, облокотившись на подоконникъ, задумалась. Гдѣ-то далеко, наверху должно быть, пробили частымъ, жиденькимъ боемъ часы.

— Мнѣ пора! встрепенулась одна изъ сидѣвшихъ.— Никакъ ужъ три часа.

Она поправила на плечахъ свой гарусный платокъ, кое-гдѣ уже разорванный и заштопанный, и стала надѣвать шляпку. Это была Лиза, но Лиза постарѣвшая и какъ-то полинявшая. Не только шляпка, давно уже потерявшая отъ солнца свой цвѣтъ, но и все ея лицо какъ-то поблекло и смялось... Видно было, что жизнь ее не баловала.

— Погоди, куда ты! остановила ее Нина.— Куда ты спѣшишь. Погоди.

Лиза что-то нетвердо возразила и сѣла опять.

— Что отецъ? спросила Нина, не оборачиваясь.

— А Богъ его знаетъ. Все молчить. Ходитъ цѣлый день по комнатѣ и молчить. Я думаю, не отъ того ли это, что у него теперь дѣла нѣтъ. Онъ себѣ мѣста не найдетъ. Намедни смотрю, какія-то старыя бумажки перебираетъ. Письма тутъ старыя, закладки изъ книжекъ, счеты, я ужъ и не знаю что... Гляжу, все читаетъ и все что-то перекладываетъ, то въ одну кучку положить, то въ другую.

— Чтò ужъ, я не знаю, не пора ли мнѣ? повторила она опять.—Теперь Алексѣй Михайлычъ скоро, я думаю, вернется.

— Такъ что же?

— Да нѣтъ, я такъ... (Она помолчала). Что это мнѣ говорили... правда это, Нина? вы свою квартиру сдаете?

— Сдаемъ.

— Никто не нанимаетъ?

— Нѣтъ еще.

Лиза не то совсѣмъ хотѣла сказать. Она хотѣла спросить: значить, ваши дѣла очень плохи, коли вы квартиру сдаете? Да какъ-то не вышло. Она все стѣснялась говорить съ сестрой о денежныхъ дѣлахъ. Врожденное Огневимъ чувство брезгливости, съ какой они говорили о деньгахъ, сказалося и тутъ.

А между тѣмъ, по городу все упорнѣе ходили слухи, что Яковлевъ раззорился, что газету никто и даромъ не беретъ, а долги выросли чуть не до милліона. Про него рассказывали, что онъ бросалъ деньги, не считая, купилъ себѣ виллу за-границей, заплатилъ двадцать тысячъ за то, чтобы его обвинчали съ двоюродной се-

строй, проигралъ сорокъ тысячъ въ рулетку и платилъ двойное жалованье сотрудникамъ, чтобы имѣть право ругать ихъ, какъ ему угодно. При этомъ называли Аристова, который будто бы на такихъ условіяхъ меньше двѣнадцати тысячъ въ годъ не бралъ. Въ одинъ мигъ, какъ по сигналу, имя его сдѣлалось достояніемъ всего города. Въ политическихъ дѣлахъ было тогда какъ разъ затишье, войны не было, въ окружномъ судѣ судились только мелкіе мошенники—самая удобная минута для того, чтобы закидать грязью чью-нибудь репутацію, неосторожно попавшую подъ колесо общественнаго мнѣнія. Скучающее общество высматривало себѣ жертву.

И вотъ исторія прогорѣвшаго или, вѣрнѣе, прогорающаго издателя стала переходить изъ устъ въ уста со множествомъ вариантовъ и украшеній, проникая мало-по-малу въ печать, сначала глухо и несмѣло, потомъ все смѣлѣй и громче. Стали уже говорить о томъ, что отецъ Яковлева, бывший уѣздный предводитель дворянства, вышелъ не совсѣмъ чистый изъ дѣлъ дворянской опеки, а нынѣ игралъ роль прихлебателя у разныхъ сенаторовъ и тайныхъ совѣтниковъ; что первая жена Яковлева ѣздила въ каретахъ и принесла съ собою приданое, на которое и жилъ припѣваючи ея супругъ, выпуская въ свѣтъ книжки о тяжести налоговъ для народа; что самыя знаменитые медики были недавно призваны къ одному извѣстному издателю и нашли у него угнетенное состояніе, предшествующее слабоумію и выразившееся въ томъ, что онъ отказывался упорно отъ пищи, имѣлъ мрачный видъ и кидался на всякаго, кого подозрѣвалъ въ томъ, что онъ не подписался на его газету.

Яковлевъ переживалъ ужасныя минуты. Видѣть себя предметомъ такой травли становилось для него невыносимымъ. Онъ два раза порывался отвѣчать печатно, но этимъ только испортилъ дѣло. Пока онъ молчалъ, всѣ говорили: онъ молчитъ, значитъ онъ не правъ! Когда онъ вздумалъ отвѣчать, со всѣхъ сторонъ закричали: онъ оправдывается, стало быть, онъ виноватъ!

Послѣ отчаянныхъ усилій найти гдѣ-нибудь денегъ, ему удалось занять только десять тысячъ подъ вексель. Десять тысячъ не могли его спасти. Онъ скорѣй запутывали, чѣмъ поправляли его дѣла. Цѣлые дни онъ сидѣлъ теперь съ карандашемъ, все что-то высчитывая. Онъ съ какимъ-то бѣшенствомъ подсчитывалъ кассовыя книги, счета бумажнаго фабриканта, расходы по типографіи. Но мѣрѣ того, какъ дѣла его шли хуже, энергія его росла. Для него наступалъ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, когда упрямство обращается въ героизмъ. Когда приговоръ ему былъ подписанъ, на зло всѣмъ, онъ хотѣлъ показать, что живъ еще и будетъ долго жить.

Нѣсколько ночей сряду ему снилось, что онъ стоитъ на краю высокой крыши, откуда хотятъ столкнуть его внизъ, но онъ, собирая послѣднія силы, сталкиваетъ другихъ. Это было вѣрное отраженіе состоянія его духа.

Всякій, кто бывалъ теперь у Яковлевыхъ, могъ видѣть, что дѣла ихъ быстро катились подъ гору. У нихъ, впрочемъ, мало кто и бывалъ. Съ тѣхъ поръ, какъ стало извѣстно, что Яковлевъ ищетъ вездѣ, гдѣ бы ему достать денегъ, домъ его живо опустѣлъ. Всѣ какъ-то избѣгали попадаться ему на глаза, а при встрѣчѣ дрянно улыбались, увѣряя, что дѣла было по горло или были

больны и два мѣсяца никуда не выходили. Бибииковъ, нѣсколько недѣль не показывавшій глазъ, встрѣтившись съ нимъ на улицѣ, побожился, что шелъ къ нему.

Что касается до его отношеній къ женѣ, то они оставались на одной точкѣ, если не полного охлажденія, то, по крайней мѣрѣ, значительнаго равнодушія. Они оба устали отъ борьбы. Цѣлый рядъ спенъ, послѣдовавшихъ за удаленіемъ старика Огнева изъ редакціи, заключился чѣмъ-то въ родѣ мирнаго договора. Враги сошлись, подписали его и разошлись опять. Каждый замкнулся въ себя, жилъ своей особой внутренней жизнью. Они уходили другъ отъ друга, какъ люди, стоявшіе когда-то на одной лѣдинѣ, расколотою потомъ вѣтромъ и унесенной въ разныя стороны.

Сестры молчали, видимо не находя о чемъ говорить. Въ передней рванули звонокъ. Лиза встала.

— Ну, я пойду, сказала она рѣшительно.

— Кто это? спросила Нина, выходя въ переднюю, чтобы проводить сестру.

— Барина кто-то спрашивалъ. Господинъ какой-то.

Нина съ минуту подумала и, затворивъ дверь, пошла назадъ. Она вспомнила, что ей нужно было зачѣмъ-то зайти въ редакцію.

Въ редакціи въ эту пору никого уже не было, кромѣ Аристовъ, дописывавшаго наскоро свой фельетонъ, и самого редактора, Дмитрія Левицкаго, по обыкновенію, запоздаващаго. Одинъ торопливо писалъ, другой пересматривалъ послѣднюю почту, чтобы вырвать изъ нея что поинтереснѣе для завтрашняго нумера.

— Слушайте-ка, Петръ Петровичъ, началъ Дмитрій.

— Ну?

— Читали, какъ насъ ругаютъ?

— Гдѣ?

— Да вездѣ. Вонъ вчера въ Колокольниковъ обругали. Яковлевъ злится. Вольно же ему. Я, знаете, какъ на это смотрю? Отчего мы теперь ругаемся? Намъ нельзя не ругаться. Какіе у насъ теперь интересы? Кассу обокралъ, убѣжалъ, баринъ барину въ морду заѣхалъ; юбилейный обѣдъ былъ; мостъ построили; ярмарку открыли, ярмарку закрыли... Вотъ ты тутъ и пиши! Что ты тутъ напишешь? Ну, была ярмарка, не была ярмарка, кому это нужно? Купцы и безъ насъ это знаютъ. Ну, обѣдъ былъ... конечно, оно можно его описать, ну, да разъ описать и довольно! А то вѣдь сто разъ объ одномъ... Совѣстно вѣдь! Поневолѣ начнешь ругаться. А то все обѣды, мосты, земскія засѣданія, изъ которыхъ бѣгутъ гласные, кражи въ банкахъ... Да хоть бы украли-то что-нибудь интересное, хоть бы кто-нибудь Каспійское море что ли укралъ или Киргизскую степь, а то все деньги, деньги, деньги... Нѣтъ, воля ваша, я стою положительно за право нашихъ газетъ ругаться. По моему, это такое же естественное право, какъ право людей поѣдать другъ друга, когда нечего больше ѣсть.

— Понятное дѣло! отозвался Аристовъ, который самъ всегда стоялъ за право литератора ругаться.

„Что такое мнѣ было нужно?“ думала Нина, невольно услышавшая конецъ ихъ разговора. Видъ Аристовъ смутилъ ее. Онъ былъ ей рѣшительно антипатиченъ съ своимъ циничнымъ отношеніемъ ко всему на свѣтѣ, даже къ своему званію литератора. Она думала вмѣстѣ съ многими, что онъ таковъ именно, какимъ кажется

съ виду, то есть полонъ равнодушія ко всему, кромѣ развѣ денегъ, которыхъ онъ получалъ въ редакціи больше всѣхъ. Подъ его наружнымъ легкомысліемъ трудно было угадать, насколько онъ былъ самолюбивъ и злопамятенъ. Были люди, даже и не подозревавшіе, что онъ ихъ злѣйшій врагъ. Онъ любезно съ ними кланялся, шутилъ, иногда даже заходилъ посидѣть вечеркомъ, и потомъ вдругъ въ какой-нибудь статьѣ обрушивался на нихъ съ страшной злостью.

— Помилуйте, за что онъ меня задѣлъ? говорила жалобно или гнѣвно жертва его остроумія.— Давно ли онъ у меня чай пилъ?

И только потомъ, послѣ долгихъ соображеній, вспоминалось, что когда-то давно, года два тому назадъ, сказано было о немъ что-то такое неосторожное при людяхъ, которые могли ему это передать, или даже просто, что общались ему какую-нибудь книгу, и забыли ее послать, а при свиданіи забыли извиниться.

Есть люди, у которыхъ память на обиды можетъ сравниться развѣ только съ знаменитой памятью Маколен на историческія событія. Аристовъ былъ изъ ихъ числа.

Какъ фельетонистъ, какъ человѣкъ, извѣстный своей талантливостью и невѣжествомъ (едва ли онъ прочелъ на своемъ вѣку десятокъ какихъ-нибудь книгъ, кромѣ тѣхъ, которыя читалъ всякій грамотный человѣкъ, то есть сотенъ двухъ романовъ, да учебниковъ, по которымъ учился въ гимназій), онъ очень скоро составилъ себѣ имя. Въ такъ-называемомъ порядочномъ обществѣ принято было его ругать. Всѣ его читали и всѣ говорили:

— Какая пошлость!

Какой-нибудь почтенный подписчикъ, недавно еще въ обществѣ ученыхъ людей жаловавшійся на то, что некогда нынче читать, что нынче одни Аристовы пишутъ, развертывая свѣжій нумеръ газеты, прежде всего искалъ его фамилію и, прочитывая съ тайнымъ удовольствіемъ хлесткій фельетонъ, замѣчалъ про себя:

— Однако, какъ онъ его того... Ахъ, подлецъ! Вотъ отчесалъ-то!

Это умѣнье отчесать и придавало особый смакъ его статьямъ. Въ провинціи онъ не только читался, но даже имѣлъ своихъ поклонниковъ. Тамъ нѣкоторые прямо говорили:

— Хорошо, подлецъ, пишетъ!

XVII.

Не успѣла еще Нина выйти изъ редакціи, какъ ей пришли сказать, что ее желаютъ видѣть двое какихъ-то господъ. Она велѣла принять ихъ и вышла къ нимъ.

— Вы г-жа Яковлева?

— Я, отвѣтила она, съ удивленіемъ глядя на незнакомаго ей господина въ полицейской формѣ, съ черными, короткими усами, съ отекившимъ лицомъ и съ глазами, красными отъ бессонницы или, можетъ быть, отъ того, что слишкомъ долго спалъ.

Господинъ этотъ настойчиво добивался свиданія съ ней. Сзади стоялъ другой въ штатскомъ платьѣ, въ очкахъ, съ блѣднымъ, золотушнымъ видомъ и, какъ ей казалось, съ особеннымъ вниманіемъ смотрѣлъ на нее.

— Приставъ такой-то части! отрекомендовался полицейскій, глядя не на нее, а мимо нея, на красные фестоны обоевъ. — Вашего супруга, какъ намъ сказали, нѣтъ дома. Не можете ли, сударыня, сказать, когда онъ вернется?

— Рѣшительно не знаю, отвѣтила она, теряясь въ догадкахъ, что бы могло значить это появленіе полиціи въ ихъ домѣ.

Цѣлая вереница несвязныхъ мыслей пролетѣла у нея въ этотъ мигъ, когда она смотрѣла на сонное, полное скуки лицо пристава, на его небритый подбородокъ и на пухлые, негибавшіеся пальцы, въ которыхъ онъ держалъ форменную фуражку.

— Извините, что обезпокоили васъ. Дѣло такое, знаете ли... Маленькое удостовѣреніе намъ нужно: (Онъ кашлянулъ и оглянулся въ сторону статскаго господина. Тотъ одобрительно кивнулъ). Изволите ли видѣть, вы знаете, конечно, хорошо всѣ вещи вашего супруга... Не изволите ли вы знать, не было ли имъ сегодняшняго числа отослано какихъ-либо вещей въ закладъ?

Она съ минуту подумала.

— Я ничего не слыхала. Можетъ быть, и было. Я, право, не знаю.

Посѣтители переглянулись.

— Невозможно, сударыня, чтобы вы объ этомъ не знали. Вещи заложены за двадцать тысячъ, а стоимостью ихъ тысячъ на пятьдесятъ.

Приставъ говорилъ вяло и монотонно, съ видомъ чловѣка, исполняющаго скучную обязанность. Но госпо-

динъ въ очкахъ съ зоркостью рыси выглядывалъ сзади. Онъ пожиралъ ее глазами.

— Мой мужъ не могъ заложить вещей на пятьдесятъ тысячъ. Все, что мы имѣемъ здѣсь (она указала кругомъ себя), не стоитъ и десяти тысячъ.

Господинъ въ очкахъ выдвинулся впередъ.

— Вы говорите, сударыня, что все ваше имущество не составляетъ въ общей сложности и десяти тысячъ?

И тотчасъ же, не дожидаясь отвѣта, обратился къ приставу:

— Я попросилъ бы составить протоколъ.

— Хорошо, отвѣтилъ тотъ неохотно.

„Успѣется еще! думалъ онъ.—Экъ васъ разбираетъ!“

— Предъявите вещи! кивнулъ онъ и громко обстоятельно высморкался.

Господинъ въ очкахъ съ особеннымъ удовольствіемъ вынулъ какой-то мѣшочекъ, а изъ него нѣсколько футляровъ. Нина смотрѣла, ничего не понимая. Еслибы не присутствіе толстаго пристава, какъ бы скрѣпящаго актъ своей собственной особой, она сочла бы этого господина за сумасшедшаго.

— Не угодно ли, сударыня? Будьте такъ добры, приглашалъ онъ ее, точно къ закускѣ, разставляя передъ ней, вмѣсто тарелокъ, футляры съ серьгами, брошками, нитками жемчугу, брилліантовыми булавками.

Нина, неумѣвшая отличить стекла отъ брилліанта и жемчуга отъ бусъ, которыя носить на шеѣ кормилицы, смотрѣла тупымъ взглядомъ на всѣ эти сокровища.

— Узнаете ли вы эти вещи?

— Я ихъ первый разъ вижу.

— Не будете ли вы такъ любезны, чтобы позволить записать ваше показаніе?

— Какъ вамъ угодно. Я желала бы только знать, для чего это нужно?

— Изволите ли видѣть, сударыня, вмѣшался пристава:—на этихъ дняхъ сдѣлана большая кража у господъ Мордвиновыхъ, суммой этакъ, скажемъ, тысячъ на пятьдесятъ. Намъ всѣмъ по полиціи дано объ этомъ знать; мы сейчасъ дали знать по ломбардамъ и по всѣмъ закладчикамъ. Украдены брилліанты и, какъ господа Мордвиновы подозрѣваютъ, ихъ бывшимъ буфетчикомъ въ сообществѣ съ ихъ бывшей гувернанткой.

— И особа, которая закладывала ихъ сегодня, перебилъ господинъ въ очкахъ, по всѣмъ признакамъ, и есть именно эта самая гувернантка. Извините, сударыня, я не имѣлъ еще чести представиться вамъ, я—чиновникъ ломбарда.

— Да, повторила Нина машинально.—Да... такъ, я все-таки не понимаю, при чемъ же тутъ мой мужъ?

— Вотъ-съ... Я именно это и хотѣлъ сказать. Когда ее задержали—мы ее задержали, объяснилъ онъ съ удовольствіемъ—и стали допрашивать, откуда у нея эти вещи, она показала, что это будто бы вещи вашего супруга и что онъ будто бы поручилъ ей заложить ихъ.

Нина провела рукой по головѣ, точно сгоняя туманъ, мѣшавшій ей ясно понимать.

— Она сама послала васъ сюда?

— Да-съ. Она съ нами здѣсь.

— Какъ, здѣсь? (Она отодвинулась). Гдѣ же она?

— Она внизу осталась въ каретѣ. Она, видите ли, хотѣла сюда войти, но какъ узнала, что вашего супруга

нѣтъ дома, то и не пожелала. Она просто, можетъ быть, рассчитывала, что вашего супруга въ эти часы дома не бываетъ, и чтобы протянуть время, повезла насъ сюда. Да вы не пожелаете ли ее сами видѣть?

— Нѣтъ, пожалуйста! перебила она испуганно. — Я никакой гувернантки Мордвиновыхъ не знаю.

И вопросительно, какъ бы ожидая отъ него помощи, оглянулась на пристава.

Тотъ все съ тѣмъ же скучающимъ видомъ смотрѣлъ по стѣнамъ. По крайней мѣрѣ, онъ не лѣзъ къ ней въ душу съ какими-то брилліантами и не навязывалъ ей гувернантку Мордвиновыхъ.

Почти въ ту же минуту вошелъ Яковлевъ.

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ, не отвѣчая на поклонъ чиновника.

Грозная рѣшимость Яковлева озадачила его. Онъ такъ торжествовалъ (это онъ первый открылъ, что дама была гувернантка Мордвиновыхъ), такъ радостно былъ настроенъ, что готовъ былъ одинаково расцѣловать какъ жертву преступленія, такъ и самого преступника, въ благодарность за то, что онъ позволилъ поймать себя. И вдругъ это грозное, насупленное лицо!

— Что вамъ угодно? повторилъ Яковлевъ.

— Вотъ господинъ пристава.... Они потрудятся объяснить.

Приставъ съ тяжелымъ вздохомъ отошелъ отъ окна, въ которое уныло смотрѣлъ. Всю ночь онъ проигралъ въ карты у знакомыхъ, въ семь часовъ утра вернулся домой, а въ десять часовъ за нимъ ужъ прислали изъ участка. Глаза противъ воли слипались.

— Незвѣстная особа, началъ онъ монотонно,—зало-

жила сегодня въ ломбардѣ вещи, которыя она выдаетъ за ваши. Такъ какъ мы имѣемъ основанія сомнѣваться въ этомъ—особа эта при допросѣ смутилась и сбивалась въ показаніяхъ—то мы и явились сюда, чтобъ предъявить ихъ вамъ, прошу извинить за безпокойство, а ее пока задержали.

— Позвольте! остановилъ его Яковлевъ.—Гдѣ вещи? Потрудитесь показать мнѣ.

Чиновникъ отодвинулся отъ стола, на которомъ лежали футляры. Яковлевъ бросилъ на нихъ бѣглый взглядъ, взялъ одинъ въ руки, повертѣлъ его и тотчасъ же поставилъ назадъ.

— Вещи эти мои. Что вамъ отъ меня угодно?

Наступила минута молчанія. Приставъ съ чиновникомъ переглянулись. У послѣдняго было такое выраженіе, что онъ видимо не зналъ, что онъ сдѣлалъ: дали онъ промахъ или однимъ выстрѣломъ положилъ двоихъ. Глаза его вопросительно перебѣгали съ мужа на жену.

Жена стояла, не двигаясь, и большими вопросительными, полными изумленія глазами смотрѣла на мужа. Что-то какъ будто вдругъ озарило ее, и она въ его лицѣ искала отвѣта на свой вопросъ. Но онъ не замѣчалъ или не хотѣлъ замѣтить ее. Онъ только быстрымъ, чуть замѣтнымъ взглядомъ скользнулъ по ней, взглядомъ, позволявшимъ ему видѣть только край ея платья и скорѣй угадывать, чѣмъ видѣть ея присутствіе. Но она знала, что онъ ее видитъ по тому упорству, съ какимъ онъ избѣгалъ смотрѣть въ ея сторону.

— Вы изволите говорить, что это ваши вещи, началъ опять чиновникъ.—Я позволю себѣ замѣтить, что

тутъ есть нѣкоторая... какъ бы сказать... маленькая неточность. Ваша супруга сейчасъ только заявила, что здѣсь нѣтъ вещей такой стоимости. Я заранѣе извиняюсь, но... вотъ онѣ сейчасъ заявили (онъ почтительно указалъ на Нину), что все, что здѣсь есть, не стоитъ и десяти тысячъ.

— Моя жена могла не знать цѣны вещамъ, сказалъ онъ, попрежнему не оглядываясь въ ея сторону. — У меня есть библіотека, которая одна стоитъ больше десяти тысячъ.

— Да-съ... это конечно... Но онѣ изволили сказать...

— Вещи мои и вы должны были предъявить ихъ мнѣ, а не ей, перебилъ онъ запальчиво. — Почему она могла не знать о нихъ, это чисто семейный вопросъ, и я не признаю за вами права вмѣшиваться въ семейныя дѣла. Къ тому же, я не знаю, кто вы такой, милостивый государь, и почему вы здѣсь.

— Я чиновникъ ломбарда.

— Очень хорошо-съ. Ваше дѣло принимать вещи и выдавать деньги, а не являться въ семейные дома съ какими-то допросами. Господинъ приставъ, я прошу васъ сказать этому господину...

— Вы напрасно, шепнулъ ему приставъ.—Онъ имѣетъ право.

— Право на что? перебилъ Яковлевъ громко. — На то, чтобы привезти сюда эти вещи и смотрѣть за ихъ цѣлостью. Не ваше дѣло разговаривать. Господинъ приставъ, потрудитесь предлагать мнѣ вопросы. Что вамъ еще угодно?

Онъ оперся одной рукой объ столъ, надавивъ паль-

цами на его края, точно желая продавить ихъ, и смотрѣлъ ему прямо въ его круглые зрачки.

— Я бы васъ попросилъ дать мнѣ подписочку... такъ на бумажкѣ... для формы, знаете ли, что заложенный отъ вашего имени вещи были дѣйствительно ваши. Да еще... не угодно ли вамъ будетъ повидать эту даму? Она здѣсь внизу.

Яковлевъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ отказался и заявилъ требованіе, чтобъ она была немедленно отпущена.

Приставъ нерѣшительно оглянулся на своего спутника, какъ бы спрашивая: что-жъ? отпустить что ли? Тотъ показавъ глазами, что это не его дѣло. Приставъ подошелъ и сталъ съ нимъ шептаться.

— Что-жъ, мы эту даму беспокоить не будемъ. Если это, вы говорите, ваша знакомая... Васъ-то мы хорошо знаемъ. Какъ вы изволили сказать ея фамилія? Кто она такая?

— Г-жа Бибикова, выговорилъ Яковлевъ съ усиленіемъ.—Если угодно, я вамъ дамъ ея адресъ.

Нина вздрогнула. Вѣра Бибикова! Она наканунѣ нѣсколько разъ пріѣзжала къ нему, послѣдній разъ часу въ одиннадцатомъ вечера и просидѣла запершись съ нимъ до часу. Послѣднее время она вообще очень усердно посѣщала ихъ. Нина знала, что она ѣздитъ къ ея мужу. Горькое чувство не то чтобы ревности, а скорѣй оскорбленнаго самолюбія, проснулось въ ней. Она знала, что тутъ нѣтъ и не можетъ быть любви. Но она видѣла въ то же время, что эта высохшая отъ самолюбія женщина пользовалась тѣмъ довѣріемъ ея мужа, которое, по праву, принадлежало ей. Она ни минуты не сомнѣвалась, что Вѣра для него ничего не значитъ, что

онъ взялъ ее потому, что она первая попалась, что онъ точно также взялъ бы всякую другую, чтобы тѣмъ болѣе уязвить жену. Но разъ на что-нибудь рѣшившись, онъ выдерживалъ роль до конца, онъ шелъ впередъ съ какимъ-то озлобленіемъ, путаясь самъ въ своихъ сѣтяхъ. Она знала, что люди съ такой бѣшенною рѣшимостью, какъ у него, могутъ всадить себѣ ножъ въ горло единственно только для того, чтобы показать, что это имъ легко и пріятно.

Надежда на что-то неопредѣленное, неизвѣстное все еще жила въ ея сердцѣ. Она все ждала чего-то... ждала развязки. И вотъ, наконецъ, развязка! Присутствіе полиціи въ ихъ домѣ и эта темная, двусмысленная исторія съ брилліантами!

Да! она все поняла теперь. Это были брилліанты его покойной жены. Какъ она не подумала объ этомъ раньше! Это было наслѣдство его дѣтей, у которыхъ онъ былъ опекуномъ. Онъ зарвался, затянулся въ дѣлахъ, и, не находя другого исхода, пожертвовалъ достояніемъ дѣтей. Чтобы заплатить по векселю, которому вышелъ срокъ, онъ заложилъ дѣтскіе брилліанты. Рассчитывая на какіе-то неизвѣстные ей ресурсы, можетъ быть, на случайность, онъ поставилъ на карту свое послѣднее богатство—свое доброе имя. И вотъ судьба, тотъ самый слѣпой случай, на которомъ онъ, можетъ быть, и строилъ свои надежды, сдѣлала то, что завтра же объ этомъ узнаетъ весь городъ.

Она смотрѣла ему въ лицо, какъ смотрятъ на покойника или на человѣка, пережившаго тяжкую болѣзнь, отыскивая слѣдовъ, которые этотъ ударъ оставилъ на немъ. Она поняла, что ударъ былъ нанесенъ глубоко

Даже непривычная ему грубость, съ какой онъ встрѣтилъ чиновника, указывала на то, что онъ потерялъ почву подъ собой, что онъ тонулъ и не зналъ, за что схватиться.

Подъ наружнымъ выраженіемъ негодованія, которое онъ старался придать себѣ, скрывалось что-то другое, угадывавшееся по искривленнымъ угламъ рта, по беспокойному блеску глазъ, по нервному напряженію въ рукъ, державшейся за столъ. Все время, пока непрощенные посѣтителы шептались между собой и пока рѣшался роковой для него вопросъ о томъ, будетъ ли отпущена Вѣра, и исторія съ брилліантами угаснетъ сама собой, или, сдѣлавшись жертвой недоразумѣнія, она увлечетъ его за собой въ ту скандальную хронику Петербурга, которая каждый годъ выбираетъ себѣ новыя жертвы, онъ стоялъ все въ той же позѣ разсерженнаго человѣка, показывая наружные знаки нетерпѣнія, задерживая внутренне дыханіе, считая удары своего пульса, соображая всѣ безконечныя послѣдствія этой исторіи. Онъ видѣлъ уже передъ собой то громадное колесо скандала, которое, захвативъ его своими спицами и сдѣлавъ съ нимъ нѣсколько оборотовъ, безжалостно раздавить его подъ собой. Онъ видѣлъ ту громкую извѣстность, которую приобрѣтетъ на нѣсколько дней его имя вмѣстѣ съ именемъ биржевика, укравшаго нѣсколько милліоновъ, и любовницы, обобравшей его, вмѣстѣ съ тузами, державшими игорные дома, съ свѣтскими женщинами, обыгрывавшими въ карты своихъ обожателей, и должникомъ, зарѣзавшимъ своего кредитора, видѣлъ ту славу позора, которою покроютъ его, и то полное забвеніе, въ которое погружатъ его

потомъ; тѣ жадные взгляды, которыми будутъ встрѣчать его на улицѣ, нарочно его обгоняя и потомъ оборачиваясь, чтобы сказать:

— Вотъ это тотъ самый Яковлевъ, который, помните, обобралъ своихъ дѣтей.

Передъ нимъ клубился какой-то вихрь, среди котораго онъ явственно различалъ только фигуру пристава, державшаго въ своихъ рукахъ его судьбу. Онъ смотрѣлъ тупыми глазами на его широкую жирную спину, на пыльный сюртукъ, надѣвавшійся имъ ежедневно для исполненія своихъ служебныхъ обязанностей въ участкѣ, на тяжело ступавшія ноги съ непріятно звенѣвшими шпорами.

Когда, послѣ новаго совѣщанія, приставъ, видимо чего-то трусившій, объявилъ, что онъ не можетъ оставить ему вещей, пока не получитъ какой-то справки, Яковлевъ почувствовалъ, что дѣло его проиграно окончательно.

— Не извольте беспокоиться, говорилъ приставъ:— это дѣло минутное. Дама эта, ваша знакомая—жаль, что вотъ вамъ неугодно ее повидать—указывала намъ на разныхъ лицъ, между прочимъ, на своего мужа и на отца, которые могутъ удостовѣрить, кто она такая. Къ мужу мы послали и не застали его дома... Насъ вотъ это-то собственно и въ сомнѣніе ввело, что къ кому ни пошлемъ, все дома нѣтъ. И къ отцу, господину Полѣнову тоже послали, но до сихъ поръ отвѣта нѣтъ. Давненько ужъ послали. Сейчасъ, я думаю, должны получить. Такъ вотъ, я полагаю, ужъ такъ и вамъ, и намъ бы лучше... Много ждали, ужъ немного подожд-

у пристава.

дать ничего. Все, знаете, спокойнѣе, объяснилъ онъ съ заискивающей улыбкой.

Видно было, что онъ Яковлева-таки побаивался. Писатель! еще опишетъ, пожалуй, думалъ онъ.—Это народъ извѣстный. Они отца родного не пожалѣютъ.

Извѣстіе, что послали за справками къ Полѣнову подкосило Яковлева окончательно. Последняя надежда на то, что можно какъ-нибудь замѣять исторію, была потеряна. Еслибъ ему сказали, что послали за палачемъ, чтобъ вести его къ позорному столбу, онъ не больше былъ бы этимъ пораженъ.

Все это гадко, пошло, мелко, но никогда еще онъ такъ не чувствовалъ, что изъ этихъ мелочей слалось что-то чудовищное.

Отвѣтъ пришелъ, наконецъ. Дама, дѣйствительно, оказалась г-жей Бибиковой. Сейчасъ приѣзжалъ ей мужъ и удостовѣрилъ ее личность.

— Вотъ наша служба какая! говорилъ приставъ съ худо скрытымъ безпокойствомъ.—Вотъ пришелъ, хлопотъ вамъ надѣлалъ. Тамъ какая-то шельма обокрала, а тутъ честнымъ людямъ безпокойство. Ужъ вы, пожалуйста, г. Яковлевъ... вы извините насъ. Такая неприятность, ей-Богу. Какъ прикажете съ вещами? Здѣсь прикажете оставить или, можетъ быть...

— Оставьте здѣсь! сказалъ Яковлевъ, не глядя.

— Пускай потрудятся принять, заявилъ чиновникъ.— Вотъ квитанція... Извольте получить.

Яковлевъ взялъ у него изъ рукъ квитанцію, посмотрѣлъ на вырѣзанные фестонъ края ея, на выставленную прописью и цифрами сумму оцѣнки, на сумму,

предполагавшуюся къ выдачѣ, и, не читая подробностей, принявъ вещи. Онъ были ему до гадости знакомы, напоминая вчерашній вечеръ, когда онъ разсматривалъ и сортировалъ ихъ вмѣстѣ съ Вѣрой.

Онъ взялъ футляры и сталъ ихъ торопливо укладывать въ тотъ самый кожаный мѣшочекъ, въ которомъ наканунѣ увезла ихъ Вѣра. Мѣшочекъ былъ щегольской, съ бронзовыми застежками, съ краснымъ атласомъ внутри и съ тѣмъ запахомъ пудры и духовъ, который носили на себѣ всѣ вещи Вѣры.

— Не могу ли я тебѣ помочь? предложила Нина, видя, что онъ одинъ не можетъ справиться съ вещами и одна высокая коробка съ браслетомъ никакъ не укладывается.

Онъ молча обернулся къ ней. Они были теперь одни. Взглядъ его испугалъ ее. Ей показалось, что онъ пьянъ. Что-то наглое, вызывающее было въ выраженіи этихъ голубыхъ, такъ хорошо знакомыхъ ей глазъ. Она видѣла его возбѣшеннымъ, больнымъ, разстроеннымъ—никогда еще она не видала его пьянымъ. И это выраженіе было ужаснѣе всѣхъ. Онъ былъ пьянъ не отъ вина, а отъ той безсильной злобы, въ которой онъ самъ упрекалъ ее когда-то, d'une colère rentrée, какъ мѣтко называютъ это французы. Онъ увидалъ движеніе ея руки, протянутой къ вещамъ, чтобы помочь ему и, не давая ей предупредить себя, молча схватилъ футляръ, опустил его въ карманъ и все тѣмъ же глубоко оскорбившимъ ее взглядомъ смѣрялъ ее съ ногъ до головы.

— Что-жъ! сказалъ онъ вдругъ.—Дайте знать, кому слѣдуетъ. Не теряйте времени.

Было ясно, что онъ намекаетъ на Козлова, близости съ

которымъ онъ ей не прощалъ. Она вспыхнула отъ негодованія. Этому она не ожидала отъ него. Она думала видѣть его убитымъ, истеряннымъ, она уже приготовила слова утѣшенія, которыя скажетъ ему, и вдругъ этотъ грубый, неприличный тонъ.

— Если такъ, выговорила она съ усиленіемъ: — жалѣю, что подошла къ тебѣ.

И, не оглядываясь, она вышла изъ комнаты.

Въ дверяхъ онъ нагналъ ее.

— Ну, да, я неправъ! сказалъ онъ глухо. — Я неправъ... Извини, пожалуйста.

Глаза его вдругъ поблекли и какъ-то униженно смотрѣли на нее.

— Я только объ одномъ тебя прошу: не трудись, пожалуйста, жалѣть меня. Я твоего сожалѣнія не стою, да и не... и не выношу.

Онъ вдругъ заторопился, толкнулъ передъ собою дверь съ такимъ усиленіемъ, котораго она вовсе не требовала и, громко ее хлопнувъ, скрылся.

Черезъ полчаса Нина видѣла, что онъ куда-то вышелъ и взялъ извозчика.

XVIII.

Въ тотъ же вечеръ часу въ десятомъ, когда она безцѣльно ходила изъ угла въ уголъ, прислушиваясь къ далекому бою часовъ, къ хлопавшей въ подъѣздѣ двери, думая о томъ, чѣмъ все это кончится, куда пошелъ мужъ, зачѣмъ передвинули столъ въ гостиной, поливали ли цвѣты въ жардиньерахъ, и обо всѣхъ тѣхъ

нужныхъ и ненужныхъ вещахъ, которыя толпились въ головѣ и громоздились другъ на друга безо всякой связи, кто-то тихо и нѣжно постучалъ ручкой двери.

— Войдите! сказала она, не останавливаясь и думая, что это кто-нибудь изъ редакціи.

Въ комнатѣ было темно и въ первую минуту нельзя было разглядѣть вошедшаго.

— Я вхожу безъ доклада, потому что дверь была отперта и въ передней никого нѣтъ, извинился онъ.

Нина чуть не вскрикнула. Это былъ Павелъ Левицкій. Появленіе его въ эту минуту, когда она менѣе всего ждала его, когда она давно уже не думала о немъ, когда нервы ея, какъ натянутая струна, звенѣли отъ малѣйшаго прикосновенія, показалось ей чѣмъ-то необыкновеннымъ, чуть не сверхъестественнымъ. Она сдѣлала движеніе и остановилась, напрасно стараясь сдержать трепетавшее сердце и сказать ему хоть что-нибудь. Голосъ у нея пропалъ. Она стояла какъ истуканъ, благодаря небо за то, что въ комнатѣ было темно.

Молчаніе, которымъ его встрѣтили, удивило и смутило его.

— Миѣ кто-то сказалъ „войдите!“ Это вы, Нина Алексѣевна?

— Ахъ, я васъ не узнала, выговорила она, наконецъ, сама не понимая что говорить.

Звукъ его голоса неожиданно для нея самой подѣйствовалъ на нее. Онъ поднялъ внезапно такой рой воспоминаній съ той глубины, гдѣ она считала ихъ навѣки погребенными, вызвалъ столько разнообразныхъ ощущеній, такъ неожиданно, какъ волшебствомъ, пере-

несъ ее въ тѣ далекіе, казалось ей, дни ея дѣвчества, когда она любила и надѣялась быть любимой, что она мгновенно почувствовала, какъ слезы умиленія подступаютъ ей къ горлу, какъ она рада не ему, а тому воспоминанію, которое онъ приносилъ ей. Цѣлая темная страница ея жизни казалась ей вырванной изъ ея прошлаго, когда она услышала этотъ голосъ, переносившій ее въ давно забытые дни.

Но когда вспыхнувшая спичка освѣтила ему лицо, тайная прелесть этихъ воспоминаній уступила мѣсто какому-то чувству непріятнаго удивленія: онъ отпустилъ себѣ бороду, что очень измѣнило его и придавало ему даже какой-то вульгарный видъ. Его тонкія, насмѣшливыя губы, самая характерная часть его лица, были закрыты темными, жидкими усами, совершенно измѣнявшими ихъ выраженіе. Нижняя часть его лица показалась ей совсѣмъ незнакомой, и только глубокіе, ссѣргнутые какимъ-то внутреннимъ свѣтомъ глаза по прежнему умно и пытливо смотрѣли на нее. И взглядъ этотъ попрежнему волновалъ ее: онъ обнималъ ее всю съ ея испуганнымъ счастливымъ лицомъ, съ замиравшими на устахъ словами, съ трепетно поднимавшейся грудью и нерѣшительно протянутой ему дрожавшей рукой.

Они не видались съ той самой памятной ей ночи, когда она, полная негодованія за его недостойное поведеніе съ ней, дала ему вырвать у себя признаніе въ своей любви и со стыдомъ, отчаяніемъ, со всей горечью обманутой любви ушла, удивляясь тому, какъ жалки были его оправданія. Съ тѣхъ поръ она, подъ разными предлогами, избѣгала случая видѣться съ нимъ. Не задолго до ея свадьбы, онъ самъ нашелъ предлогъ,

чтобы уѣхать изъ Петербурга. Дружба съ Яковлевымъ обязывала его быть на свадьбѣ и онъ, чтобы избѣжать этого, выхлопоталъ себѣ внезапную командировку. Когда онъ вернулся, они были уже за-границей.

И вотъ теперь они встрѣтились! И при какихъ обстоятельствахъ!... Она вдругъ съ болью въ сердцѣ вспомнила все, что случилось въ этотъ день...

— Да, сказалъ онъ, какъ бы угадывая ея мысль:— кто бы могъ это подумать, гдѣ и когда, и какъ мы встрѣтимся съ вами!

По его печальному тону, съ какимъ онъ подчеркнул эти слова, она поняла, что ему все было извѣстно. Рука ея, снимавшая стекло съ лампы, которую онъ помогалъ ей зажечь, вдругъ задрожала. Стекло зазвенѣло, ударившись обо что-то и неожиданныя, непрошенныя слезы заблестѣли на глазахъ. Стыдъ за мужа, жалость къ нему, къ себѣ, къ больному отцу, безотчетное желаніе дать волю стѣсненному въ груди дыханію, все это разрѣшилось этими крупными, неподвижно стоявшими слезами.

Онъ казался не меньше ея взволнованнымъ.

Сила воспоминаній имѣла свою прелесть и для него. Свиданіе съ ней тоже приподняло завѣсу съ разныхъ далекихъ и давно уже нетронутыхъ уголковъ его души. Удовольствіе этой встрѣчи было тѣмъ неожиданнымъ для обоихъ, что увлеченные каждый особою волною жизни, они какъ бы забыли другъ друга, и уходили, не оглядываясь, каждый въ свою сторону. И теперь, когда судьба опять столкнула ихъ, они ощущали тотъ радостный трепетъ, который ощущаетъ человѣкъ, входя

въ давно забытый и брошенный домъ, гдѣ онъ провелъ лучшіе годы своего дѣтства.

— Вы однѣ? спросилъ онъ, когда зажженная общими усиліями лампа пролила свой печальный свѣтъ на болъшую, пустынную комнату.—Вы однѣ? гдѣ же Алексѣй?

— Не знаю. Онъ уѣхалъ еще до обѣда.

— Впрочемъ, это лучше, прибавилъ онъ поспѣшно.— Мнѣ нужно поговорить съ вами... съ вами одной. Прежде всего... (Онъ отодвинулся и внимательно осмотрѣлъ ее)... счастливы ли вы?

Вопросъ этотъ изумилъ ее. Она поняла всю его неделикатность и то, какъ мало правъ онъ имѣлъ сдѣлать его. Нужно было теперь или никогда показать ему это. Но въ ту же минуту она почувствовала, что не въ силахъ будетъ сдѣлать этого. Ея молчаніе и тотъ взглядъ смущенія, которымъ она отвѣтила ему, уже признавалъ за нимъ всѣ права, въ которыхъ она хотѣла отказать ему.

— Алексѣй удивительный человѣкъ, продолжалъ онъ.— Онъ мнѣ ни одного письма не написалъ. Надо его знать, чтобы привыкнуть къ его странностямъ. Я нѣсколько разъ хотѣлъ даже вамъ написать, но... имѣлъ ли я въ сущности право на это?

„Нѣтъ!“ отвѣтила она мысленно.

— Могъ ли я знать, что встрѣчу васъ такою же милою и доброю, какъ прежде? (Онъ взялъ ее за руки и медленно пожалъ ихъ). А мнѣ такъ много нужно было сказать вамъ, и все по поводу нашего общаго бѣднаго друга. Бѣдный Алексѣй! Я, кажется, пріѣхалъ въ самый неудачный день его жизни.

— Вы знаете? прошептала она. — Вы слышали эту исторію?

— Къ сожалѣнію. Когда я узналъ это, я сказалъ себѣ только одно: она не знала объ этомъ! Это сдѣлано безъ ея вѣдома.

И онъ опять остановилъ на ней пытливый, вопросительный взглядъ.

— Имѣйте въ виду, однако, что я эту исторію знаю только по слухамъ. Я жду, чтобы вы мнѣ все рассказали. Мнѣ именно объ этомъ-то и нужно съ вами поговорить, прибавилъ онъ серьезно, какъ бы приглашая ее не придавать особеннаго значенія тому, что онъ сейчасъ говорилъ ей и, главное, его нескромному вопросу о томъ, счастлива ли она.

Это нѣсколько успокоило ее. Она стала въ короткихъ словахъ рассказывать ему все, что знала по этому дѣлу. Изъ ея словъ онъ понялъ, что она знала немного и что слѣдовательно мужъ не былъ откровененъ съ ней. Она видѣла по его лицу, какія заключенія онъ дѣлалъ и что бесполезно было бы притворяться съ нимъ. Она могла обмануть своихъ родныхъ, скрывая отъ нихъ свои отношенія къ мужу, но его она обмануть не могла. И это отсутствіе всякихъ преградъ между ними сдѣлало то, что ей было почти легко съ нимъ. Онъ сразу какъ другъ явился къ ней и, протягивая ей руку, говорилъ: скажи мнѣ все! И опять то же бозотчетное довѣріе къ человѣку, нѣсколько разъ ее обманувшему, съ непонятной силой охватило ее. Она дала ему вырвать у себя нѣсколько полу-словъ, полу-признаній и, не сказавъ ему ничего такого, чего она могла бы устыдиться потомъ, чего не позволила бы ей сказать ея гордость, она да-

вала ему угадывать ту печальную картину их семейной жизни, которую, все равно, рано или поздно, онъ долженъ былъ самъ узнать.

Онъ сидѣлъ съ поникшей головой, изрѣдка приподнимаясь, чтобы сбросить пепель съ угасавшей папиросы и всякій разъ взглядывалъ на нее такимъ полнымъ сожалѣніемъ и участіемъ взглядомъ, что она была ему глубоко благодарна за то, что онъ сидѣлъ тутъ и слушалъ ее. Ей казалось, что камень, давно уже лежавшій на ея душѣ, былъ, наконецъ, снятъ. Ея муки и сомнѣнія, онъ все это осторожно, почти безъ боли вынулъ изъ нея, какъ опытная рука вынимаетъ занозу.

Когда она кончила, онъ всталъ и въ задумчивости нѣсколько разъ прошелся передъ ней. Она слѣдила за нимъ глазами, думая о томъ, что эта борода и усы, которые въ первую минуту такъ не понравились ей, въ сущности вовсе уже не такъ измѣняли его. Привыкая къ его новому выраженію, она находила, что онъ даже лучше прежняго.

— Все это грустно, очень грустно, говорилъ онъ, продолжая ходить по комнатѣ съ тѣмъ озабоченнымъ видомъ, какой бывалъ у него, когда онъ обдумывалъ какое-нибудь сложное дѣло. — Я боюсь только одного, остановился онъ: чтобы огласка этой исторіи — друзья такъ не уходятъ, они обыкновенно берутъ себя на память всѣ мерзости интимнаго свойства — боюсь, чтобы это не подѣйствовало на него. Онъ вообще склоненъ къ меланхолиі, и даже къ худшему виду ея, къ мрачной меланхолиі... (Онъ нѣсколько шаговъ сдѣлалъ молча). Да... хотя, собственно говоря, это ужъ не такъ страшно теперь, когда около него есть близкое и преданное ему

существо. Присутствіе женщины дѣлаетъ въ этихъ случаяхъ чудеса.

Нина поняла, что онъ считаетъ или дѣлаетъ видъ, что считаетъ ее другомъ ея мужа. Играть долѣе эту комедію сдѣлалось ей невыносимымъ.

— Знаете, о чемъ я хочу васъ попросить? начала она вдругъ такимъ развязнымъ тономъ, который ей самой показался противенъ. — Не думайте, пожалуйста, или, по крайней мѣрѣ, не говорите мнѣ этого, что я могу имѣть какое-то особенное вліяніе на... (она хотѣла сказать: „на моего мужа“, но почему-то не выговорила и сказала) на Алексѣя Михайлыча. Не думаю, чтобы былъ человекъ, который могъ бы что-нибудь для него значить. Простите, что я вамъ это говорю, вы другъ его, вы хороши съ нимъ... Но вѣдь и я... я тоже имѣю на него нѣкоторыя права. Повѣрьте мнѣ... (Она вдругъ встала) это одинъ изъ тѣхъ людей, у которыхъ друзей нѣтъ. Вы думаете, что можете имѣть какое-нибудь значеніе для него... заставить его уважать васъ, дорожить вами... Никогда! Вы еще не вышли за двери, какъ онъ уже забылъ объ васъ. Пришелъ другой, и онъ слушаетъ другого, чтобы точно также забыть потомъ и его. Странно, что я вамъ говорю это, не правда ли? Онъ нынче отдастъ вамъ свою душу; завтра онъ отвернется отъ васъ. Его одна эта мысль, что онъ когда-нибудь, хоть на одну минуту подчинился вамъ, сдѣлаетъ потомъ вашимъ врагомъ!

— Простите меня, остановилъ онъ ее тихо: — я знаю Алексѣя нѣсколько лѣтъ.

— Вы знаете его нѣсколько лѣтъ, а я нѣсколько мѣсяцевъ, вы это хотите сказать? Пусть такъ! Я знаю его

и больше, я съ нимъ росла, но я объ этомъ не буду говорить... Какъ слѣдуетъ, я узнала его недавно и... думаю, что лучше васъ. Повѣрьте, что женщина въ нѣсколько часовъ узнаетъ мужчину больше, чѣмъ всѣ его друзья въ нѣсколько лѣтъ.

— C'est un paradoxe, madame, перебилъ онъ, улыбаясь.

— Парадоксъ! пускай... называйте, какъ хотите... Кто изъ насъ правъ, покажетъ время. Придетъ минута, когда вы согласитесь со мной. Дай Богъ, чтобъ ея не было. Я не виню его, замѣтите. Въ чемъ мнѣ его винить? Я не хочу только, чтобъ вы обманывали себя, думая, что для него кто-нибудь что-нибудь значить.

Онъ смотрѣлъ на нее съ сожалѣніемъ и съ нѣкоторой тайной радостью, думая о томъ, что въ сущности она осталась ему вѣрна, что ея попытка найти счастье съ другимъ (которой онъ до сихъ поръ не могъ ей простить) кончилась полной неудачей; и что небольшихъ усилій съ его стороны будетъ достаточно, чтобы вернуть опять прежніе дни и освѣжить ея чувство къ нему. Онъ читалъ въ ея душѣ, какъ читаютъ названіе книги, выставленной за стекломъ. Ихъ разговоръ о мужѣ былъ именно такимъ стекломъ, которое не мѣшало имъ видѣть ихъ собственныя чувства. Конечно, онъ не допустить ея никогда до измѣны мужу; напротивъ, онъ поможетъ ей въ этой борьбѣ, онъ будетъ приходить и утѣшать, и поддерживать ее, онъ примиритъ ее съ ея судьбой и вернетъ ее къ мужу. Онъ будетъ лечить ее отъ любви къ себѣ и единственной наградой себѣ возьметъ сознаніе, что онъ былъ любимъ и не воспользовался этимъ.

XIX.

— Кажется кто-то пришелъ! сказала она, услыхавъ стукнувшую въ передней дверь и съ ужасомъ думая о томъ, какъ ея откровенность страшно и внезапно сближала ее опять съ этимъ человѣкомъ, о которомъ наканунѣ еще она не думала совсѣмъ. Онъ такъ свободно и легко, какъ вынимаютъ платокъ изъ кармана, вынулъ изъ нея все, что она скрывала отъ всѣхъ. Онъ даже ничего не сдѣлалъ для этого, никакихъ усилій не употребилъ.

— Это, кажется, Алексѣй! сказалъ онъ, бросая недокуренную папироску и рѣшительнымъ шагомъ направляясь къ двери.

Яковлевъ, собиравшійся пройти къ себѣ, неожиданно столкнулся съ нимъ. Что-то вдругъ дрогнуло въ его лицѣ. На глаза его, за минуту еще блестяшіе и возбужденные, спустилось какое-то облако.

— Какими судьбами?! спросилъ онъ, хотя и съ удивленіемъ, но безъ особенной радости.

И прежде еще, чѣмъ онъ успѣлъ это выговорить, взглядъ его, скользнувшій мимо въ отворенную и освѣщенную залу, упалъ на жену, стоявшую у стола лицомъ къ нему на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она стояла днемъ, когда онъ такъ неожиданно вошелъ. А! вотъ уже! говорилъ этотъ взглядъ. Успѣли уже все сообщить...

И эта мысль тотчасъ же вооружила его противъ нея. Она поняла это прежде, чѣмъ онъ даже вошелъ, по

тому, какимъ сухимъ тономъ, очевидно, относившимся къ ней, онъ встрѣтилъ Левицкаго.

Левицкій, ожидавшій совсѣмъ другого, былъ неприятно удивленъ. Его неприятно поразило также и то выраженіе какъ бы нѣкоторой даже гордости, которое онъ увидалъ на лицѣ своего друга. Онъ такъ же, какъ и Нина, ожидалъ встрѣтить его жалкимъ и убитымъ, и такъ же сложилъ въ умѣ готовые слова утѣшенія.

— Ты давно пріѣхалъ? спросилъ Яковлевъ, входя.

— Я-то еще вчера пріѣхалъ, а вотъ ты-то гдѣ изволилъ пропадать? Я ужъ тутъ давно сижу.

„Ага! подумалъ Яковлевъ. — Стало быть, ужъ все успѣли переговорить“.

— Я былъ у Бибиковыхъ, отвѣтилъ онъ равнодушно.

— Представь, я вѣдь съ нимъ давеча у Палкина обѣдалъ. И спрашивалъ его о тебѣ. Онъ даже и не зналъ, что ты у нихъ.

— Не мудрено! Онъ никогда дома не бываетъ.

— Ты это, стало быть, съ ней вдвоемъ просидѣлъ? Ну, братъ, я тебѣ не завидую.

— Почему жъ? спросилъ онъ сухо.

— Ecoutez, mon cher, началъ Левицкій шутливо, принимая даже комическую позу. — Что это значитъ? или, какъ говаривалъ нашъ покойный профессоръ Фигнеръ: was soll das sagen? Ахъ, да, ты знаешь? Умеръ вѣдь старикъ-то... съ мѣсяцъ тому назадъ, въ какомъ-то маленькомъ нѣмецкомъ городишкѣ умеръ. Помнишь ты его первую вступительную лекцію, когда онъ насъ увѣрялъ, что его наука раздѣляется на три половины?

— Умеръ, очень жаль! сказалъ Яковлевъ, показывая своимъ тономъ, что теперь не время шуткамъ.

Легкій и непринужденный тонъ Левицкаго почему-то не понравился ему. Онъ считъ своимъ долгомъ вернуть его опять въ ту колею принужденной холодности, въ которую сразу поставила ихъ неловкость первой встрѣчи.

— А мы тутъ съ Ниной Алексѣвной объ разныхъ житейскихъ вопросахъ разговорились. Мы съ ней вѣдь старые друзья, ты знаешь. Да что же мы все стоимъ? Любезный другъ! вы хоть посадите насъ.

— Я думаю лучше ко мнѣ пойти. Ты не велишь ли намъ чаю дать? обратился онъ къ женѣ, дѣлая усиліе, чтобъ сказать ей ты и вообще показать, что онъ можетъ съ нею говорить.

Нина поняла это, какъ желаніе отдѣлаться отъ нея и остаться наединѣ съ Левицкимъ, которому онъ, конечно, такъ же будетъ жаловаться на нее, какъ она за минуту передъ этимъ жаловалась на него.

„Что-жъ! все равно, думала она.— Это такъ и должно быть“.

И какое-то странное равнодушіе, похожее на апатию, охватило ее. Ей вдругъ показалось, что все теперь рѣшится само собой, что съ пріѣздомъ Левицкаго всѣ сложные вопросы сдѣлаются простыми и все пойдетъ легко. Она точно сдала кому-то тяжелую, невыносимо давившую ее ношу и, удивленная легкостью, которую вдругъ почувствовала, испытывала странное состояніе покоя.

XX.

— Ну, ты, конечно, все знаешь, сказалъ Яковлевъ, какъ только дверь за ними затворилась, и онъ увидалъ себя вдвоемъ съ Левицкимъ.— Меня только одно уди-

вляеть, къ чему мы эту комедію ломаемъ, къ чему тутъ нѣмецкій профессоръ и разспросы о томъ, гдѣ я былъ.

Левицкій, уже приготовлявшій въ умѣ фразу, съ которой онъ начнетъ, чтобы вызвать его на откровенность и принявшій нѣсколько грустное, приличное случаю выраженіе, остановился въ недоумѣніи.

— Ты удивительный человѣкъ, Алексѣй! Ты меня такъ встрѣчаешь, что мнѣ остается только взять шапку и уйти. Позволь, мой другъ! Если ужъ на то пошло, это мнѣ надо такъ тебя встрѣтить. Начать съ того, что ты мнѣ ни на одно мое письмо не отвѣтилъ...

— Собственно говоря, я даже и отвѣчалъ тебѣ, да не нашель удобнымъ... Да вообще это вздоръ все. Намъ не о томъ нужно говорить... И ты не затѣмъ вовсе пришелъ... Да, впрочемъ, это все равно. Тебѣ жена ужъ все рассказала.

Левицкій печально склонилъ голову.

— Я зналъ это раньше, Алексѣй.

— Ну, да, отъ Бибикова. Я и это знаю. Ты даже имѣлъ неосторожность проговориться, что ты съ нимъ у Палкина обѣдалъ. Вообще ваши секреты шиты бѣлыми нитками.

— Я изъ этого секрета не дѣлаю. Я даже скажу тебѣ прямо: я слышалъ это еще отъ одного лица, отъ моего брата.

Яковлевъ саркастически улыбнулся.

— Знаешь, кого я больше всѣхъ виню въ этой исторіи? не тебя, нѣтъ! продолжалъ Левицкій.—Я виню во всемъ Вѣру Бибикову.

— Нѣтъ, да что-жъ, ты не церемонься, замѣтилъ

Яковлевъ иронически.—Я радъ, что ты прямо къ дѣлу идешь. Ты пришелъ судить меня и суди.

— Съ тобой нельзя говорить, Алексѣй. Ты въ душѣ страдаешь, но ты напускаешь на себя какой-то видъ совершенно неестественный...

— Я страдаю? Ха-ха! Ты очень ошибаешься. До нынѣшняго дня я страдалъ дѣйствительно, потому что все это было, чортъ знаетъ, что такое... Хаосъ какой-то! А нынѣ я знаю, что меня ждетъ: меня ждетъ скандалъ. Ну, что-жъ, очень радъ. Ну, изругаютъ меня, все, что у меня есть, продадутъ съ молотка, газету эту подлѣйшую продадутъ, вотъ этотъ стулъ, книгу эту, которую я давеча читалъ... Ну, что-жъ... и прекрасно. Еслибъ я внутренно сознавалъ себя виновнымъ, мнѣ было бы скверно, а такъ какъ я знаю, что на меня все это валится потому, что я первый подвернулся, а судьба слѣпа, не разбираетъ...

— Все это хорошо, возразилъ Левицкій, опечаленный тѣмъ, что его другъ вовсе не такъ убитъ, какъ бы слѣдовало, и не нуждается въ его утѣшеніяхъ:—но вѣдь если такъ разсуждать, то виноватыхъ нѣтъ... Всѣ мы жертвы судьбы.

— Виноватыхъ нѣтъ? Да что такое виноватые? Я это, впрочемъ, давно хотѣлъ тебѣ объяснить. По моему, это вотъ что! (Онъ схватилъ чье-то письмо и на обратномъ чистомъ листѣ его дрожащей рукой начертилъ квадратъ)! Видишь ты? Вотъ это... (онъ обвелъ карандашемъ стороны квадрата) это ваши условныя понятія о нравственности, по моему, условленные предѣлы подлости. Всякая подлость въ этихъ предѣлахъ (онъ ткнулъ карандашемъ въ середину квадрата) у васъ доз-

у пристани.

волена, виѣ ихъ—воспрещена. Теперь весь вопросъ въ чемъ? въ томъ, чтобъ дѣлать только подлости дозволенныя, не выходить за черту...

— Все это очень... наглядно, твое графическое объясненіе подлости, улыбнулся Левицкій.— Но, милый другъ, вѣдь ты этимъ и себя даже не обманиваешь. Все это напускное, ненормальное...

— Ты хочешь сказать, что я сумасшедшій? Можетъ быть. Я объ этомъ не спорю. Я смотрю на это такъ: пока тысяча сумасшедшихъ гуляютъ на свободѣ, почему я буду тысячу первымъ, котораго возьмутъ и запрутъ? А, впрочемъ, можетъ быть, придетъ время, что и запрутъ. Вообще это у насъ такъ принято, что мы нѣкоторыхъ изъ своей среды, обыкновенно самыхъ невинныхъ, запираемъ въ сумасшедшій домъ для того, чтобы напомнить остальнымъ, что они въ здоровомъ умѣ. Умъ человѣческій—это такая вещь, что онъ можетъ иногда оспариваться, если не устанавливать его время отъ времени на прочныхъ основаніяхъ.

Онъ закрылъ глаза рукой, потомъ вдругъ, какъ бы что-то вспомнивъ, отнял ее и съ усмѣшкой посмотрѣлъ на Левицкаго.

— По правдѣ сказать, мнѣ умные люди страхъ какъ надоѣли. Хотъ бы съ дураками что ли пожить. А то ты вотъ придешь, умныя вещи начнешь говорить... я и вижу, что это такъ, что правъ-то ты, а не я, да что-то точно я это читалъ гдѣ-то давно или въ школѣ меня этому учили, только старо, братъ, все это! такъ старо, что весь букетъ пропалъ...

— Ну, извини! воскликнулъ Левицкій, нѣсколько оби-

женный.—Новаго вотъ ужъ двѣ тысячи лѣтъ намъ ничего не говорятъ. И евангеліе старо, что-жъ дѣлать!

Онъ начиналъ чувствовать, что хорошее расположеніе, въ которомъ онъ находился съ самаго обѣда и въ которомъ отчасти была виновата бутылка вина, выпитая вмѣстѣ съ Бибиковымъ, начинало уступать мѣсто какому-то стѣсненному чувству недовольства собой и другими. Онъ шелъ съ твердымъ желаніемъ спасти своего друга. Великодушіе его поступка радостно волновало его. Онъ осудилъ въ душѣ Бибикова, безъ всякой церемоніи рассказывавшаго исторію съ брилліантами и роль, которую играла въ ней его жена. Отъ выпитаго ли вина или отъ собственного великодушія, но глаза его на одну минуту покрылись даже влагой. Свиданіе съ Ниной еще болѣе взволновало его. Теперь предстояло уже принести не одну, а двѣ жертвы: спасти друга и вернуть ему жену. И вдругъ съ первыхъ же шаговъ Яковлевъ встрѣтилъ его сухо и даже какъ-то враждебно, очевидно, и не подозревая, съ какими намереніями онъ пришелъ. Левицкій рѣшилъ какъ можно скорѣй объясниться.

— Ну, однако, хорошо! сказалъ онъ. — Я не буду спорить съ тобой. Всякій смотритъ на вещи по своему. Это дѣло его совѣсти. Скажи мнѣ вотъ что: что ты намеренъ дѣлать съ собой?

— Нѣтъ, почему? скажи, пожалуйста, перебилъ его Яковлевъ, видимо думавшій о другомъ: — ты мнѣ сейчасъ сказалъ, что считаешь во всемъ виноватой Бибикову? Или ты это такъ только...

— Нѣтъ, не такъ. Я и теперь повторяю то же. А почему? по очень простой причинѣ: потому что во всѣхъ

этихъ исторiяхъ, гдѣ понятiя о чести довольно скользки, я вижу влiяніе женщины. Женщины понимаютъ честь по своему и, надо сказать, довольно узко. И гдѣ бы нашъ братъ самъ собою не рѣшился, онѣ толкнуть его шутя.

При словахъ „влiяніе женщины“, Яковлевъ поморщился. Воспоминаніе о Вѣрѣ было ему непріятно. „Вотъ связался съ бабой!“ думалъ онъ. Онъ не могъ ей простить ея малодушія и того, какъ она глупо растерялась, сейчасъ же выдала его и еще позволила послать за справками къ своему отцу.

— Этого только недоставало, сказалъ онъ, — чтобъ теперь рассказывали, что меня заставила сдѣлать это женщина. Сдѣлай одолженіе, хоть ты-то окажи мнѣ эту услугу, не распространяй этихъ нелѣпостей...

— Распространять про тебя что бы то ни было я не буду и, смѣю надѣяться, ты это знаешь. Но позволь мнѣ остаться при томъ же мнѣніи, что эта женщина, въ сущности ничтожная, но съ бѣшеннымъ желаніемъ играть роль, сдѣлала тебѣ много зла...

— Ну, хорошо, оставимъ это.

— Вернемся къ главному, продолжалъ Левицкій, самъ удивляясь своему терпѣнію и тому, что хотя его хорошее расположеніе духа и прошло, онъ все-таки не измѣнилъ своихъ намѣреній. — Что ты думаешь дѣлать теперь?

— Ничего я не думаю. Подъ заборомъ не умру и денегъ у знакомыхъ занимать не буду. А что дальше, увидимъ.

— Ты не одинъ, Алексѣй, сказалъ Левицкій строго. — Ты не имѣешь права такъ говорить.

— Ну, это ужъ мое дѣло, одинъ я или не одинъ.

Или, можетъ быть, тебѣ жаловались на меня? вдругъ быстро и подозрительно обернулся онъ.

Левицкій чуть-чуть покраснѣлъ.

— Этимъ ты унижаешь себя и... твою жену. И ты даешь мнѣ поводъ думать, что ты самъ, значитъ, допускаешь, что есть дѣйствительно поводы жаловаться на тебя.

— Я зналъ, что вы говорили обо мнѣ, сказалъ онъ рѣшительно. — Я это видѣлъ по вашимъ лицамъ, когда я вошелъ.

— Я не буду скрывать отъ тебя, что мы, дѣйствительно, говорили о тебѣ...

— Ну, да, я это зналъ. И ты напрасно сталъ бы разувѣрять меня. Ты хорошо дѣлаешь, что сознаешься въ этомъ.

— Да я не вижу въ этомъ никакого преступленія.

— Тебя прислали узнать, что я намѣренъ дѣлать: застрѣлюсь ли я съ отчаянія или буду продолжать свою преступную жизнь? Сдѣлай одолженіе, передай, пожалуйста, что я не застрѣлюсь и не думаю даже объ этомъ, что я думаю еще долго прожить. Буду жить, если не для себя, то на зло имъ. Пускай они меня считаютъ подлецомъ! Тѣмъ хуже для нихъ, что они, благородные люди, связали свою судьбу съ подлецомъ. Вы всѣ, впрочемъ, благородные люди. Ты тоже вотъ полонъ благородства, ты оттого и пришелъ удивлять меня своимъ великодушіемъ, колоть мнѣ глаза моимъ поступкомъ. Я знаю, что вы вѣдь только для виду вздыхаете... въ душѣ вы ликуете. Вы давно этого ждали. Вамъ пріятно думать, что вы такіе благородные люди и протянули руку такому подлецу!..

Онъ вскочилъ и хотѣлъ продолжать, но вдругъ остановился, встрѣтившись глазами съ женой, которая неслышно отворила дверь и нѣсколько секундъ уже стояла такъ, ни слова не говоря.

— Я думаю, васъ это очень удивляетъ, обратилась она къ Левицкому. — Вы, конечно, этого не ожидали... Но вы ужъ такъ много слышали, что все равно... (Губы ея дрожали и глаза безпокойно перебѣгали съ предмета на предметъ). Вы напрасно думаете, обратилась она къ мужу, стараясь остановить свой взглядъ на одной точкѣ, — что я желаю, чтобы вы застрѣлились. На что это мнѣ можетъ быть нужно? Еслибы я хотѣла свободы, — я бы давно васъ оставила. И я никогда не имѣла на это столько права, какъ теперь. Но я не сдѣлала этого, чтобы вы не сказали, что я не захотѣла раздѣлить съ вами вашу судьбу; что я испугалась бѣдности и лишеній и бросила васъ тогда, когда васъ бросили всѣ. Если вы хотите жить на зло мнѣ и еще кому-то, это дѣло вашей совѣсти. Но вспомните, что я ношу ваше имя, что я...

— Господа! сказалъ Левицкій, вставая. — Такъ нельзя! Вы оба раздражены и оба не знаете, чего вы хотите...

Въ эту минуту вошелъ человѣкъ съ подносомъ. Осмотрѣвшись кругомъ, чтобы знать, съ кого начинать, онъ подошелъ сначала къ Левицкому, потомъ къ Нинѣ, и, очистивъ, наконецъ, мѣсто на столѣ, поставилъ его передъ Яковлевымъ.

— Лимону нѣтъ, Алексѣй Михайлычъ, объявилъ онъ таинственно, наклоняясь къ нему и имѣя привычку обращаться за всѣмъ къ барину, а не къ барынѣ, съ которой онъ дѣла не имѣлъ.

— Хорошо! послѣ! перебилъ Яковлевъ съ нетерпѣніемъ. — Послѣ! ступайте...

— Слушаю-съ.

Человѣкъ ушелъ.

Наступила минута тяжелаго молчанія. Всѣмъ было неловко. У всѣхъ были тѣ хмурья и въ то же время жалкія лица, какія бываютъ у людей, когда они чувствуютъ, что произошло что-то постыдное.

Левицкій еще какъ-то скорѣй нашелся, но мужъ съ женой рѣшительно не знали, куда имъ смотрѣть. До сихъ поръ, какъ ни были тяжелы ихъ отношенія, но, оставаясь скрытыми отъ всѣхъ, они были еще сносны. Все еще казалось, что тяжесть, которую несешь вдвоемъ, не такъ давитъ плечи, какъ тогда, когда подошелъ третій и своимъ неловкимъ вмѣшательствомъ поставилъ ее ребромъ. Желаніе скрыть ото всѣхъ свою невыносимую семейную жизнь было тѣмъ послѣднимъ звеномъ, которымъ, обманывая себя и другихъ, они еще считали себя связанными. Теперь, когда даже и этой цѣли не могло быть у нихъ, когда ихъ тайна была въ рукахъ другого, они почувствовали какую-то странную, незамѣтную имъ прежде пустоту въ своихъ новыхъ отношеніяхъ. Все, что они сказали бы теперь другъ другу, было бы или явной ложью, какъ то, что она сейчасъ говорила ему о своемъ желаніи раздѣлить съ нимъ его судьбу, или до глупости ничтожно, какъ все, что люди говорятъ, когда они боятся быть смѣшными. А они именно боялись быть смѣшными, если не въ своихъ глазахъ, то въ глазахъ того, кто стоялъ теперь между ними. Невольное вмѣшательство Левицкаго отрезвило ихъ. Хмѣль прошелъ.

— Послушай, Алексѣй, началъ Левицкій.—Дай мнѣ слово, что ты завтра будешь у меня.

— Зачѣмъ? спросилъ Яковлевъ.

— Мнѣ нужно поговорить съ тобой. Ты, конечно, съ газетой теперь покончишь. Я имѣю въ виду одно мѣсто, именно такое, какое тебѣ нужно. Не Богъ вѣсть какое содержаніе, но дѣло будетъ тебѣ по душѣ; я за это отвѣчаю. Завтра же я съѣзжу къ одной особѣ, отъ которой это болѣе или менѣе зависитъ, и переговорю съ ней. На отказъ я не рассчитываю... за вѣрное тебѣ, конечно, не ручаюсь, но... думаю, что особа эта имѣетъ нѣкоторыя основанія не отказывать мнѣ. Часовъ до двухъ мнѣ надо быть въ министерствѣ, а потомъ... Да, если ты приѣдешь часу въ третьемъ, это будетъ какъ разъ во-время.

Все это онъ выговорилъ тѣмъ добродушнымъ, но слегка озабоченнымъ тономъ, который, по его мнѣнію, былъ приличенъ человѣку, дѣлающему огромное одолженіе для другого.

Яковлевъ долженъ былъ понять, чего ему это стоило, тотчасъ по приѣздѣ, не устроивъ своихъ собственныхъ дѣлъ, ѣхать къ лицу, въ высшей степени ему непріятному, чтобы просить его за другою и притомъ за человѣка, несомнѣнно уже замараннаго, о которомъ ему могли сказать: „вашъ протеже, кажется, не совсѣмъ чисто вель себя въ этомъ дѣлѣ опеки. Ходятъ слухи о какихъ-то брилліантахъ“... Своимъ ходатайствомъ за лицо, уронившее себя въ общественномъ мнѣніи, онъ наносилъ ударъ себѣ, не говоря уже о томъ, что онъ терялъ право на новую услугу со стороны лица, которое онъ будетъ просить за Яковлева. Всѣ эти сообра-

женія выступали съ особенной ясностью по мѣрѣ того, какъ выходилъ туманъ отъ выпитой съ Бибиковымъ бутылки вина. Жертва оказывалась тяжелее, чѣмъ можно было ожидать. Какъ прежде выступали только однѣ пріятныя стороны ея, такъ теперь стали очевидны и непріятныя. Оставляя себѣ на размышленіе одну ночь, онъ чувствовалъ, что къ утру былъ бы уже такъ далекъ отъ своего перваго рѣшенія, что Яковлевъ никогда не узналъ бы о немъ. Теперь у него оставалась только одна смутная, ему самому казавшаяся подленькой, надежда на то, что онъ, можетъ быть, откажется.

Выслушавъ его, Яковлевъ нѣсколько времени молчалъ. Было видно, что въ немъ тоже происходитъ какая-то внутренняя борьба.

— Такъ ты приѣдешь? повторилъ Левицкій.

— Не знаю. Рѣшительно не знаю. Ты, пожалуйста, не спрашивай меня.

„Должно быть, откажется!“ думалъ онъ.

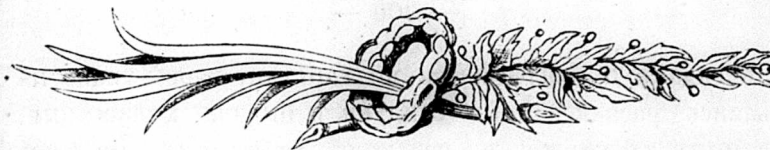
— Да ты, можетъ быть, воображаешь, что ты обязанъ сдѣлать что-нибудь для меня? что это тамъ долгъ дружбы или что-нибудь такое? Ты, пожалуйста, не считай себя связаннымъ этимъ. Какая тамъ дружба! что за пустяки. Я тебѣ даже вотъ что скажу: еслибы ты былъ въ такомъ же точно положеніи, я бы, можетъ быть, ничего для тебя не сдѣлалъ. Поэтому, я желалъ бы, чтобы и ты... ты, пожалуйста, считай себя свободнымъ! А то вѣдь, я знаю, тебя убиваетъ чувство долга и когда-нибудь оно убьетъ тебя совсѣмъ.

— Ты меня обижаешь этимъ, Алексѣй! (Однако, не отказался! подумалъ онъ). Я думаю о тебѣ, какъ бы тебѣ помочь, а ты говоришь, что я считаю себя свя-

заннымъ чѣмъ-то. Полно, мой другъ! И безъ того въ жизни много дряни. Не будемъ еще отравлять ее какими-то нелѣпыми подозрѣніями. Такъ такъ, завтра въ три часа я тебя жду. (Онъ поспѣшно допилъ свой чай и всталъ). А пока, позвольте мнѣ проститься.

Онъ крѣпко пожалъ руку Яковлеву, и, не глядя, чуть-чуть дотронулся до руки Нины.

„Скверная исторія! думалъ онъ, выходя.— Кажется, я черезчуръ поторопился. Ну, да дѣлать нечего. Надо все-таки помочь ему. Нельзя же оставлять его въ такомъ положеніи. Онъ вѣдь бѣдняга теперь безъ копѣйки, и что бы тамъ ни говорили, а все-таки съ замаранной репутаціей (Онъ вздохнулъ).— Да! дружба — тяжелая вещь...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Въ Московской губерніи у Полѣновыхъ было имѣніе. Каждый годъ они ѣздили туда поздней весной и проводили недѣли двѣ-три, а иногда два-три дня, смотря по тому, насколько они торопились уѣхать за-границу или въ свое другое имѣніе, находившееся на югѣ Россіи. Тамъ была ихъ постоянная резиденція, здѣсь только кочевье; тамъ все было устроено, какъ игрушечка, здѣсь была своя игрушка: заливные луга, доходами съ которыхъ поддерживался grand train ихъ петербургскаго дома. Словомъ, здѣсь все было для кармана и ничего для души, какъ говорилъ Бибииковъ.

Въ одинъ изъ ясныхъ весеннихъ дней, когда Полѣновы доживали вторую недѣлю, каждую минуту готовые сняться съ мѣста, когда началось усиленное совѣщаніе

съ гидами и географическими картами, вновь упаковывались распакованные сундуки и бывшія крѣпостныя, а нынѣ служившія по вольному найму дворовыя бабы были потребованы, въ видѣ особаго подкрѣпленія, на господскую прачешную, кучеру Михайлѣ приказано было вытащить изъ сарая и почистить парадный фаянтонъ или, какъ называли его господа, коляску. Коляска эта въ употребленіи бывала рѣдко по своей необыкновенной тяжеловѣсности. Изъ господъ въ ней возили одну только старую барыню. Баринъ берегъ лошадей и не любилъ экипажа, купленнаго его отцомъ за прочность. Сами лошади, казалось, не любили этого произведенія московскихъ фабрикантовъ и съ недовольнымъ видомъ оглядывались, когда ихъ подводили къ дышлу.

У Михайлы, впрочемъ, лошади въ дышлѣ ходили совершенно особеннымъ образомъ: послѣ долгихъ препирательствъ съ нимъ и нежеланія тронуться съ мѣста, послѣ присѣданія на заднія ноги и скачковъ кверху, причемъ разсыпались во все стороны сбѣжавшіеся на это зрѣлище со всего двора ребяташки, онъ вдругъ поднимались въ карьеръ и неслись такъ версты полторы, пролетая стрѣлою въ отворенныя настежь ворота.

— Ишь гладкія! говорилъ онъ, совершивши свою головоломную поѣздку вскачь и слѣзая съ козелъ весь красный и мокрый:—какъ застоялись! Какъ же можно, прибавлялъ онъ:—эдакая гладкая скотина, одинъ овесъ жретъ, а ѣзды совсѣмъ мало.

Михайла былъ кучеръ самолюбивый и не любилъ, чтобы сомнѣвались въ его способностяхъ. Кромѣ своего кучерскаго ремесла, онъ былъ мастеръ на все руки. Онъ и пружинные матрасы дѣлалъ, и часы на коло-

кольнѣ исправлялъ, и мебель могъ обить, и двери выкрасить подъ дубъ или подъ кленъ, какъ угодно. Если у господъ фарфоръ разобьется, онъ и фарфоръ берется склеить, и на вопросъ, можетъ ли онъ это сдѣлать, горорить обиженно:

— Будьте покойны! у купца такъ не сдѣлають.

Словомъ, что бы въ домѣ ни случилось, ножка ли у стола сломалась, подсвѣчники ли покривились или, наконецъ, ведро въ кухнѣ протекаетъ, Михайла тутъ, какъ тутъ! постучитъ, построгаетъ, насоритъ, побранится съ прислугой, потомъ встряхнется, скажетъ самодовольно:

— Десять лѣтъ прослужить!

И понесетъ исправленную вещь господамъ, непременно самъ понесетъ, потому что Михайла любитъ быть у господъ на глазахъ.

Ради славы онъ брался даже и за такія работы, за которыя никакъ не могъ надѣяться на какое-либо денежное вознагражденіе. Выкрасить бесѣдку въ розовый цвѣтъ съ зелеными гирляндами на столбахъ, сдѣлать скворешникъ съ рѣзбой или собачью конуру, въ которую, однако, собаки шли неохотно, потому что она два мѣсяца послѣ того пахла масляной краской—все это было дѣло Михайлиныхъ рукъ.

Кромѣ своей замѣчательной политехнической способности, онъ отличался еще необыкновеннымъ проворствомъ. Дѣло у него такъ и кипѣло. Отъ этого все имъ сдѣланное скоро приходило въ совершенную негодность. Пружинные матрасы дѣлались черезъ мѣсяць неудобными для сна, потому что все пружины начинали выпираться и толкать подъ бока спавшаго. Часы, разъ бывшіе у него въ починкѣ, начинали отставать часовъ

до пяти въ сутки. Починенная имъ педаль переставала дѣйствовать или поднимала такой гулъ, котораго потомъ никакими средствами не могли остановить. Самъ Михайла никогда виновнымъ себя не признавалъ, а сваливалъ обыкновенно вину на неодушевленные предметы.

— Пружина тонка, говорилъ онъ:—не держать.

Или:

— Дерево гнилое! Никакъ его гвоздь не беретъ.

Погруженный въ такое море артистическихъ занятій, онъ нѣсколько пренебрегалъ своими кучерскими обязанностями. И если баринъ замѣчалъ что лошади нечищены, Михайла всегда обиженно говорилъ.

— Весь день вчера балконъ красилъ, Василий Андреичъ! Ей-Богу. Признаться сказать, и не обѣдалъ. Хозяйка два раза приѣзжала. А я такъ, признаться сказать... какъ занялся маленько... Нынче почищу!

И онъ озабоченно поправлялъ плечо, считая разговоръ конченнымъ и желая въ то же время показать свое усердіе. Но всегда какъ-то случалось, что на второй или на третьей верстѣ лошади останавливались и Михайла слѣзалъ съ козелъ съ односложнымъ замѣчаніемъ:

— Разсупонилась!

Баринъ называлъ его канальей, обѣщалъ черезъ недѣлю прогнать, и даже не заплатитъ ему жалованья, но и черезъ недѣлю и черезъ мѣсяцъ на козлахъ сидѣлъ все тотъ же Михайла. Когда онъ получилъ приказаніе заложить парадную коляску и выѣзжать на станцію за гостями, онъ поспѣшилъ разузнать стороною отъ нянюшки, кто эти гости и, услыжавъ, что ждутъ

Петра Ильича Бибикова, тотчасъ же просіялъ. Бибиковъ всегда давалъ хорошо на чаекъ.

Часа два спустя, онъ уже везъ съ вокзала гостей. Кромѣ Бибикова, по обыкновенію, въ дорогѣ все растерявшаго, оставившаго въ вагонѣ свой зонтикъ и какимъ-то образомъ ухитрившагося получить вмѣсто своего багажа чужой, пріѣхалъ еще какой-то господинъ, Михайлѣ незнакомый. Господинъ этотъ былъ невысокаго роста, имѣлъ съ собою небольшой ручной чемоданикъ въ парусинномъ чехлѣ, вездѣ аккуратно застегнутомъ, зонта въ вагонѣ не забылъ и все подтрунивалъ надъ своимъ растерявшимся спутникомъ.

— Добрый баринъ! рѣшилъ Михайла: — на чаекъ хорошо дать! и одобрительно, какъ старому знакомому улыбнулся ему, сдерживая застоившихся лошадей.

— А что, вы насъ не вывалите? спросилъ баринъ съ любопытствомъ.

— Помилуйте! зачѣмъ вывалить? Будьте покойны. Она скотина смирная, только вотъ... какъ знастоялась маленечко...

Онъ тронулъ лошадей и тѣ сразу подняли въ карьеръ. Дорога описывала полукругъ около станціоннаго садика, съ чахлами запыленными деревьями, проѣзжая черезъ мостикъ, круто заворачивала на-право. На этомъ поворотѣ коляску чуть не опрокинуло. Лошади рванули и бѣшено понеслись по деревнѣ. Бибиковъ поблѣднѣлъ и не могъ ничего сказать отъ страху. Спутникъ его, который былъ не кто иной, какъ Павелъ Левицкій, что-то кричалъ кучеру и трогалъ его въ спину концомъ своего зонта.

— Ничаво! не сумлѣвайтесь! говорилъ Михайла, натягивая возжи, какъ струну.

Вылетѣвъ за околицу, гдѣ начались пески и дорога была тяжелая, лошади пошли тише, Бибиговъ перевелъ духъ.

— Ужасно не люблю такъ ѣздить, признался онъ откровенно.

И сознание минувшей опасности опять вернуло ему то радостное настроеніе, въ которомъ онъ находился съ самаго отъѣзда изъ Петербурга. Въ дорогѣ онъ всегда почти бывалъ веселъ. У него проходила та особенная, свойственная ему болѣзнь, которую жена его называла тоской по вагону. Онъ весело посматривалъ кругомъ. Все его занимало: мельница, пущенная во все крыло и глупо вертѣвшая своими мелькающими лопатками, покосы, уходившіе длинными зеленѣющими холмами до самаго горизонта, гдѣ сливались съ синевой соснового бора; врѣзавшаяся въ нихъ клиномъ рожь съ своими васильками и совсѣмъ еще зелеными молодыми стеблями, которые только что пошли въ дудку, и безтолковая городьба въ полѣ, заставлявшая кучера на каждой верстѣ слѣзать и отворять ворота. Онъ во все входилъ, обо всемъ спрашивалъ и даже, высунувшись изъ коляски, срывалъ на лету метелку полевой травы, наклонявшейся между спицами колесъ.

— Дорога-то не наѣзжена, замѣтилъ онъ. — Заросаетъ!

— Совсѣмъ ѣзды мало, Петръ Ильичъ, отозвался кучеръ словоохотливо.

— А травы славныя. Хорошіе покосы у васъ.

— Трава ничего.

— Сами убираете или сдаете?

— И сами убираемъ, и сдаемъ (Говоря о господахъ, Михайла всегда говорилъ „мы“, сливая себя съ господами въ одно лицо). Больше все здѣшніе сьмаютъ. Да совсѣмъ нынче народъ мошенникъ сталъ.

— Э? Что такъ?

— Волю дали—потому.

— Что-жъ! и хорошее дѣло!

— Надо такъ сказать, что хорошаго мало: Озорникъ народъ сталъ, Петръ Ильичъ! Страху нѣтъ совсѣмъ. Кого ему нынче бояться, мужику-то? Прежде-то его, чуть что баринъ въ солдаты отдавалъ. Ну, и уважали. А нынче что? Нынче ворами, и тѣмъ житье. Потаскаютъ, потаскаютъ по острогамъ-то, да опять и выпустятъ. Къ намъ же опять и придетъ. Прежде, какъ можно! Баринъ-то и не разговаривалъ. Забрѣтъ лобъ, и шабашъ. И мужикамъ-то легче, очень благодарны были. А нынче что! —

И Михайла какъ-то отчаянно ударилъ кнутомъ по лошадямъ, которыя, успокоившись было на мелкой рыси, опять поднялись вскачь.

— Э! это что такое? воскликнулъ Бибиговъ, показывая въ сторону.

— Градомъ побило! отозвался кучеръ равнодушно, оглянувшись на поникшую къ землѣ полосу ржи.

Надъ побитыми, недавно еще весело качавшимися стеблями пронеслась смерть. Спутанные и поломанные, они безпомощно повалились, умирая среди окружающаго ихъ ликованія природы. Два уцѣлѣвшіе отъ побоища василька какъ-то сиротливо качались среди этого заустѣнія. А черезъ дорогу въ травѣ цвѣли милліоны

цвѣтовъ, кивали своими чашками лиловые колокольчики, выскакивали пушистыя шапки бѣлой и розовой кашки, желтѣла безчисленными глазками куриная слѣпота.

— Вотъ погляди-ка, обернулся Михайла:—сосна-то... Видишь ты, расщепало ее. Тутъ намедни съ пастуха громомъ убило.

— Пастуха убило, повторилъ Левицкій, вынимая сигару и отворачиваясь въ уголъ экипажа, чтобы закурить ее.—Давно ли?

— Да какъ тебѣ сказать, недѣли съ двѣ будетъ.

Левицкій выглянулъ изъ коляски.

— Вотъ бы его, тутъ подъ этой сосной и похоронить.

— Зачѣмъ подъ сосной! отозвался Михайло обиженно.—Какъ можно, баринъ. Это ему смерть отъ Бога значить. Его попъ въ церквѣ отпѣвалъ.

— А развѣ бываетъ смерть не отъ Бога?

— А какъ же. Вонъ у насъ намедни кузнецъ задался. Нешто это отъ Бога? Такъ, нечистый попуталь.

— А ты Бога боишься? спросилъ Бибииковъ.

— Какъ Бога не бояться. Кого-жъ и бояться, коли не Бога?

— Богъ-то милостивъ, говорятъ. Онъ все прощаетъ.

— Знамо дѣло. Богъ, не какъ свой братъ, скорѣй помилуетъ. Свой братъ хуже!

Михайла вспомнилъ, какъ свой братъ помялъ ему недавно бока за его любовныя похождения, и внезапно ожесточился.

— Свой братъ—ау! продолжалъ онъ разгораясь.—

Не то, что помиловать... онъ норовитъ, какъ бы тебѣ глазъ высадить... А не то, такъ въ рожу заѣдетъ. Свой братъ нѣтъ хуже!

— А тебѣ заѣзжали въ рожу-то!

— Бывало.

— Ну, и ты вѣдь заѣзжалъ?

— Что-жъ мнѣ? Какъ люди, такъ и мы.

— Вѣдь эдакъ изуродовать можно.

— Знаки бываютъ.

— Хороши, я думаю, знаки.

— Да вотъ, какъ вамъ сказать, я лѣтось такъ-то, въ самыя спажинки это было, двѣ недѣли безъ лица ходилъ.

— Какъ безъ лица? удивился баринъ.

— Шкура слѣзла.

Михайла рассказывалъ это совершенно равнодушно. Избалованный службой у господъ, любившій и чайкомъ побаловаться, и сладко поѣсть, онъ въ своемъ презрѣніи къ физической боли, къ лишенію глаза, напримѣръ, или цѣлаго уха, оставался еще совершеннымъ сыномъ природы.

— А хорошо имѣть такой уголокъ! вздохнулъ Левицкій, вбирая въ себя полной грудью крѣпкій запахъ молодыхъ березокъ и той пахучей лѣсной сырости, которая, раздражая нервы, навѣваетъ мысли о молодости и счастьи.

Тонкія, свѣжія березки, то отступая отъ дороги и уходя въ глубину нѣжно зеленѣющихъ полянокъ, то опять придвигаясь къ ней, слабо шевелили листьями и чуть слышно шептались, изрѣдка наклоняясь надъ са-

мой коляской и обдавая пахучей свѣжестью лица сидѣвшихъ въ ней.

— Что вы вздыхаете-то! отозвался Бибиковъ, совершенно равнодушный къ красотамъ природы. — Вотъ, Богъ дастъ, сами помѣщикомъ будете.

Онъ намекалъ этимъ на предполагаемую цѣль его поѣздки: намѣреніе купить по сосѣдству имѣніе, дешево продававшееся. Левицкій имѣлъ тысячъ до десяти и спѣшилъ помѣстить ихъ въ какую-нибудь недвижимость, чтобы не быть опять поставленнымъ въ необходимость платить долги за брата, который все ужъ успѣлъ спустить и, какъ слышно было, выдавалъ опять векселя.

Случай подвернулся очень кстати. Бибиковъ, впрочемъ, и теперь былъ увѣренъ, что имѣніе было только предложено, а настоящей цѣлью поѣздки Левицкаго было желаніе видѣться съ Полѣновыми до отъѣзда ихъ за границу. Его превосходительство не такъ глупъ, думалъ онъ, — чтобы оставить виды на Лизу, которая всегда была и будетъ самой подходящей для него партіей. Деньги у нея есть, положеніе въ свѣтѣ есть, изъ себя она красива и вообще она для гостинной мебели самая подходящая: генеральша изъ нея выйдетъ изрядная!

Возбуждаемый такими мыслями, онъ относился къ своему спутнику какъ-то игриво, съ какой-то невинной усмѣшкой, чего тотъ не могъ не замѣтить.

II.

Доставленные на мѣсто, гости изъявили желаніе умыться и привести себя въ порядокъ. Ихъ провели

во флигель, въ большую, очевидно, нежилую комнату, гдѣ пахло сыростью и ни одно окно не отворялось. Кресла съ выпуклыми и, какъ казалось, очень упругими сидѣньями, оказались тверды, какъ камень, такъ что Бибиковъ, думавшій отдохнуть, и попробовавшій сѣсть на одно изъ нихъ, въ испугѣ вскочилъ. Всѣ столы были съ ящиками и пахли шафраномъ. На окнахъ, и безъ того уже темныхъ, стояли ширмы изъ желтаго стекла.

Пока Левицкій разбиралъ свой несессеръ, вынимая мыло, полотенце и все, что было нужно для мытья, Бибиковъ отыскалъ за шкафомъ какую-то книжонку и самымъ серьезнымъ образомъ принялся ее читать, усѣвшись на окно, съ котораго предварительно снялъ желтыя ширмы.

— Что это вы? спросилъ Левицкій разсѣянно.

— Молитву кіевского іеромонаха нашель. Интересная книжка ей-Богу.

— Вы что же умыться-то хотѣли...

— А? Да, я сейчасъ... Воды еще нѣтъ

Онъ поджалъ ноги и продолжалъ читать. Левицкій вынулъ складное зеркальце и сѣлъ бриться. Онъ нашель, что борода его старитъ и съ нѣкоторыхъ поръ рѣшилъ ее уничтожить.

— Приказали кушать просить! доложилъ лакей, входя съ умывальнымъ приборомъ, въ которомъ плескалась вода, и притворяя ногой дверь.

Левицкій былъ уже готовъ. Бибиковъ вдругъ со всѣхъ ногъ кинулся чего-то искать.

— Интересная книжка! Надо ужъ дочитать, говорилъ

онъ, загибая пальцемъ листы и засовывая ее на ходу въ карманъ.

— Вы чего ищете? спросилъ Левицкій, укладывая папиросы въ свой черепаховый портсигаръ.

— Нѣтъ, ничего! пойдете...

Онъ на ходу застегнулся, попалъ сначала не въ тѣ двери, потомъ съ словами:—А чортъ! всегда ошибаюсь... вышелъ вслѣдъ за своимъ спутникомъ, который спокойно и увѣренно шелъ по незнакомой ему дорожкѣ, между клумбами георгинъ къ бѣлому оштукатуренному дому съ опущенными маркизами на окнахъ.

Въ передней пахло на нихъ опять той же затхлостью нежилого дома, который цѣлый годъ стоялъ запертымъ. Въ небольшой круглой столовой былъ накрытъ обѣденный столъ, но никого еще не было.

— Что-жъ, сказалъ Бибиковъ, замѣтивъ, что Левицкій въ недоумѣніи остановился:—пойдете къ самому.

Самъ былъ у себя въ своей угловой комнатѣ, выходившей окнами въ садъ, гдѣ собственно для него, на какія-нибудь двѣ недѣли, разбивался удивительный цвѣтникъ, куда высаживались всѣ рѣшительно горшки изъ оранжереи и гдѣ каждый горшокъ стоитъ чуть ли не доходовъ съ цѣлой десятины. Полѣновъ былъ скупъ, но когда дѣло шло о томъ, чтобы удивить міръ, онъ денегъ не жалѣлъ.

Его мощная, атлетическая фигура съ сѣдой гривой и надменная складка около губъ, его нѣсколько театральнѣйшій костюмъ, все невольно переносило въ конецъ прошлаго столѣтія, во времена великихъ временщиковъ и красавцевъ-фаворитовъ.

Великая когда-то музыкальная знаменитость, сводив-

шая съ ума своихъ поклонниковъ, онъ до сихъ поръ сохранилъ слѣды своей артистической и гениальной натуры. Онъ любилъ все необыкновенное: необыкновенныя дыни и ананасы на столѣ, старинный фарфоръ, картины, на которыхъ нельзя было разобрать сюжета... Весь его петербургскій кабинетъ былъ полонъ портретами его собственной персоны, писанными кистью различныхъ мастеровъ въ разныя эпохи его жизни. Эти портреты и лавровыя вѣнки, и подарки публики, разставленные подъ витринами, и лестные отзывы, выданные ему отъ разныхъ европейскихъ дворовъ, красовавшіеся тутъ же вмѣстѣ съ лаврами и кубками, все это дѣлало изъ его кабинета какой-то храмъ славы, гдѣ самъ богъ жилъ, правда, воспоминаніями, но гдѣ дымъ славы носился еще въ воздухѣ.

Всѣ его комнаты полны были вещами, сработанными или подаренными его поклонниками. Его туфли, коврики у постелей, абажуры на лампахъ были сдѣланы такими ручками, которыя обыкновенно ничего не дѣлаютъ и считаютъ даже за стыдъ что-нибудь дѣлать.

Когда гости вошли, онъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ у отворенной двери балкона. Огромная датская собака, пестрая, какъ тигръ, въ толстомъ серебряномъ ошейникѣ, на которомъ выпуклыми буквами было изображено ея имя „Брутъ“, лежала растянувшись у его ногъ. Его собаки, такъ же, какъ и лошади, были всегда чѣмъ-нибудь замѣчательны. Прежде знаменитаго Брута, у него былъ не менѣе знаменитый Цезарь, собака до того поразительно похожая на волка, что никто не принималъ ее за собаку. Даже и погибла она трагически: ее задавило глыбой снѣга, свалившейся съ

крыши. Василий Андреичъ приказалъ зарыть ее на дворѣ и поставилъ ей памятникъ. Онъ не любилъ ничего будничнаго, обыкновеннаго, ничего такого, что можетъ имѣть всякій, что доступно толпѣ...

Великіе артисты, боги искусства, доходятъ иногда до сознанія, что все въ нихъ необыкновенно и что жить, какъ живутъ простые смертные, они не могутъ. Къ такому убѣжденію они приходятъ въ разгарѣ своей славы и сохраняютъ его потомъ на всю жизнь. Талантъ слабѣетъ, а убѣжденіе растетъ. Въ такомъ именно положеніи находился Василий Андреичъ, когда ему стукнуло семидесятый годъ. Онъ давно уже оставилъ музыкальную карьеру, изрѣдка только появляясь въ великосвѣтскихъ концертахъ, въ домѣ какого-нибудь титулованнаго мецената. Онъ умѣлъ сойти съ подмостковъ во всей своей славѣ: какъ богъ удалился онъ съ эстрады и сдѣлался невидимъ. Онъ умеръ для публики, но обаяніе его славы осталось. Молодое поколѣніе его не знало, но поколѣніе отжившее вспоминало о немъ со вздохомъ и всегда съ словами:

— Великій былъ талантъ! Теперь такихъ ужъ нѣтъ.

Что касается до него самого, то онъ былъ того же мнѣнія, что такихъ талантовъ, какъ онъ, и нѣтъ, и не будетъ никогда.

Бибикову, какъ своему, онъ дружелюбно кивнулъ и чуть-чуть приподнялся навстрѣчу Левицкому, что было уже знакомъ огромнаго вниманія съ его стороны. Начало ихъ знакомства было довольно оригинально. Они встрѣтились въ постороннемъ домѣ. Пораженный величіемъ Полѣнова и тѣмъ рабскимъ поклоненіемъ, съ какимъ относились къ нему хозяева, Левицкій понялъ,

что онъ ничтожная пылинка передъ этой великой знаменитостью и едва ли даже будетъ замѣченъ ею. Небрежность, съ какой великій артистъ подаль ему два пальца, когда ихъ стали знакомить, и уронилъ нѣсколько словъ въ его сторону, задѣла его за живое.

Онъ самъ сѣлъ бокомъ къ нему и сталъ говорить о томъ, что терпѣть не можетъ музыки, и ничего въ ней не понимаетъ, что во всей музыкѣ онъ признаетъ только одно—народныя пѣсни, да и то когда ихъ поетъ народъ.

— Я не знаю, я вотъ не говорилъ объ этомъ съ знаатоками, заключилъ онъ: — а это вопросъ интересный. Что такое невѣжество музыканта—недостатокъ это или достоинство? Потому что, мнѣ кажется, по своей склонности прикладывать къ дѣлу все свои познанія, если, напримѣръ, выучился геодезіи, такъ онъ ее и въ музыку вводитъ. А она ей-Богу отъ этого не выигрываетъ.

Дѣйствіе этихъ словъ было магическое. Хозяева поблѣднѣли и съ такимъ видомъ посмотрѣли на него, точно хотѣли сказать:

— Зарѣзалъ ты насъ! безъ ножа зарѣзалъ!

Они ждали, повидимому, что ихъ богъ сейчасъ встанетъ и уйдетъ. Но случилось совсѣмъ другое. Богъ оживился, сошелъ съ облаковъ и сталъ спорить, какъ самый обыкновенный смертный. Человѣкъ, не падавшій передъ нимъ ницъ и даже не признававшій того искусства, которому онъ служилъ, показался ему забавнымъ. Онъ вступилъ съ нимъ въ разговоръ. И странная вещь! Оба разстались очень довольные другъ другомъ.

III.

— Такъ вотъ какъ! и вы въ наши края! говорилъ Полѣновъ, показывая этимъ, что онъ никакъ не ожидалъ Левицкаго.

— Да вотъ, это все Петръ Ильичъ... Соблазнилъ меня имѣніе здѣсь купить. Здѣсь по близости Бутурлинское имѣніе продается.

— У насъ условіе, сказалъ Бибиговъ, не сморгнувъ.— Если я ему это имѣніе выгодно куплю, онъ меня на свадьбу позоветъ. Да вотъ онъ все жениться не хочетъ, вотъ подлость какая!

— Что такъ?

— Я думаю, что мнѣ слѣдовало это сдѣлать лѣтъ десять тому назадъ. Но тогда... я тогда могъ бы сказать, какъ одинъ мой знакомый. Когда его спрашиваютъ, отчего онъ не женился, онъ говоритъ: *Kein Geld und keine Zeit!*

— Нѣтъ, что знакомый! Мы про васъ говоримъ... И Бибиговъ, увѣренный, что помогаетъ Левицкому въ его тайныхъ намѣреніяхъ, игриво поглядывалъ на него.

— Вотъ имѣнье-то купите, будете здѣшній землевладелецъ, по выборамъ пойдете служить. Ахъ, да, кстати, вотъ вы капусту-то хотѣли сажать, помните? Вотъ и отлично...

„Экая память дьявольская!“ подумалъ Левицкій и слегка покраснѣлъ.

— Вотъ и Лиза никакъ идетъ, замѣтилъ Бибиговъ.

По дорожкѣ, дѣйствительно, шла Бетси въ скромномъ сѣренькомъ платьѣ, которое могло, однако, стоить рублей полтора, съ пунцовыми бантами на рукавахъ и съ пунцовымъ цвѣткомъ въ головѣ. Она чуть замѣтно улыбалась въ подъ бахрамы зонтика и, поднимаясь по ступенькамъ балкона, слегка приподняла края своего платья, обшитого кружевами. Левицкаго она не ждала и показала ровно столько удивленія, сколько было нужно.

На другое утро часу въ одиннадцатомъ, Бибиговъ поступался къ ней.

— Я пришелъ мѣшать, по обыкновенію.

Съ этими словами онъ отворилъ дверь въ большую, свѣтлую комнату, съ итальянскимъ окномъ, откуда открывался видъ въ поле, съ круглой изразцовой печью, покрытой старинными узорами, съ толстыми, трубящими амурами на потолкѣ, съ гипсовой головой Венеры въ углу и торсомъ какого-то неизвѣстнаго бога, у котораго верхней части туловища не было. На встрѣчу ему встала Бетси въ утренней бѣлой блузѣ, съ открытыми по локоть руками и выпачканными въ краскѣ пальцами. Это была ея мастерская или, какъ она сама называла ее, ея эрмитажъ, гдѣ она снимала копіи съ лѣсныхъ ландшафтовъ и читала своихъ любимыхъ поэтовъ.

— Ты ужъ за работой! сказалъ Бибиговъ, бросивъ невнимательный взглядъ на картину.

— Посмотри! пригласила она. — *Cette plaque d'eau, n'est ce pas que c'est joli?*

— *Glaque d'eau!* какъ это перевести по-русски? Лужа воды или какъ?

Бетси затруднилась.

— Я думаю, пространство воды, сказала она нерѣшительно.

— Пространство воды? Гмъ!.. Оно недурно, только не по-русски. Можно сѣсть здѣсь гдѣ-нибудь?

— Садись! Только, пожалуйста, не разбей ничего, какъ прошлый разъ.

— А прошлый разъ развѣ я что-нибудь...

Раздался страшный трескъ.

— Что такое? обернулась Бетси съ отчаяніемъ.

— Я вошелъ во что-то.

И, привскочивъ, онъ высвободилъ ногу изъ ящика съ черепками, которые тотчасъ же и разсыпались по полу. Тутъ были разныя модели, осколки тарелокъ, чьи-то ноги, руки, носы и цѣлый карнизъ отъ чего-то.

— Я такъ и знала! воскликнула она, опускаясь на стулъ.

— Ну, не пускай меня къ себѣ! ну, что-жъ дѣлать! говорилъ онъ, садясь на полъ и, собирая осколки. — Это вѣдь старье. Ты посмотри! я только добилъ то, что нужно было добить.

Онъ собиралъ гѣрстями осколки и бросалъ ихъ назадъ въ корзину. Бетси закрыла свой мольбертъ и стала убирать кисти.

— Чтò, кончила ужъ?

— Развѣ при тебѣ можно работать?

— Ты боишься, что я опять что-нибудь разобью? Эй-Богу нѣтъ! ей-Богу. Вотъ смотри...

Онъ бросилъ послѣдніе черепки и сѣлъ въ кресло съ ногами.

— Вотъ досада, я, кажется, папиросы забылъ (онъ ощупалъ въ лѣвомъ боку карманъ). Нѣтъ тутъ, слава Богу!

Онъ вытащилъ завернутыя въ бумажку папиросы. Бетси сѣла къ столу и вынула какіе-то рисунки.

— Напомни мнѣ, пожалуйста, сказала она: — я тебѣ куплю портсигаръ.

— Зачѣмъ? Вотъ еще! Чѣмъ это нехорошо? (Онъ развернулъ бумажку). — Отличная вещь!..

— А чтò, спросилъ онъ, помолчавъ: — какъ идутъ твои дѣла съ генераломъ?

— Ты неисправимъ, отвѣтила она, не оборачиваясь. — Вѣчно одно и то же!

— Я хочу подать тебѣ добрый совѣтъ! продолжалъ онъ, не смущаясь. — Вы очень медленно спѣшите. Такъ вы лѣтъ черезъ двадцать дойдете только до перваго объясненія, а такъ какъ я столько лѣтъ не проживу, то и лишень буду удовольствія протанцовать на вашей свадьбѣ.

Бетси продолжала что-то чертить, такъ что видна была только ея тонкая шея съ золотой цѣпочкой креста и зачесанные назадъ, собранные въ одну шишечку, не длинныя, но пушистыя волосы.

— Что-жъ, пожалуй! сказала она какъ-то странно: — сватай меня. И чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше. А за кого — это мнѣ рѣшительно все равно.

Бибиговъ спустилъ ноги съ кресла.

— Какъ я долженъ это понимать?

— А такъ. Я теперь пойду за кого хочешь (Она

встала и поправила волосы). У тебя есть какая-то слабость къ твоему Левицкому. Я ея не раздѣляю, говорю тебѣ откровенно. Но... *au fond ça m'est égal*. Если онъ не лучше, то и не хуже другихъ. Онъ мнѣ всегда казался какой-то умной, но скучной, очень скучной книгой, которую какъ ни читай, никогда не дочитаешь до конца.

— И отлично! воскликнулъ Бибиковъ. — Значить, интересъ никогда не пропадетъ.

— Его нѣтъ совсѣмъ, замѣтила она съ печальной улыбкой.

— Онъ явится потомъ. Да и, наконецъ, о мой другъ, умную книгу хорошо имѣть на столѣ, даже и не разрѣзанною. А глупую ты прочтешь и бросишь подъ столъ. Чтò пользы?

— Это правда... Я боюсь только одного, чтобъ меня не купили за деньги. Мнѣ кажется, что такъ на мнѣ никто не женится. Вотъ почему твой Левицкій—у него вѣдь ничего нѣтъ, ты самъ мнѣ говорилъ—иногда меня... заставляетъ подумать. Что если онъ меня покупаетъ?

— Чтò за мысль! остановилъ ее Бибиковъ, который въ душѣ былъ совершенно увѣренъ, что онъ ее именно покупаетъ.

— И потомъ, продолжала она: — онъ служить, дѣлаетъ себѣ карьеру. Онъ не могъ бы, напримѣръ, уѣхать изъ Петербурга.

— Да куда же уѣхать? за-границу?

— Нѣтъ, ты знаешь, папа дастъ мнѣ имѣнье. Я хотѣла бы жить тамъ. Это моя мечта. Я давно объ этомъ думаю.

— Что же ты тамъ будешь дѣлать?

— Я отдамъ его въ аренду, объясняла она, немного конфузясь:—и сама буду жить тамъ, а потомъ разъ въ недѣлю по воскресеньямъ буду собирать у себя арендаторовъ, буду дѣлать имъ маленькіе вечера...

— Кому это? купцамъ-бородачамъ, которые ходятъ въ смазныхъ сапогахъ и будутъ твою землю сдавать мужикамъ за двойную цѣну?

— Да нѣтъ! совсѣмъ нѣтъ, перебила она горячо. — Я ее сдамъ простымъ рабочимъ, фермерамъ. У насъ совсѣмъ нѣтъ фермеровъ, это надо сдѣлать, говорила она, затрудняясь выраженіями.—Отчего же за-границей это есть, а у насъ нѣтъ. Это очень хорошо... *c'est une très bonne institution*. А мы живемъ въ Петербургѣ, мы въ деревнѣ никогда не живемъ. Это пусто, это, какъ бы тебѣ сказать, скучно даже.

— Ну, скука—это у васъ семейная черта.

— Нѣтъ, ты меня не понимаешь! продолжала она, волнуясь.—Я не умѣю говорить. Я не могу тебѣ объяснить, чего именно я хочу. Ты не знаешь моей жизни! Она такъ глупо проходитъ! такъ глупо, такъ глупо, что я не умѣю даже сказать тебѣ...

Бибиковъ былъ совершенно равнодушенъ къ этимъ жалобамъ свояченицы. Онъ слишкомъ напоминали ему стоны его жены. Къ тому же онъ, по натурѣ своей, былъ рѣшительно неспособенъ раздѣлять чужое горе. Онъ никогда, поэтому, не ѣздилъ въ дома, гдѣ были больные, покойники и семейныя непріятности.

— Что твоя жизнь идетъ глупо, ты этимъ, мой другъ, не убивайся. У кого она идетъ умно? Ты постарайся. чтобъ она шла пріятно—*voilà*! Вотъ въ чемъ вопросъ!

Генераль будетъ тебѣ говорить, что сила не въ этомъ, что главное въ жизни долѣ. Ты ему не вѣрь. Это онъ претъ. Это онъ только съ виду такой, что къ нему на рыжей коровѣ не подъѣдешь; въ сущности, онъ малый ничего себѣ. Онъ спитъ, и видитъ, какъ бы ему пожить въ свое удовольствіе. Теперь онъ тебѣ этого не скажетъ, а вотъ будешь его женой, погоди...

— Мнѣ правится въ немъ одно, сказала она задумчиво:—это его поступокъ съ Алексѣемъ. Всѣ отъ него отвернулись, онъ одинъ его не оставилъ. Je ne sais, il y a quelque chose de noble au fond de tout cela.

— Ну, да. Нѣтъ, да онъ славный малый, хвалилъ его Бибиновъ, который въ дупѣ считалъ этотъ самый его поступокъ съ Яковлевымъ не стѣющимъ вниманія.— „Въ дружбу играетъ! рѣшилъ онъ, въ великодушіе“... Но разъ уже пустившись сватать его, онъ никакъ не могъ остановиться, хотя рѣшительно не могъ бы сказать, изъ-за чего онъ такъ хлопочетъ. Просто ему хотѣлось удрать штуку, какъ онъ иногда выражался, а потомъ посмотреть, что изъ этой штуки выйдетъ.

IV.

Въ тотъ же день послѣ обѣда, за которымъ подавались какія-то удивительныя кушанья, которыя, однако, не всѣ можно было ѣсть, приказано было опять заложить парадный фаэтонъ, чтобы везти гостей въ имѣнье къ Бутурлинымъ. За обѣдомъ Левицкій сидѣлъ рядомъ съ Бетси, но говорить съ ней не могъ, потому что

все время къ нему обращался съ разговоромъ самъ хозяинъ.

Вставая изъ-за стола, чтобы пойти къ себѣ во флигель покурить, онъ многозначительно взглянулъ на Бетси, которая отвѣтила ему такимъ же многозначительнымъ взглядомъ. Настроенная Бибиновымъ, она уже сама начинала жалѣть, что дѣло затягивается и нельзя тутъ же, не выходя изъ-за стола, покончить его.

— Voulez-vous faire un tour de jardin? предложила она.

Левицкій молча поклонился и пошелъ вслѣдъ за ней къ балкону.

— Курить позволяется? спросилъ онъ, спускаясь въ садъ.

— Сколько хотите!

Она подняла опять свои кружевные юбки, считая неприличнымъ мести ими дорожки сада. На этотъ разъ она была вся въ черномъ,—цвѣтъ, который шелъ къ ней особенно. Ея плечи и руки, сквозившія изъ-подъ чернаго барежа, были необыкновенно хороши, она это знала и какъ-то снисходительно улыбалась, точно проси извиненія за свою слишкомъ явную красоту. Но она не была красавицей, и это она тоже знала; она была въ модѣ, была très comme il faut, и за ней увивались толпы молодыхъ людей. Здѣсь, въ этой деревенской глуши, гдѣ иго семейнаго деспотизма чувствовалось особенно сильно, она рада была всякому, кто вырвался бы ее изъ отцовскаго дома. И Левицкій, который зимой получилъ бы вѣрнѣйшій отказъ, здѣсь имѣлъ сто шансовъ противъ одного, что получить ея согласіе. Она ждала, съ чего онъ начнетъ. Но онъ только похвалилъ

садъ и нашель, что домъ значительно бы выигралъ, еслибъ его перенесли подальше.

— Ахъ, это все равно, замѣтила она. — Мы здѣсь никогда почти не живемъ. Я не знаю, что вамъ за охота покупать здѣсь имѣнье. Такое противное мѣсто!

Онъ посмотрѣлъ на ея профиль и съ видомъ знатока скользнулъ взглядомъ по ея плечамъ. — Желаніе быть ближе къ вамъ! хотѣлъ онъ сказать, но языкъ не повернулся.

— Я люблю сѣрую русскую природу. Я нигдѣ не чувствую себя такъ хорошо, такъ какъ-то грустно хорошо, какъ въ этихъ сѣренскихъ поляхъ. Это мое, родное... Вся моя жизнь такая же тусклая и непріятная, какъ вотъ эта родная картина.

— Тѣмъ болѣе! возразила она, чуть-чуть дрогнувъ бровью. — Тутъ еще скорѣе хочется отдохнуть хоть на чемъ-нибудь. Нельзя же всю жизнь прожить безъ удовольствій.

— Вы молоды, въ ваши годы это понятно. Но есть извѣстные года, извѣстный взглядъ на жизнь, когда все это кажется такимъ пустымъ звукомъ! Я вошелъ въ тѣ лѣта, когда остаются однѣ обязанности, правъ больше нѣтъ. Права на что? на удовольствія? на радости жизни? Я свою долю получилъ. Какъ я съ нею распорядился, это другой вопросъ. Думаю, что еслибъ мнѣ предложили жить сначала, я бы распорядился иначе.

Они вошли въ тѣнистую дорожку, и она опустила зонтикъ, который своей бахромою закрывала ея прекрасные глаза.

— Мнѣ вотъ что интересно... Вы сейчасъ сказали, что еслибы можно было жить сначала...

— Да? повторилъ онъ вопросительно.

— Что бы вы сдѣлали тогда?

— Я бы прежде всего женился и, за невозможностью сдѣлать что-нибудь порядочное изъ себя, сдѣлалъ бы порядочныхъ людей изъ моихъ дѣтей.

— Это еще отъ васъ не ушло и теперь.

— Я слишкомъ старъ, чтобы надѣяться поставить моихъ дѣтей на ноги. А имѣть ихъ только для того, чтобы бросить потомъ на произволъ судьбы, это не только жестоко, это просто преступленіе. Я бы спрашивалъ себя постоянно, имѣлъ ли я въ сущности право дать имъ жизнь.

„О чемъ это онъ? думала она, замедляя шагъ. — Чего онъ еще ждетъ? Развѣ онъ не знаетъ, что послѣ завтра мы уѣзжаемъ“.

И досада, нетерпѣніе, волненіе вызвало слабую краску на ея лицо.

— Вы устали? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, отвѣтила она съ досадой.

— Какъ это непріятно, что мнѣ нужно нынче бѣжать къ этому господину.

— Развѣ это такъ необходимо?

Онъ поднялъ голову и встрѣтилъ ея строгій, недоумѣвающий взглядъ. Значеніе его осталось для него темно. Политика Бибикова была ему неизвѣстна и весь ихъ утренній, столь интересный для него разговоръ оставался для него тайной.

— Какъ, развѣ это необходимо? возразилъ онъ, смѣясь. — Я шестьсотъ верстъ сдѣлалъ для того, чтобы видѣться

съ нимъ. Вы хотите, чтобы я сдѣлалъ еще шестьсотъ и уѣхалъ отсюда, не выдавши его! Знаете, вы мнѣ напомнили одно очень старинное четверостишіе, которое я читалъ, помнится, въ какихъ-то толстыхъ книжкахъ, отъ которыхъ пахло мышами:

Non, pour te voir trois mille pas
A mon empressement, Clyton, ne content guère,
Mais il me coûte trop d'en faire
Six mille pour ne te voir pas.

„Каковъ! Онъ мнѣ еще стихи читаетъ! разсердилась она. — А все этотъ глупый Бибииковъ. Чего онъ тутъ напуталъ!“...

— Merci за вашу любезность, сказала она насмѣшливо, скрывая подъ улыбкой кипѣвшую въ ней досаду. — Вы такъ торопитесь объяснить, что вы пріѣхали къ какому-то Бутурлину, что мы, какъ бы ни желали этого, никакъ не можемъ принять вашъ визитъ на свой счетъ.

Левицкій бросилъ недокуренную сигару въ траву и быстро обернулся.

— А что бы вы сказали, еслибы я сказалъ вамъ, что сдѣлалъ тысячу верстъ для того, чтобы видѣть васъ... васъ одну?

Бетси поблѣднѣла. Неожиданность этого перехода испугала ее.

— Это неправда, пробормотала она и сама почувствовала, что нужно было сказать не то.

— А между тѣмъ это такъ, повторилъ онъ печально. — Я ѣхалъ для васъ; и вы это знали.

Она молчала. „Неужели? думала она съ ужасомъ. — Вотъ еще одно слово и все кончено... И назадъ ужъ нельзя вернуться“.

— Вы знаете, что за этимъ слѣдуетъ? продолжалъ онъ, понижая голосъ. — Вы угадываете, что я хочу вамъ сказать теперь?

Она молчала. Въ этомъ случаѣ, она знала, молчаніе не портитъ ничего. А мысли съ непривычной для нея быстротой неслись у нея. Она чувствовала не то, чтобы страхъ, а скорѣй разочарованіе и не смѣла поднять глазъ, чтобы не увидать его такимъ, какимъ она привыкла видѣть его: некрасивымъ и не совсѣмъ ужъ молодымъ. „Однако, нравится же онъ женщинамъ! думала она, вспоминая свою сестру, которая была отъ него безъ ума. — Нѣтъ, въ немъ есть что-то такое... Онъ уменъ, онъ далеко пойдетъ“.

Дальше она не помнила. Онъ что-то говорилъ ей, она сказала: да.

— Я не хочу обманывать васъ, продолжалъ онъ. — Соединяя свою судьбу съ моею, вы теряете право на лучшую и, конечно, болѣе блестящую партію. Я бѣденъ... вы это знаете, впрочемъ. Я не скрывалъ этого. (Онъ говорилъ это съ какимъ-то удовольствіемъ, точно мстилъ ей за то, что она такъ скоро согласилась). Я незнатнаго происхожденія. Но... увѣрены ли вы, что вашъ отецъ посмотритъ на это такъ же?

Она рѣшилась, наконецъ, взглянуть на него. „Какой онъ маленькій!“ подумала она.

— Папа васъ очень уважаетъ.

— Я не молодъ... Мнѣ тридцать пять лѣтъ—вамъ двадцать.

Она опять посмотрѣла на него. „Тридцать пять лѣтъ! Это еще не такъ много“.

— Теперь... самое тяжелое для меня признаніе. Я

очень самолюбивъ. Я не прощаю обидъ. Этого я не говорилъ еще ни одной женщинѣ. Но той, которая будетъ моей женой, я долженъ сказать все.

Она чувствовала, что смѣлость оставляетъ ее. У него вдругъ зазвучали какія-то ноты, прежде ей незнакомыя.

— Вотъ мои недостатки. Теперь достоинства. (Онъ остановился). Вы видите, я откровененъ... Начнемъ съ отрицательныхъ. Въ карты я не играю; вино пью, но умеренно; о честности я думаю вмѣстѣ съ однимъ французскимъ поэтомъ, что есть честность двоякаго рода, одна — это честность обиходная, для домашняго употребленія, ровно настолько, сколько нужно, чтобы не быть повѣшеннымъ; другая — честность безусловная, не только поступковъ, но даже и мыслей. Последнюю я уважаю и насколько возможно стараюсь къ ней приблизиться... Что съ вами? Вы очень блѣдны.

— Я устала, могла она только выговорить и шатаясь, опустилась на скамью.

Онъ припалъ губами къ ея рукѣ.

— Дитя мое! еслибы вы знали, какъ я счастливъ!

V.

Черезъ часъ онъ ужъ уѣхалъ съ Бибиковымъ смотрѣть имѣніе. Нѣсколько минутъ, проведенныхъ имъ въ саду, настолько измѣняли всѣ его планы, что о покупкѣ имѣнія онъ ужъ не думалъ, но ѣхалъ потому, что далъ слово Бибикову и не хотѣлъ объяснять то, что произошло въ саду. Видъ у него былъ возбужденный и настолько непривычный ему, что Бибиковъ, сидѣвшій

съ нимъ рядомъ въ экипажѣ, нѣсколько разъ удивленно оглядывался. „Что съ нимъ? или онъ звѣзду получилъ?“ думалъ онъ съ недоумѣніемъ. Мысль о сватовствѣ не приходила ему въ голову. По его мнѣнію, Левицкій такъ скоро это сдѣлать не могъ. „Ему надо на это, по крайней мѣрѣ, мѣсяцевъ пять! думалъ онъ. — Да и послѣ этого онъ въ двухъ словахъ не объяснится, а непременно письменно, и тоже листахъ на пяти. Можетъ быть, онъ что нибудь и закинулъ, въ родѣ того, что я, дескать, томлюсь въ одиночествѣ, да такъ и оставилъ до будущаго года“.

— Что я все хочу васъ спросить, да все забываю, началъ онъ. — Что Яковлевъ? Я его сто лѣтъ не видалъ. Онъ вѣдь у васъ теперь служить?

Левицкій, за минуту весело шутившій, вдругъ сдѣлался серьезенъ.

— Да, онъ у меня служить. Онъ жалкій человѣкъ.

— А что?

— Да въ тридцать лѣтъ трудно ломать себя. Надо отказаться ото всего, что вошло въ плоть и кровь, вмѣстѣ съ разными барскими привычками, съ небрежнымъ отношеніемъ къ дѣлу, съ сознаниемъ, что я самъ себѣ господинъ и никого знать не хочу. Это хорошо, конечно, быть себѣ господиномъ, да только не въ томъ смыслѣ, какъ мы это понимаемъ.

„Эге, да друзья-то должно быть... того! подумалъ Бибиковъ. — Тутъ что-то не ладно.“

— Про меня говорятъ, продолжалъ Левицкій, — что я чиновникъ, который лѣзетъ въ литературу. Можетъ быть, не спорю... (Бибиковъ вдругъ жестоко покраснѣлъ и какъ-то усиленно заморгалъ. Фраза эта была сказана

имъ и неизвѣстно какимъ образомъ дошла до Левицкаго). И можетъ быть, это очень смѣшно, что чиновникъ лѣзетъ въ литературу, но, смѣю васъ увѣрить, что еще смѣшнѣе, когда литераторъ надѣваетъ чиновничій мундиръ. Я, конечно, это не про Алексѣя говорю... У него есть настолько такта, чтобы не быть смѣшнымъ, но... Эта служба не по немъ. Это вѣдь нашему брату, чернорабочему. Насъ пирожнымъ не кормили, а толкнули въ жизнь и сказали: ступай, пробирай себѣ дорогу самъ! Оттого мы, можетъ быть, съ такой наглостью и въ литературу лѣземъ, что насъ ужъ ничѣмъ не удивить.

Бибиковъ опять заморгалъ.

— Да, сказалъ онъ, рѣшившись на этотъ разъ хоть сподличать, чтобы загладить свою вину. — Это все продукты крѣпостного права, хоть бы тотъ же Яковлевъ... На даровыхъ хлѣбахъ росли, папеньки предводительствовали...

— Въ судьбѣ Алексѣя есть много трагическаго, промолвилъ Левицкій задумчиво. — Онъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые въ свое время не попали на настоящую дорогу и потомъ ужъ, какъ ни бьются попасть на нее — не могутъ!

Бибиковъ почесалъ себѣ кончикъ носа.

— Ну, батенька!.. Я что-то въ этихъ неудачниковъ не больно вѣрю.

— Нѣтъ, его нельзя назвать неудачникомъ. Неудачники всѣ кислые и злые на весь мѣръ. Это своего рода старыя дѣвы. Первую половину жизни они все чего-то ждутъ, вторую — на все брюзжаютъ. И потомъ, неудачникъ обыкновенно ничего не сдѣлалъ. Онъ все только

собирался что-то сдѣлать. Есть другого сорта люди, которые могли много сдѣлать и дѣйствительно сдѣлали, только не все, что могли. Причины этому различны. Но чаще всего одна преобладающая: это болѣзнь воли. Болѣзнь страшная, страшнѣе всякихъ тифовъ и дифтеритовъ... Славный лѣсъ какой! оглянулся онъ на крупныя старыя сосны, утонувшія корнями въ густомъ коврѣ сырого мха.

— Ну, а что? продолжалъ Бибиковъ. — Вы вотъ у него часто бываете, какъ вы находите его жену?

Левицкій посмотрѣлъ вдаль.

— Какъ вамъ сказать? Я нахожу, что она женщина хорошая...

Бибиковъ оглянулся. Тонкія губы его спутника сложились въ какую-то неестественную улыбку. Онъ придавали ему то странное не то сентиментальное, не то злое выраженіе, которое заставило одну женщину сказать про него, что онъ принадлежитъ къ породѣ хитниковъ. Слова Бибикова вызвали на его лицѣ что-то похожее на чувство физической боли. Они дѣйствительно задѣли его больное мѣсто. Чувство его къ Нинѣ принимало острый характеръ, какого оно не имѣло годъ тому назадъ. Это было старое вино; оно ударило ему въ голову. Въ его отношеніяхъ къ ней, думалъ онъ, было что-то фатальное. Въ сущности фатальнаго ничего не было, а было просто желаніе овладѣть ею; вырвать съ корнемъ больной зубъ и забыть о немъ. Вопросы Бибикова были ему неприятны; теперь особенно, когда судьба его связана съ другой. Онъ сдѣлалъ усиліе, чтобы пробудить въ себѣ нѣжность къ невѣстѣ, но душа его страннымъ образомъ оставалась холодна.

И опять воспоминаніе о больномъ зубѣ представилось ему. Нѣтъ, надо было все это скорѣй кончить. Къ тому же, его отношенія къ Яковлеву становились съ нѣкоторыхъ поръ слишкомъ натянутыми.

VI.

Вернувшись въ Петербургъ, онъ вдругъ почувствовалъ, какъ слетѣла съ него вся эта блажь. Дорога на него, какъ и на Бибикова, производила благотворное вліяніе. Онъ чувствовалъ себя свѣжѣй. Въ немъ вдругъ закипала новая жизнь, мысль-приобрѣтала необыкновенную ясность и блескъ, будущее всецѣло принадлежало ему. Что тамъ, гдѣ-то, были какіе-то Яковлевы, объ этомъ онъ какъ-то смутно и не безъ труда вспоминалъ. Видъ пыльнаго Петербурга, загороженныхъ лѣсами домовъ и варившагося на улицахъ асфальта подѣйствовалъ на него возбуждающимъ образомъ. Да, Петербургъ былъ ему родной городъ и, хотя онъ восхищался сѣрыми русскими полями, но душныя петербургскія улицы были ему милѣй всякихъ полей и лѣсовъ.

Мысль, что онъ человѣкъ уже почти женатый и притомъ на одной изъ богатыхъ невѣстъ Петербурга, тотчасъ же положила свою особую дѣловую складку на его лицѣ.

Согласіе Полѣнова было получено. Онъ далъ его, хотя и свысока, но все-таки далъ. Поѣздка за-границу не была отложена, но было рѣшено вернуться раньше, чтобы заняться приданнымъ и вообще денежными дѣлами невѣсты. Петербургскимъ роднымъ Полѣновыхъ ничего

еще пока не было извѣстно, но Левицкій, увидавъ у себя на столѣ карточку стараго гофмейстера, своего ближайшаго начальника по службѣ и родного дяди своей невѣсты, рѣшилъ въ тотъ же день отдать ему визитъ.

Кромѣ чисто родственныхъ чувствъ, тутъ было еще кое-что другое: желаніе укрѣпить за собой позицію и найти въ этой семьѣ точку опоры противъ своихъ все умножающихся враговъ въ министерствѣ. Со вступленіемъ новаго лица въ управленіе министерствомъ, нашъ герой почувствовалъ, что почва подъ нимъ колеблется. Онъ былъ повышенъ, получилъ прибавку содержанія и вообще все видимыя знаки отличія получилъ, но не получалъ невидимыхъ, тѣхъ, къ которымъ его душа стремилась особенно. Его новый начальникъ былъ съ нимъ какъ-то изысканно вѣжливъ, но при этомъ ставилъ барьеръ, за который приглашалъ его не переходить.

Онъ звалъ его даже на вечера къ себѣ, но на этихъ вечерахъ Левицкій чувствовалъ себя совершенно одинокимъ. Нигдѣ онъ не сознавалъ съ такой болью своего плебейскаго происхожденія, какъ въ этой толпѣ, наполняющей министерскія гостинныя. На него смотрѣли тамъ или съ удивленіемъ, или просто не замѣчали. Но ничто такъ не оскорбляло его, какъ невниманіе къ нему женщинъ. Вражду мужчинъ онъ еще могъ объяснить себѣ: это была ненависть людей, увидавшихъ среди себя болѣе умнаго и талантливаго, чѣмъ они, и вдобавокъ еще человѣка не ихъ круга. Но пренебреженіе женщинъ, которыя едва отличали его отъ лакеевъ, разносившихъ гостямъ чай, изъ которыхъ ни одна по-

чти не хотѣла говорить съ нимъ, не интересовалась съ нимъ познакомиться, а, познакомившись, черезъ минуту забывала—это давило, принижало его, это возбуждало въ немъ тайную ненависть къ нимъ. Онъ отмѣчалъ тѣхъ, которые были лучше другихъ одѣты и держали себя надменнѣе и говорилъ себѣ: вотъ эту хорошо бы имѣть своей любовницей. Среди этого блеска свѣчей, звѣздъ и женскаго тѣла, онъ впервые почувствовалъ, какой звѣрь въ немъ просыпается и хищными глазами смотрѣлъ на всѣхъ красивыхъ и некрасивыхъ женщинъ, проходившихъ передъ нимъ.

— Надо, однако, съѣздить къ гофмейстеру! вспомнилъ онъ, перебирая письма, накопившіяся въ его отсутствіе и отпивая маленькими глотками черный кофе, оставленный передъ нимъ.

Послѣ писемъ онъ принялся за бумаги. Одна изъ нихъ вызвала на его лицо тѣнь неудовольствія. Это была статистика его отдѣленія. Статистика вообще не пользовалась уваженіемъ въ министерствѣ. Его предпослѣдствіи никогда въ нее не заглядывалъ и даже на домъ къ себѣ не бралъ. Левицкій поступалъ иначе: онъ бралъ ее къ себѣ и... никогда не читалъ. Отъ этого вообще между чиновниками сложилось убѣжденіе, что, составляя ее, можно врать, сколько угодно, никто повѣрять не станетъ. Развѣ начальникъ отдѣленія возьметъ бумаги къ себѣ на домъ и, подержавши ихъ нѣсколько времени, скажетъ, что прочелъ, что все вѣрно, а въ дѣйствительности и не заглядывалъ. Другое дѣло, когда нужно было написать какую-нибудь колкую бумагу въ другое вѣдомство: тутъ все министерство ее читало и перечитывало, обдумывая каждое выраженіе.

Все это было такъ обыкновенно, что Левицкій объ этомъ и не думалъ. Но тутъ между бумагами была одна, написанная Яковлевымъ. Это возбудило въ немъ разныя непріятныя воспоминанія и, между прочимъ, о томъ, что Яковлевъ позволялъ себѣ разныя фамиллярности на службѣ и послѣдній разъ при всѣхъ сказалъ ему ты. Онъ не могъ не признаться, что онъ самъ всему виною. Къ чему было навязывать себѣ эту дружескую обузу? Дрянные аристократишки, какъ онъ мысленно называлъ своихъ враговъ, не прощали ему опредѣленія Яковлева, этого новаго вторженія плебейскаго элемента въ ихъ среду. Случилось то, что онъ и предвидѣлъ: на него стали коситься.

Покончивъ съ бумагами, онъ одѣлся и поѣхалъ къ гофмейстеру.

VII.

Старый гофмейстеръ Д., извѣстный своей суетливостью и тѣмъ, что онъ каждый день загонялъ пару лошадей, объѣзжая весь Петербургъ, гдѣ, по его словамъ, были у него все важныя дѣла, въ этотъ день, сверхъ обыкновенія, сидѣлъ дома.

Въ своемъ синемъ халатѣ, съ мягкимъ, какъ подушка лицомъ, съ совершенно голымъ черепомъ, обрамленнымъ бѣленькой бахромкой и съ пухлой шеей, на которой отъ толщины обозначилась складка, онъ похожъ былъ на жирный комъ, ни мало не помятый жизнью.

Несмотря на свои шестьдесятъ пять лѣтъ, онъ былъ очень рѣзвъ, вскакивалъ съ постели въ семь часовъ утра

и съ семи до двѣнадцати наполнялъ время суетой, перелистываньемъ ненужныхъ бумагъ, бранью съ камердинеромъ и, наконецъ, пересматриваньемъ счетовъ, которыми въ изобиліи награждали его жена и дѣти. Въ двѣнадцать онъ завтракалъ, одинъ, потому что у домашнихъ только еще начиналось утро, и отправлялся на службу. Часамъ къ пяти карета привозила его обратно.

Съ этихъ поръ до обѣда онъ спалъ, послѣ обѣда, если не было постороннихъ, онъ спалъ опять или вѣрнѣе дремалъ въ гостинной у жены, всегда недовольный тѣмъ, что она не умѣетъ его занять.

— Ну, вотъ, говорилъ онъ:—что это за удовольствіе? соберутся и сидятъ. Чего сидятъ?

— Ахъ, Pierre, замѣчала ему жена:—да иди, пожалуйста, къ себѣ!

— Да не могу я идти къ себѣ. Можно, наконецъ, придумать что-нибудь... развлеченіе какое-нибудь.

— Какое же развлеченіе? Ну, пошли за кѣмъ-нибудь.

— Что такое пошли! Развѣ я въ своей семьѣ не могу найти развлеченія? Что мнѣ, музыкантовъ что ли нанимать? Или этихъ вашихъ спиритовъ, которымъ по сту рублей за вечеръ платить, чтобы они меня въ глаза дурачили. Да я лучше на эти деньги пьянъ напьюсь. Je me griseraï pour cet argent là.

Гофмейстерша вздыхала. Она знала, къ чему это клонится. Старикъ хотѣлъ, чтобы кто-нибудь съѣлъ играть съ нимъ въ шахматы, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ и, проигрывая, всегда сердился, хотя, кромѣ ходовъ, въ игрѣ едва ли что-нибудь смыслилъ. А между тѣмъ, чтобы не было въ домѣ крику, необходимо было, чтобы кто-нибудь ему проигралъ. Кромѣ шахматовъ, онъ

игралъ съ домашними въ карты, въ скучнѣйшую игру „мистигри“, которой научила его какая-то австрійская графиня.

Съ посторонними онъ игралъ въ вистъ по четверти копѣйки; по большой онъ не садился, изъ боязни проиграть свое состояніе. И въ клубѣ, гдѣ всѣ знали его за миллионера, онъ до тѣхъ поръ блуждалъ по заламъ, пока не находилъ себѣ партнера по четверти копѣйки.

Скупъ онъ былъ ужасно, и въ тѣ дни, когда нужно было платить по счетамъ жены, выѣзжалъ изъ дому раньше, пріѣзжалъ позднѣе, дольше бранился съ камердинеромъ и называлъ дѣтей неблагодарными. Какой бы обѣдъ ему ни подали—въ эти дни, онъ всегда находилъ его слишкомъ тяжелымъ и, показывая пальцемъ на то мѣсто груди, гдѣ у него будто бы остановилось все съѣденное за обѣдомъ:

— Я не варю! кричалъ онъ. — Je ne digère plus. Меня отравить хотятъ.

Жены своей онъ боялся и, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда нужно было платить за нее деньги, не смѣлъ ей ни въ чемъ отказать. Всѣ свои дѣлишки онъ держалъ отъ нея въ тайнѣ и спѣшилъ кончать потихоньку, чтобы никто въ домѣ не зналъ. Страсть дѣлать что-нибудь потихоньку была въ его характерѣ. Какъ и всѣ слабохарактерные люди, онъ боялся и не любилъ возраженій. Онъ все маклачилъ что-то про себя, запираясь на замокъ. Нужно ли было продать двѣ десятины лѣсу или перемѣнить обои въ кабинетѣ, онъ держалъ это въ большой тайнѣ ото всѣхъ.

Когда Левицкій пріѣхалъ, его приняли не сразу. Его превосходительство былъ занятъ, ея превосходительство

была не одѣта. Его просили подождать и провели въ маленькую гостинную, гдѣ всѣ стѣны были завѣшаны портретами гофмейстера, гофмейстерши и ихъ дѣтей во всевозможныхъ костюмахъ: итальянскихъ, тирольскихъ, рыбацкихъ, пастушьихъ... Желаніе увѣковѣчить себя было, какъ видно, очень сильно въ этомъ семействѣ.

Левицкому пришлось дожидаться недолго. Старикъ, услышавшій звонокъ, послалъ узнать, кто пріѣхалъ и, узнавъ, что Левицкій, велѣлъ его просить. По службѣ Левицкій числился его помощникомъ; на дѣлѣ онъ всѣмъ управлялъ, а гофмейстеръ только суетился и подписывалъ бумаги. Подписывалъ онъ все, что бы ему ни подали, но всегда предварительно поспоривъ и на шумѣвъ. Вообще онъ былъ старикашка невыносимый и служить съ нимъ было непріятно. Еслибъ не его связи и не его вліятельное положеніе, Левицкій давно сбумѣлъ бы его ограничить. А сдѣлать это было не трудно: стоило только слегка прикрикнуть на него, и онъ тутъ же, бывало, присмирѣетъ.

— Что вы на меня кричите? говорилъ онъ въ такихъ случаяхъ, но сейчасъ же спадалъ съ тону.

„Сказать ему развѣ, что я женюсь на его племянницѣ? думалъ Левицкій, глядя, какъ суетливый старикашка рылся на столѣ, отыскивая свое пенсне.—Нѣтъ, подожду! Пускай сами узнаютъ, а то это будетъ имѣть видъ, какъ будто я напрашиваюсь къ нимъ въ родство“.

— Ну, что? слышали про нашу комиссію? спросилъ гофмейстеръ, укрѣпивъ на носу пенсне, которое, зашептивъ ему кожу между глазъ, придавало ему смѣшное выраженіе. — Дроздовъ предсѣдательствуетъ! слышали? Ученыхъ хочеть пригласить. И вы тоже будете?

Левицкій заявилъ, что онъ выбранъ секретаремъ. Комиссія эта, о которой не могъ равнодушно говорить гофмейстеръ, потому что тамъ предсѣдательствовалъ его врагъ Дроздовъ, возбуждала тайную радость Левицкаго, много работавшаго по вопросу, который долженъ былъ тамъ обсуждаться. Онъ видѣлъ въ этомъ случай выдвинуться и еще разъ напомнить о себѣ. Послѣ долгихъ лѣтъ службы, съ именемъ вполне уже составленнымъ, тяжело было видѣть себя опять въ положеніи школьника, сдающаго свой первый экзаменъ, но онъ не даромъ говорилъ про себя, что онъ чернорабочій и труда не боится. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые живутъ не настоящимъ, а будущимъ. Каковы бы ни были ихъ дарованія, ихъ неограниченныя желанія всегда превышаютъ средства къ ихъ удовлетворенію. Отъ этого въ душѣ ихъ горитъ неугасимый огонь желаній. Они раньше времени старѣютъ и, потерявши на половинѣ своего жизненнаго пути волосы, здоровье, краски на лицѣ, до послѣднихъ лѣтъ сохраняютъ только лихорадочный блескъ взгляда и нервность движеній.

Просидѣвъ около часа съ гофмейстеромъ, онъ получилъ приглашеніе отъ хозяйки пожаловать къ ней. Ее онъ засталъ не одну, а съ гостемъ. Гость, Феодоръ Феодоровичъ Арнольдъ, былъ молодой человекъ, постоянный посѣтитель ихъ дома, проводившій все свое время съ хозяйкой. Левицкій ни минуты не обманывался насчетъ ихъ истинныхъ отношеній и вмѣстѣ со всѣми смотрѣлъ на него, какъ на послѣднюю любовь гофмейстерши. Въ молодости она имѣла ихъ нѣсколько, но съ теченіемъ времени успокоилась на одной. Она была когда-то хороша и до сихъ поръ сохранила слѣды ми-

ловидности. Одѣвалась она молодежово и любила слыть за старшую сестру своей дочери. Никто изъ домашнихъ не видалъ ее иначе, какъ во всемъ парадѣ и едва ли кто-нибудь изъ дѣтей зналъ достоверно, что у нея свое и что чужое.

Когда Левицкій вошелъ, она что-то вязала, а рядомъ съ ней на низенькой табуреткѣ сидѣлъ Арнольдъ съ записной книжкой, въ которой отмѣчалъ что-то ногтемъ. Онъ вскинулъ на него лорнетъ, холодно поклонился и продолжалъ свои отмѣтки. Между нимъ и Левицкимъ былъ антагонизмъ двухъ людей, дѣлающихъ себѣ карьеру, изъ которыхъ каждый, по своему, думаетъ о другомъ, что онъ подлець. Арнольдъ былъ красивъ. Въ его лицѣ было и нахальство, и фатовство, и большая искра ума: глаза сѣрые съ блескомъ, волосы рѣдкіе, зачесанные назадъ, губы красивыя, но чувственные. Въ общемъ то вызывающее выраженіе, которое нравится женщинамъ. Гофмейстерша встрѣтила Левицкаго очень любезно. Разговоръ зашелъ, между прочимъ, о Яковлевѣ и коснулся его газеты. По этому поводу, гофмейстерша выразилась, что русскія газеты ее не удовлетворяютъ, что это не органы, а просто спекуляція.

— C'est une manière de gagner sa vie. Приходите и пишите, что хотите... pourvu que vous payiez. Заплатите деньги и пишите.

— Вы немножко не такъ выражаетесь, замѣтилъ Арнольдъ.— Тотъ, кто пишетъ, ничего не платитъ, а, напротивъ, ему платятъ.

Гофмейстерша смѣшалась. Она помнила, что однажды, когда ее мужъ написалъ статью о землевладѣніи, то за помѣщеніе ея въ какой-то газетѣ заплатилъ триста

рублей. Это она помнила и изъ этого вывела свое ошибочное заключеніе. Но съ женскимъ тактомъ тотчасъ же поняла свою ошибку и не стала разъяснять ее, а, напротивъ, скользнула по ней.

— Это все равно, проговорила она. — Peu importe. Кто кому платитъ, я ли, мнѣ ли—не все ли это равно? Но я васъ спрашиваю, можно ли писать искренно, когда пишешь за деньги?

— Вы все на невѣрную точку становитесь, отозвался опять Арнольдъ. — Если вы думаете, что кто нибудь пишетъ даромъ, вы жестоко ошибаетесь. Даромъ ничего не дѣлаютъ. Гюго хорошія вещи пишетъ, но хорошія и деньги берегъ.

— Ахъ, это совсѣмъ не то. Вы меня не хотите понять. (Она сдѣлала движеніе, но не стала продолжать и обратилась къ Левицкому). Monsieur Левицкій, вы видаетесь съ Яковлевымъ? Правда, что вы съ нимъ хороши?

— Да, мы съ нимъ знакомы, отвѣтилъ Левицкій уклончиво.

— Вы знакомы съ его женой? Правда, говорятъ, она очень умная женщина?

— Да, она образованная женщина.

— Она чѣмъ-то занимается? Химіей, кажется?

Левицкій закусилъ губы. Ему было досадно за Нину Химіи онъ ей не прощалъ.

— Я думаю, что она занимается ею, какъ вообще женщины чѣмъ-нибудь занимаются: онѣ обыкновенно начинаютъ съ того, что вкладываютъ въ дѣло всю свою душу, но такъ какъ душа имъ нужна еще на многое другое, то онѣ очень скоро и охладѣваютъ.

— Merci. Вы хорошаго мнѣнія о насъ! Мнѣ кажется, напротивъ, что я только то и могла бы хорошо сдѣлать, чему отдалась бы всей душой.

— Ну, да это вамъ только такъ кажется, перебилъ Арнольдъ:—потому что вы никогда ни за что не брались серьезно.

По его дерзко-небрежному обращенію съ ней, видно было, что онъ держалъ ее въ рукахъ. Она вспыхнула и ничего не сказала.

„Вотъ какъ нужно обращаться съ любовницами, подумалъ Левицкій. — Женщины горды только съ тѣмъ, кто ихъ не бьетъ“.

VIII.

Возвращаясь домой, онъ твердо рѣшилъ, что куда больше не пойдетъ и просидитъ вечеръ дома. На завтра былъ докладъ и нужно было приготовиться.

Онъ даже снялъ съ себя сюртукъ и надѣлъ свое старое пальто, замѣнявшее ему халатъ, чтобы быть вполне свободнымъ. Зимой онъ въ этихъ случаяхъ приказывалъ затопить каминъ и зажечь вездѣ лампы и свѣчи маленькая роскошь, которую онъ позволялъ себѣ, когда работалъ вплотную), теперь же ограничился тѣмъ, что (велѣлъ открыть окна и, прислушиваясь къ далекому гулу экипажей, придвинулъ къ столу свое низенькое кресло. Но едва успѣлъ онъ это сдѣлать, какъ принесли письмо. Письмо было отъ Нины и заключало въ себѣ нѣсколько строкъ, въ которыхъ она просила его придти къ нимъ, прибавляя, что мужъ нездоровъ, не выходить и хандрить.

Левицкій положилъ письмо въ то отдѣленіе стола, надъ которымъ французскими буквами значилось: A répondre! и придвинулъ къ себѣ бумаги.

Весь строй его мыслей въ этотъ день былъ не таковъ, чтобы онъ могъ думать о Яковлевыхъ.

Продолжая работать надъ докладомъ и набрасывать на бумагѣ то, что онъ завтра скажетъ или, по крайней мѣрѣ, могъ бы сказать графу, онъ чувствовалъ, какъ его голова постепенно разгорячается и, наконецъ, пламенѣетъ, а мысль противъ воли метитъ съ такой быстротой, что наконецъ, невозможно становится работать. Онъ всталъ, подошелъ къ открытому окну и нѣсколько времени смотрѣлъ на блѣдные сумерки юньской ночи, стараясь утишить пожирившій его огонь.

Годъ тому назадъ, онъ не зналъ этихъ волненій.

Мѣсто графа занималъ прежде методичный нѣмецъ, смотрѣвшій на свое министерство, какъ на пущенное колесо, которое не нужно останавливать, но можно иногда тормозить. Онъ скоро привыкалъ къ лицамъ, не любилъ нововведеній и любилъ, чтобы ему докладывало одно и то же лицо въ одни и тѣ же часы. Красоты слога онъ не понималъ и не одобрялъ, но прощалъ, какъ мы прощаемъ дурныя привычки своимъ близкимъ. Докладъ у него обращался въ какую-то скучную, тяжелую формальность. Не то было теперь. Тонкая улыбка графа, его склонность къ ироніи и всѣмъ извѣстная ясность ума задѣвала докладчика за живое: это были тѣ шпоры, отъ которыхъ конь горячится и взвизгиваетъ на дыбы. Левицкій чувствовалъ, что за одну такую улыбку умнаго вельможи можно отдать всѣ женскія

улыбки въ мірѣ. Онъ долго не могъ заснуть въ эту ночь.

Когда онъ всталъ, было уже почти девять часовъ. Надо было торопиться. Докладъ у графа начинался въ десять. На этотъ разъ, однако, онъ прошелъ вяло. Графъ слушалъ невнимательно, хотя и съ одобрительной улыбкой и нѣсколько разъ сказалъ:

— Да, это совершенно вѣрно... Это мы потомъ увидимъ.

У него была странная и для людей, мало его знавшихъ, опасная черта: хотя бы онъ даже совсѣмъ не слушалъ человѣка или былъ чѣмъ-нибудь недоволенъ, онъ всегда сохранилъ благосклонный видъ. Нужно было очень близко изучить его, чтобы иногда, по дрожанію его губъ или движенію пальцевъ, угадать его чувства. Никогда не нужно было смотрѣть ему въ глаза: глаза не выражали ничего и жестоко ошибся бы тотъ, кто вздумалъ бы читать въ нихъ. Левицкій чувствовалъ, какъ непроницаемость этого взгляда отнимаетъ у него смѣлость, энергію и даже надежду на что-либо. Внезапное уныніе овладѣло имъ. О вчерашнемъ не было и помину. Въ головѣ ползли какія-то вялыя мысли, спать хотѣлось, не думать ни о чемъ.

— Ахъ, да! у меня тамъ письмо лежитъ, вспомнилъ онъ.

Вдругъ что-то дрогнуло у него. Какая-то горячая струйка пробѣжала по жиламъ. Она ждала его...

IX.

Самыя противоположныя чувства волновали его, когда онъ поднимался по грязной лѣстницѣ въ бѣдную квартиру Яковлевыхъ. Что, еслибы могъ его видѣть кто-нибудь изъ сослуживцевъ, изъ тѣхъ накрахмаленныхъ аристократовъ, которые смотрѣли на него съ тайнымъ отвращеніемъ, какъ смотрятъ на паука, котораго боятся и хотѣли бы раздавить. Что сказали бы, увидавъ его въ такой трущобѣ? Онъ съ покорностью остановился на площадкѣ, пропустилъ мимо себя дворника съ грязными ведрами и не безъ ужаса взглянулъ вверхъ на всѣ еще непройденные этажи. Яковлевы жили, впрочемъ, не на самомъ верху: оставалось еще что-то въ родѣ чердака, куда не нужно было подниматься. Избалованный своей казенной лѣстницей, Левицкій даже забылъ, что есть такія клоаки. По крайней мѣрѣ, лѣтъ десять онъ не ходилъ по нимъ. Это напомнило ему его студенчество.

Ея не было дома. Яковлевъ безъ сюртука лежалъ на диванѣ, закинувъ руки за голову, но не спалъ. Левицкій угадалъ это по той быстротѣ, съ какой онъ открылъ глаза при его появленіи. Онъ поднялся съ дивана и молча подаль ему руку.

— А я тебя вчера ждалъ, сказалъ онъ послѣ небольшого молчанія.

— Ты нездоровъ?

— Да, такъ, пустяки. Голова болитъ.

Левицкій помолчалъ.

— А гдѣ же Нина Алексѣевна? спросилъ онъ оглядываясь.

— Ушла куда-то, не знаю.

— Ты что жъ тутъ одинъ дѣлаешь?

— Ничего. Такъ лежу.

— Могу тебѣ сообщить новость. Я получилъ письмо изъ Швейцаріи. (Яковлевъ поднялъ голову. Глаза его, совершенно, казалось, потухшіе, на минуту оживились). Дѣвочки твои здоровы. Старшая дѣлаетъ успѣхи. Онѣ будутъ, впрочемъ, сами писать тебѣ. Ты еще не получалъ отъ нихъ письма?

— Нѣтъ! отвѣтилъ Яковлевъ, дергая усы и избѣгая глядѣть на своего друга.

Послѣ исторіи съ брилліантами онъ самъ сложилъ съ себя опекунство и, по общему желанію его и Полѣновыхъ, опекуномъ надъ дѣтьми былъ назначенъ Левицкій. Его практическій умъ тотчасъ рѣшилъ вопросъ о томъ, что дѣлать съ дѣтьми.

Онъ предложилъ отправить ихъ въ Швейцарію въ одинъ изъ тѣхъ образцовыхъ пансіоновъ, гдѣ, по его мнѣнію, не только учатъ, но и воспитываютъ ребенка.

Яковлевъ былъ противъ этого, но, чувствуя, что въ этомъ дѣлѣ онъ голоса больше не имѣетъ, скрѣпя сердце согласился.

— Ну, ты слышалъ, конечно, о нашей комиссіи? началъ Левицкій.

— Какъ же! отвѣтилъ Яковлевъ равнодушно.

— Знаешь, кто предсѣдательствуетъ?

— Нѣтъ, не знаю.

— Дроздовъ.

— Кто это такое?

— Развѣ ты его не знаешь? Онъ служилъ прежде по судебному вѣдомству. Еще въ послѣднемъ дѣлѣ, которое онъ велъ, для всѣхъ двадцати подсудимыхъ въ сложности требовалъ трехсотъ пятнадцати лѣтъ каторжной работы.

— Смѣло! сказалъ Яковлевъ.

— Онъ, впрочемъ, потомъ самъ понялъ, что далъ маху и теперь всячески старается загладить это. Ищетъ популярности, заигрываетъ съ учеными, съ литераторами... Съ низшими любезенъ чрезвычайно, съ равными высокомеренъ; каковъ съ высшими—не знаю. Но вообще держитъ себя надменно. Я когда на него смотрю, всегда почему-то представляю себѣ человека, которой былъ гдѣ-нибудь побить и ужасно боится, чтобъ объ этомъ не узнали. Поэтому, онъ держитъ голову высоко и говоритъ громко. Онъ вообще, какъ всѣ эти господа съ замаранными хвостами, такъ и нюхаетъ въ воздухѣ, не пахнетъ ли гдѣ-нибудь оскорбленіемъ.

Яковлевъ измѣнился въ лицѣ. Левицкій остановился, тутъ только вспомнивъ, что не слѣдовало объ этомъ говорить.

— Вообще, эта комиссія общается быть интересной, прибавилъ онъ поспѣшно.

Яковлевъ молчалъ. Всѣ интересы Левицкаго казались ему въ эту минуту ужасно мелкими. И что за привычка у этихъ людей воображать, что ихъ мундирные вопросы всѣхъ должны занимать! Оживленное лицо друга раздражало его. Какое ему дѣло было до его радостей, ему, раздавленному, больному, униженному, ему, нищему, обездоленному на жизненномъ пиру и осужденному смотрѣть на то, какъ пируютъ другіе? Онъ самъ не зналъ

за собой прежде того чувства, которое теперь свивало въ немъ свое гнѣздо: зависти къ чужимъ успѣхамъ.

Первый разъ судьба поставила его лицомъ къ лицу съ нуждой. Желаніе вырваться изъ ея когтей и вернуть то, чѣмъ онъ тридцать лѣтъ пользовался, не подозрѣвая, что это величайшее благо жизни—свою независимость, подавляло въ немъ всѣ другія желанія.

Разсказывая о своихъ служебныхъ дѣлахъ, Левицкій былъ далекъ отъ мысли, съ какимъ чувствомъ слушалъ его другъ.

— Знаешь, Алексѣй, говорилъ онъ:—ты вотъ много работалъ по этому вопросу. Мнѣ бы хотѣлось поговорить съ тобой. Я какъ-нибудь приду къ тебѣ, и ты мнѣ удѣлишь вечерокъ... и мы съ тобой потолкуемъ. Твоимъ мнѣніемъ я положительно дорожу.

— Сдѣлай одолженіе! сказалъ Яковлевъ.—Мои вечера къ твоимъ услугамъ... Я очень радъ тебя видѣть. Что касается до моего мнѣнія, то ты за цѣлковый можешь его узнать въ любой книжной лавкѣ. Прочти мою послѣднюю брошюрку. Постой, я даже, чтобъ не разорять тебя на цѣлковый, могу тебѣ ее презентовать.

Онъ приподнялся и досталъ съ полки, висѣвшей надъ кроватью, тоненькую, запыленную книжку. Левицкій остановилъ его.

— Ты забылъ, что у меня есть полное собраніе твоихъ сочиненій и даже съ твоимъ автографомъ.

— Да, я дѣйствительно забылъ, промолвилъ Яковлевъ, опять опускаясь на диванъ.

Левицкій засмѣялся.

— Я думаю, что ты скоро забудешь, какъ меня зовутъ.

— Что-жъ, я буду тогда говорить тебѣ, какъ бывало

староста въ деревнѣ говорилъ моему отцу: ты, ваше превосходительство. Вѣдь ты дѣйствительно ваше превосходительство.

Левицкій остановился, какъ бы вдругъ что-то припомнивъ.

— Да, вотъ кстати. Я не хотѣлъ объ этомъ говорить. Да все равно, ты самъ началъ. Ты, пожалуйста, не обижайся, Алексѣй... но ты вотъ при всѣхъ говоришь мнѣ ты. Ты этимъ и себя, и меня ставишь въ ужасно неловкое положеніе. Это даже звучитъ какъ-то фальшиво. Это такъ же дико, какъ еслибъ мы здѣсь съ тобой стали говорить другъ другу вы. Мнѣ думается, что наши отношенія будутъ тѣмъ лучше, тѣмъ, какъ бы сказать, проще что ли, чѣмъ меньше мы ихъ будемъ выносить напоказъ. Дружба слишкомъ святая вещь... Не знаю, какъ ты, а я не могу... мнѣ просто больно слышать это ты, когда его слышать разные статскіе и иные совѣтники. Я не могу помириться съ мыслью, чтобъ всѣ эти господа, которые знаютъ про меня только то, что я генералъ и чиновникъ, будутъ знать, что я съ тобой хо-рошъ, что я бываю у тебя въ домѣ, что я съ твоей женой знакомъ...

Онъ остановился и нерѣшительно оглянулся на Яковлева. Тотъ сидѣлъ все въ той же позѣ, опираясь локтемъ на подушку, и глядѣлъ въ окно. Когда Левицкій кончилъ, онъ обернулся.

— Да сдѣлай одолженіе! Я очень тебѣ благодаренъ. Ты напрасно мнѣ этого давно не сказалъ.

Левицкій постоялъ, посмотрѣлъ въ окно, въ которое за минуту передъ тѣмъ смотрѣлъ его другъ и, чувствуя необходимость завязать разговоръ, завелъ опять рѣчь о

комиссии и о томъ, что если Яковлевъ желаетъ, онъ будетъ ему присылать ея труды.

— Очень тебѣ благодаренъ. По правдѣ сказать, меня это мало занимаетъ.

— Знаешь, Алексѣй, меня начинаетъ это пугать... Тебѣ непременно надо бывать съ людьми, а то ты здѣсь въ четырехъ стѣнахъ дѣйствительно дойдешь до того, что потеряешь интересъ ко всему.

Яковлевъ холодно и язвительно замѣтилъ, что интересъ къ ихъ комиссиямъ не есть еще интересъ ко всему, что онъ вообще не вѣрить въ важность вопросовъ, которые они тамъ рѣшаютъ, что вопросы выдвигаетъ и рѣшаетъ сама жизнь, съ помощью науки, а вовсе не они.

Задѣтый за живое, Левицкій замѣтилъ, что наука наукой, но ошибки ученаго не такъ вредятъ обществу, какъ ошибки чиновника.

— Я думаю, что во всякомъ случаѣ моя мысль получаетъ особенный интересъ, заключилъ онъ,—когда я знаю, что завтра она или перейдетъ въ законъ или будетъ признана вредной и подлежащей уничтоженію.

— Мысль твоя перейдетъ въ законъ, а ты перейдешь въ слѣдующій чинъ.

— Послушай, Алексѣй! Это вѣдь ужъ личности на-конецъ. Постарайся держаться общихъ началъ.

— Общихъ мѣстъ? Изволь! Давай говорить общими мѣстами.

Левицкаго это взорвало. Но онъ чувствовалъ, что еще одно слово и они наговорятъ другъ другу не-приятностей. Онъ помолчалъ, побарабанилъ пальцами по столу, поглядѣлъ кругомъ себя.

„А жизнь-то незавидная! думалъ онъ, оглядывая узкія стѣны этой клѣтки, ея закопченный потолокъ (должно быть тутъ прежде жили мастеровые) и всю ея убогую обстановку. Все, что было прежде у Яковлева, весь тотъ комфортъ, къ которому онъ съ дѣтства привыкъ и любилъ больше, чѣмъ хотѣлъ признаться, его прекрасная бібліотека, картины, все это пошло на покрытие его долговъ. Жилъ онъ теперь очень бѣдно, не только во всемъ нуждаясь, но даже по временамъ просто бѣдствуя. Знакомства онъ всѣ оставилъ, отчасти потому, что знакомства сопряжены съ издержками, отчасти изъ самолюбія, чтобы люди, выдавшіе его въ лучшіе дни, не видѣли его сбѣгующихъ висковъ и потертаго сюртука.

Тоска одиночества стала заѣдать его. Прежде, когда онъ зналъ, что стоитъ только захотѣть и можно пойти, куда угодно—его не тянуло никуда. Теперь, когда онъ зналъ, что идти некуда, онъ чувствовалъ непреодолимую тоску. Казалось, что такъ бы взялъ и разметалъ стѣны этой клѣтки. Никогда прежде его голова не касалась подушки днемъ; теперь онъ по цѣлымъ часамъ лежалъ на диванѣ.

Незнакомое ему прежде чувство приниженности и какого-то отчаянія стало посѣщать его. То ему казалось, что все для него кончено, что гдѣ-то тамъ вырыта ему могила и мѣсто его на землѣ занято другими. То онъ весь горѣлъ какими-то желаніями, надеждой прорваться, побѣдить, сокрушить кого-то... Онъ, точно человѣкъ, внезапно сброшенный въ колодезь, царапался безсильными руками по его гладкимъ стѣнамъ, но кричать о помощи не хотѣлъ. Мужество ему измѣняло, но гордость никогда.

Часто ночью, онъ приподнимался съ подушки и пылающимъ взоромъ смотрѣлъ въ темноту; засохшія губы слипались, руки холодѣли и дрожали. Не только спать въ эти минуты, онъ даже оставаться на мѣстѣ не могъ и, безпрестанно перекладывая подушки, метался до самаго утра. Въ такія ночи ему казалось, что стоило только встать и пойти куда-то и все бы сдѣлалось само собой. Онъ торопился жить, чтобы поскорѣй наступало утро и можно было привести въ исполненіе то, что ночью было задумано.

Но петербургское утро убиваетъ мечты. Жизнь, полная нужды и лишеній, раздвигаетъ свои грозныя стѣны, готовая поглотить все, что зародилось, жило и умерло въ ночной тиши. Ночью еще ничего, жить было можно, но утромъ Яковлевъ, по собственному сознанію, испытывалъ смутное желаніе повѣситься. По его мнѣнію, самое благоприятное время для самоубійства было именно на разсвѣтѣ. Скверныя минуты бывали еще въ сумерки, когда день кое-какъ прожить, а съ вечеромъ не знаешь, что дѣлать.

Левицкій уже собирался уходить, когда пришла Нина. Увидавъ его, она чуть-чуть смутилась. Она устала отъ скорой ходьбы, волосы ея растрепались и лицо пылало. Левицкій всегда немного стѣснялъ ее; она до сихъ поръ боялась его пытливыхъ взглядовъ и въ тѣ дни, когда ждала его, одѣвалась тщательнѣй.

— Гдѣ ты была? спросилъ мужъ.

— У Козлова, отвѣтила она небрежно.

Жена Козлова умерла. Онъ жилъ теперь холостякомъ въ меблированной комнатѣ, бокъ о бокъ съ ка-

кими-то студентами, и общество, посѣщавшее его, было исключительно мужское. Нина все меньше и меньше сидѣла дома, безпрестанно куда-то уходила и возвращалась задумчивая, иногда печальная.

— А вы перемѣнились! сказала она Левицкому, взглянувъ на его поблекшее лицо. — Вы какъ будто устали... Получили вы мое письмо?

— Вчера еще. Но я не могъ придти.

— Вы ѣздили куда-то?

— Да, у меня было дѣло въ Москвѣ.

— Это не то, о которомъ вы мнѣ говорили?

— Какое? спросилъ онъ испуганно.

Она съ удивленіемъ посмотрѣла на него.

— Тамъ у вашей матери какой-то процессъ...

— Ахъ, да... Нѣтъ! то есть, да, отчасти и это. Собственно мое дѣло было гораздо важнѣе, сказалъ онъ, оправившись. — Когда-нибудь я вамъ расскажу его.

— Можетъ быть я вамъ мѣшаю? спросилъ Яковлевъ, который успѣлъ надѣть сюртукъ и сидѣлъ сгорбившись на диванѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, милый другъ! ты намъ не мѣшаешь. Но ты нынче въ такомъ... индифферентномъ настроеніи, что едва ли какой-нибудь рассказъ можетъ тебя занять. У насъ былъ съ нимъ разговоръ, поеленилъ онъ Нинѣ. — Онъ нынче все отрицаетъ.

— Что же это, на примѣръ? спросилъ Яковлевъ, не поднимая головы.

— Да хоть бы, на примѣръ, важность государственныхъ вопросовъ.

— Я еще не сумасшедшій, чтобы отрицать такія вещи. Государственные люди и государственные всѣ

просы—двѣ вещи разные. Я говорилъ о людяхъ, а не о вопросахъ.

— Что же ты, насъ порицаешь? спросилъ Левицкій, смѣясь.

Яковлевъ ядовито улыбнулся.

— Вотъ ты и проговорился. Насъ! Ergo—ты государственный человѣкъ.

Левицкій покраснѣлъ.

— Да ты нынче не только отрицаешь, ты просто придираешься ко всему. Вообще, я вижу, что ты, если и не государственный, то во всякомъ случаѣ опасный человѣкъ.

Онъ и на этотъ разъ отдѣлался шуткой, но разговоръ этотъ видимо начиналъ тяготить его. Даже присутствіе Нины не могло вознаградить его за эти натянутыя, какъ струна, и какъ струна, готовые лопнуть отношенія умирающей дружбы. Разговоръ не клеился. Всѣмъ было не по себѣ.

— Ну, однако, друзья мои... (Левицкій всталъ). Позвольте мнѣ васъ покинуть.

Яковлевъ молча подалъ ему руку.

— Ты когда же на службу?

— Не знаю, вотъ какъ поправлюсь.

Нина пошла проводить гостя. Онъ торопливо надѣвалъ пальто и взялъ уже шляпу, какъ вдругъ остановился.

— А что же обѣщаніе? спросилъ онъ вполголоса.

— Какое?

Она смотрѣла ему прямо въ глаза.

— Обращаться ко мнѣ, если нужна будетъ помощь друга? Или и вы измѣняете мнѣ такъ же, какъ Алексѣй?

— Нѣтъ! отвѣтила она улыбаясь.—Если будетъ нужно, я обращусь къ вамъ.

Онъ взялъ ее за руку. Она осторожно вынула ее. Онъ не могъ ей сказать ничего, что бы не было услышано, такъ какъ перегородка была очень тонка и только нѣжно, многозначительно смотрѣлъ на нее. Она все также осторожно, съ той тихой рѣшимостью, въ которой онъ опять узналъ прежнюю Нину, отворила ему дверь.

Переступивъ за порогъ, гдѣ онъ не могъ быть услышанъ, онъ слегка придержалъ дверь рукой.

— Вы гоните меня?..

Она подняла глаза и, встрѣтившись съ нимъ взглядомъ, вздрогнула, но не опустила ихъ. На лицѣ его, внезапно освѣщенномъ страстью, она прочла то, что въ два года ихъ знакомства ни разу еще не было высказано имъ. Минутный испугъ уступилъ мѣсто другому медленно, съ самой глубины души поднимавшемуся чувству: что-то неподвижное и печальное легло на ея чертахъ, когда она, не спуская глазъ, смотрѣла на него, и этимъ взглядомъ какъ бы удерживала его на прежнемъ разстояніи. Ея смѣлость, на минуту измѣнившая ей, внезапно вернулась къ ней, когда она видѣла, какъ дрогнула его собственная рѣшимость и какъ подъ этимъ взглядомъ, устремленнымъ на него, онъ выпустилъ машинально ручку двери, за которую держался.

— Прощайте! выговорилъ онъ тономъ человѣка, который быстро, не переводя духу, взобрался на гору.—Я вижу, что вы правы... Мнѣ не слѣдуетъ бывать у васъ.

Онъ приподнялъ шляпу, и не оглядываясь, пошелъ по лѣстницѣ. Она еще съ минуту стояла, прислушива-

ясь къ его шагамъ, потомъ, приложивъ холодные пальцы къ блѣдному, но горячему лбу, медленно повернулась и пошла въ комнаты.

X.

Яковлевъ, какъ себя помнилъ, никогда не проводилъ лѣта въ Петербургѣ. Онъ былъ увѣренъ, что петербургское лѣто убьетъ его. Вообще, въ послѣднее время на него стала находить какая-то апатія. Мечты о томъ, что можно вырваться изъ когтей нужды и быть самостоятельнымъ, какъ-то рѣже стали приходить ему. Онъ не могъ даже сказать, что онъ несчастливъ. Онъ просто находился въ какомъ-то непрерывномъ состояніи отупѣнія. Мысль не летѣла, какъ прежде, смѣло и легко; точно птица съ подрѣзанными крыльями, она билась на мѣстѣ и, наконецъ, затихала совсѣмъ. Думать не хотѣлось; читать еще того меньше. Онъ сталъ равнодушенъ ко всему, даже къ своей болѣзни. Все представлялось ему какъ-то тускло, точно сквозь кисею; ни одна мысль не выдѣлилась ярко. Волны жизни катились гдѣ-то тамъ далеко, не задѣвая его, а онъ все больше опускался въ ту глубину, гдѣ царствуетъ вѣчная и мертвая тишина. Онъ смутно чувствовалъ, что и это есть уже болѣзнь. Временами только она прерывалась взрывами такого страшнаго отчаянія, что онъ, какъ счастья, молилъ опять возвращенія къ этому чувству внутреннего оцѣпенѣнія.

Петербургъ сталъ ему просто невыносимъ. Съ нимъ было связано слишкомъ много воспоминаній. Онъ рѣ-

шилъ искать мѣста въ провинціи. Но, толкнувшись въ нѣсколькихъ домахъ, онъ увидалъ, что дѣло это не такъ легко, что мѣста не предлагаются, какъ чашка чаю, и Левицкій, пристроившій его у себя, дѣйствительно оказалъ ему чуть не благодѣяніе.

Относительно Левицкаго, у него стали, къ ужасу его, являться нѣкоторыя подозрѣнія. Послѣднее время, онъ замѣчалъ какія-то странныя отношенія между нимъ и своей женой. Ему давно ужъ не нравились взгляды, которые онъ бросалъ на нее. Съ ея стороны, хотя и не было ничего особеннаго, но она какъ-то мало сидѣла дома. Все у нея были какія-то дѣла... Все она была то у своихъ, то у Козлова. Но развѣ онъ слѣдилъ за ней?

А эти записки, которыя то и дѣло пересылались отъ него къ ней и отъ нея къ нему? Онъ никогда не имѣлъ духу спросить, о чемъ они могутъ такъ часто писать. А еще занятой человѣкъ! думалъ онъ со злобностью:—какъ институтка какая-нибудь, только и дѣлаетъ, что барынямъ записки пишетъ. Всѣмъ ли, однако, барынямъ? Чтò, если не всѣмъ?...

Мысль эта захватила его, какъ клещами, и нѣсколько дней не выпускала его. Отвратительное чувство ревности стало заползать къ нему въ душу.

Какъ-то разъ, когда онъ вернулся домой, жена сидѣла у него въ комнатѣ, и что-то писала. Когда онъ вошелъ, она, не спѣша, все сложила и встала, собираясь уходить.

— Ты со службы? спросила она мелькомъ.

— Нѣтъ. Я былъ у одного господина. А ты, что тутъ дѣлала?

— Писала.

— Кому?

— Къ своимъ.

„Лжетъ!“ подумалъ онъ.

— Ты вѣдь вчера у нихъ была...

— Да. Я забыла сказать Лизѣ, чтобъ она исполнила одно мое порученіе.

Онъ положилъ шляпу и, нагнувшись, разсматривалъ карту Россіи, какъ будто видѣлъ ее первый разъ. Мысль, что она можетъ видаться съ Левицеимъ у своихъ родныхъ, вдругъ поразила его. Онъ тотчасъ же, какъ ни съ чѣмъ несообразную, снѣшилъ ее откинуть, но она, помимо его воли, засѣла въ немъ. Его подозрѣнія усиливались еще тѣмъ, что вотъ онъ теперь нищій, человѣкъ безъ всякаго будущаго, а она, можетъ быть, выходя за него — онъ унизился даже до этой мысли — думала, что онъ человѣкъ со средствами. Онъ давно уже ревниво слѣдилъ за ней, отыскивая въ каждомъ ея словѣ и движеніи доказательства того, что она живетъ съ нимъ изъ милости.

Оба были страшно несчастливы. Она тѣмъ, что характеръ его съ каждымъ днемъ становился невыносимѣе. Бѣдность измѣнила его къ худшему. Онъ? Но онъ никогда не былъ счастливъ. Онъ самъ разъ, давно впрочемъ, когда былъ еще увлеченъ ею, признался ей, что даже въ лучшія минуты жизни онъ вдругъ чувствуетъ, какъ что-то заползаетъ ему въ сердце и, свиваясь кольцомъ, начинаетъ давить его. Таково было физическое ощущеніе; нравственнаго онъ не могъ ей описать, но оно было ужасно. Никогда онъ не чувствовалъ такого неопредѣленнаго страха передъ чѣмъ-то грознымъ, неумолимымъ, какъ въ тѣ минуты, когда все улыбалось

ему. Было ли то успѣшно конченная работа или любовь женщины или вообще, сознаніе достигнутой цѣли, онъ вдругъ съ ужасомъ говорилъ себѣ: это не то!... Будущее всегда пугало его. Въ отношеніяхъ его къ женѣ легла та же роковая черта. Еслибы онъ могъ по прежнему любить ее, онъ и тогда не могъ бы успокоиться отъ мысли, что гдѣ-нибудь, тамъ за угломъ, не ждетъ его новая бѣда...

Теперь онъ зналъ, какая бѣда ждетъ его. Онъ съ каждымъ днемъ все больше убѣждался, что его другъ сталъ ему на дорогѣ. Разъ, когда рѣчь зашла о немъ и Нина неосторожно сказала что-то въ его пользу, онъ позволилъ себѣ очень рѣзко отозваться о немъ и чуть ли даже не употребилъ слова подлецъ.

— Да, возразила она холодно:—люди, которымъ мы всемъ обязаны, всегда оказываются подлецами. Это вещь извѣстная.

Лицо его потемнѣло. Ударъ былъ мѣткій. Онъ нѣсколько минутъ тупо и безмысленно, какъ идіотъ, смотрѣлъ на нее. Видно было, что мысли толпятся у него, но словъ нѣтъ. Бѣшенство, негодованіе на то, что не хотятъ понять его, сознаніе, что онъ самъ поступаетъ подло, отзываясь такъ о человѣкѣ, которому онъ дѣйствительно всемъ обязанъ и къ которому въ эту минуту глупо и безумно ревновалъ ее — все это вмѣстѣ перепуталось и придавило его.

— Защищайте! защищайте его! вырвалось у него, наконецъ.—Вамъ лучше знать, каковы его благодѣянія и кому онъ ихъ здѣсь оказываетъ.

— Это даже не смѣшно... даже не обидно! отвѣтила она небрежно.

Но она лгала. Намекъ, брошенный ей въ лицо, обдалъ ее холодомъ. Да, въ немъ была своя доля правды! Чувство ея къ Левицкому, правда, не то, что прежде, было все еще довольно сильно, чтобъ заставлятъ ее блѣднѣть при одномъ его имени. Она давно уже не смотрѣла на него, какъ на человѣка замѣчательной чистоты и строгой жизни. Да онъ и самъ какъ-то меньше игралъ передъ ней на этой стрункѣ. Понялъ ли онъ, что притворяться бесполезно, или просто нашелъ въ ней родственную себѣ душу, но онъ явился передъ ней, какъ есть: безъ идеаловъ, безъ восторговъ, даже безъ вѣры во что бы то ни было, кромѣ развѣ вѣры въ самого себя. Онъ надѣялся, что будетъ все-таки оцѣненъ и не ошибся. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, женщина можетъ оцѣнить даже то, за что въ другое время мститъ жестоко, т. е. ловкость, съ какою была обманута. Для этого нужно только, чтобъ человѣкъ самъ пришелъ и сказалъ ей: я васъ обманывалъ. Смотрите, какъ мнѣ это было легко. Но я не хочу продолжать. Я васъ слишкомъ уважаю для этого. Такъ поступилъ Левицкій и не ошибся въ расчетѣ.

Тягость вѣчнаго притворства сломала и его. Онъ искалъ хоть одну родственную себѣ душу, къ которой могъ бы придти и сказать: „Да, я холоденъ, честолюбивъ, злопамятенъ. Бѣдность и униженіе стояли у моей колыбели; тяжелый трудъ убилъ мою молодость; въ двадцать лѣтъ я не былъ молодъ, въ двадцать-пять — я былъ старъ. Я бѣденъ и некрасивъ, но во мнѣ есть воля, умъ, ненависть къ людямъ и желѣзное терпѣніе. Я возьму свое или не стоить жить“...

Такую душу онъ нашелъ въ ней. Играть съ ней въ

дружбу стало тяжело. Держаться на прежней высотѣ съ каждымъ днемъ становилось труднѣе. Но въ ея сердцѣ онъ отыскалъ одну струнку, затронувъ которую можно было вызвать новые и прекрасные звуки. Такой стрункой было ея поклоненіе всему, что сильно, чего нельзя сломить и раздавить.

Все, что она видѣла около себя съ дѣтства: сѣренькая, будничная, полная лишеній жизнь, маленькіе люди съ маленькими страстями, непосильный трудъ безо всякой надежды когда-нибудь выбиться на другую дорогу, робкая, словно скованная мысль, вѣчный страхъ за будущее, все это заставляло ее рваться душой къ тому, чего не было кругомъ. Примѣръ ея отца съ его идеальной честностью, его строгимъ до педантизма трудомъ, которымъ онъ думалъ оградить себя отъ нищеты и униженія, съ порывами бѣшенства, всегда обрушивавшагося на семью, на которую падали рикошетомъ всѣ его неудачи въ жизни, еще болѣе укрѣпилъ ее въ этомъ. Такие люди, какъ ея отецъ, думала она, всегда въ концѣ-концовъ падаютъ задавленные. Сопровиженіе ихъ только пассивное. Жизнь ломаетъ ихъ, смерть выбрасываетъ, какъ щепку. Такихъ — милліоны! они идутъ толпою, подставляя головы подъ удары судьбы. Знакомство съ Козловымъ еще дальше двинуло ее на этомъ пути, подерживая въ ней мысль, что не всѣ идутъ за толпой, что есть люди, которые, отдѣлившись, идутъ надъ пропастью и не боятся заглянуть въ нее.

Левицкій надъ пропастью не шелъ, но онъ шелъ своимъ вполне ясно очерченнымъ путемъ...

XI.

Какъ-то разъ, перебирая у себя на столѣ бумаги, Яковлевъ увидалъ между ними пакетъ съ казенной печатью. Пакетъ былъ принесенъ въ его отсутствіе и за-ключалъ въ себѣ, хотя и официальное, но весьма любезное приглашеніе въ ту комиссію, о которой такъ много говорилъ ему Левицкій. Приглашеніе было подписано ея предсѣдателемъ Дроздовымъ. Нѣсколько времени онъ молча съ изумленіемъ смотрѣлъ на него; потомъ вдругъ расхохотался. Онъ понималъ все. Вѣдь это былъ тотъ самый Дроздовъ, который не такъ давно требовалъ трехсотъ лѣтъ каторжной работы!.. Теперь ему нужно было, чтобъ объ этомъ забыли, а такъ какъ извѣстно, что самая острая память — у литераторовъ, то онъ и спѣшилъ ихъ задобрить.

Первой мыслью Яковлева было, какъ онъ насолить этимъ Левицкому. Онъ ужъ заранѣе обѣщалъ себѣ, что не согласится въ комиссіи ни съ однимъ его доводомъ.

Мысли его были дрянныя, онъ это самъ зналъ, но никогда еще онъ не чувствовалъ такого желанія сдѣлать какую-нибудь подлость, какъ теперь. Какъ только Левицкій пришелъ къ нему, онъ показалъ ему приглашеніе. Тотъ удивился и пошутилъ, разумѣется, надъ Дроздовымъ, надъ тѣмъ, что онъ уже спѣшитъ набирать себѣ приверженцевъ.

— Вы съ нимъ, должно быть, очень пакостнаго мнѣнія о насъ, возразилъ Яковлевъ желчно, — если думаете,

что насъ стоить только поманить, чтобъ мы тотчасъ же прибѣжали и во всемъ съ вами согласились.

Левицкій въ этотъ разъ просидѣлъ недолго. Яковлевъ былъ золъ и насмѣшливъ. Онъ говорилъ много вещей, которымъ самъ не вѣрилъ, между прочимъ, что онъ будетъ отстаивать то мнѣніе, въ которомъ самъ глубоко убѣжденъ, хорошо зная, что онъ будетъ отстаивать только то, съ чѣмъ будетъ несогласенъ Левицкій.

Продолжая видаться по службѣ, гдѣ они говорили другъ другу вы, и Яковлевъ называлъ его ваше превосходительство, они все болѣе приходили къ сознанію, что изъ друзей они сдѣлались врагами. Левицкій узналъ, что онъ искалъ себѣ другаго мѣста, и выговорилъ ему, хотя и осторожно, но не скрывая, что это глубоко оскорбило его.

Какъ-то случилось, что они встрѣтились на улицѣ.

— Скажи, пожалуйста, гдѣ ты пропадаешь? спросилъ Левицкій. — Ты совсѣмъ забылъ меня. Зайди какъ-нибудь. Я сегодня ужъ твоей женѣ писалъ, чтобы хотъ она тебя, что ли, пристыдила...

— Ты что же думаешь, что я читать не умѣю? спросилъ вдругъ Яковлевъ.

Левицкій не понималъ.

— Какъ читать не умѣешь?..

— Что ты пишешь къ женѣ, а не ко мнѣ. Если тебѣ что нужно, пиши ко мнѣ, не стѣсняйся.

Левицкій принужденно засмѣялся.

— Ахъ, да, вотъ что! Ну, такъ я тебѣ скажу: я просто думаю, что ты моихъ писемъ не читаешь. По крайней мѣрѣ, мнѣ помнятся два или три случая, когда я даже отвѣтовъ на нихъ не получалъ.

— Да, вотъ, видишь ли... Я въ письмахъ читаю не только то, что въ нихъ есть, но и то, чего въ нихъ нѣтъ—и послѣднее, могу тебя завѣрить, бываетъ самое интересное...

— Tout ça est bel et bon, перебилъ Левицкій: — но все-таки извини за откровенность, я въ нѣкоторыхъ случаяхъ предпочитаю имѣть дѣло съ женами, а не съ мужьями. Писать имъ во всякомъ случаѣ пріятнѣе. Онѣ непременно отвѣчаютъ.

— Да, ну, съ этимъ я спорить не буду.

— Такъ приходи же! заключилъ Левицкій.—Я серьезно хотѣлъ бы поговорить съ тобой. У меня есть одна очень любопытная вещь... одна неважная брошюрка, каторая, однако, наводитъ на размышленія.

Еслибы Яковлевъ былъ менѣе взволнованъ, онъ понялъ бы чего хочетъ его другъ. Комиссія была не за горами, и мысль имѣть Яковлева своимъ врагомъ начинала тревожить его. Онъ зналъ наперечотъ всѣхъ ея членовъ и былъ увѣренъ въ своей побѣдѣ. Но Яковлевъ, какъ человѣкъ, вполне владѣвшій вопросомъ и притомъ озлобленный, могъ повредить ему.

Всю дорогу Яковлевъ думалъ о письмѣ. Не то, чтобы его беспокоило именно это письмо, но вообще надо было какъ-нибудь покончить это. Она, конечно, сама заговорить о немъ, и вотъ, наконецъ, случай объясниться. Если она любитъ другого, тѣмъ лучше! Пускай скажетъ прямо. Пускай, наконецъ, уходитъ къ нему. Но терпѣть въ своемъ домѣ эти двусмысленныя отношенія онъ больше не хотѣлъ. Незвѣстность мучила его.

Онъ вернулся домой мрачный и молчаливый, досталъ

какую-то книгу и, разложивъ ее передъ собой, казался чрезвычайно углубленнымъ. Она нѣсколько разъ входила и выходила. О письмѣ ни слова! Онъ чувствовалъ, какъ его начинаетъ бить лихорадка.

Она опять вошла.

— Что у насъ сегодня никого не было? спросилъ онъ, не отрывая глазъ отъ книги.

— Никого. Да кто же у насъ бываетъ? Лиза развѣ! Онъ перевернулъ страницу.

— Что мнѣ письма не было?

— Нѣтъ. Ты развѣ ждешь отъ кого-нибудь?

— Да, жду, отвѣтилъ онъ равнодушно.—Нынче вообще писемъ никакихъ не было?

— Нѣтъ, отвѣтила она, блѣднѣя и сама не понимая, зачѣмъ она лжетъ.

Онъ отодвинулъ книгу и внимательно посмотрѣлъ на нее.

— Странно! сказалъ онъ:—мнѣ Левицкій говорилъ, что онъ сегодня писалъ тебѣ.

— Я не получала этого письма, повторила она, вся холодѣя и машинально ощупывая письмо въ карманѣ.

Припоминая выраженія, въ какихъ оно было написано, она видѣла теперь, что могла бы смѣло показать его. Но было уже поздно. Ложь, помимо ея желанія, сорвалась съ языка, и вернуть ее было невозможно, не возбудивъ подозрѣній.

— Оно, вѣроятно, придетъ позднѣе, промолвилъ онъ сквозь зубы.

Онъ закрылъ книгу, всталъ съ мѣста и, не глядя, сталъ надѣвать пальто.

— Я пойду пройтись! объяснилъ онъ.

Она сама проводила его и заперла за нимъ дверь. Первымъ ея дѣломъ, какъ только она осталась одна, было вынуть письмо, смятое въ карманѣ.

Нужно было придать ему такой видъ, какъ-будто оно было получено сейчасъ, въ его отсутствіе. Лучше всего было бы показать его нераспечатаннымъ. Куда она, однако, дѣвала конвертъ?

Она долго искала его, перерыла всѣ бумаги на столѣ, смотрѣла подъ столомъ — его не было нигдѣ. Тутъ только она вспомнила, что письмо было ей подано въ передней, и тамъ же она разорвала конвертъ. Она бросилась туда. Сердце у нея замерло при мысли, что онъ гдѣ нибудь на виду и мужъ видѣлъ его. Но онъ оказался въ углу, между старыми газетами; края его были сильно разорваны и нельзя было, не возбуждая подозрѣнія, склеить ихъ.

Все свое вниманіе она отдала теперь письму. Перечитывая его, она нашла, что нѣкоторыя выраженія, казавшіяся ей прежде совершенно невинными, получали какое-то особое, неприятное ей значеніе. Были два или три слова, которыя она охотно бы выкинула. Какъ все это случилось, она до сихъ поръ не могла дать себѣ отчета. Для чего она солгала? Что было необыкновеннаго въ томъ, что Левицкій могъ написать ей? не онъ ли самъ сказалъ объ этомъ ея мужу? Это одно уже оправдывало ее вполне. Но сказаннаго нельзя было вернуть. Надо было идти дальше по пути лжи и отрицаній.

Она попробовала еще разъ перечитать письмо, но, увидавъ съ первыхъ же строкъ, что знаетъ его наизусть,

оставила... По лѣстницѣ кто-то шелъ. Она бросила его на столъ. Пускай онъ найдетъ его самъ!

Авдотья-кухарка стперла ему. Онъ что-то сказалъ ей и, не снимая пальто, вошелъ.

Она слѣдила за нимъ, думая, не подойдетъ ли онъ къ столу. Но онъ пошелъ въ другую комнату взглянуть на часы. Часы не были въ этотъ день заведены и стояли. Она слышала, какъ онъ сказалъ: „Досада!“ и послалъ Авдотью къ сосѣдямъ узнать, который часъ. Нина чувствовала, что дольше ждать ей невыносимо. Лучше было показать ему письмо сейчасъ. Какъ только онъ вошелъ, она, смѣясь, подала ему его.

— Что это? спросилъ онъ не понимая.

— Прочти, увидишь...

— Отъ кого это?

— Отъ Левицкаго.

— Вѣдь ты мнѣ сказала, что ты его не получала.

— Оно пришло недавно, безъ тебя.

Не поднимая глазъ и не развертывая его, онъ мялъ его между пальцами...

— Такъ что же мнѣ-то! сказалъ онъ вдругъ съ досадою.

— Ты не вѣрилъ мнѣ. Прочти! Можетъ быть ты удовлетворишься, что у меня не было причинъ скрывать его.

— Вотъ пустяки!

Онъ смялъ и бросилъ его на столъ.

Они сѣли пить чай. Авдотья внесла самоваръ и, поставивъ его мыльными руками на столъ, собиралась уходить. Онъ остановилъ ее.

— Кто намъ носить письма?

— А кто его знаетъ... Ихъ вонъ трое ходитъ.

— Кто сегодня приносилъ?

— Да такъ... Какъ тебѣ сказать? Рыженькій такой, сухой. Ой, постой, вру я... Не рыжий, нѣтъ... рыжий вчера приходилъ. По голосу видать тамъ, какъ его... Воробьевъ что ли...

— Ну, все равно. Скажи ему, что если онъ будетъ носить мнѣ письма почью...

— Онъ, баринъ, рано приходилъ. Вотъ барыню спросите.

Яковлевъ медленно обернулся къ женѣ.

— Въ какомъ часу вамъ подали письмо?

— Право не знаю, отвѣтила она, нагибаясь, чтобы что-то поднять. Должно быть часу въ девятомъ.

Онъ съ минуту помолчалъ. Авдотья молчала тоже и вытирала объ фартукъ свои мокрыя руки.

— Такъ что-жъ ты врешь! крикнулъ онъ вдругъ злобно.—Въ девятомъ часу! стало быть вечеромъ.

Авдотья обидѣлась.

— Что-жъ мнѣ врать! Какая нужда... Давеча, говорю, приходилъ... Никого вечеромъ не было. Она повернулась и ушла.

Яковъ сидѣлъ неподвижно. Лицо его какъ-то окаменѣло. Онъ даже не смотрѣлъ никуда. Только пальцами лѣвой руки слабо перебиралъ концы своихъ усовъ. Нина молчала. Она чувствовала, что не въ силахъ больше лгать. Спроси онъ ее что-нибудь въ эту минуту, она прямо сказала бы, что обманула его. Но онъ ничего ей не говорилъ. Она встала, наконецъ, и, не взглянувъ на него, ушла въ другую комнату.

— Вотъ! сказала она возвращаясь и положивъ пе-

редъ нимъ записку.—Прочти! теперь я этого требую. Ты долженъ это сдѣлать.

Онъ точно также, не поднимая глазъ, отодвинулъ ее.

— Къ чему эта высокая комедія? сказалъ онъ беззвучно. Она все стояла передъ нимъ и ждала, чтобы онъ взялъ письмо. Онъ взялъ его и прежде, чѣмъ она успѣла опомниться, поднесъ къ огню. Записка была маленькая, въ одну восьмушку листа, и въ одинъ мигъ горѣла вся, такъ что онъ долженъ былъ бросить ее на полъ и растоптать ногой.

Она схватила его за руку.

— Для чего ты это сдѣлалъ?

— Неужели вы думаете, возразилъ онъ холодно,— что я не пойму такой простой вещи, что вы въ мое отсутствіе могли написать и получить десять такихъ писемъ. Почему я знаю, что оно не было у васъ раньше приготовлено?

Она онѣмѣла отъ удивленія. Боже! куда завела ее одна невинная ложь!

— Это все? спросила она, наконецъ, точно очнувшись.

— Я могъ бы сказать вамъ многое. Теперь все это будетъ лишнее.

Она взглянула на него. Лицо его, по прежнему, было лишено всякаго выраженія. Онъ донилъ не спѣша свой стаканъ и всталъ.

Еслибы она могла видѣть, какой адъ былъ въ его душѣ! У него на губахъ были слова:—мы должны разстаться! И онъ не имѣлъ силы сказать ихъ. Онъ ушелъ, чтобы скрыть свои терзанія. Она думала, что онъ ушелъ,

подавивъ ее своимъ презрѣніемъ, что вотъ еще одинъ человекъ, котораго она теряетъ навѣки...

Она дѣйствительно потеряла его... Никогда съ такой ясностью не припоминались ей его слова, что онъ все прощаетъ человеку, кромѣ обмана.

XII.

Было утро яснаго осенняго дня. Левицкій только-что всталъ. Весь вечеръ наканунѣ онъ провелъ у невѣсты. Онъ не былъ еще объявленнымъ женихомъ, но уже вступилъ въ отправление всѣхъ его тяжелыхъ обязанностей.

Въ это утро онъ, однако, не думалъ о невѣстѣ. Надо было ѣхать въ засѣданіе. Сегодня былъ рѣшительный день. Комиссія, собиравшаяся уже не впервые, подошла, наконецъ, къ той точкѣ вопроса, по которой онъ собирався говорить. Онъ слишкомъ часто говорилъ въ такихъ собраніяхъ, чтобы волноваться отъ одной мысли, что надо говорить передъ публикой. Если онъ въ это утро блѣднѣлъ и нѣсколько разъ подносилъ къ засохшимъ губамъ стаканъ воды, причина этому была другая. Онъ зналъ, что будетъ единственнымъ представителемъ своего министерства въ этой комиссіи (тамъ былъ еще гофмейстеръ, но его, по ничтожеству, нечего было считать), гдѣ председательствовало лицо, враждебное его министру. Слѣдовательно, назначая его туда, министръ главнымъ образомъ полагался на него. Теперь или никогда онъ долженъ былъ доказать, что лучшаго

выбора онъ не могъ сдѣлать. Отъ его успѣха или неуспѣха въ комиссіи зависѣлъ его успѣхъ по службѣ.

Его новый лакей Францъ безпрестанно скакалъ по магазинамъ, отыскивая разныя книги, нужныя его барину. Довольно разсчетливый въ другое время, онъ не пожалѣлъ сорока цѣлковыхъ, чтобы купить какіе-то забытые „Труды“ давно забытой комиссіи. Книжный магазинъ, въ которомъ онъ имѣлъ свой постоянный годовой счетъ, присылалъ ему вороха разнаго хлама, радуясь случаю сбыть то, что никогда не спрашивалось. Дверь его для просителей послѣдніе дни была со всѣмъ закрыта. Въ клубѣ онъ ужъ цѣлую недѣлю не показывался.

Члены комиссіи лѣниво собирались, видимо не думая о громадной важности вопроса, который они обсуждали и за которымъ съ жадностью слѣдила литература, получая свѣдѣнія съ задняго крыльца. Послѣ всѣхъ пріѣхалъ самъ председатель Дроздовъ, весьма, впрочемъ, вѣжливо извинившись, что его задержала какая-то депутация. Въ первыя засѣданія онъ былъ аккуратенъ, какъ часы, но потомъ его все стали задерживать какія-то депутаціи.

Въ комиссіи рѣзко обозначались двѣ партіи. Одна, такъ-называемая Дроздовская, жалась къ председателю; другая (во главѣ ея, какъ думали, стоитъ самъ графъ)—сплотилась между собою. Вопросъ обсуждался ужъ другой мѣсяцъ (а если считать то время, которое онъ пробылъ въ прежней, теперь уже забытой комиссіи, то двѣнадцатый годъ). Всего было пятнадцать пунктовъ. Дроздовцы, какъ ихъ успѣли уже насмѣшливо прозвать,

весьма рѣшительные по одному пункту, по всѣмъ остальнымъ были необыкновенно осторожны. Враги ихъ напротивъ: все уступали либеральному духу времени, кромѣ именно того пятнадцатаго пункта, по которому и рѣшено было дать генеральное сраженіе.

Левицкій всталъ. Онъ началъ тихо, потирая ладонями; влажныя отъ волненія руки прилипали. Но по мѣрѣ того, какъ поднимался его окрѣпшій голосъ, руки сохли и пылали. Онъ избралъ одно лицо, къ которому постоянно обращался, потому что лицо это сидѣло прямо противъ него. Былъ ли этотъ человѣкъ молодъ или старъ, красивъ или дуренъ, онъ ничего не зналъ; онъ зналъ только, что это какой-то человѣкъ.

Съ первыхъ же словъ онъ общалъ, что рассмотреть вопросъ съ трехъ разныхъ сторонъ.

Дроздовцы насторожили уши. Свои, т. е. согласные съ министерствомъ, сидѣли скромно, вполнѣ увѣренные, что побѣда за ними. Имѣть на своей сторонѣ Левицкаго было очень важно. Его слава, какъ оратора, укрѣпилась за нимъ давно. Онъ соединялъ въ себѣ два рѣдкія въ одномъ лицѣ качества: математическую ясность ума и умѣнье вдругъ блеснуть фейерверкомъ громкихъ фразъ, всегда, впрочемъ, заранѣе приготовленныхъ: всякую свою рѣчь онъ имѣлъ написанною въ карманѣ за день до того, какъ ему нужно было говорить.

Вопросъ былъ уже рассмотрѣнъ съ одной стороны, когда вдругъ въ его лицѣ что-то дрогнуло. Онъ два раза повторилъ одно слово и... видимо потерялъ нить своихъ мыслей. Всѣ подняли головы. Онъ просилъ отдыха.

Поднялось жужжаніе голосовъ. Точно школьники, спу-

щенные со скамьи, всѣ вдругъ разомъ заговорили. Одинъ только изъ сидѣвшихъ молчалъ и, не поднимая головы, что-то писалъ. Это былъ Яковлевъ. Когда его глаза, на минуту оторвавшись отъ бумаги, пробѣжали по всей залѣ и встрѣтились съ глазами умолкшаго оратора, какая-то молнія насмѣшки блеснула въ нихъ. Онъ не былъ взволнованъ. Вѣдь для него это не былъ вопросъ жизни и смерти! Отъ успѣха или не успѣха его рѣчи не могло зависѣть никакихъ благъ и бѣдствій для него. Конечно, рѣшеніе вопроса было важно само по себѣ, какъ интереса чисто государственнаго, но онъ ни минуты не думалъ, что онъ однимъ своимъ мнѣніемъ могъ что-нибудь измѣнить или подвинуть въ этомъ рѣшеніи. Вѣдь сюда всѣ пришли съ готовыми мнѣніями. Онъ самъ пришелъ сюда, какъ на представленіе. Правда, и ему была тутъ роль, но онъ зналъ, что это роль выходного актера, котораго выпускаютъ въ концѣ, чтобы сказать: карета подана! Ему было пріятно только одно, что онъ подастъ эту карету Левицкому, который, въ числѣ своихъ другихъ благодѣяній, отнялъ у него жену.

Когда вопросъ былъ рассмотрѣнъ съ двухъ сторонъ, въ комиссіи началось волненіе. Дроздовцы почувствовали, что ихъ бьютъ. Не зная, кого выдвинуть, они какъ-то безпомощно оглядывались.

Коснувшись третьей стороны вопроса, Левицкій сдѣлался грозенъ. Онъ нарисовалъ въ такихъ ужасныхъ краскахъ будущность Россіи, если законъ не будетъ принятъ въ томъ видѣ, въ какомъ его предлагаетъ онъ и его партія, что еслибъ Россія вся была тутъ въ этой залѣ, она бы содрогнулась. По счастью, она даже и не знала, что дѣлается въ этихъ стѣнахъ.

Увлекаясь своей картиной, Левицкий самъ блѣднѣлъ и холодѣлъ. У него была способность вѣрить тому, что онъ говорилъ. Когда онъ говорилъ о привидѣнiяхъ, онъ видѣлъ ихъ передъ собой; когда онъ заговорилъ о раззоренной, обнищавшей Россiи, онъ видѣлъ ее тутъ же за столомъ: обнищавшая Россiя стояла передъ нимъ и одобрительно кивала ему. Онъ началъ съ математики и кончилъ поэзiей. Началъ съ цифръ, взятыхъ изъ всѣхъ восемнадцати томовъ трудовъ забытой комиссiи (сорокъ цѣлковыхъ не пропали) и отдохнулъ на образахъ и картинахъ. Тутъ былъ и бѣдный мужикъ, который, стоя по колѣно въ водѣ, косить ржавое болото, и французскiй афоризмъ объ ученыхъ: „si les savants se querellent souvent, les sciences sont toujours d'accord“ *) и наконецъ, русская пословица, что на правду словъ не много.

По поводу послѣдней фразы, одинъ членъ шеннулъ другому:

— Что онъ этимъ хочетъ сказать: то ли, что пословицы всѣ врутъ или то, что въ его словахъ нѣтъ правды?

Но весь блескъ, вся соль рѣчи была въ концѣ. До сихъ поръ онъ излагалъ только свои мнѣнiя, теперь онъ принялся за мнѣнiя противниковъ. Мнѣ скажутъ то и то, говорилъ онъ; или: мнѣ возразятъ такъ! мнѣ отвѣтятъ такимъ образомъ! И, дѣлая себѣ самъ возраженiя отъ лица своихъ враговъ, онъ тутъ же самъ и отвѣчалъ на нихъ. Это былъ своего рода фокусъ, за которымъ всѣ съ любопытствомъ слѣдили. А ну-ка! ну-ка!

*) Если ученые часто спорятъ, науки всегда согласны.

говорили лица слушателей: — какъ ты изъ этого вывернешься?

Двое членовъ, записавшихся на этотъ день, сидѣли съ вытянутыми лицами. Онъ все у нихъ предвосхитилъ; онъ точно заглянулъ къ нимъ въ душу и вынулъ оттуда все, что ему было нужно.

Побѣда была полная. Левицкий принималъ поздравленiя, извиняясь въ томъ, что, кажется, онъ очень тихо говорилъ.

Яковлевъ, не вставая съ мѣста, что-то торопливо писалъ. На этотъ разъ онъ былъ блѣденъ. Возвращаясь на свое предсѣдательское кресло, Дроздовъ одобрительно кивнулъ ему. Онъ отвѣтилъ ему тупымъ взглядомъ.

Когда онъ всталъ, всѣ съ любопытствомъ обернулись. Многие знали его, какъ писателя, но не знали въ лицо. Взглянувъ на Левицкаго, онъ сказалъ, что не будетъ разсматривать вопроса съ трехъ сторонъ. По его мнѣнiю, проектъ надо или принять цѣликомъ, или цѣликомъ же отвергнуть. Уничтожая первую и главную статью, уничтожаютъ все. Онъ знаетъ примѣры, когда законы издаются и потомъ отмѣняются, но чтобы можно было вновь издать законъ, въ которомъ нѣтъ главнаго, то-есть нѣтъ самаго закона, и четырнадцать параграфовъ написаны для того, чтобы уничтожить пятнадцатый—этого онъ никогда не слыхалъ. Онъ нисколько не удивляется теперь, что прежняя комиссiя работала надъ этимъ вопросомъ десять лѣтъ и не могла придти ни къ какому заключенiю. Нѣтъ сомнѣнiя, что она поступила такъ же, то-есть сначала обезглавила проектъ, а потомъ стала обсуждать его.

Опираясь на эту точку, онъ не сталъ слѣдить за

противникомъ во всѣхъ подробностяхъ, но не могъ, однако, отказать себѣ въ удовольствіи два раза уличить его въ томъ, что его цифры невѣрны.

Левицкій отвѣчалъ ему. Отвѣчали всѣ почему-нибудь считавшіе себя задѣтыми. Въ комиссіи поднялась буря. Сторону Яковлева принялъ Дроздовъ и тѣмъ самымъ голосомъ, какимъ онъ гремѣлъ когда-то въ судѣ, призывалъ всѣхъ къ порядку. Было уже поздно. Всѣмъ хотѣлось ѣсть. Нѣкоторые уже уѣхали. Оставшіеся кричали еще громче. Гофмейстеръ, который отъ пяти до шести всегда дремалъ, вдругъ проснулся и тоже что-то кричалъ.

Обѣ стороны разетались, каждая съ убѣжденіемъ, что побѣда на ея сторонѣ. Но Левицкій, какъ умный человекъ, не могъ не сказать себѣ, что это одна изъ тѣхъ побѣдъ, о которыхъ пишутъ въ реляціяхъ, что войска побѣдоносно отступаютъ, молодецки оставляютъ свои позиціи и все натыкаются на превосходныя силы непріателя.

XIII.

Въ тотъ день, какъ все это происходило, Нина сидѣла у своихъ. Старикъ Огневъ совсѣмъ впалъ въ дѣтство и на обѣденномъ столѣ раскладывалъ пасьянсъ. Лиза нѣсколько разъ осторожно намекала, что пора подавать обѣдать, но онъ раскричался, растопался и не позволилъ накрыть на столъ, а черезъ минуту уже слезливымъ голосомъ жаловался, что его сживаютъ со свѣту; куда ни садеть, все говорить: нельзя.

Къ обѣду пришелъ Козловъ съ какимъ-то господиномъ.

Его приходъ видимо сконфузилъ Лизу, у которой не было ничего лишняго къ обѣду и непріятно удивилъ Нину. Одинъ только старикъ сталъ добродушно расспрашивать его о здоровьѣ и, пользуясь случаемъ, рассказалъ тутъ же кстати и о себѣ.

— А я вотъ плохъ, очень плохъ! жаловался онъ. — По ночамъ не сплю... Голова все болитъ. Заниматься ничѣмъ не могу. Ужъ не знаю, чѣмъ мы и живемъ.

Последнее время онъ всѣмъ жаловался на свою бѣдность, даже и людямъ, мало ему знакомымъ.

— Вотъ еще все кое-какъ-тянемъ, а ужъ чѣмъ, и не знаю.

Въ своей наивности онъ и не подозрѣвалъ, что Лиза давно ужъ распродала по частямъ его библіотеку. Въ его кабинетѣ, этой прежней святинѣ, куда никто безъ позволенія не входилъ, висѣли теперь Лизины юбки, стояла на полкахъ посуда. У него не было своего угла, отчего онъ ходилъ и къ Лизѣ, и въ кухню, всѣмъ мѣшая и вездѣ раскладывая свой пасьянсъ. Право собственности онъ сохранялъ только на одинъ ящикъ въ столѣ, гдѣ были всѣ его вещи — ножички, карандаши, гребенки, и куда до сихъ поръ онъ никого не пускалъ. У всякаго гостя, кто бы ни пришелъ, онъ непремѣнно чего-нибудь просилъ. Папиросу ли закурили, онъ папиросу просилъ, палка ли ему понравилась, онъ говорилъ:

— Вотъ бы мнѣ такую палку!

Во время обѣда Нина сидѣла молча. Да и всѣ вообще молчали; говорилъ одинъ гость. Онъ все что-то рассказывалъ о какихъ-то книгахъ, какихъ-то знакомыхъ, о

своей дѣятельности въ провинціи. Стараясь попасть въ тонъ Козлову, онъ вдругъ пустился разсказывать, что онъ не помѣщикъ, а собственникъ, что имѣніе это такъ, тѣфу! а главная его цѣль изученіе народа.

— Вы зачѣмъ же, спросилъ Козловъ: — барыши-то съ нихъ берете?

— Какіе барыши?

— Да съ аренды-то. Тысченокъ пять положите въ карманъ.

Гость клялся и божился, что нѣтъ.

— Вы посмотрите, какъ я живу! говорилъ онъ. — Вѣдь ко мнѣ не всякій и поидеть.

Жилъ онъ, дѣйствительно, скуповато, какъ простой мужикъ, ѣлъ щи и кашу.

Послѣ обѣда гость еще съ часъ посидѣлъ, но, замѣтивъ, что онъ всеѣмъ, наконецъ, надоѣлъ, откланялся. Старикъ возился съ картами; Лиза убирала со стола, Нина осталась съ Козловымъ.

— Ну-съ, такъ какъ же? спросилъ онъ, бросивъ на нее косвенный взглядъ.

Видно было, что разговоръ былъ у нихъ о чемъ-то раньше. Нина медленно подняла голову.

— Нѣтъ, сказала она тихо. — Я не могу ѣхать.

Козловъ ничего не отвѣтилъ и потянулся за шапкой.

— Послушайте! остановила его Нина. — Вы, можетъ быть, не такъ меня поняли. Я остаюсь не потому...

— Чтò вы точно оправдываетесь, перебилъ онъ съ досадой. — Это ваше дѣло.

Она печально взглянула на него.

— Вы это такъ только говорите. Въ душѣ, я знаю, вы укоряете меня въ малодушіи. Да, можетъ быть, вы

правы... Я сама начинаю думать, что была бы плохой вамъ помощницей.

— А что, какой нынче день? спросилъ вдругъ старикъ, собирая карты, чтобы начать новый, вѣчно несходившійся пасьянсъ.

— Пятница! отвѣчала Нина машинально.

— Знаю, что пятница. Какой день, я спрашиваю? повторилъ онъ сердито.

Дочь не поняла.

— Какое число, ты хочешь сказать?

— Не число, а день! крикнулъ онъ, выходя изъ себя.

— Да я не понимаю тебя, чтò ты хочешь...

Старикъ вскочилъ и съ такой яростью бросилъ карты, что онѣ разсыпались по всей комнатѣ.

— Нѣтъ, ты понимаешь!.. Ты понимаешь, а ты говорить со мною не хочешь... Модницы! франтихи! сороки!..

Онъ ушелъ въ другую комнату и долго, слышно было, что-то ворчалъ тамъ. Послѣ оказалось, что онъ спрашивалъ, какой день: постный или скоромный.

— Вотъ! сказала Нина, показывая на него глазами. — Всю жизнь работать, голодать, биться, какъ рыба объ ледъ, знать, что былъ честенъ до конца, что каждая копейка досталась тяжелымъ трудомъ, что за какой-нибудь кусокъ хлѣба платилъ своимъ здоровьемъ — и для чего? Чтò потомъ?.. Дойти вотъ до такого состоянія, быть въ тягость себѣ и другимъ, и сознавать это, и просить себѣ смерти, какъ милости. За что, скажите, все обрушивается на одного? За что одного судьба доколачиваетъ, а другого..

— Вы не такъ вопросъ ставите. За что? Такого во-

проса нѣтъ. Наука его не признаетъ. Есть вопросъ „почему“. На тотъ она отвѣчаетъ.

— Я не науку спрашиваю, а васъ. Вы зовете меня трудиться, жертвы приносить... Кому? для чего? Чтобы умереть гдѣ-нибудь подъ заборомъ! чтобы видѣть, что ты оплевана, осмѣяна, что никто знать тебя не хочетъ.

— Я вамъ и не обѣщала, сказалъ Козловъ рѣзко, — что вы за это на водку получите. Я вообще, какъ вамъ извѣстно, награды ни выше, ни въ томъ мірѣ, ни въ этомъ не признаю... А если вы меня плохо поняли, такъ это ужъ вина ваша.

— Знаете что? сказала она вдругъ. — Вамъ должно быть очень хорошо живется:

— Вы что же это такъ грустно говорите! Вамъ завидно что ли?

— Нѣтъ, не то... А, впрочемъ, можетъ быть и завидно. Козловъ усмѣхнулся.

— Такъ, такъ, значить! сказалъ онъ послѣ небольшого молчанія. — Вы мнѣ завидуете, моей счастливой долѣ, но испытать ее не хотите...

Она опустила голову и ничего не отвѣтила.

— Прощайте, Лизавета Алексѣевна! крикнулъ онъ въ дверь. — Я ухожу.

— Пойдите! (Нина сдѣлала движеніе къ нему). Не уходите такъ. Мы разстанемся врагами... Я этого не хочу. Послушайте... Впрочемъ, нѣтъ все равно...

Онъ остановился, ожидая продолженія.

— Нѣтъ, ничего... прощайте! Мнѣ и самой пора.

Она отвернулась, отыскивая свою шляпку. Лиза вышла къ нимъ и напомнила ей свою просьбу, чтобы она поинтересовалась ей покупателя для какой-то книги, которую

на охотника можно продать дорого, а такъ она пойдетъ ни за что. Нина обѣщала, хотя рѣшительно не знала, къ кому ей обратиться. Развѣ вотъ что! вспомнила она: пойдти къ Левицкому.

При одной мысли о немъ, краски сбѣжали съ ея лица и зловѣщій блескъ показался въ глазахъ. Идти къ тому, кто два года не переставалъ унижать ее! чья любовь даже была оскорбленіемъ для нея!..

— Что за вздоръ! рѣшила она. — Я иду къ нему за дѣломъ.

XVI.

Левицкій только-то вернулся изъ комиссіи. Расположеніе духа его было самое отвратительное. Онъ перебиралъ въ умѣ все, что онъ могъ бы сказать и, однако, не сказалъ въ засѣданіи. И эта мысль, что онъ въ своей отвѣтной рѣчи былъ ниже всякой критики, бросала его въ жаръ. Онъ ходилъ по комнатамъ и курилъ папиросу за папиросой, стараясь въ облакахъ табачнаго дыма погасить свое волненіе.

Никогда онъ не чувствовалъ такой пустоты около себя, какъ въ этотъ вечеръ. Не было ни одного существа, съ которымъ онъ могъ бы подѣлиться своими мыслями. — Нѣтъ, рѣшительно, честолюбіе вздоръ! рѣшилъ онъ. — Надо подумать о другомъ. Надо поскорѣй жениться. Все хоть живой человѣкъ будетъ въ домѣ!

Онъ постарался представить себѣ свою невѣсту въ роли любящей жены, но изъ этого какъ-то ничего не выходило. Она всякій разъ представлялась ему въ ви-

зитномъ платьѣ, съ большимъ вкусомъ одѣтой и принимающей у себя директора, вице-директора, правителя канцеляріи и, наконецъ, самого графа. Но такъ, одну, въ этой пустой комнатѣ, съ нимъ вдвоемъ, онъ никакъ не могъ ее представить. Мысль его невольно неслась къ другой.

Да, еслибы она была здѣсь!.. вотъ на этомъ самомъ диванчикѣ у камина. Онъ сидѣлъ бы рядомъ и смотрѣлъ въ ея большіе, сѣрые глаза, держалъ бы въ своихъ рукахъ ея руки, слышалъ бы неровное бѣненіе ея пульса и читалъ бы въ ея душѣ, полной муки, томленія, сладкихъ надеждъ и борьбы...

Да неужели же никогда онъ не скажетъ ей, что онъ любитъ ее? Неужели мысль о завтрашнемъ днѣ будетъ всегда сковывать ему уста? Завтра! Но вотъ оно это завтра! Какъ долго онъ о немъ мечталъ и вотъ оно во всей его отвратительной наготѣ!

Вдругъ кто-то позвонилъ. Звонокъ этотъ ударилъ ему прямо въ сердце. Онъ былъ взволнованъ до смѣшнаго. Онъ даже спрятался за дверь, чтобы видѣть, кто вошелъ, оставаясь незамѣченнымъ самъ. Еще нѣсколько дней назадъ, Францу было отдано приказаніе не принимать вечеромъ никого. Онъ не успѣлъ еще отмѣнить его слѣдовательно, Францъ откажетъ.

— Дома Павелъ Сергѣевичъ?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Когда же онъ будетъ?

— Не могу вамъ сказать.

Она! Онъ отворилъ дверь и голосомъ, котораго самъ не узналъ, сказалъ что онъ всегда дома для друзей.

Не было сомнѣнія, что она знаетъ все! Его неудачу,

тоску одиночества и странное поведеніе ея мужа. Она пришла загладить то, что сдѣлалъ человекъ, который, увы! былъ такъ близокъ имъ обоимъ.

Онъ стоялъ въ дверяхъ, ожидая, чтобы ушелъ Францъ, снимавшій съ нея бурнусъ.

— Францъ! ты дашь намъ чаю, сказалъ онъ повелительно и, пожавъ руку гостѣ пропустилъ ее впередъ.

Въ кабинетѣ топили каминъ. Вся комната была во мракѣ, кромѣ одного только маленькаго уголка, облитого какъ заревомъ краснымъ отблескомъ догорающихъ углей. На диванчикѣ, гдѣ онъ сидѣлъ недавно, лежала еще шитая подушка и раскрытый портсигаръ. Онъ поспѣшилъ снять то и другое, чтобы очистить ей мѣсто.

— Я вѣдь не надолго! сказала она, какъ бы испугавшись этого движенія.—Я къ вамъ съ просьбой.

Она стала рассказывать, въ чемъ состояла ея просьба. Онъ разсѣянно слушалъ ее, думая о другомъ.

— Что съ вами? спросила она отодвигаясь. — Вы чѣмъ-нибудь разстроены?

— Да, сказалъ онъ вдругъ, какъ бы очнувшись.— Да, мнѣ нынче не хорошо. Но не будемъ говорить объ этомъ. Своимъ приходомъ вы разогнали эти тучи. Дайте мнѣ посмотрѣть на васъ. Вы нынче такая свѣженькая, розовая...

— Это отъ холоду, возразила она поспѣшно.

— Вамъ холодно? Хотите я васъ согрѣю?

И, не дожидаясь ея отвѣта, онъ взялъ сзади диванъ и вмѣстѣ съ ней подвинулъ къ огню. Горячій свѣтъ угольевъ упалъ на ея сѣрое платье, на ея руки, сложенные на колѣняхъ, на бѣлую пуховую косынку, ко-

торую она не сняла съ плечъ. Глаза ея искрились и чуть-чуть вздрагивали изъ подъ полуопущенныхъ рѣсницъ.

— Скажите мнѣ, началъ онъ, останавливаясь сзади и взявшись руками за низкую спинку дивана. — Вы прямо изъ дому или были еще гдѣ-нибудь?

— Я была у своихъ.

— Я такъ и думалъ. Вы не видали вашего мужа?

— Нѣтъ, проговорила она отрывисто.

Онъ не зналъ, что вотъ уже два мѣсяца, какъ они почти не говорили. Исторія съ письмомъ не осталась безъ послѣдствій: между ними наступилъ тотъ внутренній разрывъ, послѣ котораго возвращеніе къ прошлому становится невозможнымъ. Съ ея стороны было еще колебаніе, какъ бы ожиданіе чего-то; но онъ весь ушелъ въ себя. Онъ не рисовался, говоря, что не прощаетъ обмана. — Онъ вдругъ съ корнемъ вырывалъ изъ сердца память о человѣкѣ. Гордость не позволяла ей сдѣлать попытки къ сближенію; да это было бы и бесполезно; онъ былъ злопамятенъ. Онъ блѣднѣлъ, встрѣчаясь съ нею, и только еще слышавъ ея шаги, спѣшилъ запереться у себя.

Она не выдержала, наконецъ; сама разъ вошла къ нему и сказала, что такъ долше жить нельзя. Онъ отвѣтилъ, что самъ думалъ объ этомъ. Мѣсто въ провинціи почти уже обѣщано ему. Онъ уѣдетъ туда, а она останется въ Петербургѣ продолжать свои занятія и такимъ образомъ, все сдѣлается само собой, безо всякой огласки. Онъ не можетъ предложить ей хорошаго обезпеченія, но во всякомъ случаѣ будетъ высылать ей часть своего жалованья. Онъ все это такъ

просто, безъ малѣйшаго волненія, объяснилъ ей, точно по векселю ей платилъ, что она тутъ только поняла, какъ давно было принято имъ это рѣшеніе. Объясняться было бесполезно. Отъ денегъ она отказалась и на вопросъ, чѣмъ она будетъ жить отвѣтила:

— Какъ-нибудь проживу.

Онъ внимательно посмотрѣлъ на нее. Одна и та же мысль мелькнула у обоихъ. У него, что она хочетъ сойтись съ Левицкимъ, у ней, что онъ думаетъ объ этомъ. И этотъ нѣмой взглядъ укололъ ее больнѣе всякихъ словъ.

— Я васъ объ одномъ только прошу, сказала она. — Не думайте, что я оправдываюсь: это было бы глупо... Но я прошу васъ когда-нибудь на досугѣ подумать о томъ, что вся эта исторія съ письмомъ была только одна комедія... Что вы сами никогда ей не вѣрили. Вы такъ же хорошо знали, что у меня нѣтъ любовниковъ, какъ и то, что я стою здѣсь передъ вами...

Онъ остановилъ ее жестомъ.

— Я васъ объ этомъ не спрашиваю, сказалъ онъ глухо.

— Я знаю, что вы меня не спрашиваете. Вамъ пришлось бы выслушивать меня, а вы этого не желаете. Если хотите, я теперь скажу вамъ все... Да, я любила этого человѣка, вы не ошиблись. Но никогда ни однимъ словомъ, ни взглядомъ съ тѣхъ поръ, какъ я живу съ вами, я не показала ему этого. Онъ не знаетъ этого до сего дня и не узнаетъ никогда. Если тутъ была измѣна, то измѣна невольная, за которую судить меня никто не можетъ. А вы? Пришли ли вы мнѣ хоть разъ на помощь? Протянули ли вы мнѣ руку въ тяжелую

минуту, а ихъ было не мало?... Нѣтъ! вы бросили въ меня презрѣніемъ и ушли. А вы могли бы спасти меня. Да... Поздно, впрочемъ, объ этомъ говорить. Ни вамъ, ни мнѣ это позднее признаніе не нужно.

— Да, я просилъ бы васъ... (онъ всталъ) прекратить это объясненіе.

Было замѣтно, что онъ едва владѣлъ собой. Ея признаніе, что она любила другого, какъ внезапно скатившаяся на голову глыба снѣга, придавило его. Въ первую минуту ударъ оглушилъ его... Но потомъ... онъ почувствовалъ какой-то странный приступъ бѣшенства. Теперь ужъ не было сомнѣнія, что онъ былъ обманутъ. И онъ до такой степени позволилъ себѣ одурачить, что изъ рукъ этого человѣка принялъ мѣсто! эту милостыню, которую бросили ему, чтобы заплатить за его позоръ.

Онъ разорвалъ на себѣ рубашку, чувствуя, что мало воздуха; какъ звѣрь онъ заметался по комнатѣ и вдругъ съ какимъ-то стономъ повалился на подушки, чтобы скрыть въ нихъ свой позоръ, свое бѣшенство и отчаяніе...

Ея уже не было. Она вышла.

Любопытнѣе всего было то, что Левицкій ничего не зналъ объ исторіи съ письмомъ.

— Не правда ли, у меня здѣсь хорошо? говорилъ онъ, по прежнему облокотившись на диванъ и чрезъ ее плечо глядя на огонь.

— Да, отвѣтила она машинально.

— Это мой любимый уголокъ... хотя полчаса тому назадъ я переживалъ здѣсь ужасныя минуты.

— Вы?

Она медленно обернулась, но, встрѣтивъ его взглядъ, только скользнула глазами по его наклоненной фигурѣ и устремила ихъ вдаль, въ темный уголокъ комнаты.

— Что вы такъ посмотрѣли на меня? Знаете ли вы, что вы своимъ приходомъ спасли меня, можетъ быть, отъ ужасной глупости? Я хотѣлъ пойти и лично объяснитьсь съ однимъ человѣкомъ... едва ли наше объясненіе могло бы кончиться хорошо. И результатомъ этого было бы то, что я потерялъ бы васъ навѣки... (Онъ остановился и снялъ руки съ дивана). Впрочемъ, какъ знать, можетъ быть, я и теперь уже потерялъ васъ.

Она вопросительно подняла глаза.

— Я васъ не понимаю.

— Вашъ мужъ ненавидитъ меня. Если до нынѣшняго дня у меня могли быть какія-нибудь сомнѣнія, то сегодня ихъ нѣтъ!

Онъ въ сдержанныхъ, но горькихъ словахъ разсказалъ ей сцену въ комиссіи. Она слушала, не поднимая головы и не спуская глазъ съ синихъ огоньковъ въ каминѣ.

— Потерять его мнѣ было тяжело. Но потерять васъ...

Онъ былъ блѣденъ. Еслибы она взглянула на него, она замѣтила бы, какъ кровь постепенно отливаетъ отъ его лица, какъ побѣлѣли его губы и какой-то особенный, мрачный блескъ глазъ освѣтилъ его черты. Но услышавъ внезапно дрогнувшій въ немъ голосъ страсти, она испугалась сама. Она хотѣла встать, сказать: довольно! я уйду! и не могла сдѣлать ничего.

— Потерять васъ, продолжалъ онъ, видимо уже не владѣя собой:—знать, что не только васъ отняли у меня, но что я... я самъ виною этому...

Она сдѣлала слабое движеніе, какъ бы желая отстранить его; онъ схватилъ ея руки и какимъ-то отуманеннымъ, точно задержнутымъ кисеей взглядомъ смотрѣлъ ей прямо въ ея испуганное, окаменѣвшее лицо.

Вдругъ она рванулась. Какъ раненый звѣрь, вскочила она и отшатнулась отъ него.

— Прощайте! выговорила она, и голосъ ея зазвенѣлъ какъ фальшивая струна. — Вы больны... Вамъ надо отдохнуть.

Какъ за минуту передъ этимъ онъ былъ мертвенно блѣденъ, такъ теперь онъ весь пунцовый вскочилъ вслѣдъ за ней.

— Вы меня не такъ поняли, выговорилъ онъ растерянно.—Ради Бога, объяснитесь!...

— Послѣ... потомъ! Мы нынче все равно не поймемъ другъ друга.

Она дрожащими пальцами завязывала свою косынку.

Что-то странное происходило въ ней. Ей казалось, что кто-то схватилъ ее и съ вышины, на которой она стояла, сбросилъ ее внизъ.

Все, что два года она лелѣла, ожидая, что пробьетъ, наконецъ, часъ, когда этотъ человѣкъ полюбитъ ее, вдругъ сразу вспыхнуло, ослѣпило ее и угасло на вѣки. Внезапно, какъ вихрь, налетѣвшая страсть его не обрадовала, но испугала и оттолкнула ее. Въ пять минутъ она пережила больше, чѣмъ въ два года знакомства съ нимъ. Въ ея широко раскрытыхъ и непод-

вижно остановившихся глазахъ онъ могъ ясно прочесть вопросъ:

„И только?... И это все?..“

Какъ послѣ блестящаго, давно ожидаемаго фейерверка, который нѣсколько дней готовили и въ пять минутъ сожгли, она ощущала одинъ только удушливый запахъ дыма, какой-то страшный осадокъ горечи на душѣ.

Точно сонъ какой-то приснился ей. И лишь потомъ, оправившись отъ перваго удара, она съ изумленіемъ, почти еще не смѣя вѣрить этому, должна была сказать себѣ, что то, что влекло ее къ этому человѣку, было... только любопытствомъ.

XV.

Прошелъ годъ. Семнадцатое сентября былъ день именинъ Вѣры Бибиковой. Въ этотъ день собирались у нея родные и знакомые. Скука всегда была невыносимая; такая скука, что Бибиковъ самъ разъ не выдержалъ, забѣжалъ на минуту къ себѣ въ кабинетъ, гдѣ двое его пріятелей играли молча въ пикетъ и, бросившись съ отчаяніемъ на диванъ, громко задалъ себѣ вопросъ:

— Можетъ ли скука идти дальше?

И тутъ же самъ отвѣтилъ на него.

— Нѣтъ, не можетъ, ибо тогда человѣкъ мгновенно бы повѣсился.

Было уже часовъ девять. Именинница съ напудреннымъ лицомъ и въ ночной кофтѣ поверхъ бархатнаго

платья, ходила по комнатамъ, отдавая приказанія. Вездѣ зажигались лампы, готовились столы для картъ, для чаю, выносились лишняя мебель. Самого хозяина съ утра еще выжили изъ кабинета, гдѣ все чистилось, выколачивалось, выметалось.

Внизу кто-то позвонилъ. Вѣра сняла поспѣшно кофту и забывъ стереть съ лица пудру, пошла навстрѣчу гостямъ.

Въ какіе-нибудь полчаса гостинная стала быстро наполняться. Входили, шумѣли платьями, пріятно улыбались и разсаживались по мѣстамъ, тотчасъ же начиная скучать. Самъ хозяинъ то куда-то исчезалъ, то вдругъ, безъ всякой надобности, вертѣлся около тѣхъ гостей, которые умѣли себя занять и безъ него, и оставлялъ безъ помощи тѣхъ, которые, не зная, съ кѣмъ заговорить, весь вечеръ разсматривали одинъ и тотъ же альбомъ съ одними и тѣми же видами Венеціи. Двѣ какія-то дамы, какъ видно, ни съ кѣмъ не знакомыя, два часа просидѣли рядомъ, не открывая рта. Пріѣхали четыре генерала, неразлучные партнеры въ вистъ, и, не вступая въ пустые разговоры, сейчасъ же и пристроились къ карточному столу. Вошла кака-то дама въ фланелевомъ платьѣ, извѣстная путешественница, пріѣхавшая прямо съ пирамидъ. Вѣра ей какъ-то неестественно обрадовалась и тотчасъ же бросилась со всѣми ее знакомить.

Явился старикъ-гофмейстеръ, родной дядя имениницы, и, повторивъ, по приказанію жены, что она не такъ здорова и не можетъ быть, приложился къ племянницѣ своими холодными старческими губами. Вѣра съ участіемъ спросила, чѣмъ больна тетка, отлично

зная, что она ничѣмъ не больна и не ѣздитъ къ ней потому, что считаетъ ея мужа человѣкомъ дурного тона, а общество, которое у нихъ собирается, слишкомъ смѣшаннымъ, чтобы она могла показать ему свои кружева, брилліанты и прекрасные глаза.

Часовъ въ одиннадцать пріѣхалъ Левицкій съ женой. Онъ былъ уже женатъ около года. Она была все такъ же изящна, такъ же красиво улыбалась, мало говорила и такъ же нравилась мужчинамъ. Едва она успѣла сѣсть и занять полкомнаты своимъ парижскимъ платьемъ, какъ около нея уже образовался кружокъ. Дама, пріѣхавшая съ пирамидъ и что-то громко разсказывавшая, осталась съ однимъ только слушателемъ.

Левицкій оставилъ жену и прошелъ въ маленькую гостинную, гдѣ собрались мужчины. Изъ дамъ входила туда одна только хозяйка. Она отыскала его тамъ и съ словами: „J'ai deux mots à vous dire!“ отвела его въ сторону.

— Я не успѣла предупредить васъ. У меня будетъ Яковлевъ.

Левицкій сначала выпрямился, точно его кто въ спину ударилъ, потомъ любезно склонился.

— Mais, madame, tous ceux qu'il vous plaira.

— Скажите мнѣ прямо: вы ничего противъ этого не имѣете?

Онъ многозначительно помолчалъ.

— Извольте! Другому я сказалъ бы: ничего. Но вамъ я скажу прямо: мнѣ это непріятно.

— Ахъ, Боже мой! Я просто не знаю... Я ужасно жалѣю. Видите ли, я его пригласила потому, что этого желалъ дядя.

Глаза Левицкаго какъ-то странно блеснули. Злая насмѣшка сверкнула въ нихъ. Эти нѣсколько словъ, брошенныхъ налету, между двумя улыбками и суетой званнаго вечера, открывали передъ нимъ такую бездну челоуѣческой подлости. Этотъ Яковлевъ, челоуѣкъ безъ совѣсти и даже безъ самолюбія, упавшій до того, чтобы сдѣлать себѣ карьеру съ помощью бывшей своей любовницы и черезъ ея гостинную отыскавшій дорогу къ графу, этотъ челоуѣкъ, отъ роду нигдѣ не служившій и вдругъ получившій такое мѣсто, котораго иной напрасно сталъ бы добиваться десять лѣтъ, этотъ Яковлевъ, словомъ, сильный своей близостью къ графу, сдѣлался предметомъ исканій такого низкаго, мелко самолюбиваго и жаднаго сановника, какъ гофмейстеръ. „Чего ему? думалъ Левицкій. — Денегъ у него куры не клюютъ, одной ногой въ гробу стоитъ, дальше идти по службѣ не можетъ, потому что съ каждымъ днемъ все меньше начинаетъ понимать, что дважды два—четыре. Чего ему еще? Мѣсто боится потерять? Да вѣдь не на улицу же его выкинуть! Въ такихъ чинахъ и съ такими связями людей, какъ школьниковъ, не выгоняютъ. Вѣдь за него полъ-Петербурга будетъ просить! вѣдь одна его жена, если всю свою родню подниметъ, такъ вся гвардія ополчится. А онъ заискиваетъ въ какомъ-то Яковлевѣ! Нѣтъ, ужъ это подлость врожденная! Это болѣзнь, манія“...

И тутъ же, вспомнивъ о своемъ собственномъ положеніи, о томъ, что онъ все еще продолжаетъ служить подъ начальствомъ этого выжившаго изъ ума старика и нести на себѣ этотъ крестъ, что, несмотря на удачную женитьбу, по службѣ у него что-то затормозило, и

пока графъ управляетъ министерствомъ, надежды на повышение нѣтъ, онъ вдругъ озлобился и тутъ же далъ себѣ слово, что не подастъ руки Яковлеву, что бы изъ этого ни вышло.

Всѣ его неудачи начались съ той несчастной комиссіи, когда онъ, думая сдѣлать пріятное графу, съ такой смѣлостью защищалъ проэктъ, о которомъ, какъ потомъ оказалось, графъ именно и желалъ, чтобы онъ не прошелъ. Левицкій сначала вѣрить этому не хотѣлъ. Наученный горькимъ опытомъ, онъ сталъ послѣ этого осторожнѣе, и что бы ему графъ ни говорилъ, онъ все искалъ, нѣтъ ли тутъ какой-нибудь задней мысли. Отъ непривычки служить съ такимъ челоуѣкомъ у него просто закружилась голова. Ни одного дня онъ не былъ увѣренъ, что ему завтра не велятъ подать въ отставку. А графъ былъ всегда одинаково любезенъ. Какую бы бумагу ни принесъ Левицкій, онъ всегда хвалилъ ее и со всѣмъ соглашался. Только потомъ, глядишь, черезъ недѣлю, та же бумага возвращается къ нему, вся покрытая помарками.

Ненависть его къ бывшему другу усиливалась еще тѣмъ горькимъ чувствомъ, которое оставило въ немъ послѣднее свиданіе съ его женой. Съ того вечера, когда онъ у камина едва не признался ей въ любви, онъ не видалъ ее больше. Она вдругъ куда-то скрылась.

Вечеръ не кленлся. Только одни генералы спокойно играли въ карты, зная, что именно то и дѣлаютъ, за чѣмъ пріѣхали. Всѣ другіе точно чего-то ждали... хотя ждать рѣшительно было нечего. Весь мени удовольствій былъ исчерпанъ. Находившагося между гостями піаниста

попросили сыграть; онъ сыгралъ что-то бравурное, причемъ сидѣвшіе близко отодвинулись, а сидѣвшіе въ другой комнатѣ сказали:

— Славная вещь!

Гофмейстеръ слонялся по комнатамъ, отыскивая себѣ партнера. Вечеромъ безъ картъ онъ совсѣмъ слабѣлъ и не могъ связать двухъ мыслей. Наконецъ, отыскали какого-то правовѣда, который и сѣлъ съ нимъ въ пикетъ.

Слышно было, какъ двѣ дамы занимали другъ друга.

— Вы тутъ знаете кого-нибудь?

— Никого. А вы?

— И я никого.

— Сюда какъ ни приѣдешь, все новыя лица.

— Кто эта дама въ голубомъ?

— Ей-Богу, не знаю.

— А вотъ та въ черномъ?

— Та, кажется, сестра Бибиковой.

— А!..

И обѣ умолкли.

Въ кабинетѣ у хозяина собрались мужчины. Тамъ шелъ разговоръ о политикѣ, о производствахъ, о новыхъ книгахъ, судебныхъ дѣлахъ, объ австрійскихъ генералахъ, о женщинахъ; и не безъ того, конечно, чтобъ не проскочила иногда и сплетня.

— Такъ вотъ-съ эдакимъ-то манеромъ, рассказывалъ какой-то москвичъ съ толстой, какъ канатъ, цѣпью у часовъ и съ огромнымъ солитеромъ на пальцѣ:—являюсь я къ нему. Такъ и такъ, говорю, ваше превосходительство, защитите... „Что такое?“—Да вотъ, говорю, нѣтъ никакой возможности, о чемъ ни прошу, ничего

не разрѣшаютъ. Другимъ можно, а мнѣ нельзя. Выслушалъ онъ это меня, погладилъ усы... „Хорошо, говорить, я вамъ это устрою. Поѣзжайте, говорить, сейчасъ къ министру и жалуйтесь ему на меня. Плакать умѣете?“ — Умѣю, говорю. „Ну, плачьте. А, главное, меня ругайте!“ — Я, говорю, ваше превосходительство, не смѣю. — „Я вамъ приказываю!“ — Ну-съ, хорошо-съ. Поѣхалъ я. Выходить грозный такой! „Что вамъ угодно?“ — Да вотъ, говорю, ваше высокопревосходительство, я къ вамъ съ жалобой на генерала“. Выслушалъ. „Это чортъ знаетъ, что такое!.. Это ни на что не похоже... Онъ не въ свои дѣла вмѣшивается... Я не позволю! Я... я... я...“ И въ тотъ же день бумага: „До свѣдѣнія моего дошло... То и то, и то... А потому... Разрѣшить такому-то все“...

— Ну и разрѣшили?

— Какъ же! Его же чиновники хохочутъ.

На лицахъ слушателей выражался живѣйшій интересъ. Рѣчь шла о двухъ извѣстныхъ сановникахъ, вѣчно находившихся на ножахъ.

— А говорить мастеръ! замѣтилъ кто то изъ гостей.

— Да, подтвердилъ Левицкій. Онъ говорить, дѣйствительно, мастеръ. Я какъ-то одинъ разъ, не помню ужъ зачѣмъ, былъ у него. (Врешь, помнишь! подумалъ Бибиковъ). Выходить онъ, начинаетъ говорить; я слушаю. Прекрасно! Слова такъ и льются, точно музыка какая. И все, кажется, ясно, все понимаешь... Только кончилъ онъ, наконецъ. Выхожу я отъ него, иду себѣ и думаю: а что онъ, однако, такое говорилъ? Что-то хорошее... Думалъ, думалъ, не могу припомнить. Нѣтъ, думаю, вѣрно это у меня голова не свѣжа. Пойду я выкупаюсь.

Выкупался... Нѣтъ! не могу припомнить. Такъ и до сихъ поръ не знаю, что онъ мнѣ тогда говорилъ.

Левицкій видимо старался быть простымъ и естественнымъ, что онъ дѣлалъ всегда на вечеринкахъ средней руки, гдѣ не было лицъ, которыя могли бы ему быть полезны по службѣ и гдѣ не онъ добивался чести съ кѣмъ-нибудь познакомиться, а напротивъ, съ нимъ всякому лестно было говорить. Какъ онъ былъ сосредоточенно молчаливъ и изысканно вѣжливъ на вечерахъ у министра, такъ тутъ, напротивъ, онъ былъ добрый малый, шутилъ, рассказывалъ анекдоты.

— Нѣтъ, это что! говорилъ Бибиковъ въ углу кому-то изъ гостей.—Вы главнаго-то не-знаете. Она у него какъ-то была, онъ ее не принималъ. Потомъ она карточку у него просила, онъ не далъ, самъ потомъ хвалился. Ну, женщины этого не прощаютъ. Вы какъ хотите, а она все-таки порядочная женщина. Тамъ въ какихъ она отношеніяхъ къ графу, это вѣдь никому не извѣстно...

— Ну, какъ неизвѣстно!

— Да вѣдь мало ли что говорить. Тамъ думай, что хочешь, а для свѣта она—Аристова, и съ мужемъ живетъ. Какаѣ же она содержанка, помилуйте! А графъ, это, я вамъ скажу, такой человѣкъ... У него послѣдняя любовница простая какая-то женщина была, неграмотная. Онъ, говорятъ, нарочно такую выбиралъ, чтобъ она письмами ему не надѣдала...

— Да, такъ что же вы насчетъ того-то? (Гость показавъ глазами на Левицкаго).

— Да, такъ вотъ она его и не влюбила. А тутъ случилось такъ, что у нихъ тамъ съ Яковлевымъ что-то

вышло... Комиссія тамъ какая-то. Дерзостей они что ли другъ другу наговорили... Только въ самый этотъ день иду я по улицѣ, Яковлевъ мнѣ и попадаетъ.—Откуда вы?—Да вотъ изъ комиссіи. Лица на немъ нѣтъ; идетъ, точно пьяный. Вы, говорю, вечеромъ гдѣ?—Да нигдѣ; самъ не знаю.—Пойдемте къ одной барынѣ.—Къ какой?—Къ Аристовой.—Посмотрѣлъ онъ на меня такъ, точно я его обухомъ ударилъ. Что это, говоритъ, вамъ вздумалось? А, впрочемъ, пойдемте.—Ну, вижу человѣкъ топиться идетъ. Что, думаю, съ нимъ такое? Прошли мы, поднялись на лѣстницу, позвонилъ я.—Нѣтъ, говоритъ, я не пойду... И назадъ. Я за нимъ. Что вы?—полноте. Да куда вы теперь пойдете?—Онъ опять оставился. А въ самомъ дѣлѣ, говоритъ, вы правы, куда мнѣ теперь идти?—Отпираютъ намъ, входимъ. Меня-то ужъ знаютъ, а объ нихъ, говорятъ, какъ доложить?—Доложи, говорю, что неизвѣстный. Слышу, барыня смѣется. „Преси!“ Но только мы вошли, она бѣлѣй рубашки сдѣлалась, и голосъ пропалъ. Смотрить на насъ и ничего не говорить. А онъ улыбается.—Не узнали? спрашиваетъ. А самого тоже подергиваетъ. Что за чортъ! думаю. Вотъ на свою голову привелъ. Такъ оно и вышло.

— Да они раньше были знакомы?

— То-то и есть, что были. Ну, потомъ онъ женился, они и разошлись. А тутъ и жену для нея бросилъ.

— Я слышалъ, что жена его бросила.

— Кто ихъ, впрочемъ, разберетъ. Ну-съ, такъ вотъ сталъ онъ у нея опять бывать; она его съ графомъ познакомила. Ловкая она на это барыня! Ну, графъ видать, человѣкъ неглупый, пристроилъ его... Сначала

въ какой-то ученый комитетъ, потомъ въ редакціонный комитетъ, потомъ еще куда-то...

— Меня одно тутъ удивляетъ: что же, онъ не видитъ что ли ихъ отношеній?

— Вотъ въ томъ-то, батюшка, и штука, что это дѣло закрытое. Какія у нихъ отношенія, этого никто не знаетъ.

— Да вѣдь у нея мужъ, наконецъ, есть. Тотъ что же?

— А у того своя семья на сторонѣ, чуть ли не пять человѣкъ дѣтей.

— А что, скажите, жена Яковлева? Гдѣ она теперь?

— Пропала безъ вѣсти. Кто говоритъ—съ студентами, а кто—уѣхала куда-то.

— Чья это жена? спросилъ другой гость, подходя.

— Яковлева.

— Какого это Яковлева?

— А вонъ онъ вошелъ сейчасъ. Пойдите-ка, я пойду къ нему. Надо ихъ какъ-нибудь съ Левицкимъ развести, а то, какъ бы не вышло чего.

XVI.

Когда Яковлевъ вошелъ, наступила вдругъ общая и неловкая тишина. Онъ могъ подумать, что говорили объ немъ. Всѣмъ было любопытно посмотреть на этого человѣка, занимавшаго одно время Петербургъ и потомъ безъ вѣсти пропавшаго.

Онъ мало измѣнился за этотъ годъ. При вечернемъ освѣщеніи онъ даже выглядѣлъ какъ-то свѣжѣе. Не было больше слѣдовъ гнетущей бѣдности и унынія.

Одѣтъ онъ былъ хоть и не съ иголки, но какъ человѣкъ порядочнаго общества, держался свободно и только лихорадочный, возбужденный взглядъ минутами измѣнялъ ему.

— Жену видѣли? встрѣтилъ его Бибииковъ.

— Какъ же. Я сейчасъ отъ нея.

Онъ медленно, и какъ бы отъ нечего дѣлать, обвелъ всѣхъ глазами и прямо передъ собой увидалъ Левицкаго, который умышленно не замѣчалъ его, продолжая съ кѣмъ-то разговаривать.

— Ну, что, какъ? Рассказывайте, какъ дѣла! говорилъ Бибииковъ, подвигая ему стулъ.

Яковлевъ не сѣлъ. Онъ встрѣтилъ старыхъ знакомыхъ и подошелъ къ нимъ. Черезъ минуту Бибииковъ уже забылъ о немъ и о томъ, что не нужно, чтобы они встрѣчались съ Левицкимъ, и сидѣлъ на краю стола, объясняя кому-то исторію одной кассационной жалобы.

— Мнѣ странно, сказалъ вдругъ Левицкій, возвышая голосъ, — что вы этому удивляетесь. Развѣ это у насъ такъ рѣдко? Развѣ вы затруднитесь назвать людей, которые нынче ругаютъ правительство, а завтра ему служатъ?

— Да, да, вмѣшался вдругъ какой-то господинъ. — Какъ же, помилуйте! Спереди онъ либераль, сзади вѣрно-подданный...

— Вы думаете, продолжалъ Левицкій, что нельзя у насъ служить, напримѣръ, въ цензурѣ и жалѣть о томъ, что печать не свободна? Нельзя нынче издавать либеральную газету, а завтра служить въ полиціи? а послѣ завтра подавать проектъ объ уничтоженіи полиціи вообще? Вы думаете, что у насъ человѣкъ, выступающій,

напримѣръ, въ роли публициста, критика или обличителя, долженъ стоять нравственно выше того общества, которое онъ обличаетъ? что самый талантъ его, если только онъ талантливъ, налагаетъ на него какія-нибудь обязательства?

— Это оттого, я думаю, замѣтилъ вдругъ Яковлевъ:— что не только наши обличители, но и наши обличенія вообще довольно мелки. А, главное, мелки наши идеалы— вотъ въ чемъ бѣда... Извините! Мнѣ, кажется, съ вами знакомы...

Онъ всталъ, отдѣлился отъ своего кружка и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ Левицкому. Тотъ быстро спряталъ свою руку, видимо не желая подавать ее и, холодно взглянувъ на него, громко сказалъ:

— Да, мы съ вами знакомы.

Оба при этомъ измѣнились въ лицѣ. Левицкій вскинулъ, Яковлевъ поблѣднѣлъ. Опять наступило мгновенное, и на этотъ разъ еще болѣе неловкое молчаніе.

— Я все прислушивался къ вашему разговору, сказалъ Яковлевъ, наклоняясь надъ столомъ, чтобы закурить папиросу, скрывая этимъ свое замѣшательство и въ то же время показывая, что онъ вовсе и не думалъ подавать ему руки.—Вы, дѣйствительно, коснулись нашего больного мѣста. Но только перескочить изъ либеральной газеты въ либеральную цензуру вовсе не такъ трудно, какъ вы, можетъ быть, полагаете. И вообще смѣю думать, что война, которая ведется у насъ теперь между различными оттенками различныхъ мнѣній, это война такъ себѣ, отъ нечего дѣлать, въ ожиданіи другой войны, въ которой ужъ сойдутся враги настоящіе... Врядъ ли только мы съ вами до этого доживемъ, а пока

что-жъ... будемъ раздувать и эту легкую стычку... Можетъ быть, что-нибудь и выйдетъ! можетъ быть, достанутся и намъ дешевые лавры...

— Желательно было бы, однако, чтобы, въ ожиданіи этого,—я не совсѣмъ васъ понимаю, но это все равно—желательно было бы, чтобы всѣ знали свое мѣсто... и чтобы не было перебѣжчиковъ.

— Ну, они-то всегда будутъ. Безъ этихъ подленькихъ натуръ, которыя служатъ и нашимъ, и вашимъ, ни одно дѣло не обойдется.

Левицкій посмотрѣлъ ему прямо въ глаза.

— Меня очень радуетъ, что мы смотримъ съ вами на вещи одинаково.

— Врядъ ли мы одинаково смотримъ. Не думаю. Поэтому не думаю, что я вообще не понимаю этой схватки между людьми, у которыхъ въ сущности всѣ интересы общіе и которые только не замѣчаютъ, что быютъ свои... И чего спорять люди! Изъ-за чего копья ломаютъ!..

— Да, дѣйствительно, перебилъ Левицкій, продолжая смотрѣть ему въ глаза. — Изъ-за чего хлопотать? Особенно съ точки зрѣнія нѣкоторыхъ литераторовъ-чиновниковъ, сумѣвшихъ пристроиться въ такихъ либеральныхъ учрежденіяхъ, какъ цензурные и иные комитеты.

— И въ комитетахъ вѣдь есть разныя мѣста, перебилъ Яковлевъ. — Одни для того, чтобы получать жалованье и казенную квартиру, а другіе — чтобы дѣло дѣлать. И у этихъ послѣднихъ, какъ вамъ вѣроятно извѣстно, весьма часто даже и не спрашиваютъ, какого вы направленія. Тутъ важно, чтобы вы работали, а не

отдѣлывали себѣ казенную квартиру. Хотя, казалось бы, именно для отдѣлки квартиры направленія совѣтъ не нужно. А вотъ подите! тутъ-то именно оно и требуется, и притомъ весьма недвусмысленное. Я, напримѣръ, знаю одно лицо — именъ мы, конечно, называть не будемъ—которое формально подняло голосъ противъ разграбленія казны... противъ разграбленія вообще! а когда его начальникъ въ частности испрашивалъ себѣ пособіе къ свадьбѣ дочери, бѣдной дѣвушки, разумѣется, у которой всего триста тысячъ приданого, такъ небольшое пособіе на домашнее обзаведеніе, въ размѣрѣ семнадцати тысячъ, и когда было спрошено мнѣніе этого самаго лица, такъ оно высказалось въ такомъ смыслѣ, что, дескать, отчего же и не дать, не помочь бѣдному человѣку.

Левицкаго передернуло. Поднять или не поднять перчатку? Узнать себя или не узнать? Узнать, значить, потребовать объясненія. Но какое же тутъ можетъ быть объясненіе? Это прямо нарваться на дерзость. Скандаль! Завтра весь городъ объ этомъ заговорить.

Онъ такъ стиснулъ въ карманѣ женину лорнетку, что раздавилъ стекло и обрѣзалъ себѣ пальцы. „Подлецъ! думалъ онъ.—Вѣдь ты въ моихъ рукахъ. Мнѣ стоить только намекнуть на исторію съ брилліантами и на твою любовницу—и ты погибъ!“

Но страхъ передъ скандаломъ удержалъ его.

— Вашъ примѣръ, сказалъ онъ тихо—онъ такъ же, какъ и Яковлевъ, по мѣрѣ того, какъ приходилъ въ бѣшенство, говорилъ все тише:—вашъ примѣръ не совсѣмъ удаченъ. Нападки на чиновничество! Кто же этого не слыхалъ? Это старо; это общее мѣсто. Отчего намъ не

коснуться тѣхъ нетронутыхъ еще силъ, на которыя съ упованіемъ обращались когда-то взоры нашей молодежи. Я, напримѣръ, знаю не одного писателя, который выступалъ, какъ глава партіи, какъ апостолъ, проповѣдникъ новыхъ идей... Молодежь на его молилась, портреты его на расхватъ покупались. И что же? проходить какія-нибудь пять-шесть лѣтъ... Нашъ апостолъ сначала скрывается. Его теряютъ изъ вида. Потомъ вдругъ оказывается, что онъ выплылъ гдѣ-нибудь тамъ у другого берега и что волны житейскаго моря смыли съ него всё его вѣрованія и убѣжденія. И кончается тѣмъ, что своя же партія отрекается отъ него.

На этотъ разъ камень полетѣлъ въ Яковлева. Ни для кого не было тайной, что онъ въ молодости принадлежалъ къ крайнимъ кружкамъ, что портреты его продавались дѣйствительно и брошюры ходили по рукамъ.

Яковлевъ провелъ рукой по лицу, какъ бы стирая какое-то тяжелое воспоминаніе.

— Вы сейчасъ употребили слово „партія“, началъ онъ.—Мнѣ бы интересно было знать, какъ вы понимаете, что такое партія. Думаете ли вы, что это что-нибудь твердое, устроенное на прочныхъ основаніяхъ? Что партія—это та идея, которую она проповѣдуетъ? Или, напротивъ, что это кружокъ людей, зараженныхъ духомъ нетерпимости? что люди мѣняются и, сообразно съ этимъ, мѣняется ихъ программа? Принадлежать всю жизнь къ одной партіи — доказываетъ ли это, по вашему, твердость убѣжденій?.. Не просто ли это неспособность двигаться впередъ? Потому что принадлежать партіи, значить раздѣлять не только ея идеи, но ея ошибки, пристрастіе, нетерпимость.

— Однако, позвольте! вмѣшался кто-то изъ гостей.— Такъ можно все оправдать. Я вхожу въ какой-нибудь кружокъ, со мной не стѣсняются, предо мной откровенны, а потомъ мнѣ его ошибки не нравятся, я расклянчился и ушелъ. Да позвольте! вы уносите мои тайны, вы уносите то, о чемъ я вамъ, какъ постороннему, не сказалъ бы...

Яковлевъ усмѣхнулся.

— Неужели вы думаете, что если я узналъ вашу тайну и могу вамъ на горло наступить, такъ я непременно этимъ и воспользуюсь... Я, впрочемъ, это не первый разъ слышу. Есть люди, которые говорятъ прямо: уходить изъ своего кружка подло! У насъ каждый кружокъ смотритъ на человѣка какъ на какую-то недвижимую собственность. Точно это домъ или имѣнье, на которое купчая совершенна и конецъ! Да я перемѣнилъ свои убѣжденія... Да мнѣ, наконецъ, не нравятся люди, съ которыми мнѣ приходится имѣть дѣло. Я идеѣ сочувствую, а людямъ нѣтъ!

— Во всякомъ дѣлѣ нужна дисциплина, замѣтилъ опять тотъ же господинъ. — Никакое дѣло безъ этого не пойдетъ. Если вы оставляете за мной право говорить, что мой начальникъ мнѣ не нравится—это извѣстный афоризмъ: если носъ короля не нравится народу, онъ имѣетъ право его низложить. Это можетъ проповѣдывать только крайняя анархія...

Завязался споръ между Яковлевымъ и этимъ господиномъ, споръ, во время котораго Бибиковъ сдѣлалъ попытку увести Левицкаго. Но въ дверяхъ ихъ задержали. Вошелъ одинъ изъ генераловъ, только-что кончившихъ играть.

— Что это? О чемъ у васъ тутъ? спросилъ онъ, показывая глазами на спорящихъ.

— Такъ, объ разныхъ разностяхъ. Ну, а вы что? побѣдили или побѣждены?

— Обработалъ! всѣхъ обработалъ! замѣтилъ онъ весело.—А вы тутъ, слышу, все спорите. Дай, думаю пойду послушаю. А! Алексѣй Михайлычъ! (Онъ подаль руку Яковлеву. Тотъ машинально, въ жару спора, подаль свою, видимо даже не замѣчая, кому онъ ее подаетъ). Вы все копья ломаете... И все опять съ Павломъ Сергѣевичемъ... Эдакіе спорщики, право? Давайте-ка я васъ помирю. Въ чемъ дѣло?

Напрасно Бибиковъ показывалъ ему глазами, что не слѣдуетъ сводить враговъ, и безъ того уже взбѣшенныхъ. Генераль этихъ знаковъ не видалъ, а видѣлъ ихъ Яковлевъ, который, впрочемъ, не обратилъ на нихъ вниманія.

— Въ чемъ дѣло? повторилъ генераль.

— Такъ, пустяки! отвѣтилъ Левицкій.—Честно ли измѣнять убѣжденіямъ?.. и не есть ли это, напротивъ, признакъ высокаго умственного развитія!

— А, да-да-да! позвольте! Честно ли...

Генераль сдвинулъ брови, видимо приготовляясь вмѣстить въ свою голову, полную треновыхъ и пиковыхъ тузовъ, представленіе о честности. Но Яковлевъ перебилъ его:

— Тутъ дѣло въ томъ, видите ли, замѣтилъ онъ желчно:—что люди, которые мѣняютъ свои убѣжденія только тогда, когда имъ за это на водку даютъ, не понимаютъ, да, конечно, и не могутъ понять, что можно

мѣнять ихъ потому, что сама жизнь ихъ разбиваетъ, безо всякихъ подлыхъ цѣлей...

Грозная пауза послѣдовала за этимъ. Это была дерзость, явная дерзость... Молчать долѣе становилось невозможнымъ.

Левицкій, не вынимая изо рта ситары, которую онъ курилъ, отдѣлился отъ стола.

— Вы, конечно, пользуетесь тѣмъ, милостивый государь, что мы здѣсь въ домѣ у посторонняго... что мы въ гостяхъ у его жены, и я не стану вамъ отвѣчать на ваши плоскости.

— Вы не станете отвѣчать потому, что вамъ нечего отвѣтить. Да, впрочемъ, вы напрасно приняли это на свой счетъ. Вы здѣсь не одни и никто, однако, на свой счетъ не принялъ.

— Мы объяснимся потомъ! выговорилъ, задыхаясь, Левицкій. — Теперь я прошу прекратить этотъ разговоръ.

— Господа! господа! твердилъ сзади Бибиковъ. — Господа, пожалуйста...

— Извольте, я готовъ прекратить... Только будетъ ли это удобно для васъ.

Невольная причина всего этого, толстый генераль какъ-то смѣшно топтался на мѣстѣ, не зная, что ему предпринять. „Вотъ такъ врѣзался!“ думалъ онъ.

Противники какъ будто устали и на минуту разошлись. Но это была тишина передъ грозой.

— Я удивляюсь наглости людей, сказалъ Левицкій вполголоса и какъ будто своему сосѣду, но такъ, однако, чтобы быть услышаннымъ, — которые насильно

врываються въ разговоръ и притомъ еще съ человѣкомъ, который не подаетъ имъ руки...

— Милостивый государь! крикнулъ Яковлевъ, не владѣя собой. — Все, что вы говорите въ сторону, потрудитесь говорить тише.

— Пора, наконецъ, показать, продолжалъ тѣмъ же тономъ Левицкій, — что въ порядочномъ обществѣ не подаютъ руки господамъ, которые всего добиваются черезъ женщинъ.

Тутъ произошло что-то невозможное, какое-то общее смятеніе, среди котораго можно было только разобрать искаженное лицо Яковлева и испуганныя лица гостей, державшихъ его за руки. Пока длилась эта нѣмая борьба, Левицкій, которому со всѣхъ сторонъ дѣлали знаки, не спѣша вышелъ изъ комнаты.

— Голубчикъ! ну, полно! повторялъ Бибиковъ, до того испуганный, что заговорилъ вдругъ съ Яковлевымъ на ты. — Ну, брось... Что за важность.

— Да, вы правы! вырвалось, наконецъ, у Яковлева, видимо очнувшись. — Вы правы!.. Здѣсь не мѣсто. Прощайте!.. Извините, пожалуйста...

— Ну, полно! Будетъ!.. Успокойтесь...

Общество раздѣлилось на двѣ партіи. Одна пошла утѣшать Левицкаго, другіе остались съ Яковлевымъ.

— Позвольте... я ужъ знаю самъ... Извините, пожалуйста!.. Тутъ гдѣ-то моя шляпа...

Никакія увѣщанія не подѣйствовали. Рѣшили спрятать его шляпу. Онъ ушелъ безъ шляпы. Пять минутъ спустя, когда его хватились, его не было нигдѣ.

Левицкій сидѣлъ въ гостинной съ дамами и съ нервной улыбкой что-то разсказывалъ... что-то веселое. Че-

резъ полчаса, онъ, однако, всталъ и сдѣлалъ знакъ женѣ. Отъ ужина онъ отказался. Бетси покорно встала и, бросивъ прощальную улыбку своимъ поклонникамъ, пошла за мужемъ. Пока она путалась въ кружевахъ своей накидки и съ помощью двухъ или трехъ услужливыхъ кавалеровъ, которые, какъ водится, больше мѣшали, чѣмъ помогали, надѣвала свою ротонду, швейцаръ внизу кликнулъ ихъ карету.

Какой-то человѣкъ, безъ шапки и безъ пальто, стоявшій на тротуарѣ, вышелъ изъ темноты и, какъ бы самъ испугавшись своей тѣни, скрылся опять. Это былъ Яковлевъ. Онъ стоялъ тутъ полчаса подъ дождемъ, ожидая своего врага, котораго хотѣлъ тутъ же на мѣстѣ убить или вообще сдѣлать что-нибудь такое, въ чемъ самъ не отдавалъ себѣ отчета. Оружія съ нимъ не было, но въ эту минуту онъ не соображалъ ничего. Какое-то тупое, звѣрское, отвратительное чувство, какая-то волна, катившаяся непрерывно и все выше и выше поднимавшаяся, ударила ему въ голову. Кровь, казалось ему, не катилась, какъ обыкновенно, а какъ-то путалась, кидаясь то въ одну, то въ другую сторону, то заливая ему мозгъ, то вдругъ отхлынувъ и оставляя такую пустоту, что онъ держался за стѣны, чтобы не упасть. Временами ему казалось, что это не онъ, а кто-то другой стоитъ и сторожитъ врага, а онъ самъ гдѣ-то тамъ глубоко, на днѣ и ему все равно... Въ эти полчаса онъ пережилъ цѣлую вѣчность.

Сонный кучеръ зажигалъ фонари, не попадая спичкой куда слѣдуетъ. Карета подъѣхала, наконецъ; дверь подъѣзда отворилась, Яковлевъ сдѣлалъ шагъ впередъ.

— Какой холодъ! произнесъ вдругъ женскій голосъ.

Еслибъ громъ ударилъ въ эту минуту и у самыхъ ногъ его молнія вонзилась въ землю, онъ не больше испугался бы, чѣмъ теперь.

Съ нимъ была женщина!.. Онъ совсѣмъ забылъ или вѣрнѣе онъ не зналъ, что Левицкій съ женой...

— Подъѣзжайте поближе, Григорій! сказалъ тотъ же женскій голосъ.—Развѣ вы не видите, что дождь?

Тотъ какъ нарочно молчалъ. Онъ вышелъ въ своемъ драповомъ пальто съ поднятымъ воротникомъ, далъ сѣсть женѣ, вскочилъ и захлопнулъ дверцу. Карета тронулась, блестя фонарями и покатилась, разбрызгивая грязь.

Левицкій такъ никогда и не узналъ, что его ожидало въ этотъ вечеръ, не будь съ нимъ его жены.

— XVII. —

Въ ту же ночь, часу въ первомъ, въ квартирѣ Аристовыхъ, когда хозяина не было дома, а хозяйка собиралась спать и убирала себѣ на ночь волосы, раздался рѣзкій, убійственный звонокъ.

Это былъ Яковлевъ.

— Барыня не спитъ? спросилъ онъ.

— Не знаю-съ. Кажется, не спятъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! крикнули ему.—Идите... Что такое?

Онъ, какъ былъ безъ фуражки, безъ пальто, весь мокрый, забрызганный, въ грязныхъ сапогахъ, вошелъ къ ней въ спальную. Она молча отступила. Онъ былъ такъ страшенъ, съ волосъ у него текло, глаза какъ-то дико смотрѣли, что слова замерли у нея на языкѣ.

— Не ждали?! Я, впрочемъ, не надолго. Дайте-ка мнѣ рюмку вина.

— Что такое? Случилось что-нибудь?

— Ничего не случилось, а просто я... Я пришелъ сказать, что довольно!.. Мы больше видѣться не должны.

— Да постой... Ты вина просилъ. Я тебѣ сейчасъ принесу.

— Нѣтъ, да я въ здравомъ разсудкѣ говорю... вы не думайте! Тутъ вино не поможетъ... А, впрочемъ, дайте! Чортъ знаетъ, какое отвратительное чувство!

Марья Михайловна взяла свѣчку, ключи и пошла въ буфетъ за виномъ. Онъ бросился на диванъ. Времени, какъ ему показалось, прошло ужасно много прежде, чѣмъ она вернулась. Онъ съ жадностью выпилъ рюмку.

— Дайте еще! сказалъ онъ отрывисто.

Она нерѣшительно взглянула на него и налила еще.

— Ну, теперь отлично... Теперь слушайте! Я больше бывать у васъ не могу... Разные подлецы говорятъ, что вы меня вывели въ люди... Публично мнѣ это говорятъ, понимаете!

Выраженіе жалости исчезло съ ея лица и внезапно смѣнилось испугомъ.

— Да что такое? повторила она.—Что случилось?

— А то, что... А вотъ что! (Онъ приподнялся, хотѣлъ что-то объяснить, но вдругъ махнулъ рукой и сѣлъ опять). Э, все равно!.. потомъ...

— Объяснись, ради Бога!

Онъ отрицательно покачалъ головой и легъ съ ногами на диванъ. Двѣ рюмки свалили его.

— Послѣ!.. потомъ! пробормоталъ онъ. — Потомъ я расскажу... Успѣется. Ты напомни мнѣ завтра.

Черезъ пять минутъ онъ спалъ. Она долго въ камъ-то оцѣпенѣнн стояла надъ нимъ; потомъ взяла съ кровати подушку, осторожно подложила ему подъ голову и, опустившись тутъ же рядомъ на кресло, закинувъ руки за голову, сидѣла такъ съ полузакрытыми глазами, думая о своей безумной и несчастной любви къ нему.

Онъ вернулся къ ней, но онъ не любилъ ея и не скрывалъ этого. Тогда какъ прежде... было не то! Она сумѣла удержать его, она скрыла отъ него свое прошлое и обманула его... Его, предупреждавшаго, что обмана его любовь не переживетъ! Случай открылъ ему все. И онъ молча оттолкнулъ ее, чтобъ жениться на другой.

Съ того памятнаго ей вечера, когда онъ вернулся къ ней, такъ же какъ теперь, съ отчаяніемъ въ душѣ, какъ идутъ топиться,—прошелъ цѣлый годъ. И вотъ теперь, оглядываясь назадъ, она видѣла, что этотъ годъ не принесъ ей ни одной радости. Вспомнился ей еще одинъ памятный ей день, когда графъ сдѣлалъ страшную сцену ревности и она, выведенная изъ себя его требованіями, чтобы она оставила Яковлева, чуть не выгнала его вонъ. Умный и тонкій старикъ, этотъ образецъ хитраго вельможи, котораго до сихъ поръ никто еще не могъ провести, совсѣмъ потерялъ голову, наговорилъ ей невозможныхъ вещей и бросилъ ей, наконецъ, въ лицо обвиненіе, что она пристроила къ нему своего любовника. Въ это самое время позвонилъ Яковлевъ. Въ жару спора, оба взволнованные, негодующіе, неомнившие себя, они не слышали звонка. Дѣвушка, привыкшая къ тому, что Яковлевъ входилъ

безъ доклада, не нашла нужнымъ предупредить ихъ. Онъ вошелъ въ ту минуту, когда его тучный соперникъ, весь багровый и потрясая шляпой, которую держалъ въ рукѣ, говорилъ:

— А! я ничего не сдѣлалъ для васъ! ничего?... Вы забыли мѣсто, которое я далъ этому вашему... г. Яковлеву!

— Это мѣсто, ваше сіятельство, сказалъ Яковлевъ, отворяя и тотчасъ затворяя за собой дверь, — вы можете, когда вамъ угодно, взять назадъ...

Графъ до того былъ изумленъ, что вдругъ, неизвѣстно для чего, надѣлъ себѣ на голову шляпу и такъ остался.

— Если вы сами признаете, продолжалъ Яковлевъ, — что мѣсто дано мнѣ не потому, что я способенъ его занимать, а потому, что обо мнѣ просила женщина.

— Милостивый государь, произнесъ графъ грозно: — вы здѣсь лишній! потрудитесь выйти.

— Кто изъ насъ лишній, объ этомъ рѣшить хозяйка. Но не совѣтую вамъ ставить вопросъ такъ рѣзко. Я думаю, что мы, какъ порядочные люди, могли бы объясниться и такъ. Я попросилъ бы только милую хозяйку оставить насъ на одну минуту.

Онъ посмотрѣлъ выразительно на Марью Михайловну, которая, вся еще пунцовая отъ недавняго гнѣва, но съ глазами, помертвѣвшими отъ испуга, стояла между ними. Она хотѣла что-то возразить, но онъ еще разъ посмотрѣлъ на нее и она, молча, вышла.

— Я васъ не задержу, началъ Яковлевъ, остановившись противъ графа, но не глядя на него. — Вы любите эту женщину, я ее самъ когда-то любилъ... Но позвольте мнѣ быть съ вами откровеннымъ. Мнѣ очень жаль,

если вы ей вѣрите. Одно то, что мы можемъ здѣсь съ вами встрѣчаться въ этой нейтральной гостинной, достаточно доказываетъ...

— Что одинъ изъ насъ лишній! закончилъ графъ.

— Нѣтъ. Что ревновать было бы смѣшно. Повѣрьте, что ни я, ни вы ничего отъ этого не выиграемъ, что одинъ останется, а другой уйдетъ... Впервые, если ужъ на то пошло, больше шансовъ, что останусь я, а мнѣ, смѣю васъ увѣрить, гораздо пріятнѣй встрѣчать здѣсь васъ, чѣмъ какого-нибудь цвѣтущаго брюнета. Поставимъ вопросъ иначе: положимъ, что остаетесь вы. Я, конечно, не имѣю удовольствія знать ваши вкусы, но думаю, что и вамъ, по меньшей мѣрѣ, все равно, кого вы здѣсь будете встрѣчать, меня или другого...

— Послушайте! (Старикъ подошелъ къ нему. На глазахъ у него были слезы). Неужели эта женщина до такой степени безсердечна...

— Не совсѣмъ, ваше сіятельство. Сердце у нея есть, но довольно испорченное. Наша бѣда съ вами въ томъ, что мы узнали ее не въ пятнадцать лѣтъ.

Твердость, съ какою говорилъ Яковлевъ и, въ то же время, какая-то тайная скорбь, какая-то порванная струна, слышавшаяся въ его голосѣ, разстроили взволнованнаго старика. Этотъ вельможа, мѣнявшій женщинъ, какъ перчатки, и державшій, какъ рассказывали про него, неграмотную любовницу, чтобы она не надѣдала ему письмами, на старости лѣтъ глупо и безумно влюбился въ женщину, которая завѣдомо обманывала его. Его ненависть и ревность къ Яковлеву вдругъ разрѣшилась взрывомъ какого-то старческаго, бессильнаго отчаянія, когда онъ увидалъ, что этотъ счастливый со-

перникъ его глубоко несчастливъ самъ и едва ли любить эту женщину, къ которой привело его, можетъ быть, отчаяніе.

Да, онъ правъ! Лучше имѣть соперникомъ его, прямо и откровенно объяснившася, чѣмъ какого-нибудь мальчишку, который насмѣется надъ его сѣдинами. Почему знать? Можетъ быть, онъ самъ откажется потомъ отъ своихъ правъ на нее: разбитое сердце устаетъ любить; связь эта скоро надоѣстъ ему; онъ радъ будетъ случаю сбыть ее съ рукъ. И не понимая всей низости и горечи подобныхъ уступокъ, влюбленный старикъ готовъ былъ схватиться хоть за это.

Марья Михайловна, затворившись у себя и съ трепетомъ ожидая, чѣмъ кончится эта сцена (слово „дуэль“ не разъ представлялось ей), была страшно удивлена, когда, створивъ дверь, увидала враговъ, дружески разговаривавшихъ.

Подленькія надежды старика начали сбываться. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ и его соперникъ начиналъ тиготиться своей новой или, вѣрнѣй, старой связью. Графъ съ удовольствіемъ видѣлъ, что недалеко тотъ день, когда онъ сбѣжитъ совсѣмъ. И хотя Марья Михайловна предупреждала его, что если только Яковлевъ броситъ ее, она броситъ его (на тотъ случай, чтобъ онъ не вздумалъ дать ему мѣста въ провинціи), онъ говорилъ себѣ съ тайной радостью, что все это вздоръ: лишь бы только сбыть его съ рукъ, а тамъ „съ глазъ долой, изъ сердца вонъ“!

Несмотря на сплетни, ходившія про Яковлева, и на толки о прекрасныхъ мѣстахъ, которые онъ будто бы занималъ, его мѣста были довольно скромныя, а значе-

ніе имъ придавала только его близость къ графу, тоже, впрочемъ, преувеличенная. Но было минутами и у него бѣшенное желаніе извлечь всевозможныя выгоды изъ своего положенія и, опираясь на свою любовницу, взять все, что только можно, чтобы давить людей, подобныхъ Левицкому, и съ наслажденіемъ видѣть, какъ рушатся ихъ надежды.

Проснувшись на другое утро послѣ имениннаго вечера у Бибиковыхъ, онъ съ удивленіемъ приподнялся на диванѣ, стараясь припомнить, гдѣ онъ. Былъ, должно быть, часъ шестой, потому что было еще довольно темно. Въ двухъ шагахъ отъ него на креслѣ спала Марья Михайловна. Онъ въ ужасѣ вскочилъ. Все, происходившее вчера, сразу, какъ въ зеркалѣ, представилось ему. Онъ былъ пьянъ и ночевалъ у нея. А вѣдь онъ пришелъ проститься!..

Когда она встала, Яковлева не было. Дѣвушка сказала ей, что онъ ушелъ рано, чуть свѣтъ.

XVIII.

Какъ-то разъ ему подали письмо. Письмо было отъ одного его знакомаго и наскоро увѣдомляло его о томъ, что его жена замѣшана по одному дѣлу, но по-видимому, важныхъ уликъ противъ нея нѣтъ, кромѣ переписки съ однимъ изъ скомпрометированныхъ лицъ, и весьма вѣроятно, что если онъ пожелаетъ взять ее на поруки, то ее отпустятъ. А потому онъ приглашалъ его заѣхать на минутку къ нему, чтобы переговорить

объ этомъ. Яковлевъ одѣлся и поѣхалъ. Тамъ онъ узналъ, что въ одинъ день сдѣлать этого нельзя, надо подать бумагу, представить залогъ, удостовѣреніе... Исполнивъ всѣ нужныя формальности, Яковлевъ отправился за женой.

Всю дорогу въ каретѣ онъ чувствовалъ, какъ мучительно бьется его сердце. Это не было пріятное волненіе любви и предчувствіе близкаго счастья; нѣтъ, что-то другое, сложное и мало понятное ему самому происходило въ его душѣ. Онъ старался развлекаться, глядѣть на улицы, дома, экипажи—нѣтъ! что-то вошло какъ винтъ, и вертѣлось тамъ глубоко въ мозгу, не позволяя ему забыться.

Когда его ввели къ ней, она сидѣла у стола, въ черной юбкѣ и ситцевой кофтѣ и опершись головой на руки, о чемъ-то думала или, можетъ быть, просто дремала. Звукъ шаговъ заставилъ ее обернуться... Увидавъ его, она не встала, даже не кивнула ему, но измѣнилась въ лицѣ... Губы ея задрожали и она быстро отвернулась, чтобы скрыть свое волненіе. Она сдѣлала видъ, что смотреть въ окно, что ей все равно, войди еще хоть сто человѣкъ!.. Ей ни до кого нѣтъ дѣла.

Онъ стоялъ, молча, напрасно стараясь припомнить, что ему нужно сказать.

— Я пріѣхалъ за тобой! выговорилъ онъ, наконецъ.— Ты не узнала меня?

Она обернулась съ тѣмъ же выраженіемъ равнодушія, очевидно, неестественнаго.

— Какъ же! Нѣтъ, узнала.

— Я пріѣхалъ за тобой, повторилъ онъ.

— Что-жь...

Она улыбнулась. Какая жалкая, никого не обманувшая улыбка! Когда она повернулась къ свѣту и онъ увидалъ ея пожелтѣвшее лицо, ея болѣзненный взглядъ и какое-то подавленное, тяжелое горе во всѣхъ чертахъ, сердце у него сжалось. Видно, что жизнь не ласкала ее. Почему онъ зналъ, какая драма крылась подъ этимъ напускнымъ равнодушіемъ!

Когда они остались одни въ каретѣ—точно молодые, подумалъ онъ: изъ церкви ѣдемъ!—она рѣзко и повелительно бросила ему вопросъ:

— Куда вы меня везете?

— Домой! отвѣтилъ онъ просто.

Она не сказала больше ничего и смотрѣла въ окно.

— А ты что же думала? спросилъ онъ.—Куда я могу тебя везти?

— Не знаю. Какъ я могу это знать.

Онъ тоже помолчалъ и внимательно поглядѣлъ на нее.

— Ты очень измѣнилась.

— Да? Въ какомъ смыслѣ?

— Ты перестала быть естественной.

Она еще ближе наклонилась къ окну.

— И вы ничего другого не нашли мнѣ сказать въ такую минуту, когда вы подъ присмотромъ везете меня къ себѣ на квартиру!

— Я многое могъ бы тебѣ сказать, да не надѣюсь, что ты меня будешь слушать.

— Напримѣръ?

— Что тебя привело сюда? Кто были эти люди, въ которыхъ ты увѣровала и въ руки которыхъ ты отдала свою судьбу?

Она сдвинула брови.—Что это? допросъ?

— Нѣтъ, это не допросъ. Это участіе человѣка, который все-таки, что бы тамъ ни было, желаетъ тебѣ добра.

— Благодарю! возразила она гордо.—Если это добро состоитъ въ томъ, чтобы вырвать меня изъ рукъ людей, которыхъ я уважаю—мнѣ его не нужно. Развѣ вы думаете, я не видѣла, какъ вы посмотрѣли на мою ситцевую кофту! А! эксцентричность! рисуется барыня... Вы были оскорблены въ своемъ эстетическомъ чувствѣ. Ну, и идите къ тѣмъ, которые сидятъ въ бархатныхъ платьяхъ, съ брилліантами въ ушахъ...

Онъ ничего не отвѣтилъ на это и, закусивъ губы, молчалъ. Ея рѣзкій тонъ былъ ему непріятенъ.

Когда они пріѣхали домой — онъ жилъ въ меблированныхъ комнатахъ—и онъ провелъ ее въ свой кабинетъ, она сурово оглядѣлась. Онъ видѣлъ по ея лицу, что ей было очень тяжело. Она вошла къ нему, какъ въ тюрьму.

— Я возьму еще одну комнату, сказалъ онъ,—гдѣ ты будешь совершенно одна.—Не хочешь ли ты чаю или поѣсть что-нибудь?

— Дайте что-нибудь! отозвалась она.

Въ ея голосѣ было что-то жалкое, что противъ воли измѣняло ей.

— Чего ты хочешь?

— Все равно.

Онъ вышелъ распорядиться. Когда онъ вернулся, она сидѣла, откинувшись на стулъ и закрывъ лицо руками. Ему показалось, что она плачетъ. Опять что-то дрогнуло у него. Какое-то хорошее, доброе чувство шевельнулось въ душѣ. Одну минуту ему показалось,

что онъ счастливъ или, по крайней мѣрѣ, можетъ быть счастливъ, что она вернется къ нему и они опять полюбятъ другъ друга.

— Что съ тобой? спросилъ онъ, чувствуя самъ, что голосъ дрожитъ у него.

Она отняла руки отъ лица. Нѣтъ! она не плакала. Глаза ея были сухи. Но какіе ужасные, воспаленные глаза! Она съ минуту такъ неподвижно смотрѣла на него, потомъ вдругъ встала.

— Нѣтъ! сказала она задыхаясь.—Нѣтъ! я не могу этого больше выносить. Я не останусь здѣсь. Везите меня назадъ.

— Что ты! Куда я тебя повезу?

— Назадъ! Туда же, откуда вы меня взяли. Нѣтъ, я не могу.. Ты самъ поймешь меня. (Первый разъ она сказала ему ты). Меня душитъ здѣсь. Это та же тюрьма!.. Это хуже тюрьмы. Ну, ради Бога... Я умоляю тебя...

Она схватила его за руку; онъ почти силой посадилъ ее.

— Ты сумасшедшая! вымолвилъ онъ тихо.—Ты сама не знаешь, чего ты хочешь.

И въ его расширившихся зрачкахъ, въ его грозной позѣ она опять узнала прежняго Яковлева, того, который чуть не бросилъ ее въ Швейцаріи. Было одно мгновеніе, когда она готова была покориться ему, сказать:—я остаюсь! и навсегда... Но опять злой духъ посѣтилъ ее и она вырвалась отъ него.

— Это бесполезно! выговорила она.—Ты только напрасно подвергаешь себя отвѣтственности. Я все равно уйду.

Онъ отошелъ отъ нея и, скрестивъ руки, прислонился у пристани.

къ стѣнѣ. Его взглядъ, полный скорби, остановился на ней. Нѣтъ! Это былъ не прежній Яковлевъ... Прежній такъ не смотрѣлъ.

— Поѣдемъ! повторила она.—Я тебѣ еще разъ говорю.

— Куда? Что ты говоришь! Понимаешь ли ты, что ты говоришь?

— Ты взялъ меня на свою отвѣтственность. Я не хочу быть у тебя... Я ненавижу тебя! презираю... Ты слышишь. Выпусти меня сейчасъ же!...

— Ты презираешь меня? За что же? За то, что я хотѣлъ помочь тебѣ?

— Не хочу я этой помощи! Это—униженіе, позоръ для меня... Ты великодушенъ, пусть такъ, но я не могу принять твоего великодушія, не унизивъ себя. Понимаешь ты это?!

Онъ молчалъ и вдругъ, махнувъ рукой, сѣлъ къ столу.

— Дѣлай, какъ знаешь.

— Ты ѣдешь со мной?

— Нѣтъ.

— Чего же ты хочешь?

— Ты свободна.

Онъ показалъ на дверь. Она рванулась и опять остановилась.

— Я не хочу, чтобъ ты отвѣчалъ за меня.

— Тогда оставайся.

— Я не могу остаться.

— Иди!...

Она то надѣвала, то снимала платокъ. Побѣлѣвшія губы дрожали.

— Но я не хочу, чтобъ ты отвѣчалъ за меня.

— Отвѣтственность пустая! денежная.

— Ты правду говоришь?

— Правду.

— Ну, такъ я... (Она подошла къ нему и, наклонившись, поцѣловала его въ голову). Прости меня! я ухожу...

Онъ сидѣлъ не двигаясь, только вздрогнулъ.

— Прощай! Я это буду помнить. Прощай!...

Она была въ дверяхъ, когда онъ вскочилъ.

— Несчастная! Да вѣдь у тебя вида нѣтъ. — Куда ты пойдешь?...

Она смотрѣла на него сербѣзно и печально.

— Ты лучше, чѣмъ я думала... Прощай! я никогда этого не забуду.

И быстро, не оглядываясь, вышла изъ комнаты. Онъ кинулся за ней, но вдругъ, схватившись за голову, упалъ на кресло. Онъ зарыдалъ страшнымъ, безумнымъ рыданіемъ человѣка, который слезъ не знаетъ и плакать не умѣлъ.

XIX.

Однажды утромъ за кофею, Левицкому подали газету. Онъ легко сорвалъ кувертъ и, отпивая маленькими глотками кофе, сталъ читать. Сознаніе, что есть полчаса свободныхъ и что можно тутъ же, не сходя съ мѣста, узнать, какъ идутъ судьбы міра, пріятно возбуждало мысль, не успѣвшую еще отравить себя впечатлѣніями дня. Но съ первыхъ же строкъ лицо его

потемнѣло. Онъ прочелъ о назначеніи Яковлева на одно изъ тѣхъ мѣстъ, которое сразу выдвигаетъ человѣка, на такое мѣсто, словомъ, котораго онъ самъ, Левицкій, могъ добиться только послѣ долгихъ лѣтъ труда. Вся его молодость ушла на то, чтобы открыть себѣ двери, которыя какая-нибудь интриганка открывала шутя для своего возлюбленнаго. Гдѣ же справедливость?...

Онъ всталъ, бросилъ газету и сталъ ходить по комнатѣ. Опять задымились папиросы, опять застоналъ паркетъ подъ его ногами и холодный кофе стоялъ недопитый на столѣ.

Весь день онъ былъ не въ духѣ, распекъ какого-то чиновника за ошибку, въ которой тотъ же былъ виноватъ, сказалъ женѣ, что она нынче чортъ знаетъ какъ одѣта и даже... не прѣхалъ на вечеръ къ министру.

Прошло нѣсколько дней. У гофмейстера, по случаю какого-то семейнаго торжества, былъ небольшой семейный обѣдъ. Ждали Левицкаго; Бетси пріѣхала одна, объяснивъ, что мужъ еще на службѣ, но къ шести часамъ общалъ быть. Ровно въ шесть часовъ всѣ сѣли за столъ и почти въ ту же минуту вошелъ Левицкій. Онъ былъ блѣденъ и взволнованъ.

— Господа, сказалъ онъ, я привезъ вамъ новость, которая васъ поразитъ.—Нынче въ ночь умеръ Яковлевъ.

— Не можетъ быть! вырвалось у всѣхъ.

— Яковлевъ! да я его вчера видѣлъ! воскликнулъ кто-то изъ гостей.—Я его встрѣтилъ на улицѣ; мы съ нимъ разговаривали. Онъ совсѣмъ здоровъ былъ.

— Очень можетъ быть. Онъ отравился.

Левицкій положилъ шляпу и печальнымъ взглядомъ обвелъ всѣхъ.

— Отравился... Что вы говорите! Вы видѣли его?

— Да, я сейчасъ оттуда. Я видѣлъ его... Я попросилъ бы стаканъ воды.

— Воды! повторила хозяйка, обращаясь къ лакеямъ, стоявшимъ съ изумленными лицами.

Всѣ трое разомъ кинулись исполнять приказаніе.

Левицкій взялъ стаканъ и медленно, не отрываясь, выпилъ его. Всѣ въ мертвомъ молчаніи ждали продолженія. Казалось, что смерть пронеслась тутъ надъ самими головами сидящихъ и всѣ почувствовали холодъ ея приближенія.

— Ты видѣлъ его! вырвалось, наконецъ, у Бетси.— Это должно быть ужасно.

— Да! Картина ужасная... Ужасная по своей простотѣ...

— Самъ ли онъ отравился — это еще неизвѣстно, замѣтилъ гофмейстеръ, который жилъ подъ вѣчнымъ страхомъ, что его когда-нибудь убьютъ и рассчиталъ камердинера, служившаго у него двадцать лѣтъ, прочитавъ разъ въ газетахъ, что одинъ лакей двадцать лѣтъ служилъ у господъ и зарѣзалъ своего барина.— Я такъ думаю, что тутъ что-нибудь да не такъ...

— Пойдите, да! остановила его нетерпѣливо одна изъ дочерей.—Дайте рассказать другимъ...

Левицкій рассказалъ, что Яковлевъ оставилъ письмо, въ которомъ объясняетъ, что онъ отравился самъ и даже указываетъ, чѣмъ именно: ціанистымъ кали, который и нашли у него на столѣ въ облаткахъ. Вообще вся картина смерти была такова, что позволяла безъ особеннаго труда возстановить самый моментъ ея. Его нашли лежащимъ на полу, между столомъ и кроватью.

Лицо совершенно спокойное! никаких признаков страдания, по крайней мѣрѣ, видимыхъ признаковъ его. Смерть очевидно моментальная. Когда стали его осматривать, на языкѣ у него нашли маленькую прилипшую облатку, точно такую же, какая оказалась въ коробкѣ на столѣ. Очевидно, дѣло было такъ: изъ круглой коробочки, найденной тутъ же, между разбросанными бумагами и вещами, онъ вынулъ двѣ бѣлыя облатки: два маленькіе кружочка, изъ которыхъ cadaго было достаточно, чтобы убить его. Но онъ, очевидно, боялся, что смерть не будетъ моментальная, что будетъ минута страшной борьбы, въ которую дрогнетъ его рѣшимость. Онъ принялъ мѣры... На случай, еслибъ одна не убила его, другая была наготовѣ.

Расчетъ не обманулъ его. Первая облатка не убила его. Смерть вошла, но какъ бы играя съ нимъ, не показывалась: она притаилась, скрываясь гдѣ-то тамъ, недалеко, чтобы потомъ накрыть его.

Что онъ чувствовалъ въ эти минуты? Какія картины проносились передъ нимъ?..

Вѣрнѣе всего, что первымъ его ощущеніемъ былъ ужасъ. Какъ свѣча, внесенная въ темную комнату, одна мысль должна была внезапно озарить его: то, что жизнь уже кончена, но смерть еще не наступила! что онъ живой мертвецъ... И это сознаніе, что онъ во власти чего-то неотразимаго, что не онъ самъ направляетъ ударъ, а ударъ свыше настигаетъ и сейчасъ уничтожить его, должно было сразу поднять всѣ его душевныя силы. Нѣтъ! онъ не дастъ судьбѣ насмѣяться надъ собой и бросить его на жертву мучительной смерти.

На столѣ лежала еще облатка. Онъ взялъ ее. Онъ успѣлъ еще поднести ее къ губамъ.

Но тутъ что-то случилось... Что-то такое, въ чемъ никто, ни даже онъ самъ не могъ бы дать себѣ отчета... Сила удара была страшная и моментальная. Смерть была тутъ, но человѣка ужъ не было... И въ этой комнатѣ, гдѣ недавно еще жила его мысль, гдѣ горѣла зажженная имъ свѣча, лежало написанное письмо, не было того, кто всему этому далъ жизнь.

Левицкій всталъ и въ волненіи прошелся по комнатѣ.

Дамы стали спрашивать его о подробностяхъ. Онѣ желали знать, что было еще въ запискѣ, которая осталась послѣ покойнаго. — Ничего рѣшительно! Вся записка состояла изъ четырехъ строкъ! Но есть, говорятъ, другое письмо. Говорятъ, что будто бы нашли у него запечатанный пакетъ съ надписью: „Моей женѣ“.

— Но гдѣ же оно? У кого оно теперь?

Левицкій молчалъ и смотрѣлъ въ пространство.

— Не умѣю вамъ сказать! произнесъ онъ вдругъ, какъ бы очнувшись. — Я даже не знаю навѣрное, было ли такое письмо. Но говорятъ, что было. Ходятъ слухи — это между нами, конечно — что его успѣло перехватить лицо, которое боялось быть имъ скомпрометированнымъ.

Всѣ еще разъ переглянулись. Въ этомъ домѣ такъ хорошо знали тайны будуаровъ и министерскихъ переднихъ, что даже, не называя по имени скомпрометированнаго лица, всѣ уже знали, о комъ идетъ рѣчь. Но лицо было такъ высоко поставлено, что прямо осуждать его не рѣшился никто. Одинъ только гофмейстеръ, по своей привычкѣ говорить не подумавши, крик-

нуль на весь столъ, что онъ готовъ пари держать, что тамъ есть что-нибудь „объ этой барынь“...

— Mais, mon ami, ne s'iez donc pas! перебила его жена. — И неужели никто не знаетъ, что было причиной этой смерти? Что его дѣла были разстроены? Или можетъ быть несчастная любовь?

— Дѣла его шли прекрасно. Онъ только что успѣлъ поправить ихъ и получить отличное мѣсто. Несчастная любовь? Не думаю. Съ женой онъ уже давно не живетъ, а его любовь къ другой особѣ, кажется, напротивъ, очень счастлива. Вообще его смерть до сихъ поръ остается загадкой.

— Я еще понимаю, замѣтила хозяйка:—еслибъ онъ покончилъ съ собою тогда... помните? послѣ этой исторіи... Когда еще бѣдная Вѣра попала въ такую неприятность.

Долго разговоръ продолжался въ томъ же духѣ. Всѣ были согласны, что убить себя два года назадъ онъ имѣлъ полное право. Но никто не могъ понять, чтобы человѣкъ, пережившій всѣ самыя тяжелыя минуты своей жизни, человѣкъ, тонувшій и вдругъ увидавшій берегъ, получившій всѣ блага жизни, человѣкъ еще молодой и бесспорно талантливый—послѣ его смерти никто въ талантъ ему не отказывалъ — вдругъ взялъ, да и отравился! Что тутъ было? Какая драма тутъ крылась?..

Левицкій не ошибся. Письмо дѣйствительно было... хотя прочесть его суждено было не женѣ.

„Ты никогда не любила меня — я это знаю — можетъ быть, потому я и пишу къ тебѣ. Ты самый стро-

гий судья мой, а уходя изъ этой жизни, я не хочу снисхожденія.

„Что я, однако, скажу тебѣ? Что въ моей душѣ адъ и отчаяніе? Это неправда! Отчаянія нѣтъ во мнѣ...“

„Какая это старая штука жизнь! Войди ничтожной пылинкой въ общую гармонію міровъ, совершить все, что слѣдовало по закону и уничтожиться съ сознаніемъ, что законы эти я постигъ, но измѣнить ихъ не въ силахъ.“

„Странно, какъ бѣгутъ мои мысли! Вся машина въ ходу и работаетъ изъ послѣднихъ силъ... А еще вчера ползли въ головѣ не мысли, а какіе-то обрывки мыслей, тяжелые, неясные, мертвые...“

„Мнѣ остается еще два часа жизни, и въ эти два часа я долженъ сказать все. Два часа! Какъ много, чтобы умереть, и какъ мало, чтобы успѣть все высказать!“

„Хотѣлось бы мнѣ поговорить съ тобой о моемъ прошломъ... Да стоитъ ли? Зачѣмъ говорить о прошломъ? Развѣ настоящее не въ тысячу разъ ужаснѣе его? Развѣ человѣкъ, который теперь пишетъ тебѣ, взысканный вдругъ милостями судьбы, внезапно увидавшій, какъ растворились передъ нимъ двери, въ которыя онъ стучался, какъ успѣхъ улыбнулся ему и онъ призванъ на пиръ вмѣстѣ съ другими, развѣ это не самый жалкій и несчастный человѣкъ. Идти въ этомъ мірѣ успѣховъ, гдѣ нужно давить другихъ, чтобы не быть раздавленнымъ самому, гдѣ высохшее сердце горитъ только однимъ ненасытнымъ желаніемъ наступить на горло другому, и на каждое мѣсто сотни кандидатовъ, схватившихся за него жадными руками... да неужели это то, къ чему я самъ еще такъ недавно стремился?“

„Успѣхъ! Великое слово!.. И чѣмъ дальше отъ него, тѣмъ сильнѣй его обаяніе. Но когда подойдешь ближе и дотронешься рукой до этого холоднаго призрака, какое странное ощущеніе! Такъ и кажется, что тронулъ руку мертвеца... Когда нужда стояла за моей спиной, дѣла мои были запутаны и выхода я не видѣлъ, когда презирать меня было почти долгомъ каждого порядочнаго человѣка, заботы жизни убивали страшный голосъ совѣсти. Но теперь, когда всѣ двери снова открылись передо мной, и всѣ подають мнѣ руку, и милостивая улыбка вельможи сняла съ меня пятно моего прошлаго... что теперь?..

„Когда у тебя будутъ страшныя минуты отчаянія и ты увидишь, что все рухнуло передъ тобой, что твои надежды обмануты, цѣли не достигнуты и жизнь, милостивая къ другимъ, добиваетъ тебя, знай, что есть чувство ужаса и отвращенія къ жизни, постепеннаго отравленія ею... Убитыя надежды воскресаютъ вновь. Le roi est mort, vive le roi! Отчаяніе проходить, потери забываются. Но когда нѣтъ силъ ненавидѣть, когда новаго счастья не ждешь, а стараго не жаль и нѣтъ уже такихъ надеждъ, которыя, сбываясь, наполнили бы сердце восторгомъ, вотъ гдѣ ужъ конецъ! полный и безвозвратный конецъ...

„Еслибы жизнь давила меня по прежнему, я, можетъ быть, имѣлъ бы силы прожить еще лѣтъ десять. Но она устала меня преслѣдовать, она все дала мнѣ... все, что можно дать человѣку, у котораго молодость осталась за плечами и силы угасли, и Боже! какая злая шутка! все дала, кромѣ одного: желанія жить.

„Ты молода. Судьба твоя, хотя и невеселая, полна еще обѣщаній. Ты вѣришь въ будущее и ждешь, что пробьетъ когда-нибудь и твой часъ. Моли судьбу только объ одномъ, чтобы она не поразила тебя въ этомъ лучшемъ и драгоцѣннѣйшемъ чувствѣ твоёмъ, въ твоей вѣрѣ въ другихъ и въ себя. Помни послѣднія слова человѣка, который вѣрить не умѣлъ и палъ разбитый, чтобы больше не подняться.

„Послѣднія слова! Да неужели это все, что я могъ и хотѣлъ сказать тебѣ? Нѣтъ ли еще какихъ-нибудь теплыхъ словъ?.. Нѣтъ! Теплаго уже ничего я не скажу тебѣ. Холодъ смерти стоитъ надо мной...

„Два часа... Въ три я долженъ умереть. Это первый долгъ, который я плачу аккуратно. Странно! Я вдругъ вспомнилъ, что не простился съ дѣтьми. Бѣдныя дѣвочки мои!.. Я думалъ о васъ вчера, думалъ сегодня и вдругъ въ самую рѣшительную минуту забылъ. Должно быть, это оттого, что вы еще только входите въ жизнь, а я ужъ ухожу изъ нея. Не лучше ли будетъ для васъ, чтобы вы теперь же поскорѣй забыли вашего несчастнаго отца!..

„У сосѣдей гости. Я слышу, какъ они поужинали и собираются уходить. Какъ жаль, что я надѣлаю столько хлопотъ этимъ добрымъ людямъ. Всѣ они прибѣгутъ завтра смотрѣть на меня, стараясь прочесть на моемъ лицѣ исторію моихъ послѣднихъ минутъ.

„Смерть такая интересная гостья, что всякій спѣшитъ заглянуть ей въ лицо, чтобы узнать, зачѣмъ она приходила“.

Тутъ видимо былъ перерывъ. Нѣсколько подалѣе было приписано крупнымъ и неровнымъ почеркомъ:

„Прощай! я умираю...

„Боюсь только, что судьба и тутъ посмѣется надо мной и смерть не возьметъ меня сразу. Кто это знаетъ въ самомъ дѣлѣ, съ какой минуты она наступаетъ? И человѣкъ, умершій для другихъ, умеръ ли дѣйствительно? Что если тамъ гдѣ-нибудь, въ самой глубинѣ, остается искра сознанія?.. И этотъ холодный трупъ, который вы завтра найдете здѣсь, лишенный чувства, движенія, всякаго общенія съ видимымъ міромъ, живетъ еще нѣсколько часовъ, живетъ своей, вамъ незнакомой жизнью?...

407/у красн
ИЗДАНИЯ КНИЖНАГО МАГАЗИНА.

«НОВАГО ВРЕМЕНИ».

Невскій просп., № 60; ОТДѢЛЕНИЕ въ МОСКВѢ, на
Никольской, д. Ремесленной управы.

**Систематическій сборникъ рѣшеній Гражданскаго Кассационнаго Департа-
мента Правительствующаго Сената за 1877 годъ.** Составили
А. Боровиковскій и В. Герардъ, присяжные повѣренные. Томъ
первый. Матеріальное Право. Томъ второй. Судопроизводство
Спб. 1879. Ц. 6 руб., въ переп. 6 руб. 40 коп.

Царство протистовъ. Очеркъ низшихъ организмовъ съ научнымъ
прибавленіемъ системы протистовъ З. Генкеля. Переводъ съ нѣм.
И. Устюжанинова подъ ред. и съ примѣчаніями З. Н. Брандта.
Съ 58 рис. въ текстѣ. Спб. 1880. Ц. 1 руб. 20 коп.

Бильротъ. Т. Общая хирургическая паталогія и терапія въ 50-ти
лекціяхъ. Руководство для учащихся и врачей. Переводъ съ 8-го
нѣм. изданія дополненнаго и исправленнаго д-ровъ Н. Гей-
наца и Д. Фридберга. Спб. 1879. Ц. 4 руб. 50 коп.

Розенталь. Общая мышечная и нервная физиологія. Перев. съ нѣм.
подъ редакціей профессора императорской медико-хирургиче-
ской академіи И. Тарханова. Спб. 1879 г. Ц. 2 руб.

Русская библиографія. Годъ первый (1878). I. Систематическій ката-
логъ книгъ, напечатанныхъ въ Россіи въ 1878 г., съ указаніемъ
газетныхъ и журнальных рецензій. — II. Систематическій
указатель журнальных статей на 1878 г. — III. Статистическій
очеркъ книгопечатнаго дѣла въ Россіи. Составили. А. Г. и
Н. С. Выпускъ I. Систематическій каталогъ книгъ. Спб. 1879 г.
Ц. 1 руб. 50 коп.

Тоже. Вып. II. Очеркъ книгопечатнаго дѣла въ Россіи. I. Наши
библиографическіе указатели. — II. Книгопечатное дѣло въ
Россіи до Петра Великаго. — III. Матеріалы для статистики
книгопечатнаго дѣла. Составилъ Н. С. Спб. 1879 г. Ц. 1 р.
50 к. Сброшюрованнымъ обоемъ выпускамъ вмѣстѣ 2 р. 50 к.

Альбомъ. Группы и портреты В. Крестовскаго (псевдонимъ). Содер-
жаніе: У фотографа. — II. Въ судѣ. — III. Риднева. — IV. Веря-
гинъ. — V. Между друзьями. — IV. Счастливые люди. Ц. 1 р.
75 к.

Баритонъ. Романъ В. Крестовскаго (псевдонимъ). Спб. 1879 г.
Ц. 1 р. 50 к.

Первая борьба. (Изъ записокъ). В. Крестовскаго (псевдонимъ). Спб.
1879 г. Ц. 1 р.

Въ ожиданіи лучшаго. Романъ В. Крестовскаго (псевдонимъ) въ 2-хъ
частяхъ. Спб. 1880 г. Ц. 2 р.

Повѣсти. В. Крестовскаго (псевдонимъ):

I. Старыя дѣвы: Стоячая вода. — Пансіонерка. — Братецъ.

II. Матери: Домашнее дѣло. — Два памятные дня. — Свиданіе. Спб.
1880 г. Ц. за двѣ части 3 р. 50 к.

5845
1880

РОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
NATIONAL LIBRARY OF RUSSIA

ОТДЕЛ ВНЕШНЕГО ОБСЛУЖИВАНИЯ
DEPARTMENT OF EXTERNAL SERVICE

191069, РОССИЯ, С.-Петербург, Садовая ул., 18
18, Sadovaya st., St.Petersburg, 191069, RUSSIA

КОНЕЦ
END